

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»
Международный благотворительный фонд имени Д.С. Лихачева
Союз краеведов России
Кафедра региональной истории и краеведения
Российского государственного гуманитарного университета

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия — XX век»

ПО КРУПИЦАМ

РОССИЙСКИЕ ШКОЛЬНИКИ ОБ ИСТОРИИ XX ВЕКА

Сборник работ лауреатов Всероссийского конкурса
исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия — XX век» 2011–2013 годов

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
П41

Издательская программа Международного общества «Мемориал»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» проводится при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонда Фридриха Науманна за свободу» (Германия) в Российской Федерации, Фонда Кёрбера (ФРГ)

Издание осуществлено при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» и Фонда имени Генриха Бёлля

Редакционная коллегия Александр Даниэль, Лариса Еремина, Елена Жемкова, Татьяна Касаткина, Никита Охотин, Ян Рачинский, Арсений Рогинский (председатель)

Редактор-составитель Ирина Щербакова

Подготовка текста Николай Гладких, Любовь Гришина, Елена Калашникова, Оксана Михайлова

Дизайн обложки Сергей Андриевич

Фотография на обложке Николай Бобров, 1949 / Агентство «ФотоСоюз»

П41 По крупицам
Российские школьники об истории XX века: Сборник работ лауреатов
Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия — XX век» 2011–2013 годов
М.: Мемориал; Новое издательство, 2013. — 348 с.: ил.

ISBN 978-5-98379-180-0

В сборник вошли работы российских школьников — лауреатов Всероссийского исторического конкурса «Человек в истории. Россия — XX век» 2011–2013 годов. Работы рассказывают о раскулачивании и Большом терроре, судьбах интеллигенции в 1920–1930-х годах, Великой Отечественной войне, блокаде и эвакуации, повседневной жизни советских людей в 1950–1980-х годах, Карибском кризисе, Чернобыльской аварии, распаде СССР и перестройке.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-98379-180-0

© Международное общество «Мемориал», 2013
© Новое издательство, 2013

Содержание

Ирина Щербакова. «Насущный хлеб» памяти 7
Гонтер Заатхоф. «У прапрадеда нет могилы» 10

Семейные хроники

Анастасия Ларина, Артем Харитонов. Семейные хроники:
Дневники и переписка семьи Беллюстиных 1918–1928 годов 15
Алексей Пойлов, Марина Пойлова. Судьба простой русской
женщины XX века 40
Анастасия Заварзина. «А дух славянский жив и будет жить вовеки,
ибо с нами Бог наш»: судьба семьи Семиз на фоне российской истории
30–60-х годов XX века 54
Александра Катеман. Хлеб наш насущный: из истории моей семьи 70

По ту сторону правды

Алексей Губанов, Ольга Павлюченко, Артем Рыжонков. Люди города N 81
Татьяна Симонова. Раскулачивание: «освободили от вещей,
не оставили и шей!» 98
Дмитрий Васильев. Калинин, 1933: дело о так называемой фашистской
организации 109
Екатерина Самкова. Он, она и «Карельское дело» 118
Дарья Шевченко. «В 1938 году верховное нетерпение было —
расстреливать!» 132
Ксения Якимова. По ту сторону правды 146
Кристина Городная. Приговоренный к смерти: жизнь и судьба
Арона Фарберова 159

Сеем на решето...

Татьяна Трашкова. «Я не верила, что буду жить...» 171
Эрик Малык. С пальто, бидоном и тремя детьми через пол-Европы 182
Лариса Мартиросян. Цветущий сад 198
Алена Елисова. «И каждый думал и молчал о чем-то о своём...» 209

Человек в условиях...

Татьяна Симонова, Светлана Деревщикова. Сельский учитель 225
Юлия Шеянова. Засуха: человек и власть в условиях природного
бедствия 241
Антонина Столбовская. Куба — рядом! Участие моих земляков
в советско-кубинских отношениях в 60-е годы XX века 256
Дарья Главина, Сергей Юров. Тень Чернобыля: воспоминания
матвеево-курганцев о Чернобыльской катастрофе 275
Ольга Доильницына. «Ах, эта свадьба, свадьба... пела и плясала!» 292

Из СССР... в Россию

Оксана Кондрашова. Когда мы были нищими миллионерами 311
Даниил Мочалов. В Малиновке жизнь была, конечно, не малина... 322
Маргарита Барыкина, Сергей Симаков. Проблемы межнациональных
отношений на постсоветском пространстве, или «Почему мы друг друга
не любим?» 333

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век» 344
Жюри конкурса «Человек в истории. Россия — XX век» 346

«Насущный хлеб» памяти

Ирина Щербакова,

Международное общество «Мемориал»

Предлагаемый читателям новый сборник работ российских школьников, присланных на конкурс «Человек в истории. Россия — XX век» в 2012–2013 годах, — уже 14-й по счету. За 14 лет получилась целая книжная полка с настоящей энциклопедией российской памяти о XX веке, составленной поколением «нулевых».

Но интерес представляют, на наш взгляд, не только собранные за эти годы школьниками (вместе с их учителями и родителями) и хранящиеся в архиве «Мемориала» тысячи исторических свидетельств, документов, человеческих историй, из которых мы смогли опубликовать лишь очень немногие. Важно, что благодаря этим работам можно проследить, как трансформировалась память о XX веке на протяжении последнего десятилетия, как изменялись за эти годы взгляды и представления, темы и сюжеты.

Самое очевидное — а мы старались отбирать для сборника наиболее характерные работы — это уход свидетелей тех трагических событий, которые коренным образом перевернули жизни и судьбы в России в первой половине XX века. Еще десять лет назад, когда школьники описывали эту эпоху, главным источником для них были живые носители памяти. Но сегодня это в основном разного рода и разным образом обнаруженные или путем долгих поисков добытые документы. Опора не столько на живые устные воспоминания, сколько на письменные источники все чаще придает семейной истории (а история семьи — одна из важнейших тем конкурса) форму исторической хроники, составленной из писем, дневников, документов и фотографий. Это создает трудности для юных авторов: им порой нелегко комментировать и расшифровывать такие материалы, сложно понять, а главное, представить себе то, что происходило за 70 лет до их рождения.

Но это, нам кажется, не умаляет значения архивных находок, которых много в этом сборнике. Например, переписка семьи Беллустинных, из которой вырастает редкий по силе и трагичности рассказ о повседневной жизни российских интеллигентов во время Гражданской войны и в 20-е годы. Или записи в тетрадке, оставленные едва освоившей грамоту прабабушкой юных авторов из Волгограда, которая задолго до их рождения описала свою полную тягот и лишений жизнь.

Но и поиски документов в последние годы становятся все более трудным занятием. Попасть в архивы не только старшеклассникам, но и их учителям и родителям сегодня гораздо тяжелее, чем было еще несколько лет назад. Но даже если удастся найти документы, например, получить следственные дела — да еще

сразу и на прабабушку, и на прадедушку — учителей карельского языка, арестованных по обвинению в шпионаже в пользу Финляндии, — то их правнучке, школьнице из Твери, очень трудно анализировать абсурдные показания из этих дел, сфабрикованных во время Большого террора. Тут возникает еще одно важное обстоятельство — фактически никаких знаний о сталинском терроре, механизме массовых репрессий занятия в школе по истории не дают, а в нынешних обстоятельствах и не могут дать.

Но зато появилось то, чего не было в первые годы школьного конкурса, — широкое использование школьниками Интернета. Конечно, сеть не может заменить живое общение с историческими свидетелями, но Интернет помогает порой установить неожиданные связи, найти людей, упомянутых в документах, проследить их судьбы. Например, в работе, посвященной судьбе семьи Семиз, владимирским школьникам удалось обнаружить связь авторов найденных ими писем с Анной Ахматовой, собрать сведения об эвакуации Эрмитажа, о жизни ленинградской интеллигенции во время блокады и многое другое.

Но есть и еще одна важная вещь, которая проявляется в работах последних лет. Отсутствие свидетелей и не восполненные белые пятна семейной истории заставляют наиболее любопытных и пытливых из наших авторов с поразительным упорством искать стершиеся следы — например, место захоронения расстрелянного в Туруханске прадеда и всех, кто вместе с ним проходил по кулацкой операции 1937 года, или восстанавливать судьбы без вести пропавших во время войны односельчан и родственников в татарской деревне, бороться за реабилитацию семьи российских немцев, стремиться восстановить добрую память о тех, кого долгие годы считали дезертирами, кулаками, врагами народа.

Конечно, авторы многих работ по-прежнему опираются на рассказы свидетелей, но эти свидетели — бабушки и дедушки сегодняшних школьников — рассказывают уже о временах и событиях гораздо менее кровавых и трагических: о 60–80-х годах XX века. Это подробные описания повседневной жизни в российской глубинке, рассказы о сером и трудном быте, когда жизненное время уходит на доставание вещей и продуктов, когда помнится каждая успешная «добыча» вроде пары белых туфель для невесты или букета цветов. Но благодаря таким живым деталям юные авторы улавливают дух времени, передают ощущение застоя, развала системы. Нарисованная ими картина провинциальной советской повседневности вольно или невольно разрушает популярный сегодня миф о якобы благополучно-счастливой брежневской эпохе. Не только описание постоянной битвы за сравнительно «нормальную» в советских условиях жизнь работает на эту демифологизацию, но и примеры бесправия людей, жизни которых власть бездумно и бессмысленно подвергает риску, посылая в Афганистан или на ликвидацию Чернобыльской аварии.

Наиболее живыми и личными — и это тоже характерно для работ последних лет — получаются те из них, где сами авторы выступают в роли исторических свидетелей, когда включается и их собственная или еще «близко лежащая» память. Это касается эпохи 90-х, пережитого многими семьями распада СССР, когда

приходилось бросать дома и квартиры и искать пристанище в России, начиная все с нуля. Это попытки разобраться в том, как сказались на жизни их близких реформы, как проходила приватизация, как это выглядело в их родных местах, где полученные ваучеры обменивали на мешок сахара или индюшку. И это попытки разобраться в одном из самых тяжелых явлений сегодняшней жизни — в причинах недоверия и нелюбви к чужим, к приезжим и просто к другим...

Конечно, сохранить живую передачу памяти другим поколениям едва ли возможно, но, как мы видим по многим работам, возможна передача личного и семейного опыта, включение его в широкий исторический и культурный контекст, как возможно и осознание хода и движения истории и своего собственного места в истории. Включение семейной памяти с ее «насущным хлебом» создает живую традицию и настоящую преемственность, которой так не хватает в российской исторической памяти.

Об этом пишет в своей работе школьница из Петербурга, показывая эту связь, эту историческую преемственность на самом простом примере — передаче кулинарных рецептов — от прапрабабушки, которая была кухаркой у принца Ольденбургского, до нынешних времен:

Семейные обеды, праздничные застолья — часть нашей семейной культуры. За столом мы рассказываем о прошедшем дне, слушаем воспоминания взрослых. Я думаю, мне и моей сестре удастся сохранить эту традицию. Мы едим блюда, которые теперь, когда мы знаем их историю, являются для нас отголосками времени... Ненаписанная кулинарная книга моей семьи — это книга воспоминаний. Читая ее, я переживаю историю своей семьи. Кулинарные традиции — ниточка, которая связывает у нас разные поколения, разные времена. Каждый раз, когда мы садимся за стол, мы чувствуем эту связь. Умение сохранять традицию способствует сплочению семьи, помогает выстоять в трудных обстоятельствах, что как раз и было проверено на примере моих близких.

«У прапрадеда нет могилы»

Гюнтер Заатхоф,

Фонд «Память, ответственность и будущее»

Эти слова Дарьи Шевченко из Туруханска относятся к очень многим людям, чьи судьбы исследуют и восстанавливают школьники, принимавшие участие в историческом конкурсе «Мемориала». Это те, кто были расстреляны во время Большого террора 1937–1938 годов, это пропавшие без вести на полях сражений Второй мировой войны в 1941–1945 годах, это лежащие в безымянных могилах в Германии, там, где были концлагеря и лагеря для военнопленных.

Но что это означает: нет могилы? Это значит, что нет места, куда можно было бы прийти, чтобы помянуть своих близких. Это значит, что люди, как правило, очень мало знают о судьбе погибших родственников. Страх и травма от пережитого долгие годы заставляли многие семьи молчать о том, что случилось с их близкими. Угроза репрессий, официальный запрет упоминать о жертвах усиливали это молчание (а в большинстве случаев являлись его причиной).

В своей работе Дарья Шевченко представляется читателям как потомок своего прапрадеда: «Я праправнучка сосланного в Туруханск и расстрелянного в Туруханске Фёдора Григорьевича Долгинского, и мы, его потомки, живём в Туруханске». Она нарушила семейное молчание, начала поиски информации о прапрадеде и, таким образом, прибавила нечто важное и к своей идентичности. Ее взаимосвязь с судьбой предка совершенно очевидна: ведь если бы его не сослали в Туруханск, ее семья и она сама сегодня там бы не находились.

И в сочинениях других школьников также часто звучит поразившее их авторов понимание: если бы мои предки тогда не выжили, меня бы сегодня не было на свете. Таким образом, давняя история становится конкретной и личной. Она становится интересной — и более того, она начинает определять собственное «Я» автора.

Уже в одном этом заключена большая польза, которую приносит конкурс: школьники узнают, кто они и откуда происходят. Расспрашивая своих близких или других исторических свидетелей о том или ином событии, они начинают разговор о прошлом в своей семье, деревне, школе и прорывают, таким образом, пелену молчания. Собирая информацию в архивах, они возвращают своим семьям их историю, а тем, кто лежит в безымянных могилах, — их имена.

«Я рада, что эти воспоминания войдут в историю нашего семейного архива. Благодаря этому конкурсу я многое узнала о своей прабабушке, ведь об этих

событиях в нашей семье подробно не знали, потому что прабабушка не любила об этом вспоминать», — пишет Татьяна Трашкова из Великих Лук. Ее прабабушка была во время войны угнана немцами на работу в Германию, в город Любек.

Работа Татьяны начинается словами: «Четыре моих прадеда воевали. Двое из них пропали без вести. Все попытки родственников отыскать их могилы после войны не принесли результата».

Война, немецкое нашествие, мужчины, ушедшие на фронт; военнопленные и угнанные, ставшие жертвами рабского труда в Германии, возвращение на родину, которая встретила их очень сурово, — об этом рассказывают многие работы сборника. И немецкий Фонд «Память, ответственность и будущее» поддерживает исторический конкурс «Мемориала» в том числе и потому, что его участники, рассказывая о трагической и полной боли общей истории Германии и стран бывшего Советского Союза, в своих исследованиях не ходят по «проторенным дорогам».

Алена Елисова начинает свою работу с такого наблюдения: «Мой прадед, Усман Тенишев, прошедший через всю войну, никогда не смотрел фильмы и передачи о войне. „Неправда всё это, не было такого“, — таков был его ответ на вопрос, почему он уходит от телевизора».

Алена проследила военные судьбы многих своих родственников и нарисовала очень сложную и неоднозначную картину. Заканчивая свою работу, она подводит итог: «В жизни всегда есть место подвигу и предательству, так было и будет. Можно стыдиться, а можно гордиться прошлым своей страны. Но и в том, и в другом случае важно знать, помнить и хранить настоящую, подлинную историю, как бы горька и обидна она ни была».

Трудно лучше сформулировать задачу, которую ставит перед собой и Фонд «Память, ответственность и будущее», — задачу сохранять память о преступлениях национал-социализма и увековечивать память о жертвах, извлекая из этого уроки для современности.

Понимание того, что надо поворачиваться к горьким и тягостным страницам прошлого, потому что иначе оно «не проходит», является серьезным достижением исторического конкурса, который проводит «Мемориал».

И еще одна важная вещь: этот конкурс стимулирует способность критически подходить к источникам и таким образом поощряет стремление школьников к независимым суждениям и оценкам. А это — одно из основных условий для стимулирования гражданской активности, участия в развитии демократических процессов и самостоятельных поисков исторической правды. Потому что интерпретация истории и культура памяти должны основываться на реальном историческом знании, независимых и объективных исследованиях, а не на идеологических схемах.

Конкурс «Человек в истории. Россия — XX век» широко известен во многих регионах Российской Федерации. Он, несомненно, способствует формированию будущего общества, потому что участвующие в нем молодые люди, которые потом займутся самой разнообразной профессиональной деятельностью, получают очень важные импульсы для своей дальнейшей жизни.

И за это — моя признательность и благодарность обществу «Мемориал».

семейные хроники

Семейные хроники

Дневники и переписка семьи Беллюстиных 1918–1928 годов

Анастасия Ларина, Артем Харитонов
г. Владимир,
научный руководитель В.С. Бузыкова

Наша работа посвящена изучению уникальных исторических документов — дневников Всеволода Константиновича Беллюстина, известного российского педагога, работавшего с 1912 по 1916 год директором народных училищ Владимирской губернии, и писем его старшего сына Константина. Мы занялись восстановлением судьбы этого человека, связанного с историей образования в нашем крае. Самой большой удачей явилось личное знакомство с внуком нашего героя — Николаем Сергеевичем Беллюстиным, который проживает сегодня в Нижнем Новгороде и является хранителем семейного архива и исследователем рода Беллюстиных. Он прислал нам сканированные дневники своего деда, охватывающие период с 1907 по 1925 год, а также письма его старшего сына Константина Всеволодовича 1916–1930 годов. Судьбы В.К. Беллюстина и его сына Константина — крупницы в огромном трагическом водовороте истории России XX века.

ДНЕВНИК ВСЕВОЛОДА КОНСТАНТИНОВИЧА БЕЛЛЮСТИНА

1918 год

К сожалению, за 1918 год Всеволодом Константиновичем сделано очень мало записей в дневнике, но и они дают возможность увидеть тот хаос, в который погрузилась страна за несколько месяцев правления новой власти, власти большевиков.

1 января 1918 года Всеволод Константинович пишет:

Год теперь очень тяжелый и разговоры тяжелые... С начальницей семинарии Зоей Вл. рассуждали о том, что в январе месяце может не быть ни жалованья, ни стипендий. Что-то будет со всеми? Наша семья еще протянет, а вообще-то многим придется очень туго.

Но Всеволод Константинович ошибался, надеясь, что его материальное и социальное положение позволят ему преодолеть начавшиеся трудности. Прошло еще два месяца, и 3 марта появляется запись:

В институте сейчас живется трудно. Да и вообще живется слишком нелегко, тяжело. Властвуют большевики, т.е. предатели, сумасшедшие, отбросы и глупцы. В институте 30–31 января мне было выражено недоверие, а затем отменено. Я впал в уныние и даже малодушие. Перспектива действительно была страшная — остаться без всего в такое безалаберное время. Хорошо, что гроза на этот раз прошла.

Еще совсем недавно Всеволод Константинович был уважаемым человеком, педагогом-методистом, имя которого было широко известно российским учителям. В каждой губернии считалось большой удачей получить его согласие на участие в учительских курсах. Его книга «Как постепенно дошли люди до настоящей арифметики» поставила его в ряд с лучшими просветителями России начала XX века. И всё это больше ничего не значило. Другой причиной, угнетающей и раздражающей Всеволода Константиновича, является включение его в работу разных общественных организаций и комитетов.

Главным образом, хлопочу в потребительской лавке и в квартальном комитете, — записывает он в дневнике. — В лавке я через неделю исправляю обязанности казначея. В квартальном комитете я председатель, собираемся еженедельно.

Таким образом, вся жизнь педагога Беллюстина заполнена теперь не педагогической работой, а какими-то другими делами и заботами: собраниями, комитетами, союзами, потребительскими лавками и другой работой.

О резком ухудшении быта семьи говорит следующая запись от 3 марта 1918 года:

Спал плохо из-за блох. Квартира тесновата и отчасти сырая, полной чистоты навести не удастся, белье меняем редко, потому что дорого стоит стирать, да и белья-то мало, потому что дорого стоит его заводить.

Но самая большая проблема — это невозможность купить продукты. Их стали нормировать по социальному признаку, выдавать не за деньги, а распределять то по месту проживания, то по месту работы, то по школам. Это привело к полной неразберихе.

На лето 1918 года семья Беллюстиных уехала в свой дом во Владимир. Здесь у них оставалась корова, был сад, которые стали спасением семьи от голода. «Молоко было в это время главным нашим питанием», — пишет в дневнике Всеволод Константинович.

Приехав в Нижний Новгород, семья Беллюстиных первым делом стала заботиться о заготовке овощей. Целыми днями всей семьей они таскали мешки с городского огорода.

Весь день посвятили на переноску овощей, — пишет Всеволод Константинович. — Принесли с городского огорода 5 мер картофеля, 4 меры свеклы и 2 моркови... Перетаскивали пудами или мешочками и корзинами примерно через каждые 50 сажен...

Эти несколько страничек дневника Всеволода Константиновича Беллюстина 1918 года дают возможность увидеть тяжелое положение людей, в которое их поставили исторические события 1917 года.

1919 год

В 1919 году записей в дневнике Всеволода Константиновича также немного. Первая сделана 8 марта по старому стилю. Он пишет, что появилась горечь во рту из-за плохого питания:

Едим теперь всё и ничем не пренебрегаем. Всякая корочка на учете и мы ей рады. Картофель мороженый, безвкусный — главное наше питание.

В Нижнем Новгороде Всеволод Константинович теперь живет только со старшими детьми: Костей, Раей и Сережей. С ними также живет старая няня. Раиса Львовна с младшими детьми уехала к себе на родину в Лемдяй Пензенской губернии. О положении в городе свидетельствуют строчки:

Покупать теперь почти ничего не приходится, потому что ничего не продают. За бешеные деньги, говорят, всего достать можно. Вместо чая давно уж, с осени, пьем воду. И ничего себе, вода не хуже, чем чай, конечно, вода горячая.

Новая запись появилась только 9/22 мая 1919 года. Всеволод Константинович остался в Нижнем один, так как занятия у старших детей в апреле закончились и он отвез их в Лемдяй. Читать об этих поездках без сострадания невозможно:

Мы двинулись в Лемдяй в среду 24/7 мая, хотя пытались сесть на поезд еще 23 апр. — 6 мая, но не влезли в вагон. С утра мы засели в товарный вагон. К вечеру доехали до Лукоянова. Тут у нас отцепили паровоз для мобилизованных; мы стояли в Лукоянове ночь и половину дня. Холодно, тесно, спать трудно. С 2-х часов дня попали на товарный поезд, на тормоз; с большою скорбью, с мольбами и плачем, с постоянными просьбами у кондукторов, с угощением папиросами разных товарищей добрались к полуночи до Тимирязево. Это было 25 апр. — 8 мая. Утром 26 апр. — 9 мая выехали со служебным поездом до Саранска.

От Саранска до Лемдяя Всеволод Константинович с детьми шел пешком 35–37 км.

8 сентября Всеволод Константинович описывает свое путешествие в Большой Вьяс Пензенской губернии, где он получил место заведующего школой 2-й ступени. Эти поездки по России в первые послереволюционные годы читаются как триллер.

С четверга 29 августа отправился в путешествие во Вьясс. Поезд отошел из Н. Новг. в 10 ч. В пятницу 30 авг. в пути: до 4 ч. к Арзамасу, с 4 до 11 стояли в Арзамасе. К вечеру прибыли в Тимирязево, перебежали для ускорения в дровяной поезд и к полночи были в Рузаевке. Сидели до полудня в поезде к Воеводскому. Доехали до Симбухово в 2 ч дня. Пешком во Вьясс. Остановились в школе 2 ступени. Переговоры с учителями и волостным советом в воскресенье и понедельник. К вечеру пешком до Воеводского. Попали под дождь; ветер и темнота. На тормозе товарного поезда до Разуваевки. Прибыли за полночь. Дождь на вокзале

рассвета и зашагал с Рузаевки на Лемдяй. Грязь, дождь, ветер, дорога длинная и утомительная. Добрался уже после захода солнца. Среду 4 сентября просидел в Лемдье, в четверг 5-го попил чаю, поел и вышел в Саранске. Угодил прямо на поезд — пустой, товарный. В Тимирязево ночью. Там сели на другой поезд, с которым и плелись медленно до Лукоянова. Часа в 4 перебежали на другой поезд, на платформу с бревнами. Приехали к 10 часам вечера. Сидели до 7 часов утра в Арзамасе. Приехали в Н. Новг. к 2 ч. Натерпелся за всё путешествие холоду и останков. Кашель и зубная боль.

Такие испытания выпали на известного в России педагога, уже пожилого человека — ему в 1919 году было 54 года. Трудно себе представить его, перебегающего с платформы на платформу, едущего на платформе с бревнами, сидящего в товарном поезде, шагающего десятки километров под дождем к семье в глухой Лемдяй.

С октября 1919 года Всеволод Константинович начинает работать в Большом Вьясе. 24 октября он пишет в дневнике о том, что написал своему соседу по дому в Нижнем Новгороде «относительно вещей, которые остались у нас в квартире». Большое удивление вызывает перечень вещей, которые сегодня никто бы и за «вещи» не посчитал:

Кадка большая на дворе около погреба, кухонный стол, труба самоварная у студентов, ящики на кухне не менее 2, ящик небольшой для сиденья; на крыльце два макаронных и 1 побитый, 1 большой развихляистый. Еще осталась парта, испорченный стул, 2 горшка с трещинками, полка над кухонным столом; гардероб у студентов и верх шкапа.

Описание этого скарба показывает, до какого нищенского состояния были доведены в короткий срок люди в России, если они пытались сберечь даже ящики, самоварные трубы и полки.

И последняя запись за 1919 год сделана 25 декабря:

Часов в 5 утра ходили к заутрени все. После нее носил воду, всего три пары. Затем пили чай (кофей хлебный) с молоком; черный хлеб и немного масла. Убирали елку до полудня. Пили кофей и ели лепешки из ржаной муки пополам с горьковатой пшеничной, которая осталась у нас от старого времени. До обеда сидели около елки в масках с Митей и Леней, а Костя и Раичка ходили на репетицию школьного спектакля (Женитьба). Обедали щи со свиной. Свиная своя и по случаю праздника досталось нам по кусочку, величиной с ложку. На второе — гречневая каша из остатков гречневой муки, привезенной из Нижнего. После обеда сидел у елки и писал это.

Ярким дополнением дневника Всеволода Константиновича являются сохранившиеся у потомков письма старшего сына Кости, жившего в 1919 году в Нижнем Новгороде вместе с отцом и регулярно писавшего матери о своей жизни и учебе.

ПИСЬМА КОНСТАНТИНА БЕЛЛЮСТИНА ЗА 1919 ГОД

Михаил Афанасьевич Булгаков, который был свидетелем этих лет, в романе «Белая гвардия» написал такие строки: «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й. Но 1919-й был его страшней». Документы семьи Беллюстиных, которые мы взяли для исследования, — подтверждение правоты этих слов писателя. В семейном архиве Беллюстиных сегодня хранится около 40 писем Константина Всеволодовича Беллюстина, написанных им из Нижнего Новгорода матери в Лемдяй Пензенской губернии в 1919 году. В тот год ему было 15. Стараясь сообщить больше новостей, Константин пишет иногда сумбурно, но сегодня эти письма — настоящая энциклопедия повседневной жизни России в тот страшный год.

Костя уже вовлечен в хозяйственные заботы, знает цены, понимает, что жизнь наступила тяжелая.

Милая мамочка! Как вы поживаете? Все ли здоровы? Мы все здоровы... Керосина мы не получили, в квартальной лавке потеряли закладную. Хлеб мы получаем каждый день, но его нам остается не более половины, а остальное сушится на сухари... Сливочное масло продавали на улице по 55 рублей за фунт, почему оно у вас?.. Много ли вы запасли? Папа пошел в потребительскую, наверное, что-нибудь купит. Папа получил за курсы 600 рублей, теперь вам запасать можно больше, к весне всё подорожает. И сейчас наверно уж подорожало.

И в следующем январском письме Костя предупреждает:

Покупай больше в запас, потому что здесь купить нечего. В потребительской продается мука по 9 р. 50 к. и колбаса по 8 руб. 65 к. фунт. Папа купил того и другого.

Наесться досыта становится мечтой. Добыванием продуктов занято всё население.

Папа сегодня, т.е. в среду, хотел ехать в Лукояново за картошкой вместе с несколькими учителями от нескольких учебных заведений. Я ходил на вокзал провожать папу, но несколько человек не пришло, и дело расстроилось. Мы очень озябли, потому что был большой мороз, а вышли мы в шесть часов утра и пришли в 10.30. Папа пойдет сегодня в институт договариваться о поездке... Мамочка, приезжай скорей. У нас еще не учатся, не знаем, когда будем... Картошки мы не купили, потому что она совсем гнилая... Здесь валенки на мою ногу 100 рублей. Когда я был на Вьясе, валенки стоили 3 руб. Если и теперь так, то надо купить.

Об обнищании семьи свидетельствуют такие строчки из письма Кости:

На улице стало холоднее, идет снег. За форму отдал портнихе 6 рублей. А на ноги мне надевать нечего, потому что уштиблет нет подметок, а у сапогов стоптаны каблочки, и через один протекает вода и отстают одна подметка. Если их отнести к сапожнику, то пожалуй возьмет дорого. Хорошо бы взять рублей 8—10. А валенные сапоги протырявливаются, ну да их скоро будет не надо...

По этим письмам Кости к матери видно, что торговля любимыми товарами и продуктами практически полностью прекратилась. Введена карточная система, по которой можно что-то получить, но не наверняка, а если достанется. С каждым днем жизнь становится всё тяжелей.

Хлеба опять хотят уменьшать, — пишет он Раисе Львовне 16 марта, — на первую категорию $1/2$ фунта, на вторую $3/8$ фунта, так что нам придется 3 и $7/8$ фунта на день... между тем, как при вас давали по 7 и $3/4$ на день. Мне очень бы хотелось ехать к вам.

К Костиному письму добавляет приписку Всеволод Константинович:

У нас особенных новостей нет. Пассажирские поезда остановились с сегодняшнего дня, есть слухи, что и товарные вскоре принуждены будут остановиться. Припасы в городе исчезают и купить почти ничего нельзя.

Через несколько дней Костя пишет:

В городе стало еще голоднее, и паек еще уменьшили. Теперь мы будем получать на всех меньше каравая на два дня. Один из нашего класса, Савинов, сошел с ума от недоедания.

Общий хаос в стране отразился и на порядках в школе, на дисциплине учеников.

Я только сейчас пришел из гимназии... Сегодня у нас в гимназии дрались: кто за Коммуну и кто против. Победили, кто против.

В августе Костя вернулся из Лемдяя в Нижний с отцом. Эта поездка опять стала для них испытанием.

Придя на вокзал, папа пошел узнать, скоро ли будет поезд на Нижний, но там сказали, что это неизвестно. И вот нам пришлось сидеть там целый день и ночь до 4 ч утра. Днем я ходил за кипятком и мы пили его с вишнями; ели хлеб с вишнями и огурцами. Сперва мы сидели на платформах, но потом нас оттуда согнали и мы ушли за вокзал и сели там на траву; решали немного задач. Часов в 9 вечера мы пошли в вокзал ночевать. Сперва сидели в зале, но потом нас выгнали. Через час нас опять впустил солдат... Получивши билет, мы пошли к поезду и, так как в вагонах было тесно, залезли на крышу, откуда нас согнали. Тогда начальник станции велел прицепить два вагона, в которых народ и поместился. Мы сидели, но было тесно.

Удивительно, что даже наличие билета не гарантировало посадку в вагон. Почему пожилого человека с сыном прогоняли с платформы, выгоняли из зала вокзала? А для кого и для чего это всё было построено? И люди покорно подчинялись вооруженным солдатам. Все боялись. Вот такую «свободу» несла новая власть народу.

Жизнь в Нижнем по-прежнему была тяжелой. В течение года цены на все продукты выросли в сотни раз. Костя пишет матери в августе: «Хлеб сейчас 1200 рублей за пуд, картошка 450 рублей. Я купил себе огурец за рубль». Сообщает он также матери о том, что «скаутов разогнали, теперь существуют скауты-коммунисты», но интереса к новым скаутам у Кости явно нет.

О напряженной обстановке в Нижнем в конце августа 1919 года Костя пишет:

Говорят, в Павлове восстание и, наверное, поэтому оттуда не ходят пароходы. И поезда ходят только до Арзамаса; в Лукоянове и Саранске восстания, в Сергаче тоже; в Сергаче 25000 взятых в плен казаков вооружились крестьянским оружием и воюют.

Ухудшение жизни и опасность голода все-таки заставляют Всеволода Константиновича уехать из Нижнего в сельскую местность. Он получил должность директора школы 2-й ступени в селе Большой Вьяс, недалеко от Лемдяя. Незадолго до отъезда Костя пишет матери:

Муки у нас больше нет, будем питаться сухарями; мы уж начали их есть с сегодняшнего дня. Хлеба совсем не дают... Папа говорит, что тебе надо съездить на Вьяс, узнать как там. Здесь ходят слухи, что Саранск занят зелеными; будто бы поезда ходят только до Арзамаса. Молока в молочной никак не достанешь, его совсем не привозят. Я теперь совсем не гуляю, некогда.

Письма Кости — исторические документы, отражающие повседневную жизнь эпохи Гражданской войны.

ДОМ В.К. БЕЛЛЮСТИНА ВО ВЛАДИМИРЕ

Печальна судьба дома Всеволода Константиновича Беллюстина во Владимире. В 1914 году он купил дом на Вознесенской улице вблизи Вознесенской церкви. Дом был двухэтажный, просторный. Получив в 1916 году новое назначение в Нижний Новгород, Всеволод Константинович не стал продавать дом. Много труда было в него вложено, как и в прекрасный сад, из которого открывался красивый вид на Клязьму и заклязьменские луга.

Он планировал получать с дома доход, выйдя на пенсию. Но революция 1917 года разрушила жизнь и планы сотен тысяч людей. Уже 1 января 1918 года Всеволод Константинович пишет в своем дневнике:

Предполагал я раньше, что можно будет жить на покое, получая пенсию и доход с дома. Теперь, возможно, прекращение пенсии и прекращение доходов с домов.

Уже приехав летом 1918 года во Владимир, семья Беллюстиных не смогла в нем разместиться, как хотела. Об этом пишет Костя в домашнем сочинении «Что я помню за 1918 год»:

Мы хотели расположиться в квартире в верхнем этаже в сад, но ее у нас заняли большевики, и мы поселились в одной комнате в подвальном этаже. Еще нам дали комнату Казанские, в которой спали я и Сережа. Большевики тоже дали комнату, где помещалась мама с Раей, Митей и Леной. Папа все время спал в подвале.

Таким образом, Беллюстины, оставаясь по документам владельцами дома, уже не могли свободно в нем проживать. Во владимирском доме Беллюстиных оставалось много вещей, которые они не перевезли с собой в Нижний Новгород, в том числе и богатейшая библиотека Всеволода Константиновича.

В 1919 году семья В.К. Беллюстина с младшими детьми уехала из Нижнего Новгорода к себе на родину в Пензенскую губернию, немного позднее в эти же места переехал и Всеволод Константинович. Летом 1920 года Беллюстины узнали о том, что их дом во Владимире сгорел. Несмотря на все трудности, жена Всеволода Константиновича приехала во Владимир после пожара, чтобы посмотреть, что осталось от дома и не сохранилось ли что-нибудь у квартирантов, что можно было бы забрать с собой. Об этой поездке сохранилась запись, сделанная Костей:

Когда мама ездила во Владимир, Нета, бывшая прислуга, объяснила ей, что часть вещей была расхищена квартиранткой В. Сидоренко и ее сестрой Исаевой. Была мама и у Сидоренко и увидела, что зацепки у драпри сделаны из красного сатинета, бывшего некогда сарафаном Раички. Сидоренко смутилась и сказала маме, что эту материю она получила от своей сестры Исаевой. Еще она рассказала, что бельевой шкаф, стоявший в полу-подвальном этаже, был вскрыт при ней председателем земельно-жилищного отдела Морозовым. Все вещи были расхищены. У Исаевой из наших вещей мама видела буфет, диван, старенькую тюлевую занавеску и картину, подаренную В.Н. Казанским.

Эти строчки показывают действия власти, представители которой не стеснялись вскрывать чужие шкафы, давая повод и другим не очень-то бояться бывшего владельца. В архиве Всеволода Константиновича сохранилась копия его жалобы на разорение дома и произвол. Вот ее текст:

Приношу жалобу на незаконные действия коллегии Владимирского уездно-городского коммунального отдела. Постановлением коллегии уездно-городского коммунального отдела 26 мая 1920 года взяты мои вещи домашнего обихода, перевезены на городской центральный склад и распределены. Но 22 апреля 1920 г. опубликован декрет о реквизиции и конфискациях. На точном основании того декрета я много раз обращался в коллегию, чтобы 1) мне выслана была копия акта с точным указанием формальных оснований, по которым имущество отобрано, и с точным указанием отобранного имущества, 2) чтобы по статье 9 декрета была произведена мне оплата отобранного имущества по вышеуказанному адресу. Никакого ответа на неоднократное заявление не получил. А потому прошу: 1) понудить коллегию уездно-городского комм. отдела выслать мне копию акта по ст. 10 декрета. 2) понудить коллегию оплатить мне отобранное имущество по ст. 9 декрета. 3) признать действия отдела незаконными и выдать в том мне письменное уведомление по вышеуказ. адресу.

Дополнительно заявляю:

1) лично явиться во Владимир не могу, так как в школе несколько работников и отпуска не получаю. Нанять доверенного не имею средств по многосемейности (8 едоков) и как проживающий только на жалование школьного работника. 2) отобранная у меня библиотека в количестве до 2000 книг содержит в большинстве книги, необходимые мне как специалисту по методике математики (мое сочинение «Очерки по истории арифметики» значится в числе рекомендованных наркомпросом). 3) книги и вещи оставлены были мною во Владимире, потому, что я подал заявление в Совет Владимирского института Народного Образования о желании быть лектором института по своей специальности и получил благоприятный ответ.

Никакого ответа Всеволод Константинович не получил. Также из владения Беллюстиных были изъяты дома в г. Зубцове — дом В.К. Беллюстина и дом матери, завещанный ему. Два из трех домов В.К. Беллюстина были безвозмездно изъяты новыми органами власти у их владельца, а один, из страха, что его отберут, был продан на дрова. Судьбы домов Беллюстиных были типичны для многих собственников домов в России. Для безвозмездной конфискации власть находила тысячи «уважительных» причин.

ПИСЬМА КОНСТАНТИНА БЕЛЛЮСТИНА ПЕРИОДА УЧЕБЫ И ЖИЗНИ В МОСКВЕ В 1921–1928 ГОДАХ

Последствия первых лет советской власти: голод, безработица, социальная дискриминация привели к тому, что большая и дружная семья Беллюстиных распалась на части. Мать с младшими детьми, спасаясь от голода, оказалась на своей родине в Пензенской губернии в селе Лемдяй, глава семьи со старшими детьми какое-то время оставался в Нижнем Новгороде, а старший сын Константин с 1921 года начал учиться в институте в Москве. По установленной Раисой Львовной традиции все члены семьи обязаны были регулярно писать и отчитываться матери о здоровье, обстановке, условиях жизни. Что с большой аккуратностью делает их старший сын.

1921 год

Первое письмо Константина датировано 12 мая. Вместе со своими друзьями он едет в Москву поступать в институт. Дорога была длинной и трудной, с пересадками и долгим ожиданием поездов. Сначала друзья шли до станции Симбухово пешком, а дальше было так:

Пришедши на Симбухово, и не добившись, когда пойдет поезд, сели немного почитать. Часов через 5 пошел маршрутный поезд, на который сесть нам не удалось, так как свободное место было только на крышах товарных вагонов.

Катастрофическая ситуация, которая сложилась в России на железных дорогах в исследуемый нами период, подтверждается этими строчками письма нашего героя.

Следующий поезд, тоже товарный пришел в Симбухово в среду в 4 часа утра, на него мы и сели, правда, не совсем обыкновенным способом. Во первых, пришлось вскочить на ходу, но главное, не в вагон или тормоз, а на цистерну. Положение было довольно-таки трудное, — откровенно пишет Костя, — так как держаться не за что — цистерна круглая, она качается и вдобавок приходилось держать вещи. Наконец доехали до Воеводска.

И заканчивает письмо грустной фразой: «Скоро вряд ли удастся приехать».

Следующие письма Кости относятся к сентябрю 1921 года и отправлены в Пензенскую тюрьму к отцу, где он содержался после ареста 1 июля на учительском съезде в Саранске. В первом письме с пометкой «проверено старш надзир» Костя описывает отцу, как семья, живущая в селе Лямдяй Пензенской губернии, сохраняет и убирает урожай, который они выращивали с великим трудом всё лето, чтобы как-то обеспечить себе пропитание.

В следующем письме, вернее записке, переданной Костей отцу в тюрьму (с пометкой «просмотрено») читаем: «Очень жаль, что не удалось поговорить, а спросить тебя нужно о многом».

В Москву на учебу Костя приехал с опозданием в середине октября, и город не очень обрадовал студента.

Во первых общежития нет, комнаты нет, паек за октябрь в количестве 30 фунтов хлеба мне не дадут, к 15 ноября сдать все зачеты (в противном случае остаться на второй год) и т.п.

В письме от 13 ноября Костя сообщает, что нашел комнату, которая показалась ему хорошей, «но потом как оказалось, она имеет некоторые недостатки». Современному человеку то, что Костя называет недостатками, показалось бы катастрофой.

Во первых, она сыра, так что с наружной стороны отклеились обои, дома, незадолго до нас испортился водопровод и приходится ходить с чайником с третьего этажа во двор; но это ничего, а главное затруднение вышло с печкой. В комнате ея не было, а зимой не топя, жить невозможно. И вот мы вдвоем (я живу вместе с одним, приехавшим из Алатья, кончившим II ступень) заделались печниками и сделали печку в 35 кирпичей. Но она почему то так дымит, что можно только лежать на полу, а иногда топится хорошо. В ней мы варим себе картошку. Из мебели часть сколотили сами, а часть нашлась у соседей по комнате. Все-таки устроились ничего себе, —

заканчивает Костя рассказ о своей комнате. Жить без водопровода и отопления, да вдобавок без мебели — и считать такое положение вещей «ничего себе»!!!

По письмам Кости осеннего периода можно уже догадаться, что программа НЭПа начала реализовываться, город наполняется товарами.

Москва начинает принимать прежний вид. Магазинов очень много и, главное, все с товарами. Нашему брату только приходится смотреть в витрины.

Он в каждом письме отмечает резкое повышение цен на все продукты:

Хлеб 5000 рублей и будто бы он состоит на $\frac{1}{3}$ из картошки. Но если пройтись по Сретенке и Петровке, — удивляется Костя, — то забудешь и про голод. Хотя бывает и так: в одном окне выставлены лепешки из муки и листьев, 2% первой и 98% вторых и с афишей, призывающей на помощь голодающему Поволжью, а рядом торты, икра черная 120 тысяч рублей за фунт, балык осетровый и семга — 60 тысяч рублей за фунт.

Упорство Константина в занятиях дало результаты. «Профессор теперь меня знает, считает одним из лучших студентов... И по остальным предметам стараюсь быть не в числе средних», — не без гордости пишет он матери. В другом письме он продолжает успокаивать родителей не беспокоиться о его быте.

Я чувствую себя хорошо, так как мне теперь беспокоиться и хлопотать не о чем. Живу по старому в той же комнате, варю картошку и хожу в Институт. Почти только в этом занятии и проходит всё время. Зимы здесь еще настоящей нет: снегу на $\frac{1}{2}$ сант. и температура от 0 до -5. Все таки в комнате у нас холодно и я иногда по вечерам занимаюсь у соседей и даже изредка ночью. Хорошо я попал — кругом все хорошие люди; иногда утром отдаю сварить картошки и к обеду прихожу к готовой. А то очень надоедает, придешь часа в 4, когда уже смеркается, а ничего не готово, приходится топить печку и готовить обед. Паек я немного не рассчитал: хлеб кончился, и я до нового, если его не дадут, буду употреблять сухари.

Косте всего 17 лет, он впервые один, в Москве, он учится и борется за свое существование, пытаюсь свести до минимума помощь родителей.

1922 год

1922 год для Константина Беллюстина и его семьи выдался не менее трудным. Он начинается с дороги после рождественских праздников обратно в Москву, с множеством пересадок и трудностей.

Спчтой доехал до Турдак, оттуда с мужчиной до Симбухова за 2 минуты до отхода поезда № 81 (смешанный). Пришлось ждать № 19, который пришел в 11 $\frac{1}{2}$ вечера. Я сел на него и думал на Воеводском взять билет, но мне его не дали, говоря, что мое предложение недействительно, потому что оно не от Наркомпроса. Пришлось на тормозе доехать до Рузаевки, а оттуда в ящике для инструментов, находящемся под вагоном. Так я отъехал 190 верст от Рузаевки, где меня ссадили. Пришлось сесть на № 81... Там меня опять ссадили, я сел на товарный поезд.

В условиях Гражданской войны на железных дорогах страны было разрушено много железнодорожных мостов, выведено из строя до 70% паровозов, 15 тысяч

вагонов. Движение дезорганизовано, так как телефонные и телеграфные линии связи были нарушены, аппараты для связи сломаны или украдены. Оттого перемещения из одного города в другой были столь сложными и мучительными. Читая все эти ужасы о путешествии нашего героя, понимаешь, что его смерть от хронического бронхита в 26 лет не была случайной.

Костя беспокоится о том, смогут ли учиться в московских вузах его младший брат Сергей и сестра Рая. Он сообщает:

Президиум Главпрофобра предложил особой комиссии выработать правила приема на осень в связи с тем, что 25% учащихся будут учиться за плату, по положениям от 10 до 15 пудов муки по теперешнему курсу.

Но попасть учиться в Москву ни Сергею Всеволодовичу, ни Раисе Всеволодовне не удалось.

Отголоски страшного голода, поразившего прежде всего Поволжье, звучат в письме Кости от 9 февраля родителям:

По дороге в Москву я встретил 2 поезда с американским хлебом, направляющихся в Поволжье. Но эта помощь все-таки недостаточна. Каждый день происходят новые случаи людоедства. В Сасове при мне умирал от голода мальчишка лет семи.

Голод ощущает и сам Константин:

Насчет пайка вести не утешительные, наверно совсем не дадут. Не знаю, как и учиться, может скоро введут плату за обучение. В некоторых учебных заведениях уже ввели, среднее — 500 т. руб. в месяца.

Сообщает Костя и о мерах правительства по борьбе с голодом.

На заседании ВЦИК постановлено: все церковные ценности употребить на обмен на хлеб для голодающих.

Но, несмотря на голод, Костя сообщает о проведении в столице новых советских праздников, в частности о празднике Дня Парижской коммуны, который был нерабочим днем. Для Кости советские праздники пока удивительны и непонятны. Для него по-прежнему главные праздники — православные. Он, как нам кажется, далек от политики, от веры в политические лозунги и воззвания большевиков. Однако к одному из большевистских лидеров он, как ни странно, испытывает симпатию:

Был на демонстрации 8 ноября. Проходил в процессии по Красной площади в 2 саженях мимо Троцкого, Каменева и их свиты. Особенно запечатлелась мне фигура Троцкого. Мужественное, очень твердое выражение лица. Был он в форме командного состава Красной Армии. В общем, он мне очень понравился. По крайней мере видно, что это не какой-нибудь размазня.

Быт Кости остается по-прежнему очень тяжелым.

За март нам дадут по 16 фунтов муки еще по старой «разверстке», а за апрель, конечно, если когда-нибудь дадут, то считаясь со стипендиями. Я уже не думаю о том, чтобы получить стипендию, а только бы не сняли с пайка.

Все-таки удача улыбнулась Косте:

Можете поздравить меня с неожиданным, но чрезвычайно приятным событием: я попал по распределению стипендий в первую категорию. Это тем более приятно, что всем остальным разрядам предлагается только платить, а не получать. Нам же обещают и паек и деньги, неизвестно только как это будет исполняться. На мне видно, что не только коммунисты могут попасть на стипендию.

Нет сомнений, что только успехи в учебе, уважение преподавателей сыграли роль в получении Костей стипендии первой категории. Он удивлен и обрадован тем, что можно получить стипендию, не будучи комсомольцем или коммунистом. И все же, несмотря на тяжесть быта, голод и необеспеченность, у него даже в мыслях нет намерения вступить в комсомол или партию. Ни брат Кости, ни сестра, собирающиеся также поступать в институт, не вступают в комсомол, а между тем Костя пишет о правилах поступления в вузы:

В первую очередь принимаются без экзамена кончившие рабочие факультеты. Оставшиеся места будут распределены так: имеющие командировки от Центрального Комитета Рабочей Коммунистической Партии 25%, от Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов 55%, Центрального Комитета Рабочей Коммунистической Социалистической Молодежи 5%, Народных Комиссариатов 5%, Революционного Военного Совета Республики и Политического управления Республики 5% и «Нацмен» — 5%. Что под «Нацмен» подразумевается — не знаю.

Понятие о «национальных меньшинствах» в советской России только начинает формироваться, и поэтому вызывает недоумение: что это такое?

К счастью, Косте повезло и летом ему удалось получить работу как практиканту. Получил он и паек и, по письмам, вполне доволен жизнью. В конце лета ему даже удалось съездить к родным в гости, и он был рад. В отличие от описаний путешествий к родным в более ранних письмах, последнее путешествие прошло более удачно. Он сообщает родителям, что в среднем жизнь в день ему обходится в 4—4,5 млн рублей, это если он экономит и получает кое-какие продукты из дома. Да и сам он многое умеет. В одном из писем он сообщает родителям, что подшивает сам валенки.

В декабре Костю все-таки лишили стипендии. Успокаивая родителей тем, что ни в чем сейчас не нуждается, он как бы между прочим пишет:

Единственным минусом пока является то, что буду получать только паек, а с денежной стипендии меня сняли.

Несмотря ни на что Костя добросовестно и с интересом учится:

Много времени отнимает проектирование, — сообщает он отцу в Нижний Новгород, — сейчас я работаю по 2 проектам: трамвайная загородная станция и баня, при чем в последнем проекте главное внимание обращается на конструкцию. Очень сильно вредит отсутствие чертежной доски, рейшины, треугольников и порядочной готовальни. Много денег приходится также тратить на бумагу: лист ватмана стоит 8 миллионов рублей.

В последнем письме Константина, датированном 17 декабря, он пишет матери в Лемдяй, что не приедет на Рождество, так как имеется возможность заработать «около 100 миллионов рублей».

1923 год

С 1923 года Москва и Костя начинают жить лучше и увереннее. Теперь он живет в общежитии и очень доволен.

В общежитии у нас тепло, с часу дня до 12 ночи топится плита, кипятят куб, — сообщает он отцу в Нижний. — Наверно это так будет всё время, потому что торфу сейчас около 5000 пудов.

Но голод в России не отступил.

Получаю обед от католической миссии помощи голодающим Р.С.Ф.С.Р., — сообщает он в том же письме. — Обед хороший: 5 раз в неделю рисовая каша с сахаром и 2 раза какао. И каждый день по 1/2 фунта белого хлеба. Подкрепиться этим обедом можно довольно хорошо. Это будет до 1 мая (21 февраля 1923 года).

Доволен Костя и тем, что «из МОНО в общежитие пришли волосяные матрацы, досталось и мне. Теперь сплю на мягком».

На лето Константину «по счастливой случайности» удалось устроиться «в дорожном Отделе Моск. Коммунальн. Хоз. на должность техника-практиканта с окладом не меньшим 1 миллиарда».

В письмах Константина 1923 года упоминается борьба власти с церковью. «Сейчас вернулся из церкви, где служил патриарх Тихон, — пишет он 18 июля, — как отражается у вас раскол церкви?» К сожалению, своего отношения к расколу церкви Костя прямо не выражает, как открыто он и не выражает своего отношения к власти, но наверняка это его волнует как человека верующего.

Работа, на которую устроился летом Константин, позволяет ему более или менее покрывать расходы на нужды первой необходимости.

Понемногу покупаю себе из одежды, бумаги, туши, карандашей и т. д. Судовольствием куплю что-нибудь для дома, только не знаю, что нужней.

В письме от 27 июня он также просит родителей не присылать ему денег:

Так как я теперь человек богатый (в месяц получаю 2 миллиарда) и кроме того, мне хочется быть полезным для дома. Пусть Рая обязательно в следующем письме пришлет мерку ноги — я ей куплю туфли.

Более того, он уже может себе позволить расходы на культурный досуг.

Раз ходил в Большой театр. Потом ходил в мелкие театры. Был на сельскохозяйственной выставке. Вы, может быть, даже не знаете о ее существовании, а она была очень интересна.

1924 год

Первое письмо в новом 1924 году Константин начинает с сообщения о смерти Ленина:

В понедельник в 7 часов вечера умер Ленин. Точно не знаю — или от паралича мозга или от паралича дыхательных путей. В среду его привезли в Москву и вечером же мы с организацией ходили посмотреть на него. Лежит он в бывшем Дворянском собрании в Охотном ряду. Его анатомировали, бальзамировали, так что он теперь будет обладать всеми качествами мощей. Выражение лица его очень спокойное, лицо белое, голова совсем лысая (ни одного волоска), борода и усы рыжеватые и подстрижены. Одет очень просто. Тут же видел Крупскую с заплаканными глазами. Это седая дама, с отросшими (отрезанными?) волосами, лицом еще довольно моложавая. Тут же сидела какая то брюнетка — не знаю кто. Не сестра ли Ленина?.. Болезнь Троцкого, оказывается, не столько является действительной болезнью, как вызвана расколом в партии, причем Троцкий очутился в меньшинстве и теперь принужден уехать в Крым. Сегодня на собрании у одного оратора проскользнула интересная фраза. Он сказал: как Моисей вывел нас из под ига египтян, так и сейчас Ленин вывел нас из под власти капитализма. Интересно, кто это «мы» (23 января 1924 года).

В письме отцу в Нижний он добавляет: «В субботу будут его хоронить. Придется, наверное, идти на похороны». В этом письме не видно никаких признаков восприятия смерти Ленина как «большого всенародного горя», да и фраза «Придется, наверное, идти» говорит о том, что ему не очень-то хочется в этом участвовать. А вот слова оратора о том, что Ленин вывел народ из-под власти капитализма и как бы тем самым осчастливил, воспринимаются Костей с большим сомнением. Но он следит за начавшейся борьбой в партии и не верит тому, что пишут газеты.

Несмотря на плохое самочувствие, отец Кости Всеволод Константинович продолжает писать методические работы, редактировать написанные ранее, отправляет эти работы в Москву для издания. Решать вопросы издания работ Всеволода Константиновича берется Костя. Он постоянно сообщает отцу о посещении издательств, вникает в тонкости оплаты рукописей отца и докладывает:

Госиздат, оказывается, большой жулик. У многих авторов в договоре есть пункт, по которому ГИЗ обязуется в течение 5 лет повторять издание не реже, чем через 2 года, у тебя же этот пункт вычеркнут. На следующие издания плата была бы не сноминала, а за печатный лист: за новую рукопись — 80 руб. за 1 печатный лист, за повторное издание при отсутствии переработки — 40 руб. и при переработке 56 руб. В этом же духе перезакключаются сейчас все договора с авторами.

На протяжении всех лет учебы и работы в Москве Константин будет «воевать» за справедливость оплаты работ его отца, но с минимальным успехом.

Беспокоят Костю «чистки», которые проходят в институтах, в результате которых сокращается не только количество студентов, но и сами институты путем их слияния. Костя пишет матери:

Сейчас все расходы урезают чуть не до нуля. В связи с этим предстоит слияние вузов и сокращение числа студентов. Сократить обещают чуть ли не больше половины. Для этого устраивают две чистки: по классовому подбору и академической неуспеваемости. Я как будто бы не вижу опасности ни в той, ни в другой.

Но вскоре появляется серьезное уточнение:

Под именем академической проходит сейчас социальная чистка. Исключить хотят около 25%. В число их попадут дети «буржуев», священников, статских советников и т.п. Обо мне тоже кое-что знают партийные люди, но они со мной в хороших отношениях и во вторых, в академическом отношении ко мне придраться очень трудно.

В другом письме он просит:

Сейчас у нас идет чистка. Очень хорошо было бы прислать мне удостоверение о том, что папа преподает в ВУЗе. Хотя оно у меня и есть, но оно устарело.

Значит, академическая успеваемость не всегда может помочь остаться в вузе. Социальное происхождение важнее. К счастью, Костя «чистку прошел благополучно, так, как даже и не ожидал».

Впервые в одном из писем в 1924 году Костя открыто высказывается по поводу комсомольских активистов, с которыми живет в общежитии:

Живу вместе с несколькими комсомольцами, публикой вообще говоря, не утруждающей себя и предпочитающей гулять, есть и спать.

1925 год

Первое письмо в 1925 году Костя отправляет с Курского вокзала. Он хочет, чтобы письмо «пошло с сегодняшним же поездом». Причина у него очень уважительная. Ему хочется получить стипендию, но для этого надо, чтобы из дома ему

прислали как можно больше справок и удостоверений о работе Всеволода Константиновича, которые создавали бы впечатление, что он ведет большую общественную работу.

Хотелось бы, что бы при чтении удостоверения, — пишет Костя, — получалось впечатление, что папа из Совпартишколы перешел в 2 пехотную школу, причем следует упомянуть о том, что папа «главрук», что является общественной работой. Да и вообще, чем больше будет об общественной работе, тем лучше. Если не будет неприятно брать удостоверения от комячеек этих школ, то это еще лучше.

Костя понимает, что отец, уже пострадавший за свои взгляды, держится в стороне от всех этих ячеек, но Костя объясняет:

Хорошо было бы если удостоверения вышли довольно внушительными и содержательными. И об общественной работе, если, конечно, последнее не представляется затруднением. Под последней подразумеваются различные совещания, кружки и т.д.; но об роде общественной работы не упоминать.

Эти строчки еще раз дают основание сделать вывод, что для того, чтобы чего-то добиться в новой советской России, нужно, чтобы ты был общественным активистом.

Костя следит и за ходом внутрипартийной борьбы. В конце одного январского письма он делает приписку: «Когда Троцкого спрашивают — как его здоровье — он говорит: я еще не читал сегодняшних газет. И правильно». Последняя фраза Кости — это открытая оценка его отношения к советской власти. Он явно на стороне Троцкого.

В получении стипендии Косте не отказали, но и не дали, а зачислили кандидатом, то есть он ее сможет получить, если кого-то стипендии лишат. Костя уверяет родителей, что такое случается часто. И действительно через некоторое время его зачислили на стипендию. К сожалению, Всеволод Константинович об этом не узнал — он скончался в марте 1925 года.

В письме от 15 апреля Костя сообщает о смерти патриарха Тихона и его похоронах.

В воскресенье хоронили патриарха Тихона. Народу было очень много. К последнему лобзанию шли рядами по 4 человека и хвост был в 3 и 1/2 версты. Кто теперь будет вместо него играть главную роль?

А в другом письме добавляет:

Тихона отпевали пять часов и большую часть времени молили о том, чтобы ему были прощены невольные прегрешения. Под последним будто бы подразумевается признание советской власти.

Некоторые строчки Костиных писем все-таки выдают его политическую позицию. Отправляя письмо матери через знакомого, он пишет о нем:

Он не особенно придерживается коммунистической точки зрения и поэтому с ним можно посидеть и потолковать.

1927 год

1927 год Костя проводит за написанием диплома и продолжает работать. Здоровье его остается по-прежнему не очень хорошим. Тяготы Гражданской войны, холодная зима 1921/22 учебного года в Москве, путешествия зимой к родителям в Нижний и Вьяс стали причиной хронического бронхита. И болезнь каждый раз возвращалась с новыми более сильными приступами.

Интересно описание Костей посещения спектакля «Дни Турбиных» в Художественном театре:

Пьеса очень хорошая без малейшего налета коммунистических идей. Все белогвардейцы в ней — отличные люди, перешедшие же на сторону красных — отрицательные типы. Публика в театре при пении на сцене «За Царя, за матушку Россию» в некоторой своей части плачет. Не нравится пьеса только галерке. И дня через три после этого был диспут с участием Луначарского на тему об этом спектакле. Выступал также и автор — Булгаков, который в полемике с ругавшими пьесу, говорил, что их политический подход ему совершенно безразличен и его не интересует. В общем, за эти два дня я услышал столько контрреволюционных изречений, что в 1921 году за это надо бы было расстрелять.

Пьеса Булгакова несомненно понравилась Косте: в ней не было «налета коммунистических идей» и правдиво отражались судьбы людей, оказавшихся в круговороте Гражданской войны. И то, что в ходе диспута Костя наслушался столько «контрреволюционных изречений», за которые «в 21 году надо было бы расстрелять», показывает, что он удивлен смелостью автора и его сторонников. Фразу «надо было бы расстрелять» Костя пишет в сослагательном наклонении. Он знает, сколько было расстреляно, его отец также за правду о действиях власти был арестован и мог бы быть расстрелян, но Костя и его родственники в своих мыслях и высказываниях были очень осторожны, и ему удивительно, что нашлось немало зрителей, говоривших на диспуте правду.

В апреле 1927 года Костя успешно защитил свой диплом.

Сегодня — на службе и в Вузе — непрерывно получаю поздравления. Как же — стал настоящим инженером. По этому случаю устраивал целый банкет и стоя выслушивал в сотый раз те же поздравления. Теперь очередь за Раей и Сережей. Авансом поздравляю, —

пишет Костя в письме от 7 апреля 1927 года.

Все дети Всеволода Константиновича стремятся к учебе в вузах. В 1927 году в институт должен был поступать Митя, через год и младший Леня. Сережа и Рая вскоре уже должны были закончить обучение в нижегородских институтах.

Чувствуется, из Кости получается хороший инженер. Он описывает матери:

Вчера в воскресенье, был на торжественной закладке нового корпуса Даниловской фабрики, где я сейчас работаю. Были в числе гостей: Куйбышев, Зам. Председателя ВСНХ СССР Серебровский, Председатель Правления Камвольного Треста, Директора Фабрики, Председатели ЦК профсоюзов текстильщиков и строителей и т. д. Между прочим, я имел честь сказать всей этой компании кое-что относительно вентиляции на фабрике, а они — честь слушать меня. При этом и я и они разговором, очевидно, остались довольны.

В 1927 году борьба Сталина с его политическими конкурентами усиливается. Костя сообщает матери:

Слушаю здесь рассказы очевидцев про похождения оппозиции. Оказывается, ее сторонников на самом деле порядочно. На заводе, где работает квартирный хозяин, в комсомольской ячейке оппозиционеров больше половины. Камнев ходит под руку с рабочими по улице. Одним словом, работают (17 ноября 1927 года).

Интересно, что Костя пишет о том, что «оппозиционеров» много, то есть людей недовольных советской властью «на самом деле порядочно».

В начале декабря Костю взяли в армию.

Выдано мне из одежды: шлем, шинель, сапоги, суконные брюки, бумажная рубашка, белье, теплая бумазейная нижняя фуфайка, шерстяные портянки. Белье меняется каждую неделю. Одеяло теплое, соломенный тюфяк, две простыни (одна в качестве пододдеяльника) полотенце, наволочка, носовые платки. Питание такое: в 8 час. утра — чай с сахаром, 400 гр. белого хлеба. В 12 час. Завтрак — первое мясной суп, второе — тоже мясное (котлеты, тушеное мясо и т. д.). После завтрака сразу чай. В 4 часа обед — тоже из двух блюд, но без чая. В 8 час вечера — чай. После обеда — мертвый час, спать в 11, вставать в 7 час.

Это описание режима дня и питания красноармейца красноречиво говорит о том, что уж в бытовом отношении красноармейцы находились в лучшем положении, чем гражданские служащие. Страшные 1921 и 1922 годы миновали.

Попал Костя в Военно-инженерную школу им. Коминтерна. Служба только на один год, но армия ему не по душе в принципе.

Так, в общем ничего. А с другой стороны, в иные моменты приходится чувствовать себя таким истуканом, что становится несколько обидно: учился, работал и т. д., а в конце концов — положение оловянного солдатика.

Всеволод Беллюстин — директор народных училищ Владимирской губернии, 1912–1916

Константин Беллюстин в студенческие годы

Одна из последних фотографий Константина Беллюстина (2-й ряд, 4-й слева) среди рабочих. Г. Карачев Брянской губернии, 1929 или 1930

Сообщая о военных предметах, которые им преподают, он не без сарказма пишет:

Да не пропустить самое главное и «инженерное» — политподготовка. На нее в течение зимних месяцев потратим 140 часов — время довольно продолжительное.

Характеризуя курсантов, Константин пишет, что из 50 человек его отделения, обучающихся в Военно-Инженерной школе, «75–85% члены ВКП(б) и ВЛКСМ». Но с высшим образованием только пятеро, среди них и Костя. Косте крупно повезло: «В такие условия красноармеец попадает в 0,25% случаев (на 300 000 человек — 1000)». Но все равно армия угнетает его. «Как-то даже тоскливо писать... Действительно — выбросить год из жизни. Не так обидно еще, потому что живем мы 50 лет» (16 декабря 1927 года). Костя верит, что впереди у него еще большая долгая счастливая жизнь. Никакого чувства гордости от службы в Красной армии у него нет, нет интереса ни к военной подготовке, ни к занятиям по политподготовке.

1928 год

1928 год для Константина — год службы в Красной армии. В одном из писем он описывает лыжную гонку, которая для многих участников чудом не закончилась тяжелой болезнью.

Вернулись с лыжных гонок инвалидами, наверное, 4/5 группы. Ехать пришлось 25 километров вследствие ошибки контроля. Днем было –10 и поэтому я поехал в легкой рубашке. Когда светило солнышко — было жарко, весь мой костюм совершенно отсырел. На обратном пути, когда стемнело, мороз усилился до –18, пришлось ехать в тумане по лощине и я начал замерзать. Рубашка, брюки и сапоги превратились в хрустящие при сгибании ледяшки. Случилось это, когда я проехал 23 км, осталось — 2. А, в общем, последствий никаких нет. 90% же гонщиков отморозили ноги, уши и т. д. и с сегодняшнего дня начинают ходить в амбулаторию.

Хотя Костя и пишет, что для него не было никаких последствий, но при его хроническом бронхите эти последствия скажутся позднее.

Несмотря на то, что в письмах Костя редко пишет о политических событиях, он просит родственников:

Постарайтесь где-нибудь найти журнал «Большевик» — №№ 23–24 за 1927 год и прочитать письма т. Иоффе (застрелившегося осенью) и ответ т. Ярославского. В них можно почерпнуть данные, характеризующие нравы кое-кого. Кстати, я не помню, писал ли вам о том, что был на похоронах Иоффе и, следовательно, был прямым очевидцем всего, на них происходящего. И в ответе Ярославский, мягко говоря, говорит неточно.

Это очень важная информация. Костя, который не очень-то хотел идти на похороны Ленина, но пошел на похороны т. Иоффе. В найденной нами информации

в Интернете говорится, что Иоффе Адольф Абрамович — убежденный сторонник Троцкого — покончил жизнь самоубийством после того, как стало очевидно поражение троцкистов. В предсмертном письме Троцкому он писал: «Я не сомневаюсь, что моя смерть является протестом борца, убежденного в правильности пути, который избрали Вы, Лев Давидович».

И здесь опять всплывает Троцкий, политические взгляды которого все-таки, видимо, были симпатичны нашему герою. Наверное, Константин Беллюстин следил за политической борьбой в надежде, а вдруг произойдет чудо и к власти придут другие руководители, которые будут проводить другую политику, более демократичную и справедливую. И то, что Ярославский на похоронах говорил неправду, очень задело Костю. Наверное, и его братья Сережа и Митя тоже были согласны с ним. Никто из детей Беллюстиных, даже достигнув ученых степеней, ни в партию, ни в комсомол никогда не вступал, хотя это и вредило их продвижению по служебной лестнице.

В начале апреля Костя поздравляет мать и братьев с праздником Христова Воскресения, а через неделю пишет о собрании на антирелигиозную тему:

Вчера был доклад на антирелигиозную тему; кто то из наших комсомольцев сказал докладчику преподавателю партийных и политических наук в нашей школе, что я не атеист. Под этим впечатлением он и делал доклад, отведя много времени тезису — наука и религия — не совместимы. Я был в наряде и на доклад опоздал часа на 1/2; послушал и потом задал несколько вопросов — удовлетворительных ответов не получил. В общем, было интересно; постановили, что если ктонибудь из нас будет хотя бы около церкви — он, тем самым, навлечет позор на Красную Армию. Ответственный секретарь ячейки ВЛКСМ так выявил себя каким то идиотом: сказал, что всем, вообще, надо выбирать: или Красная Армия — или религия. Засмеяли его, бедного.

Десять лет советской власти не переубедили Костю. Никакая антирелигиозная агитация и возможные репрессии не заставили его отступить от веры.

Перед отъездом в летние лагеря Костя участвовал в параде на Красной площади по случаю 1 Мая.

1 Мая недели всё новое, специально выданное на этот день — брюки, рубашки, фуражки, пояса под сумки и т. д., навьючили на себя инструмент (я был с обыкновенной двуручной пилой) скаты и винтовки — в 7.30 с оркестром и в начищенных сапогах двинулись в путь... Выстроились к 9 часам на Красной Площади... Были все военные академии, школы и отдельные части. Особенно сильное впечатление на меня произвели войска особого назначения Г.П.У. Все в хромовых сапогах, металлических шлемах, с карабинами за спиной и маузерами (револьвер, пуля из которого прошьет трех человек сразу) у пояса, — с нерусскими физиономиями (латыши, китайцы и т. д.), все не моложе 25 лет — прошли, как, наверное, раньше ходила гвардия. Шик и блеск. На них, действительно, можно положиться. Зарежет и сразу же об этом забудет.

Именно войска ГПУ произвели на Костю самое большое впечатление, и его характеристика «зарезет и сразу забудет» была очень точной. В 1937-м, когда начались массовые репрессии, эта гвардия прошедших в 1928 году по Красной площади оказалась готова к тому, о чем писал Костя.

В военной службе для него нашелся еще один плюс.

Неожиданно открылось, что военным людям можно бывать в некоторых театрах по так называемым — путевкам и, конечно, бесплатно. Путевки же пишутся здесь же в школе. На прошлой неделе, в силу этого, я был на балете «Красный Мак» в Большом театре и на «Царской невесте» — в Экспериментальном. Вчера слушал «Бориса Годунова» в Большом.

После усердных поисков Костя нашел и снял ¹/₂ комнаты за 35 рублей в месяц:

Комната в 4-м этаже очень хорошего дома площадью 6 кв. саж. Из них ширмой огорожено саж. 2, каковыя и являются моими апартаментами. Владелица комнаты — пожилая дама (60 лет) хорошего происхождения (раньше вся квартира была ее). Сейчас же комната, давно не ремонтировавшаяся, имеет не совсем презентабельный вид; стоит кровать, маленький столик, мягкий стул. Жить, конечно, будет очень спокойно, мешать заниматься никто не будет.

И дополнительно сообщает о хозяйке, что «у ней, оказывается двоюродный брат отдыхает на Соловках». Эти маленькие характеристики Кости создают точную картину положения людей «из бывших».

Костя по-прежнему любит ходить в театр. Один из последних спектаклей, который он посмотрел в 1928 году, была «Любовь Яровая» в Малом театре. «Играют хорошо, но пьеса понравилась — так себе. Много пересоленного». В этой пьесе главная героиня порывает с мужем только потому, что он оказался на службе не в Красной армии, а в белой. В конце пьесы она его предает, выдавая красноармейцам и обрекая на гибель. Наверное, именно поэтому пьеса не очень понравилась Косте. Для него семья — главное в жизни. Никакие идейные мотивы не могут разорвать связь между мужем и женой. Поэтому Костя считает, что автор «пересолил», выставляя на первое место преданность революции, а не любовь.

Подводя итог нашему знакомству с письмами Константина Беллюстина 1921–1928 годов, можно сделать вывод, что советская власть не смогла переделать всех людей, оставшихся в России. Ни учеба в институте, ни работа на советских предприятиях, ни служба в рядах Красной армии, никакие льготы красноармейцам и никакие советские спектакли, газеты и лозунги не заставили его поверить в правоту новой власти и в ее честность и справедливость, в чистоту партийных и комсомольских организаций. В 1918 году ему было 14 лет, в 1928-м — 24. Он уже взрослый, он самостоятельный. Он — инженер, его уважают как человека и как специалиста. Но он не стал «советским человеком». Он стал образованным, думающим, анализирующим, ироничным, уважа-

ющим справедливость и честность, верующим в Бога и христианские истины морали и нравственности. И это вызывает уважение. К огромному сожалению, Константин Беллюстин умер 10 января 1931 года. Диагноз: паралич сердца вследствие кровоизлияния в мозг при наличии гнойного бронхита.

Изучив чудом сохранившиеся дневники и письма семейного архива Беллюстиных 1918–1928 годов, мы были поражены, насколько полно они сохранились. Ведь это были годы, когда люди не только не сохраняли, а сознательно уничтожали всякие свидетельства своего прошлого.

В дневниках и письмах семьи Беллюстиных перед нами оживает история России в одно из страшнейших своих десятилетий. Перед нами проходит жизнь семьи и молодого человека из того сословия, которое новая власть хотела бы или уничтожить, или переделать. Его письмам к близким нельзя не верить. Они писались не для истории, но сегодня они открыли нам историю.

Судьба простой русской женщины XX века

Алексей Пойлов, Марина Пойлова

г. Волгоград,

научные руководители С.В. Воротилова, И.И. Пойлова

Наша работа написана на основе разных источников. Это и устные рассказы самой Евдокии Александровны Залипаевой (Стариковой, 1914–1999), которая часто рассказывала детям и внукам о своей трудной жизни. И воспоминания ее дочерей: Тамары, Любви, Татьяны, рассказы ее внучки и нашей мамы, Ирины, и личные документы, семейные фотографии, а также семейные видеофильмы (они сняты внуком Евдокии, Александром в 1995 году). И наконец, недописанные воспоминания нашей героини о своей собственной судьбе.

Для нас особенную ценность представляют воспоминания нашей мамы, Ирины Ивановны. В детстве она много времени проводила со своей бабушкой, которая знала много сказок и песен, любила рассказывать и о своей жизни. Надо сказать, что у мамы с ее бабушкой была какая-то особая связь. Именно мама фактически спасла от гибели семейные фотографии, которые позволили в дальнейшем восстановить некоторые факты нашей семейной истории и биографии самой Евдокии Александровны. Это было в 1988 или 1989 году. В то время Евдокия Александровна жила в небольшом частном доме. Дом был построен еще до Великой Отечественной войны. Семья Залипаевых жила там с 1961 по 1999 год. Собирая сведения о судьбе Евдокии Александровны, мы наведались к этому дому. Он произвел удручающее впечатление: покосившийся забор, заросший участок. Наши родственники помнят его ухоженным и очень уютным, с большим садом.

Во дворе этого дома стоял старый сарай, в который маленьким внукам ходить не позволялось, видимо из-за того, что там хранился колюще-режущий садовый инвентарь. Однажды, когда маме было 15–16 лет, она увидела в приоткрытую дверь стопку старых бумаг. Войдя в сарай, вытащила их. Так в ее руки попали старые семейные фотографии, которые породили целую череду рассказов, о которых речь пойдет ниже. Почему-то они оказались заваленными в старом сарае. Возможно, про них забыли, когда делали ремонт и многие вещи переносили в сарай?

Еще один крайне важный и интересный источник — неоконченные записи Евдокии Александровны, которые были найдены среди вещей, приготовленных ею на случай смерти. Воспоминания прабабушки написаны на семи отдельных листах простой ученической тетради в линейку. Листы от времени немного пожелтели и покрылись сероватыми пятнами. По содержанию они охватывают события с 1914-го (это дата рождения Евдокии Александровны) по 1980-е. Мы предполагаем, что именно в 80-е годы воспоминания и писались.

Приступая к жизнеописанию Евдокии Александровны, мы сделали полную расшифровку ее воспоминаний, но в своей работе приводим неправленный текст,

чтобы тот, кто будет его читать, тоже понял, какой на самом деле была наша прабабушка, простая, не получившая образования, много трудившаяся, много страдавшая, но размышляющая над своей судьбой женщина.

Прабабушка всегда говорила, что ее детство прошло в детском доме. Евдокия очень мало училась, можно сказать, вообще не училась, поэтому в ее воспоминаниях много не просто грамматических и синтаксических ошибок, но и слов, которые трудно сразу понять, так как писала она, как слышала, и не всегда понимала, как правильно это записать буквами.

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

Отец, мать и дочь жили весело,
но изменчива злая судьба
Надсмеялася над малюткою —
мать в сырую могилу слегла...
(Из детдомовской песни прабабушки)

Евдокия Александровна часто напевала одну песню, которую она узнала в детском доме. В ней говорится о судьбе девочки, погибшей от руки своего отца из-за злой мачехи. Видимо, эта песня пробуждала в ней самые грустные в ее жизни воспоминания. Как уже говорилось, наша мама обнаружила в старом сарае стопку старых бумаг и фотографий. Одна из них привела маму в замешательство. На ней была изображена семья с двумя детьми. Когда она спросила у бабушки о том, кто здесь изображен, та ответила, что здесь ее родители и она сама. Мама очень удивилась: ведь бабушка всегда ей говорила о том, что она детдомовская! Откуда же фотография?

Воспоминания прабабушки начинаются так:

Биография моей жизни от 4 лет как я стала помнить по расказу атыца я радьвилас казахстанская о-б г петропавлск гдые и умерла мая мата...

В процессе реконструкции биографии Евдокии мы столкнулись с некоторыми трудностями. Одна из них связана с датой рождения. В документах разных лет стояла дата рождения — 4 апреля 1911 года. Но сама она утверждала, что в детском доме ей «на глазок» возраст прибавили, что на самом деле она родилась в 1914 году. Это косвенно подтверждает найденная нами семейная фотография: на ней Евдокия изображена в возрасте до двух лет, а известно, что ее мама, Прасковья Федоровна, умерла в 1917 году. Уже после смерти Евдокии Александровны, сделав запрос в архив, мама нашла данные о ее действительном рождении. В метрической книге Крепостной церкви города Петропавловска есть запись о рождении Стариковой Евдокии первого марта 1914 года в Тобольской губернии Ишимского уезда Бугровской волости села Бугровое. Отец — крестьянин Стариков Александр Лукьянович, мать — Старикова Ефросинья Федоровна. Имя матери Евдокии указано неверно. На самом деле ее звали Прасковья. Это подтверждается записью о смерти: в метрической книге Крепостной церкви города Петропавловска за 1917 год значится, что Старикова Прасковья Федоровна умерла 30 августа.

Мы нашли некоторые сведения о семье отца Евдокии — Старикова Александра. По документам переписи 1897 года в селе Бугровое Соколовской волости Ишимского уезда Тобольской губернии имеются сведения о составе семьи Стариковых. Мы видим, что старшие Стариковы были неграмотны, а вот уже представители поколения отца Евдокии умели читать. Скорее всего, они получили начальное образование в церковно-приходской школе. Это может свидетельствовать о том, что семья Стариковых была достаточно зажиточной. Обучение, как правило, было платным, да и бедняки старались больше использовать подрастающих сыновей в хозяйстве.

Но вернемся к воспоминаниям Евдокии Александровны:

...посли смерти матери отец привол нам мачиху а нас асталос сирот 5 человек и я адна была систра 4 брата мачиха была малодая нас не возлюбила издывалас нас тиотка ацова систра забрала...

По воспоминаниям Евдокии известно, что отец ее тяжело заболел тифом, и все думали, что он умрет, поэтому и забрали детей. А тетка, скорее всего, была сестрой матери или двоюродной по отцу, так как родных сестер у Александра не было.

Позже от родных отца выяснится, что Александр Лукьянович Стариков приезжал в Сталинград в 1948 году и искал своих детей. Но фамилия Евдокии была уже Залипаева, а сына Николая не было в живых, поэтому он никого не нашел. О дальней судьбе его ничего неизвестно.

Вернемся вновь к рассказу Евдокии:

...ето был 21 год голод тыцф вот ана нас хатьела спастыь брата николая 6 лъет и мина 4 года а астольных растаирала по дароги вработники пашли изохльба лишбы ни умирета а нас привезла на станцю кривая музга гдье ана прожывала а кнам ана приежала хоронита мата...

Мы выяснили, что Кривая Музга — железнодорожная станция в Волгоградской области. С этого момента начался особенно мучительный период в жизни Евдокии и ее братьев:

...вот сетога и началас наша мучения уния умер муж а асталас доч падчирица и ана тыотки сказала ты мне нужна а тыи сироты не нужны куда хош туда и дывай туто наша тыотка и задумолас кудаже нас дыват назад вистыи уже небыло сила да и кагда забирала вето время атец был болин тыцфом ей было очинс нами трудно и ана низнала что дьелат ест нечива сама забольела...

Здесь мы подошли к самому драматическому месту в ее описании: тетка, которая хотела их спасти, в отчаянии пыталась убить своих племянников:

...и ана нас ришыла здъати в дъед дом нас ни бирот и ана нас ришыла утопить видном ерикe а была висна уже сели хлеб ана нас подвила керику и села и мы около

ния ана стала братишку ласкат стала иво вголови рыца и вето время привезла фартук на шею а в фартук камин и бросила иво в воду а я закричала и кинулас бижата...

Спас Евдокию и ее брата в этот момент счастливый случай:

...вето время мужчина вирхом налошады и несколько лошыдыей гнал поита всо это видьел бросилса в воду и достал маево брата развизал камен аткочал положи на бугорок и сразу рванулса доганата тьотку и стал свистьет и махат етам фартуком и здьес подехала машына это был председадьель колхоза он кинулса кнам допросил тьотку тьотка стаяла и плакола и нас вместеи с тьоткой повизли в город сталинград и нас апридьилили в дьед приеомник а тьотку в турму вскоре мы забольели тьифом...

Как мы выяснили, эпидемия тифа была в Царицыне в 1922 году. Значит, Евдокии в это время было около семи лет. Здесь мы обнаружили некоторую несогласованность в сведениях. Евдокия говорит о том, что ее забрали от отца в четыре года, называет дату события — 1921 год, а по исторической хронологии получается, что она была постарше — шести-семи лет. Мы думаем, что ее воспоминания неточны, и нам следует ориентироваться на дату 1922 год — год массового заболевания тифом.

После того как тетка умерла, люди, которые занимались их делом, посчитали необходимым объявить детям о ее смерти и посоветовали им «идти в дети» к чужим людям, если им предложат:

...а тьотка умерла подехала машына к больницы гдье мы лижали и нам открыли гроб паказали говорят вот ваша тьотка умерла таипер увас нет никаво вазможно вас кто вазмот в дьетаи то вы не пиречтаи идайтье...

Нам так и не удалось узнать имени и фамилии этой тетки, оказавшейся перед необходимостью страшного выбора и взявшей на душу грех убийства, и умершей вскоре от тяжелой болезни.

К сожалению, нам не удалось найти и конкретных сведений о детских домах Царицына. Они просто не сохранились: сгорели во время Сталинградской битвы.

Из одного из таких детских домов Евдокию взяли в приемную семью:

...и вот мина вскори вziali из сила безродного я уних до 8 льет и гора низнала...

Вероятно, это произошло в 1924–1926 годах.

«В ЛЮДЯХ»

Удивительное совпадение слов: Евдокия — сирота, без рода и попадает в село с таким же названием «Безродное», которое так же не дало ей родного дома. Как

удалось выяснить, село Безродное — это современный город Волжский Волгоградской области.

Приемных родителей предположительно звали Григорий и Анна Садчиковы. Так нам сказала старшая дочь Евдокии — Тамара, она помнит и внешность этих людей: Анна — худощавая старушка, а Григорий — невысокий дед с рыжей бородой. Забегая вперед, скажем, что они погибли в 1942 году. Из рассказа Тамары мы знаем, как это произошло: в тот день Григорий был в погребе, Анна, увидев самолеты, спустилась к нему — и тут вражеский снаряд попал как раз в это место.

Первое время в приемной семье Евдокия вспоминала добрыми словами: «...я думала что мне лутшева и нинадо...». Однако она тосковала о брате: «...но стала тосковать за братом каторой асталса в дъед дьоме...»

Да и жизнь в приемной семье была не из легких, приходилось много и очень тяжело работать:

...мина стали заставлята работата чистиета базы ганата скатаину напоела а калодъез был глубокий а видро дъля мина было очин тьжолое а надо ни мени зо ведьир воды скотаины было много да и гону дамой а сама ведры воды нису пригону на баз начинаю сено насита а как пакотьаца овцы сколько ягнат всех надо з раза кматаерам под пуштаита чтобы они посасальи да апят таскат а пака ани сасуд я из топлу в кухне чтобы им было тьепло да вхату натаскаю дров да кизек а если еста нимноголишнева время то мата праста учет а как начноца пахота то еду с ацом в полье поганаяу быков...

Через всю жизнь пронесла Евдокия обиду на приемного отца. Она вспоминала, что когда надо было погонять быков, то ей частенько доставалось кнутом по спине:

...да чтобы побороздье а как чути мимо сразу кнут вдоли спины жельели но и биль атьец...

Обидно было вспоминать, что не жалели ее тогда, когда она разбивала руки и ноги, все равно отправляли на работу:

...бывало ноги все вкров разатрош заноз паналазиет бола нивазможная а ни чиво ни скажал работай стало мне 12 лъет я 5 коров даила руки судоргою свадаило каров подаю проважу к постуху начинаю печ топить абед варита...

Судя по отношению к Евдокии приемных родителей, она им нужна была как работница, а ее не оставляла мысль найти своих родных.

Именно поэтому Евдокия очень обиделась на приемного отца, когда он фактически отказался взять к себе ее брата. Особенно ее обидело то, что он обманул надежды брата, пообещав взять его с собой позже. Она рассказывает об этом так:

...и вот аднаждѣ сацом была в польи и он мне признался что ездил в город и видѣл маего брата он спрашевал за мина и плакол и говарил что в дѣд доме стало очин плохо прасилса чтобы иво вziali куда нибуд в работники атец поабицал иди мол ждѣ а я кой что купльи и заеду затабою и абманул низаехл кагда он мне это рассказал я иво нивзльубила нинавидѣла...

Позже Евдокия узнала, что брат ее Николай умер в детском доме от тяжелой болезни.

Возможно, и приемные родители почувствовали, что Евдокия стала испытывать к ним не чувство благодарности, а обиду, и тоже, в свою очередь, еще больше их раздражала. Вскоре произошел случай, после которого Евдокия покинула их:

...и вот скоро малодѣба началас и я воврема малодѣбы ганала лошада покругу и ана мина вдарилъа и выбела мне 2 зуба и пирилом наги а атьец подбижал и ничего ни понел спрашывает что случильос а я вкрови и больи ужасныя а он мина ударил несколько раз уздою...

Оказал помощь Евдокии не отец, а посторонний человек:

...а по саседьцтву мужчина и увидал подскочил налошадѣ верхом подхватиль мина да в селасавед и всо рассказал и мина атправили в лѣнинск и я там 6 месецв лижала...

Навещала Евдокию в больнице только приемная мать:

Мама часто ездѣла камне а когда я выписалас привизли мина дамой...

Евдокию отделили от родителей и назначили ей опекуна — племянника матери, выделили ей долю, однако Евдокия была вынуждена покинуть село Безродное, которое не стало родным. Не взяла она и причитающуюся ей долю из хозяйства — «я скатѣину нивзала и уехала в город с мамаой».

Видимо, этот случай стал последней каплей терпения не только для Евдокии, но и для приемной матери. В городе Евдокия «наналас в нанки к свищенику и я уних жыла 2 года».

По ее словам, ей было тогда 14 лет. Вероятно, произошло это в 1926–1928 годах. Мы попытались установить имя того священника, у которого ей пришлось работать. Однако нам удалось только установить, что к 1931 году в городе Сталинграде осталось 18 священнослужителей. Полного разрыва с приемными родителями все же не произошло. Когда началось раскулачивание, приемная мать обратилась к Евдокии. Она предложила ей выйти замуж, чтобы разделить хозяйство, благодаря чему оно уже не подпадало в разряд кулацких:

...тут мама приехала замною и апата забрала мина и вскоре их стальи раскулачивата и ани мина уговарилъи и чтобы сахранита сваео имения...

Добрая Евдокия согласилась. Так она оказалась замужем за нелюбимым человеком, который был на восемь лет старше ее. Но благодаря этому приемные родители вернулись в свой дом. А Евдокия с мужем возвратились в Сталинград.

Муж Евдокии работал бетонщиком на строящемся знаменитом тракторном заводе. Завод строился в 1928–1929 годах.

Семейная жизнь, однако, не сложилась:

...я иво нильубила он был пняцца да играл в карты и я 2 года прожыла и ушла от ниво устроилас на работу коминдантом вобчизытья я проработала 2 года и мина пиривили в сталоваю из сталовой в буфет а тут я ушла на часною квартиру...

Благодаря переезду на квартиру Евдокия познакомилась со своим вторым мужем, с которым она прожила почти всю свою жизнь. Рекомендацию ее будущему мужу составили хозяева квартиры, которые находились в родстве с ним.

СВОЯ СЕМЬЯ

В 1931 году Евдокия вышла замуж за Федора Андреевича Залипаева (1910–1977). У нас сохранилось свидетельство о браке. Интересно, что в свидетельстве о браке с Федором Залипаевым Евдокия записана под той фамилией, которую дали ей в детском доме, значит в первом замужестве она не брала фамилию мужа или брак был не записан официально.

В семейном архиве сохранилась фотография молодой Евдокии. Сделана она, судя по ее возрасту и одежде, в 30-е годы. На этой фотографии она красивая, стройная, нарядно одетая и модно причесанная женщина. Возможно, это был один из самых счастливых периодов в ее жизни.

В воспоминаниях она написала:

... правда з года он был искаучительной апатом запил и досих пор я харошева нивижу...

Евдокия часто добрым словом вспоминала своего свекра — отца Федора — Андрея Ивановича, который жил в селе Горная Пролейка Дубовского района. Кстати, ее мужа Федора так же воспитывала мачеха, мать его, Марина, умерла в 1917 году, когда ему было семь лет. А с десяти лет он уже работал пастухом. Евдокия рассказывала, что свекра Андрея Ивановича всегда все слушали. Он был добрым и очень любил Евдокию, а она частенько «жаловалась» ему на мужа, знала, что как скажет отец, так и сделает Федор. Однажды был такой случай в их семье: когда сели все за стол, Федор полез своей ложкой в общий горшок со щами (стоял один горшок на столе и все ели из него). И тут же получил от отца деревянной ложкой по лбу, так как было заведено, что глава семьи, старший в роду, первым пробует пищу.

В браке с Федором Залипаевым до войны у Евдокии родилось пятеро детей: Мария (1933 г.р.), Виктор (1935 г.р.), Тамара (1937 г.р.), сын, имя которого неизвестно (1939–1941), Геннадий (1941 г.р.).

Федор работал на заводе «Красный Октябрь» в мартеновском цехе с 1930 года по 23 августа 1942-го, до той бомбежки, после которой город Сталинград превратился в руины.

У нас сохранилась справка, подтверждающая факт работы Федора Залипаева на заводе «Красный Октябрь». Для семьи эта справка имела большое значение, так как в трудовой книжке этот факт не был зафиксирован. Документ интересен тем, что он по-своему отражает военное время: со слов двух свидетелей, работников завода, Федор смог доказать, где именно с 1930 года по 23 августа 1942-го он работал. А для нашей семьи эта справка еще и фамильный раритет.

Несчастья обрушились на Евдокию в 1941 году. Еще до начала войны она тяжело переболела менингитом, к счастью, поправилась, а тут большая беда — началась Великая Отечественная война:

...а тут враз вайна я сдьитьями сидьела вакопе и хлыбнула горья голод бамбьожка всо гарит...

Евдокия рассказывала нашей маме, что в начале войны они жили недалеко от Мамаева кургана. Средняя дочь Евдокии, Тамара, которой на тот момент было пять лет, очень хорошо помнит вражеские налеты, как вокруг все горело и громыхало.

Евдокия спасала детей, как могла. Она смогла перебраться из района Мамаев курган в район поселка Городище:

...я здьитми ушла вгородьище и там нашла завалеонной акоп раскопала в глуп и натаскала саломы...

От голодной смерти в этот момент спасла умершая лошадь:

...нипадальоку вальбалас дохлая лошад я иео разрубилa какойто жьлезкой и покускам пиринесла какопе и вот еташм я спаслас...

Евдокия рассказывала детям о том, что Федор был ранен в бедро, и она его прятала от немцев в картошке, в землянке. Находились они в это время в Городище.

Любой день в это время мог стать последним. Евдокия Александровна рассказывала, как однажды немецкий солдат стал избивать ее, но это увидел офицер, дал солдату пощечину. А ей дал хлеба.

Но даже когда Сталинградская битва закончилась победой Советской армии, испытания еще долго продолжались. Выжить в условиях разрушенного города было нелегко.

Сначала Евдокия устроилась работать в госпиталь:

...а когда зашли наши я устроилас в госпитала где получала хлеба 200 грам и вот так и сохранилас в горадаи сталинградьи...

Нам удалось установить, что действительно с августа 1942 по январь 1943 года поселок Городище находился в оккупации. Когда Советская армия заняла эту территорию, там расположились полевые госпитали № 4949 и 3952.

Потом семья эвакуировалась в Днепропетровск: «...а патом евыкуировалас в днепропитровск...»

Нам не удалось выяснить, почему Евдокия с детьми уехала из освобожденного Сталинграда именно в ту область, где шли еще бои. Возможно, в почти полностью разрушенном городе очень трудно было прокормить семью, а там была надежда на более щедрю на урожай землю? Есть еще одна версия. Возможно, Залипаевы были командированы туда. Как известно, что с 1943 по февраль 1944 года шла ожесточенная борьба за Днепр. По окончании этой битвы были необходимы огромные усилия для восстановления народного хозяйства Днепропетровской области, и фашистские оккупанты направляли туда людей из освобожденных районов.

Как бы то ни было, поехала Евдокия с детьми сначала одна. У Федора трудовая книжка начинается с записи: «II Дистанция службы пути / ст. Божедаровка — Сталинградской Ж.Д. № 1: 1943 г. XII. 15 — Принят ремонтно рабочим 2 околотка II Дистанции сл<ужбы> пути». И только в 1946 году идет другая запись: «№ 2: 1946 г. IX. 15 — Переведен в распоряжения сталинградской дистанции сл. пути в связи с выездом». Это значит, что с декабря 1943 по сентябрь 1946-го Федор должен был находиться в Сталинграде.

Евдокия поехала на Украину уже беременной, и в селе Сорокопановка Днепропетровской области в 1944 году в семье Залипаевых родился сын Владимир.

Там же умерла старшая дочь Мария, которой в то время было 13 лет. Со слов Евдокии Александровны, Мария умерла от солнечного удара, работая в огороде.

Евдокия работала в парнике: «...я работала на парниках уйду рано и приду поздно...»

Семья жила очень тяжело, зарплаты, чтобы прокормить детей, не хватало, приходилось просить подавание:

...иду дамой и вкаждаю хату стучус пращу милостину кой чиво мне дадут я рада скоряя варуда кармльбу сваихдынтаей сгод мучилас апатом стальи давата паеок...

Трудная жизнь, видимо, спровоцировала тяжелые запои Федора: «...мой муж пита как стал замною гоната бита я ришыла чтонибуд над сабою здылат...»

Евдокия решила вернуться в Сталинград. Там Федор работал в мартеновском цехе на заводе «Красный Октябрь». Детей удалось устроить в детский сад.

В 1947 году Залипаевы вновь переезжают: «...мужа назначают на Кавказ...»

Из трудовой книжки Федора известно, что с марта по июль 1947 года он работал на железной дороге на Кавказе: «1947. III. 1 — Переведен на Северо-Кавказскую жел<езную> дор<огу>».

В то время Евдокия тяжело заболела. «... я астаюса спитьоркой и все малыа забальела и пападаю в больницу... я лижу 10 месецев без выхода худая пухлая...»

Как рассказывала сама Евдокия, когда она заболела тифом, а было это не в Сталинграде, а на Кавказе, ее младшему сыну не было и года. Дочь Тамара, ей было в то время десять лет, вспоминает, как сидела с маленьким больным братом и другими детьми на земле, просили у прохожих поест (ведь мать лежала в тяжелом состоянии в больнице) и у нее забрали этого ребенка какие-то люди, сказали, что в больницу. Когда Евдокия пришла в себя, ей сказали, что ее сын умер и дали какую-то справку. На самом деле его забрали бездетные супруги-врачи по фамилии Терновые. Они назвали его новым именем — Виктор.

Через несколько лет, при оформлении каких-то документов выяснилось, что справка поддельная и Евдокии грозит тюрьма. Она поехала в ту больницу, где был ее сын. Одна из санитарок узнала Евдокию и рассказала о том, кто забрал ее сына. Приемные родители уговорили ее не забирать у них ребенка, тем более что прошло несколько лет и он не помнит свою настоящую мать. Врачи жили очень обеспеченно и любили ребенка. А так как семья Евдокии находилась в большой нужде, было много детей, то она согласилась оставить сына в этой семье. Ей дали официальную бумагу, что ребенок жив и был усыновлен.

Но на этом эта история не закончилась. Через несколько лет однажды летом к ним в дом приехал молодой человек в военной форме и сказал, что он их сын. Виктор Терновой однажды узнал всю правду о своем рождении и из армии в отпуск приехал к своим настоящим родителям. Потом он не раз приезжал к ним со своим сыном. У нас хранятся фотографии, сделанные во время его приездов.

Вернемся в 1947 год. Этот год принес Евдокии большие переживания. Муж в трудное для нее время не стал ей опорой:

...а муженок разгульивает вышла из больницы на работу ниберут вса как скльанка пухлая силы нет вот и ришыла я завирбоваца на хлебоуборку станция филонова...

В это время ей пришлось заниматься поиском своих детей, которые были определены в разные места, пока она болела. Именно на Кавказе, в Минеральных Водах, она потеряла сына, а остальные дети находились в детдоме. Известно, что она их нашла и сама уже определила их судьбу:

...нашла дваих дьитьей и апридиллила в дьед дом а садною дочерю [с Тамарой] уехала и вот тамто я паправиас и заработала много хлеба я привезла в город прадала...

В примирении Евдокии и Федора участвовал председатель колхоза, при котором она трудилась:

...вадно прикрасноя время мина вызывает председатъель я еду в провльения а серца балит думая чтоже он мне скажет а он мне и говарит слушай маладушка а если бы вирнулса твой муж ты бы принела его ведь всо же утаибя он сколь дьитьей я гавару нет он мне много здьелал подлостаи и боль как сабаку безжалостаи но он стал мина уговариват я мол вам дам квартиру и вабиду недам но муж долго ни смог там жыта уехали апат в сталинград...

Примирение состоялось, и 5 апреля 1948 года родилась наша будущая родная бабушка, Любовь. А в 1950 году появилась на свет самая младшая дочь Евдокии и Федора — Татьяна.

Федор стал работать на железной дороге. В трудовой книжке мы прочли запись: «1948 г. — Дистанция пути ст. Сарепта IV. 1 — Назначен на должность путевого обходчика».

В Сталинграде Евдокия, наконец, собрала всех своих пятерых детей. Здесь она стала работать на железной дороге. Из трудовой книжки известно, что она начала работать на Сарептской железной дороге: с 7 декабря 1949 года по 6 июля 1951-го шлакоуборщицей, а с 7 февраля 1956-го по 31 октября 1958-го — принята «на 1 окол. на должность дежурной по поезду».

Трудно было симя большая нада накормит надо абута адьета о боже а муж пет да дьироца...

В семье Федора Андреевича и Евдокии Александровны родилось девять детей, шесть из них они вырастили и воспитали до взрослого возраста. В апреле 1952 года Евдокия Александровна была награждена медалью Материнства 1-й степени (удостоверение № 367758). Эта медаль и сейчас хранится в нашей семье.

Оставшись сиротой в раннем детстве, Евдокия стала очень хорошей матерью. В самые тяжкие времена она как могла оберегала своих детей, старалась растить их вместе, помогала и тогда, когда они стали взрослыми, когда они сами обзавелись своими семьями. Она стала очень хорошей бабушкой.

БОЛЬШИЕ ЗАБОТЫ О ВЗРОСЛЫХ ДЕТЯХ И МАЛЕНЬКИХ ВНУКАХ

Возможно, из-за недостаточных материальных средств в семье или из-за других причин дети в семье Залипаевых не смогли получить высшее и среднее специальное образование. Только Виктор Терновой, который воспитывался в другой семье, получил высшее юридическое образование.

Любовь, наша родная бабушка родилась после войны, в 1948 году. Казалось бы, ее судьба должна бы складываться легче и счастливее. Однако и ей выпали испытания. С детства она росла болезненным ребенком. В 14 лет заболела бронхиальной астмой. Работала санитаркой в больнице, проводником на железной дороге. Болезнь не давала ей полноценно работать, так как она месяцами лежала в больницах. Поэтому Евдокии Александровне приходилось брать на себя заботу о дочери и ее детях. А ее внучка, наша мама, Ирина, окончила в 2003 году педагогический университет, сейчас работает в библиотеке ВолГУ. Замуж она вышла в 1992 году за Пойлова Николая (1969 г.р.). В нашей семье трое детей: Алексей (1993 г.р.), Марина (1995 г.р.) и Андрей (2007 г.р.).

ПОДАРОК СУДЬБЫ

Евдокия, будучи ребенком, страстно мечтала найти хоть кого-нибудь из родных:

...я надъеелас разыската аца раднова бывало падружки играют наульци а я забюса в катух... и... риву... я мальус всу абедну стаю накольенах и всо прашу господы памаги мне найтти радных хатъабы кавонибут...

Ее желание сбылось самым неожиданным образом в 1966 году.

В этом году Евдокия Александровна с дочерью Татьяной поехала в гости к семье сына Геннадия, который временно работал и жил в Новосибирской области. Когда они сошли на перроне станции Барабинск, ее неожиданно окликнул мужчина: «Старикова? Дуся?» Оказалось, что это был ее дядя, Петр Лукьянович Стариков, который жил в этом городе.

Поражает этот случай тем, что, несмотря на прошедшие годы (более 40 лет!!!), (дядя видел Евдокию, когда ей было три-четыре года!!!), Петр Лукьянович узнал ее. Может быть, в этой истории проявилось то, что называют «зовом крови»? Или, скорее всего, то, что Евдокия была очень похожа на отца?

Петр рассказал Евдокии, что Александр, ее покойный отец, всю жизнь искал детей, но не нашел. Петр и передал Евдокии фотографии ее отца и матери. Так, Евдокия обрела наконец-то своих родственников: дядю и двоюродных сестер.

О судьбе своего отца Евдокия от Петра узнала немного. Связь с ним наши сибирские родственники потеряли еще до 1950 года. Когда и где умер Александр, мы не знаем.

Позже сибирские родственники не раз бывали в гостях у Залипаевых. Приезжали дети ее сестер, племянники Евдокии. Наша мама также ездила к ним в гости. Родственные связи поддерживаются и в настоящее время.

УХОД

Последние строки воспоминаний Евдокии Александровны особенно печальны:

...и вот вроде бы всех дутьей апридильлила асталис двоя чтобы нам надо и всоравно нет пакою пеот абзывает... я сума схажу боже скажы мне когда кончаца маи мучения дарагия читатььли вы мина не асуждайтъе если что самною случица я устала жыта я устала мучеца и душевноя бальезин хочит пакою гдье конец маеи муки сколько я пиринесла гарела умирала танула тьежело бальела и всо баролас а сичас аслабла всо науме только пакончит сабою гасподь не допускает о боже скажи мне гдье и сколько я буду мучеца послыи смерти мужа [Федор умер в 1977 году] я асталас с ридьи дутьей я надъеелас на них но вскоре пагип старшей сын... [Виктор умер в 1979-м] ...вскоре я забальела галавною болью но маео счастье я ни папала в лажки [в Ложках находится психиатрическая клиника] и вот сичас думаю какое горе и боль я всо пиринашу и прадалжаю писата...

На этих строках записи нашей прабабушки обрываются, видимо, она больше не писала. Во всяком случае, нам не удалось найти продолжения. Из этих записей понятно, что Евдокия Александровна чувствовала себя обделенной. Она очень обижалась на своего мужа, хотя прожила с ним 46 лет и смерть его горько оплакивала. Она пережила мужа на 22 года. Приходя на его могилу, всегда плакала...

Надо сказать, что дети Евдокии, прочитав записи своей матери, удивлялись, что она так горько писала о своей жизни с мужем. Они помнили отца порядочным, трудолюбивым, довольно уравновешенным человеком. Им казалось, что пристрастие Федора к алкоголю не было таким уж сильным. Более того, они были убеждены, что на самом деле не Федор, а Евдокия была главой семьи, Федор с ней считался. И только время от времени, приняв лишнего на праздниках, он действительно мог стукнуть кулаком по столу и обрушиться в гневе на жену. Вот эти моменты, видимо, не могла простить Евдокия своему мужу. Не могла забыть и его поведения по отношению к семье, когда она тяжело болела, а он не считал нужным или не смог сохранить всех детей вместе. Возможно, дети и не знали всех обид, которые носила в своей душе Евдокия. Наверно, она намеренно не посвящала детей во все трудности и обиды. Прощала мужу все, чтобы дети жили в семье. Как и любая мать, она, конечно, хотела, чтобы дети были счастливы. К сожалению, и это, возможно, было связано с не очень гладкими отношениями между родителями, дети Евдокии трудно устраивали свои семьи. Многие были женаты дважды, многие в какой-то момент решали жить врозь...

И все же были в жизни нашей прабабушки счастливые минуты. Бабушка Дуся, так называли ее внуки, была очень доброй, ласковой. Любила вязать и всегда одаривала детей и внуков красивыми варежками и носками. Долгими зимними вечерами она пряла на прялке и рассказывала внукам сказки. Каждый год в праздник Рождества Евдокия Александровна всегда ждала гостей-славильщиков, любила слушать и от внуков стихи и песню, которую от нее они и знали. Было у внуков и любимое лакомство от бабушки — фруктовая пастила, которую каждое лето делала Евдокия.

В семейном архиве сохранилось много фотографий семьи Федора и Евдокии Залипаевых, и везде мы видим Евдокию с мужем рядом, несмотря на описанные

ею семейные неурядицы. Много фотографий, на которых Евдокия Александровна запечатлена с внуками и правнуками.

В последние годы жизни жила по очереди то у одной, то у другой дочери. Последние дни перед больницей Евдокия жила в нашей семье. Евдокия Александровна умерла 22 июля 1999 года.

В настоящее время у нас есть сведения о 54 потомках Евдокии и Федора Залипаевых. Это 3 дочери, 13 внуков, 32 правнука, 6 праправнуков.

Евдокия Александровна прожила долгую и очень трудную жизнь. Какие только испытания ни выпадали на ее долю! И раннее сиротство, и детский дом, и потеря всех родных братьев, и попытка убийства, совершенная родным человеком, теткой. И надежда обрести новую семью, и горькое разочарование. И первое замужество не по любви. И второе — тоже не слишком счастливое замужество. И страшные испытания военных лет. И похороны детей... И огромные материальные трудности, когда семья находилась на краю голодной смерти. И, как прочли мы в воспоминаниях, ей было порой так тяжело, что хотела и руки на себя наложить. Но все-таки все выдержала, все перенесла. Пережила мужа. Пережила троих детей и нескольких внуков.

Мы все благодарны своей прабабушке, что она выжила сама и сохранила жизнь большинства своих детей. Даже само выживание в условиях, в которых она жила — большая заслуга. Сохранив жизнь своих детей, она тем самым дала шанс на жизнь всем своим многочисленным потомкам. Прочитав внимательно ее записи, мы поняли, что ее натура была глубже и ранимее, чем думали окружающие. Когда она писала эти воспоминания? Судя по событиям, упоминаемым в них, — после 1980 года, судя по разным чернилам — не в один присест. Для кого писала она о своей жизни? Для себя или для нас? Для того, чтобы мы помнили ее? Для того, чтобы мы прониклись сочувствием? Ведь эти листочки были сложены с вещами, которые она приготовила на свои похороны. Значит, она хотела, чтобы мы нашли эти записи после ее ухода. А может быть, эти записи были сделаны для себя? Для того, чтобы освободиться от горьких воспоминаний? Простить, наконец, мужа? Примириться со своей судьбой?

Как бы то ни было мы благодарны нашей прабабушке Евдокии Александровне за все: и за воспоминания, и за саму жизнь.

«А дух славянский жив и будет жить
во веки, ибо с нами Бог наш»
Судьба семьи Семиз на фоне российской
истории 30–60-х годов XX века

Анастасия Заварзина

г. Владимир,

научный руководитель В.С. Бузыкова

Моя работа посвящена замечательной женщине — Милене Душановне Семиз, а также ее матери Наталье Дмитриевне Семиз, в девичестве Роговой.

В музее нашей гимназии хранится большой архив учительницы математики нашей школы Нины Александровны Мясоедовой. Она скончалась в 1942 году и была похоронена на Князь-Владимирском кладбище на семейном захоронении Мясоедовых. Последним здесь стало захоронение Романа Дмитриевича Рогова, мужа Ольги — родной сестры Нины Александровны. Он умер в 1964 году. Его дочь Ирина Романовна Рогова передала в наш музей весь архив своей семьи: семьи Мясоедовых по материнской линии и Роговых-Семиз по линии отца.

Большую часть этого архива составляют фотографии, записные книжки, личные документы Романа Дмитриевича 30–50-х годов, открытки и письма родственников. Самое большое количество писем было написано Роману Дмитриевичу сестрой Натальей Дмитриевной Семиз (в девичестве Роговой) и ее дочерью Милой Семиз. Нашлось множество фотографий Константина, сына Романа Дмитриевича от первого брака. На одной из них он был изображен с маленьким мальчиком, и на обратной стороне была надпись: «Тятка и Митька. 1956 год». Значит, внука Р.Д. Рогова звали Дмитрий Константинович Рогов.

И мы решили попробовать разыскать его через Интернет. Признаюсь, в глубине души ни Вера Сергеевна Бузыкова (руководитель нашего музея), ни я не надеялись, что из этой попытки что-нибудь получится. А ждала нас сенсация! Набрав имя Дмитрия Рогова, на экране компьютера крупными буквами появилось имя Анны Андреевны Ахматовой! Зайдя на сайт, я увидела интервью филолога В.Д. Дувакина с Миленой Душановной Семиз о ее встречах с Анной Андреевной. Милена и ее мать Наталья Дмитриевна познакомились с ней в 1938 году. Сын А.А. Ахматовой Лев Николаевич Гумилев сидел в печально известных «Крестах» вместе с отцом Милены Душаном Ивановичем Семизом. В опубликованном интервью В.Д. Дувакин сообщал, что в предисловии к своей поэме «Реквием» Анна Андреевна пишет о женщине, которая стояла вместе с ней в многочасовой очереди в тюрьму и тихо спросила ее, сможет ли она описать происходящее вот здесь. И Анна Ахматова ответила: «Могу». Этой женщиной была Наталья Дмитриевна Семиз, «урожденная Рогова: 1882–1965, врач». На сайте также сообщалось, что подробнее о Душане Семизе можно узнать из статьи Д.К. Рогова «Из истории одной российской семьи», опубликованной в 6-м выпуске «Опочининских чтений» (Мышкин, 1998). Все совпадало: Семиз, Мила, Душан, Мышкин, Д.К. Рогов!

Дальнейшее исследование показало, что у нас в музее хранятся более 20 писем людей, которых хорошо знали, уважали, любили, ценили многие выдающиеся представители науки и культуры России. Милена Семиз, работая в Эрмитаже, дружила с его директорами И.А. Орбели и Б.Б. Пиотровским, переводчиком М.Л. Лозинским.

Жизнь Милены Душановны, ее отца Душана Семиза, талантливого журналиста и писателя, матери Натальи Дмитриевны, одной из первых в России женщин-хирургов, предстала передо мной в наиболее острые периоды истории России XX века. Душан Иванович Семиз (1884–1955) оказался в России в конце XIX века. Он был выслан подростком из родной Сербии за скандал с наследным принцем, перед которым, по семейному преданию, похвастался древностью своего рода. После окончания Полтавской духовной семинарии поступил на юридический факультет Петербургского университета.

В 1938 году жену и детей Д.И. Семиза определили к высылке из Ленинграда как семью репрессированного. Но благодаря ходатайству известной актрисы Александринского театра Е.А. Корчагиной-Александровской, бывшей тогда районным депутатом, и директора Эрмитажа И.А. Орбели, высылка была отменена.

В Петербурге-Ленинграде Душан Иванович опубликовал много статей и книг по истории и культуре южных славян, об исторических путях России и Сербии. Его работы публиковались как на русском, так и на сербском языке.

В годы первой мировой войны Д.И. Семиз был военным корреспондентом, вел ежедневные записи об увиденном. Фотографии различных военных эпизодов, сохранившиеся в архиве, представляют большой исторический интерес.

Сегодня архив Д.И. Семиза находится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 470). После смерти Милены Душановны ее архивные материалы вошли в фонд отца.

В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Одно из ранних писем Роману Дмитриевичу Рогову от Милены датировано 28 июня 1942 года. Она пишет ему уже из Мышкина после выезда с матерью, сестрой Р. Д. Рогова, из блокадного Ленинграда:

Милый, родной дядя Рома. Очень давно хотела написать тебе и вот когда собралась. О том, что позади, ты уже знаешь со слов очевидцев. Скажу тебе одно, и не вывези я ее, она бы умерла... Конечно, жалко брошенного дома в Ленинграде, а главное книг, не надо их было увозить от тебя. Ну, да что делать. Люди гибнут... а мы потом как-нибудь нарботаем себе и своим родителям.

Это письмо — единственное, где Милена упоминает о своем пребывании с Натальей Дмитриевной в блокадном Ленинграде. Из него невозможно узнать никаких фактов, никаких эпизодов их жизни в эти страшные месяцы зимы

1941/42 года. И мне казалось, что узнать больше, чем написано об этом в письме, нереально. Как я ошибалась! Нет, имя Милены сохранилось в нескольких дневниках блокадников, работавших вместе с ней в Эрмитаже и которые продолжали с ней переписку после ее отъезда из города.

В Интернете имя Милены Душановны я встретила в потрясающих дневниках Александра Николаевича Болдырева и Игоря Михайловича Дьяконова, молодых тогда сотрудников Эрмитажа, ставших впоследствии крупными специалистами-востоковедами, докторами наук, профессорами, авторами огромного количества научных трудов.

В своих дневниковых записях Игорь Михайлович Дьяконов пишет о том, как они с Миленой Семиз участвовали в эвакуации сокровищ Ленинграда в начале войны:

Прибытие и отбытие машин шло потоком ко всем подъездам. Мы с Миленой Душановной Семиз стояли на Иорданском подъезде. Нашей обязанностью было записывать номера ящиков, грузившихся на каждую машину, и получать в нашей описи расписку военного, сопровождавшего груз: — Сопровождающий, расписаться! Мы сдавали ящик за ящиком, которые проволაკивали по доскам на крыльцо, и затем выходили к машине за распиской. Эта деятельность продолжалась три дня из недели, занятой эвакуацией. В последнюю ночь я спал полчас — машины шли круглосуточно — я так устал, что еще год спустя несколько раз просыпался ночью от своего голоса: «Сопровождающий, расписаться!» В последний вечер эвакуации, когда уехала последняя машина и увезла последний ящик, мы с Миленой Душановной поднялись наверх и прошли по залам. Всюду, километр за километром, висели пустые рамы и багеты, валялась стружка, как будто кто-то дорогой выехал из квартиры; и мы расплакались от усталости и опустошенности. Было, кажется, 1 июля.

Чуть ниже он описывает царившую в городе обстановку:

Между тем, всюду обсуждался вопрос о том, удержится ли само советское правительство. Как-то я говорил у Малого подъезда Эрмитажа с нашей эрмитажной античницей, Александрой Ильиничной Воициной, и подошла ее мать. Когда заговорили об этом вопросе, я сказал, что речь идет не о власти, а о существовании России. Мать Александры Ильиничны очень взволновалась и сказала:

— Спасибо, молодой человек, что вы вспомнили о России. При мне к Милице Эдвиновне подошла Милена Душановна Семиз и сказала:

— Что происходит, разве нас так учили!

Милица ответила ей:

— Сталину сейчас тоже очень тяжело!

Милена прямо сказала, что она хотела на Сталина.

Конечно, И.М. Дьяконов не стал цитировать дословно высказывание Милены Душановны о Сталине, но понятно и без этого, что оно было крайне отрицательным.

Исключительно ценную информацию о Милене Душановне и Наталье Дмитриевне Семиз я нашла в Интернете, набрав для поиска имя Натальи Дмитриевны. К моему великому счастью в Сети я обнаружила интереснейшую, в полном смысле уникальную публикацию дневников бывшей сотрудницы Эрмитажа Ксении Владимировны Ползиковой-Рубец, которая в годы войны работала учительницей в школе, но поддерживала тесный контакт с работниками музея. Среди ее близких знакомых оказались Милена и Наталья Дмитриевна Семиз. Публикация называлась «Город-фронт на Неве» и рассказывала о страшнейших днях блокадного Ленинграда. Вот некоторые отрывки, связанные с именами моих героев:

Боря Пиотровский заболел и лежит у Н.Д. Флиттнер. Сильно похудевшая Н.Д. кормит четырех кошек. Его пришла навестить Н.П. Кипарисова и потом рассказала обо всем увиденном И.А. Орбели, который, говорят, рвал и метал, и кричал, что отнимет 1-ю категорию у человека, который ее тратит на кошек. Милена возмущена. Свою кошку они тоже кормят и людей расценивают как людоедов, если они едят кошек.

Я боюсь осуждать такие поступки жителей блокадного Ленинграда, но моя симпатия сегодня все-таки на стороне Милены и Бориса Борисовича Пиотровского, которые испытание голодом делили вместе со своими домашними животными.

В другом месте дневников Ксения Владимировна пишет:

С шумом меня окружает семейство Семиз. Они — старожилы и поклонники этого убежища, они многое перепробовали: Кронверкский особенно пострадал и при бомбежках, и при обстреле. Они перебрались оттуда в сентябре ко мне. Но когда к нам попал снаряд, они удалились обратно к себе. Во время тревог уходили в щели, захватив с собой лопату для откапывания (на случай, если рухнут подпорки в щели). Милена рассказала мне, что недавно лежала на улице под обстрелом, и снаряд разорвался совсем рядом, но она осталась цела. Дом их на Кронверкском опять пострадал, и Орбели дал им пустующую квартиру сослуживца. Но на ночь они забираются в убежище.

Это очень важная информация, дающая яркую картину жизни блокадного Ленинграда, когда люди ежедневно и почти ежедневно подвергались смертельному риску. Две хрупкие беззащитные женщины мечутся по городу в поисках безопасного угла. Сегодня это воспринимается как фильм ужасов.

Я читала дневники Ксении Владимировны и с трудом могла поверить в реальность описываемых событий. О жизни в бомбоубежище сотрудников Эрмитажа она пишет:

Первым из моих знакомых здесь умер Вальтер. Он умер в помещении охраны скотечно. Перед этим его подняли на улице с тяжелым чемоданом. Он надрывал себя, стремясь весь скарб сосредоточить в Эрмитаже. Сюда, в убежище, пришел

умирать Юрий Подгаецкий. Он и его жена все отдавали ребенку. Окончательно себя доконал, когда хоронил брата, непомерно израсходовав хлеб и свои физические силы. Он пришел в Эрмитаж обессиленным. Утром товарищи заметили, что он в полусознательном состоянии и не отвечает на вопросы. Позвали Н.Д. Семиз. Она поняла, что это агония. Жена Юрия решила похоронить его в могиле брата, но родственники отказались пойти на кладбище показывать место захоронения. Милена с Борей дали по 250 руб. людям, отвезшим его на кладбище. Умер Рейхерт, а на другой день его жена — умерла тихо, в темноте, одна. Милена Семиз называла еще многих, но их я не знаю.

Каждый день видеть смерть и понимать свою обреченность — как это страшно! Но эта дневниковая запись помогает увидеть и людей, которые стараются из последних сил помочь своим близким и знакомым. Милена и Борис Пиотровский дали по 250 рублей людям, которые отвезли скончавшихся сотрудников Эрмитажа на кладбище. Милена Душановна, наверное, получала такой же паек и такую же зарплату, как и другие сотрудники Эрмитажа, в том числе и те, которые умирали от голода.

Милена уехала из Ленинграда, спасая мать от смерти. В 1942 году отца Милены, Душана Ивановича Семиза, должны были освободить из лагеря, но его не освободили ни в 1942-м, ни в 1943-м, ни в 1944-м. Он был выпущен после войны на очень короткий срок — и снова репрессирован. Но тогда, в 42-м, его жена и дочь были готовы покинуть блокадный Ленинград еще и потому, что за пределами осажденного города надеялись хоть что-нибудь узнать о самом дорогом для них человеке.

Хочу заметить, что все молодые сотрудники отдела Востока Эрмитажа, где работала и Милена Семиз, после войны добились больших научных успехов, стали докторами наук, написали много трудов. А Милена Душановна ушла из жизни, не имея ни званий, ни наград, ни научных степеней.

ВО ВЛАДИМИРЕ. ЛЕТО–ОСЕНЬ 1943 ГОДА

О пребывании Милены во Владимире сохранилось всего три письма, датированных августом–сентябрем 1943 года. Из них видно, что условия жизни во Владимире оказались настолько тяжелыми, что они приняли решение вернуться в Мышкин:

31.Х.43 года. Дорогой дядя Рома! Наши дела все те же и поэтому, хотя это, как мы говорим, неправильно, но мы принуждены ехать в Мышкин. На носу осень, сыро, дров не нашли (неразборчиво) и таскать стало очень тяжело по грязи, а лес далеко. Трудно очень биться в жизни, как рыба об лед и потеряв оседлость. Ну надо терпеть.

Две женщины с высшим образованием — врач и музейный специалист — не могут обеспечить своего существования в старинном русском городе недалеко от Москвы. Никто не может им помочь. Они — родственники врага народа. Они столько пережили в блокадном Ленинграде, но это никого не волнует. Чуть

живыми они приехали в Мышкин, но там нет работы. Они бросают Мышкин, с огромным трудом добираются до Владимира, но и здесь беспросветно.

К моему величайшему удивлению в архиве нашего школьного музея я нашла газету «Призыв» за 24 октября 1943 года со статьей Милены Душановны о Золотых воротах. Правда, она была напечатана уже после выезда Милены в Мышкин. Тем не менее она свидетельствует о работе Милены в нашем музее, о первых ее исследованиях памятников городской старины.

Еще с бóльшим удивлением уже в декабре 2011 года я читаю появившуюся в Интернете поэму о Милене Душановне, которую разместил Владимир Корман. Он познакомился с ней во Владимире в годы войны. Тогда ему было десять лет. Он пишет:

В 1942 г. мне довелось познакомиться с Миленой Душановной Семиз. Это почти легендарный человек, оставивший о себе яркую память в Ленинграде, Мышкине и в Москве. Как мне показалось, во Владимире ее забыли, именно поэтому я и написал о ней свои стихи, чтобы напомнить о ее пребывании у нас во время эвакуации. Счастлив, что ошибся, что владимирцы ее помнят...

Летом этого [1942] года я с приятелями по улице и школе были почти беспризорными. Под влиянием дошедших до нас легенд решили разведать подземные ходы под Успенским собором. Кто-то из музейных работников вышел к нам — насколько помню, это была директриса музея — и, улыбаясь, объяснила, что это всего навсего вентиляционные люки старой обогревательной системы, устроенной в храме до революции. Но с этого дня на целый год между группой мальчишек и работниками музея установилась дружба.

Владимир Корман вспоминает, что осенью Милена Душановна с матерью стала приглашать ребят к себе, взяла над детьми шефство и давала им для прочтения книги по истории и художественную литературу.

Среди ребяташек военных лет, в памяти которых имя Милены Душановны осталось ярким пятном, был и друг Владимира Кормана Григорий Моисеевич Жислин. Сегодня он профессор-математик в Нижегородском университете, автор свыше сотни научных работ. В своем письме он сообщил много интересного о связи с владимирскими музейщиками в годы войны и о дружбе с Миленой Душановной.

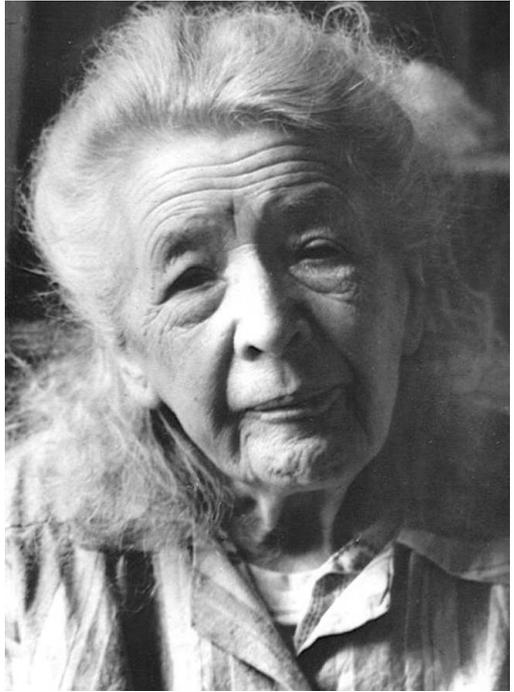
Она жила в малюсенькой комнате (квартире?) в самих Золотых воротах. Мы приходили, вроде она угощала нас чаем и показывала всякие исторические редкости. Запомнилась фигурка из времен Древнего Египта. Этой фигурке было несколько тысяч лет и она произвела на меня сильнейшее впечатление. М.Д. давала нам читать книги и не только исторические. Одна из книг произвела настолько яркое впечатление, что я уже в зрелом возрасте решил ее перечитать. Но название вылетело из головы и помнил я лишь благородного главного героя по фамилии Сигоньяк. И только с появлением интернета я обнаружил, что это был роман Готье «Капитан Фракасс», который я, конечно, перечитал с удовольствием. Я не исключаю, что М.Д. не случайно давала читать именно эту книгу, стараясь воспитать в нас лучшие качества.

Милена Семиз
в период работы
в Эрмитаже.
Середина 1930-х

Письмо Милены
Семиз Роману
Рогову

7/11 48. Дорогой, родной, Дядя Рома!
Вчера получил твое письмо, хорошее письмо. Возьми
спасибо тебе. Я тут недоволен движением в оба
адреса и особенно движением в один из них. Решено
у нас пойти к тебе, приехать в 10. Ходим мы с
нашей мамой на ст. Волга ее вокзал и тут же все
встрели с нашими в наш кабинет. Там себе
представь 4 км. без звука. Мы дошли, сбили ноги,
хотим, как бы кто-то бы, увидев день нечестно
и го показав. Но теперь я слышу.
С тобой я поеду в Москву, какой-то для меня
ты тогда будешь у нас в семье, а Ирина у нас
создаст у себя.
она была хорошая, но худшая. В имени она
была. Ты ее очень любишь, она сдана и
мне и ей. Нам пишу, я за нее рада
опять, прошу тебя, а мужики не пишу.
Дорогой, беспроблемно.
С тобой я поеду в Москву, какой-то для меня
есть идея поехать - и все она. Но можно пойти
к тебе. Я тебе предлагаю, что могу пойти за мной
какой-то дом мой. А именно в дом с парадом
моя мама с мамой. Будет что-то и
мне. Ты ведь - моя душа, что я понимаю
своему духу сидеть либо в больнице либо
идти в школу. Ну или Бог знает.
Который человек недоволен своим здоровьем.
его и твой письма недоволен
тебе и тебе дай, дай, дай
и дай тебе дай, дай, дай
мне же дай дай и
дай, дай

Милена Семиз
в конце 1970-х

Дом на улице
Никольской, где
жила семья Семиз

ПИСЬМА ИЗ МЫШКИНА

В архиве Романа Дмитриевича Рогова сохранились 11 писем от Милены. Все они наполнены одним желанием: скорее добиться освобождения отца. Роман Дмитриевич — опытный юрист, близкий родственник, которому она полностью доверяет и уверена в том, что он может помочь освободить отца.

Очень прошу тебя, дорогой, напиши сразу же, не откладывая, ибо это важнее всего, надо ли мне самой ехать в Москву и что ты можешь сделать папе?! Я во всем полагаюсь на тебя и верю, ибо ты все знаешь и понимаешь до дна души.

Сколько надежды и отчаяния в этих строчках!

Милену угнетает отсутствие работы в Мышкине. Весной 42-го она пишет дяде:

Делать здесь нечего и местные работники приезжих берут в штыки. В колхозе я из-за своего здоровья (увечье с почками) работать не могу. Предложили мне место во Владимире в музее — 400 рублей и комнатка маленькая. Вот хочу спросить только совета, как? Ехать ли? Не глупо ли из-за папы жить в Мышкине. Очень прошу обдумать и дать совет.

Роман Дмитриевич советует ей переехать во Владимир. Милена и Наталья Дмитриевна приехали во Владимир в конце мая или начале июня, однако прожили они здесь очень недолго. Условия жизни во Владимире оказались столь тяжелыми, что оставаться здесь было невозможно. В письме от 3 сентября 1943 года Мила пишет:

Дорогой дядя Рома. Наши дела все те же и поэтому, хотя это, как мы говорим, неправильно, но мы принуждены ехать в Мышкин. Из Москвы пишет мне подруга из Новодевичьего м-ря, есть надежда на получение работы под Москвой, но это дело времени — месяца, а то и двух. На носу осень, сыро, дров не нашли и таскать стало очень тяжело по грязи, а лес далеко. Вообще все это плохо, отступление, но оставить здесь маму категорически нельзя. Трудно очень биться в жизни, как рыба об лед и потеряв оседлость. Ну, надо терпеть. Лично я только боюсь за мать — может быть, ей там в какой-то мере будет лучше. Да, словом положение такое, что рассуждать не приходится, когда жизнь берет за горло.

Читая письма Милены, невольно начинаешь погружаться в тягостные будни того времени. Она верит в помощь Романа Дмитриевича и торопит его.

Дорогой дядя Рома! Уж ты прости, но поскольку ты мой поверенный, а «мы ужо вас отблагодарим», я и бомбардирую тебя письмами. Вчера получили разрешение на въезд в Мышкин, так что надо хлопотать скорее с отъездом, это раз. И вчера же пришло письмо от папы, он был представлен к освобождению на 14 августа, но, видимо, сорвалось и просит подтолкнуть в Москве. Если у тебя ничего не вышло — дай телеграмму, попробую тогда проехать сама, пока мы еще здесь поблизости. Словом, умоляю, не молчи. Не сплю ночи. Совсем обе с матерью изводимся.

Из Владимира Милена, благодаря связям дочери Романа Дмитриевича Ирины удается побывать в Москве. 1 октября 1943 года она пишет дяде:

Дорогой дядя Рома! Вчера вечером в 11 ч. благополучно прибыли во Владимир. Съездила хорошо. Видела всех, много наших эрмитажников, а главное Орбели. Хлопочет обо мне и моем переводе в Москву. Чудно! О папе все узнала — подала заявление, все дело, говорят, в распоряжении местных властей. Может быть, есть смысл поехать в Архангельск?!

Уже наступил конец октября 1943 года, а Душан Иванович продолжает оставаться в одном из лагерей Архангельской области. Уже целый год его освобождение задерживается без всяких оснований. Вернувшись в Мышкин, Милена пишет Роману Дмитриевичу:

Дорогой дядя Рома! Наконец-то приехали в Мышкин. Дорога была трудная... В Мышкине ждали меня известия из Москвы о том, что делу дан ход и отослали мои заявления в Архангельск. Папа же прислал письмо, где пишет, что не имеет от нас сведений уже 4 месяца. Псылаю еще заявление на место с просьбой ускорить дело. Сама жду вызов в Москву... В Мышкине тихо и темно совершенно, нет никакого света, это действует угнетающе. Хорошо еще осень стоит чудная, сухая и теплая. Есть картошка, рыба, словом, проживем пока, хотя и трудно.

Каждое письмо Милены по-прежнему полно надежды на освобождение отца. Она продолжает верить и надеяться на работу в музее где-нибудь недалеко от Москвы, а может быть, и снова в Эрмитаже. Милена пишет:

С Галей я посылаю в Москву копию заявления. Мои дела с Москвой в тумане. Никто ничего не пишет. Говорят мои друзья, что эрмитажников скоро будут собирать либо в Свердловске, либо прямо в Ленинграде. Ну, как Бог решит. Костя прислал письмо очень хорошее. Твои и его письма неизменно теплые и всегда дают радость и бодрость нам, старушкам. Мама так и говорит: «Без слова теплого не проживешь». И за это огромное тебе спасибо. Вспоминаю наши с тобой разговоры до дна души. Хорошо! Ну, Бог даст, увидимся скоро. И я верю в хороший исход, а дух славянский жив и будет жить вовеки, ибо с нами Бог наш.

В письмах Милены полностью отсутствуют какие-нибудь отзвуки советского патриотизма, которые так часто можно встретить в письмах военного времени. Она живет в своем мире, в котором главными ценностями являются семейные и дружеские связи, духовное родство, вера в бога.

В архиве Романа Дмитриевича не сохранилось писем Милены за 1944 год, а за 1945-й сохранилось только одно. Оно написано в августе из Ленинграда. Из него видно, что Милена все-таки получила вызов в Ленинград, но она вынуждена из него уехать.

Дорогой дядя Рома! Отсюда еду на днях в командировку в Ярославль, т. е. обратно. Здесь невероятно трудно получить площадь. Надо стать на учет и ждать...

А Эрмитаж, хотя и обещал, но ничего не дал, т.к. не имеет, вызвали на ничто. У меня планы другие. Хочу жить около Москвы и буду за это бороться. Здесь меня одолевают призраки прошлого и порой одолевает такое отчаяние, что реву белугой. Была на Волковом кладбище, нашла в полной сохранности могилу бабушки, только березки спилили... Здесь мне все не по душе. Хорошо бы нам всем иметь место около Москвы, подумай об этом. Жить надо по новому, с начала и на новом месте.

Параллельно с дочерью письма брату пишет и Наталья Дмитриевна:

Дорогой Ромочка! Мила тебе писала обо всем. К сожалению, из ее хлопот ничего не вышло. Из А/х пришел ответ, что оснований актированию нет. Мы снова обжаловали, ссылаясь на циркуляр, о котором ты писал.

Идут месяцы и годы, а Душан Иванович продолжает оставаться в заключении. 14 июня 1945 года Наталья Дмитриевна пишет:

Очень мы огорчились письмам Душана. Домой он не собирается, во всяком случае, если это и будет, то только в конце года. Подумай, какая жестокая несправедливость. Он в отчаянии, потерял голову, не знает, что предпринять. Ведь здоровье его очень плохо и каждый день важен. А бытовые условия снова ухудшились. Писать может только 2 раза в месяц. Посылку, посланную из Орехова, еще не получил, а мою, посланную в одно время с ней, получил 29 апреля. И еще послала 29 мая. Еще скажи, Слава Богу, что еще кормить разрешают.

Успокаивая брата при получении известия о серьезном заболевании его жены, Наталья Дмитриевна пишет:

Как тебе ни плохо, помни, что родственное горе $1/2$ горя, всей душой с тобой... Вот наш страдалец сколько лет мучается, больной, никто за ним не ухаживает, никто слова ласкового не скажет, ничто не скрашивает его жизнь, и всей душой он рвется домой, чтобы хоть глаза закрыла любящая рука.

И дальше в этом же письме:

От Душа вчера было письмо. Наша посылка шла всего 7 дней. Но сейчас даже посылки его не радуют. Страстно хочет домой, до сердечной муки. Здоровье плохо. Ноги отекают до колен, надо бы лежать, но он работает 12 часов в день.

8 июля 1945 года Наталья Дмитриевна сообщает брату:

Вот и амнистия объявлена и, как следовало ожидать, не для нас... Собственно говоря, Душан всегда протестовал против слова амнистия, которой должно предшествовать преступление, а у него его нет. Не знаю, что же теперь с ним сделают. Письма от него давно не было.

В письмах Наталья Дмитриевна очень часто называет Душана Ивановича «наш мученик»:

Наш мученик живет все также плохо. Хоть бы умер то на наших руках.

Облегчение матери и дочери дает вера в бога.

Дорогой Ромочка, сегодня Милуша именинница, мы с ней ходили в церковь. У нас там завелся хороший священник, который действительно устроил «храм» и вызывает всеобщую симпатию. Сейчас, когда все люди страдают, хорошо сделали, что в церкви и признанием духовенства открыли как бы форточку народной скорби.

Страдания и тревоги за близких людей, тяжелые бытовые условия отражаются на здоровье Натальи Дмитриевны.

Я совсем состарилась за эти годы и часто прибегаю к «плакончику» в виде люминала — сонного, чтобы не думать. Это у Лескова есть рассказ про «плакончик» утешитель.

Несмотря на то, что Милена вынуждена была уехать из Ленинграда, расстаться с Эрмитажем, она как человек глубоко верующий не придаетя отчаянию, верит, что сможет собрать своих родных вместе, рядом под Москвой и еще сможет быть счастлива в кругу близких себе по духу и крови людей. Ей хотелось устроиться в каком-нибудь музее рядом с Троице-Сергиевой лаврой, но ее надеждам не суждено было сбыться. Душан Иванович не был освобожден. Это произойдет только в 1953 году после смерти Сталина.

Последнее письмо Милены дяде написано в 1955 году. Она пишет Роману Дмитриевичу о смерти Душана Ивановича и просит простить за давний разрыв с ним.

Дорогой дядя Рома!

Я давно хотела написать тебе, а сейчас пишу перед лицом великого горя. Ушел от нас навеки горячо любимый страдалец наш — папа. Горе слишком велико и непереносимо. Мама в таком ужасе.

Дядя Рома, я виновата, что писала тебе тогда резкое письмо. Мной двигала тогда любовь к отцу, может быть, я не поняла тебя. Мне казалось, что ты ухудшил его положение, если бы твое письмо юристу пошло в ход. Ну, теперь это все дела ушедшие. Искренне сожалею.

Тебя жалею и люблю. Прости! Часто вспоминаю, как я приезжала к тебе в Орехово и мы ночевали вдвоем в пустом доме в комнате бабушки. А тетя Маня была уже больной в Москве. Помню, как ты приезжал к нам.

Еще раз прости. Забудь все и пиши нам с мамой. Скоро ведь и нам всем идти в дальний путь, из которого нет возврата. Хорошо, что у тебя есть внук, о котором ты мечтал — Дмитрий Рогов.

Ну, будь спокоен. Твоя несчастная Мила.

ПОЕЗДКА В МЫШКИН

Город Мышкин — родовое гнездо семьи Роговых. Здесь прошли детство и юность матери Милены Натальи Дмитриевны и ее дяди Романа Дмитриевича Рогова. Здесь с 1942 по 1967 год Милена Душановна прожила четверть века практически безвыездно. Чтобы больше узнать о жизни Милены Душановны в этом городе, мы с Верой Сергеевной поехали в Мышкин, где нас ждали сотрудники Опочининской библиотеки. Она расположена в красивом уютном особняке бывшего купца первой гильдии Чистова.

Самое большое помещение библиотеки — Александровский зал (когда-то в нем действительно встречали императора Александра III). И здесь, между двумя высокими окнами, мы увидели застекленный шкаф, на всех полках которого были представлены совершенно удивительные фигурки, одетые в одежду XVIII–XIX веков. Это были не просто маленькие куколки, выставленные в ряд, это было нечто потрясающее. Эти фигурки «жили» в интерьере своего времени. Тут были и роскошные гостиные, и столовые, и кабинеты дворян, их спальные комнаты и девичьи. Жизнь высшего света ожила перед нашими глазами. Все это было выполнено одним человеком — Миленой Душановной Семиз.

Это оригинальное творчество Милены Душановны не осталось незамеченным. Статьи искусствоведов о куклах Милены Душановны были опубликованы в нескольких советских журналах. Так, в журнале «Декоративное искусство в СССР» за 1982 год искусствоведы В. Сергеев и Н. Барская пишут:

Во «дворце» Милены Душановны эпохи живут слитно, цельно... В их соседстве, единстве большая радостная правда. Этой правде создательницу научила мудро прожитая жизнь, научил родной Эрмитаж, под крышей которого уживалось прекрасное, созданное чуть ли не всеми временами и народами. Тщательно одетые по моде своего времени дамы и кавалеры топчут луг, цветы которого — часть вышитой салфетки, крошечная ключница несет на кольце настоящие ключи, изумительный натюрморт на столе не скрывает своего родства с простенькой брошкой, из которой он сделан. Трудное время и трудная жизнь научили Милену Душановну использовать спичечные коробки для ящичков изящнейших столов, пробки от духов и крышечки от тюбиков с пастами как основу ампиричных сервизов строжайшей формы; обрывки птичьих перьев для вееров, превращать ампулы от лекарств в стройные, узкогорлые бутылки «Вдовы Клико».

В Опочининской библиотеке мы познакомились с воспоминаниями жителей Мышкина, которые знали Милену Душановну и общались с ней. Вот, что рассказывает Калерия Александровна Арефьева:

Тогда я узнала, что по субботам у Милены Душановны и Натальи Дмитриевны собирается узкий круг друзей на чашку чая нашей мышкинской интеллигенции. Участницей этих чаепитий была и учительница мышкинской средней школы Нина Николаевна Мехова. «Это были вечера-беседы о современной жизни, — говорила она. — В эту тесную компанию входил и круглинский батюшка. Появлялся

он в сумерках, в светской одежде, в темно-синем пальто и такой же шляпе. К ним не раз приезжал поэт Всеволод Рождественский».

Эти рассказы еще раз убеждают, какой незаурядной личностью была Милена Душановна, как нужен был ей тот круг друзей, который был у нее в годы работы в Эрмитаже, в годы жизни в Ленинграде. Как ей хотелось быть среди бывших коллег: Бориса Пиотровского, Александра Николаевича Болдырева, Игоря Михайловича Дьяконова, Натальи Дмитриевны Флитнер, Александры Владимировны Банк, Милицы Эдвиновны Матье, Исидора Михайловича Лурье и других сотрудников отдела Востока Эрмитажа. Все они с середины 50-х до середины 60-х годов стали докторами наук, совершали научные экспедиции, писали и публиковали научные труды, преподавали в институтах, получили профессорские должности. В начале 30-х годов они вместе с Миленой Душановной начинали свою научную карьеру в Эрмитаже. Но, наверное, уже после первого ареста отца в 1929 году на нее легла тень политической неблагонадежности, которая сделала для нее путь продвижения по службе более трудным, чем для других. Душана Ивановича должны были освободить в 1942 году. Но волокита с освобождением тянулась до смерти «великого вождя». Вместо четырех лет, незаслуженных лет заключения, он просидел в лагерях 15! И все эти годы вместе с ним страдала его семья: сын, дочь, жена. Письма, хранящиеся в нашем школьном музее, яркое этому подтверждение.

Директор библиотеки Галина Владимировна Бешметова провела для нас экскурсию по городу Мышкину. Мы подошли к дому на улице Никольской, где жила семья Семиз. На доме есть мемориальная доска, на которой указано, кому принадлежал этот дом, а также что в этом доме часто бывал известный советский писатель и библиофил Всеволод Рождественский. В 50–60-е годы он часто приезжал на лето в Мышкин с семьей и всегда останавливался в доме Семизов.

Поездка в Мышкин помогла мне хоть немного приблизиться к миру моих героев, увидеть этот почти игрушечный Мышкин, большой деревянный дом, в котором сейчас живут совсем другие люди. Мы увидели памятную доску на доме Роговых-Семиз, мы узнали, что память о них действительно до сих пор жива. И тот мир, который они создавали вокруг себя в Мышкине, лишь сегодня начинает быть понятным современному горожанину. Я поняла, почему новая советская мораль не могла разрушить старые вековые семейные узы этой семьи, изменить и переделать этих людей на новый лад. Я поняла, почему Душан Иванович так рвался в этот дом, к своему семейному очагу. И он дожид, чтобы родная рука закрыла ему глаза. Дом, семья, любовь близких, желание творить вокруг себя добро и красоту — вот главное в жизни человека. И семейство Роговых-Семиз несло в себе это через все преграды, горе и страдания.

ПЕРИОД РАБОТЫ В МУЗЕЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА ИМ. АНДРЕЯ РУБЛЕВА В МОСКВЕ

Последний период жизни Милены Душановны Семиз связан с Москвой и ее работой в должности заведующей библиотеки Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева, располагавшегося на территории бывшего Спасо-Андроникова

монастыря. Здесь Милена Душановна вновь обрела круг друзей, близких ей по духу и глубине знаний. А может быть, способствовала собиранию и сплочению коллектива этих истинных любителей русского искусства.

Вот как вспоминает атмосферу, царившую в музее Андрея Рублева в 60–70-е, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. Горького В.М. Гуминский:

В музее имени Рублева спасали, возвращали к жизни древнюю живопись, и это общение с живописными образами преображало людей. Все они были людьми верующими, церковными. Что, конечно, не афишировалось. Более того, скрывалось. И Бог хранил их тайну. Вероятно, это был единственный в столице коллектив, не имевший партийной организации. Здесь, в стенах бывшего Спасо-Андроникова монастыря, бывали в гостях, подолгу беседовали с сотрудниками и друзьями музея митрополит Антоний Сурожский, Дмитрий Сергеевич Лихачев, первый гость с Запада Леонид Алексеевич Успенский.

Виктор Мирославович в своих воспоминаниях очень ярко описывает регулярно происходившие в музее чаепития, которые были своеобразным ритуалом. Он пишет:

Но, конечно, главным лицом за столом была Милена Душановна Семиз. В музее она заведовала библиотекой, однако не эта скромная должность определяла ее первенствующее положение в музейном обществе. Я всегда именно такой представлял себе французскую королеву Екатерину Медичи, когда читал романы о мушкетерах Александра Дюма. Ее гордо посаженная голова, царственная осанка, нерусская красота выразительного лица с глубоко посаженными глазами, тонким носом с аристократической горбинкой; пышная копна густых, с сильной проседью волос, упорно сопротивлявшихся любым попыткам собрать их хотя бы в некоторое подобие прически, — все это складывалось в образ женщины властной и незаурядной, привыкшей повелевать, а не подчиняться.

О незаурядности Милены Душановны свидетельствует такой случай, описанный Виктором Мирославовичем:

Милена Душановна была способна на совершенно неожиданные поступки. Так, в 1973 г. на свой страх и риск она предложила Сергею Сергеевичу Аверинцеву креститься, причем не где-нибудь, а прямо здесь, в помещении музейной библиотеки (креститься в церкви было нельзя, так как там требовали паспорт, после чего неизбежно следовали серьезные неприятности на работе). Тот, не задумываясь, согласился. К тому времени С.С. Аверинцев был уже кандидатом филологии, автором монографии «Плутарх и античная биография» (за нее он, кстати, получил премию Ленинского комсомола) и целого ряда статей («Новый Завет», «Христианство» и т. д.) в «Философской энциклопедии». Таинство крещения совершил приглашенный Миленой Душановной о. Владимир Тимаков, служивший тогда в Николе на Кузнецях. Все прошло благополучно: крестной была сама Милена

Душановна, крестным отцом — Вадим Васильевич Кириченко. А затем, по традиции, последовало торжественное чаепитие.

Письма Милены Душановны и Натальи Дмитриевны Семиз, которые нашлись в архиве нашего школьного музея, подтолкнули меня к началу большого интересного поиска.

Работа по изучению судьбы М.Д. Семиз помогла мне увидеть жизнь советской России прошлого века, не похожую на ту, которая существовала на страницах газет, журналов, экранах телевизоров, и отличавшуюся от той, в которую были погружены миллионы советских людей. Я узнала, что в СССР жили люди, которые несмотря ни на что продолжали жить по законам христианской морали.

Хлеб наш насущный Из истории моей семьи

Александра Катеман

г. Санкт-Петербург,

научный руководитель Т.Н. Бойко

Отче наш, иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
Да придет царствие Твое,
Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.
Хлеб наш насущный даждь нам днесь...

Когда я была еще совсем маленькой, я как-то упросила свою маму показать мне, что это такое: хлеб насущный; это выражение я знала по молитве. Для этого мы отправились в булочную. У меня, оказывается, был свой образ хлеба насущного, потому что, когда мама показала мне на батон и сказала, что это он и есть, я не согласилась. «Нет, это не хлеб насущный», — уверенно сказала я. И багет, и сладкие булочки, и даже белый «кирпичик», все это, по моему мнению, не подходило под определение хлеба насущного. Наконец, перебрав почти все, мама нашла для меня какие-то небольшие серые хлебцы, и только в них я, наконец, признала «хлеб насущный».

Конечно, тогда, в четыре года, я не знала, что хлеб насущный — это не только хлеб. Что это наша каждодневная пища, которую мы едим дома, часто не задумываясь, почему у тебя в семье готовится именно это блюдо. Хлеб насущный связывает нас с нашими родными, с предыдущими поколениями, со своим народом...

Семейное меню — это самая наглядная семейная традиция. Как реликвия или семейное предание, оно бережно сохраняется и передается из поколения в поколение. В нашей семье нет кулинарной книги с семейными рецептами, они достаточно просты и потому передаются устно. Но почти за каждым блюдом стоит своя история, связанная с теми или иными людьми и событиями. Она обычно рассказывается за общим семейным столом и вызывает другие истории и воспоминания. После еды иногда раскрываются фамильные альбомы с фотографиями, чтобы взглянуть на участников тех событий и вспомнить еще что-нибудь замечательное.

«НЕДОПАД» — ЛЮБИМОЕ БЛЮДО ПРИНЦА

В нашей семье очень популярно блюдо, которое называется «недопад». Это жаренный слуком, солью и перцем рассыпчатый фарш, в который в последний момент жарки добавляется сметана. Это очень сытное и вкусное блюдо. Моя прапрабабушка научила готовить его мою прабабушку, та — моего дедушку, а он — мою маму.

А любил это блюдо принц Александр Петрович Ольденбургский, дядя царя. Ему на завтрак готовила «недопад» кухарка, моя прапрабабушка Анна Антиповна Маркова. Ее муж, мой прапрадедушка, Дмитрий Федорович Ольшанский был унтер-офицером в царской армии. Видимо, он хорошо себя показал по хозяйственной части, за что и был приглашен принцем на должность управляющего в его дворец, который находился на Дворцовой набережной, 2 (сейчас это здание Университета культуры и искусств).

У Анны Антиповны и Дмитрия Федоровича было двое детей: Михаил и Зинаида. Вся прислуга жила в подвальных помещениях дворца, там прошло и их детство. Мой прадедушка даже помнил парады на Марсовом поле, где видел наследника престола в матросском костюмчике.

ПИРОГ С ГРИБАМИ

Прапрадедушка умер еще до революции, в 1915 году. Мой прадед, Михаил Дмитриевич Ольшанский, в эти годы учился в реальном училище.

Вот один из забавных фактов его юности. Будучи студентом реального училища, он со своим другом подрабатывал статистом в Мариинском театре. Однажды в опере «Борис Годунов» они должны были выносить на сцену трон самому Федору Шаляпину. Друзья поставили трон на сцену, а потом взяли и сами уселись на этот трон. «Пошли прочь!» — шикнул на них Шаляпин. На этом их артистическая карьера и закончилась.

Михаил Дмитриевич связал свою судьбу с флотом. Дослужился до капитана 1-го ранга, получил гражданскую профессию инженера по гребным винтам. Он имел несколько изобретений, например, устройство для экспериментального исследования моделей соосных винтов.

Во время Великой Отечественной войны Михаил Дмитриевич Ольшанский воевал на торпедных катерах: сопровождал военный транспорт в Балтийском море, обеспечивая ему защиту от нападений вражеских кораблей. Его семья — жена Мария Алексеевна, мать Анна Антиповна и двое сыновей Родлет и Миша — сначала находились в блокадном Ленинграде, а потом эвакуировалась на Большую землю.

С эвакуацией связано сильнейшее гастрономическое впечатление моего дедушки, Михаила Михайловича Ольшанского, которому в начале войны было четыре года. Он сам написал об этом в рассказе «Пирог с грибами», который хранится в нашем семейном архиве.

Воспоминания войны так глубоко врезались ему в память, что даже долгий жизненный путь не мог их стереть. Звуки войны он помнил всю свою жизнь и говорил, что никогда не слышал ничего страшнее и противнее. Ему запомнились изможденные лица родных. Из еды — суп с опилками вместо крупы. Хлеб — из отрубей и сена.

Отправляя свою семью в эвакуацию, Михаил Дмитриевич отдал им единственную свою драгоценность — месячный паек табака. Пачка оценивалась на черном рынке в две буханки хлеба. Это почти 1,5 кг. Дневная норма работающего человека в первую блокадную зиму была 250 г в сутки, на детей и женщин выделось 125 г. И это был весь дневной рацион.

Чудом добралась семья до Большой земли. Их машина останавливалась по дороге, ломалась. Но на рассвете они уже были вне опасности. Какие-то машины из их каравана ушли под лед, какие-то заблудились в ночи. Кто-то из беженцев замерз в пути.

Старший брат дедушки Родлет пошел добывать съестное (он родился 7 ноября 1927 года, в десятую годовщину Октябрьской революции. В то время модно было давать революционные имена, типа Владлен, Марксина или Электрификация. Имя, которое отец придумал своему сыну, было в духе той эпохи: Революции Октября Десять ЛЕТ). Он обменял часть табака на пирог с солеными грибами. Вкус этого пирога остался в памяти дедушки на всю его жизнь. Он никогда больше не пробовал этот пирог. Моя мама рассказывает, что Михаил Михайлович никогда не пытался испечь его, потому что он боялся, что у него не получится испечь такой пирог и его воспоминание будет ослаблено из-за этого.

Вот как сам дедушка пишет об этом: «Что самое вкусное на свете? Каждый человек назовет несколько своих любимых блюд, но назвать одно единственное не сумеет, а я вот смогу. Это, конечно, пирог с солеными грибами, тот пирог из далекого детства, из БЛОКАДЫ. Никогда больше я не встречал это блюдо, никогда не пробовал его еще раз, но вкус до сих пор помню».

КНИГА ВОСПОМИНИЙ БАБУШКИ

Моя бабушка, Нина Александровна Бугрина, всю блокаду с матерью Натальей Георгиевной Аникиной-Кудишкиной и младшим братом Володи находилась в осажденном Ленинграде. Они жили на Английской набережной (бывшая набережная Красного Флота) сначала в доме 64, потом в доме 66.

У детей была дистрофия третьей степени. Голодная дистрофия, полнейшее истощение, от которого умерло большинство ленинградцев в блокадную зиму 1942 года.

Жизнь в блокадном городе, события тех времен так врезались ей в память, что, повзрослев, она записала свои воспоминания. Получилась рукописная книга. В этой книге несколько глав. В одной из них бабушка рассказывает о выступлении их детского садика перед ранеными. В другой главе она описывает быт военного времени. Глава «Первый обстрел и первая бомбежка» посвящена сильнейшей бомбежке, которую пережили маленькие Нина и Володя:

Вдруг с самолетов начали отделяться продолговатые черные предметы. Там, где они падали на землю, раздавался оглушительный взрыв, все погружалось в смрадный черный дым, вспыхивало пламя... Люди в панике бежали. Бежали

и мы. На голой поверхности моста нельзя было укрыться, а мы находились как раз на середине моста... Задыхаясь от бега, спотыкаясь, охваченная каким-то паническим ужасом, я не могла оторвать взгляда от самолетов и от роя бомб, непрерывно сыплющихся на землю...

Мне казалось, что они падают медленно, как в замедленной киносъемке, приближаются, словно нехотя... Взрыв оглушительной силы перед нами. Все померкло в глазах, сердце стучит, как бешенное. Мы бросаемся на землю, я лежу, закрыв голову руками, зажмурив глаза. Когда я открываю глаза — все вокруг красно, все ярко-алое... Но это не краснота в глазах, а действительно красным залит тротуар. Кровь. Мы бежим по крови. Вот перед нами лежит неподвижно женщина, вот еще какие-то люди. Фугаска угодила в трамвай, и он, развороченный стоит поперек рельсов.

Очень неожиданной была для меня глава, в которой бабушка описывает, как они, дети, уже после блокады ходили к пленным немцам, чтобы обменивать у них кусочки хлеба на самодельные игрушки.

Самое сильное впечатление на меня произвела глава под названием «Отец». В этой главе бабушка рассказывает о своем отце Александре Тимофеевиче Бугрине, ленинградском художнике. Великая Отечественная война застала его на выпускном курсе Академии художеств. С первых до последних дней войны он был в рядах Красной армии, на Ленинградском фронте.

Бабушка хорошо помнит, как провожали отца на фронт, как долго отец держал ее и брата на руках, не имея сил с ними расстаться. Но когда началась блокада, Нина как будто забыла отца. И когда в один из февральских дней зимы 1942 года отец пришел навестить их, дети не узнали его и даже дичились. И отец не узнал своих детей, так они изменились за полгода.

Это были два маленьких скелета, — писал он потом своей матери, — два старичка. Их руки и ноги — это одни кости, даже кожа на них сморщилась...

Отцу дали увольнительную на сутки, чтобы навестить семью, находящуюся в блокадном Ленинграде. Он шел в лютую стужу по оцепеневшим и вымороженным улицам, тысячу раз скользя и спотыкаясь, шел целый день, через весь город, под обстрелами и бомбежками, в тонкой шинели, ветхой гимнастерке, брезентовых ботинках. Под шинелью, в железном солдатском судке отец нес Нине и ее брату гороховый суп — свой солдатский паек. Он копил свои порции несколько дней, чтобы отдать эту еду детям. Вкус этого супа бабушка запомнила на всю жизнь.

Поэтому и грибной пирог, и гороховый суп — такие незамысловатые блюда, запечатлелись в памяти моих бабушки и дедушки как символ любви их отцов в то страшное военное время.

Александр Тимофеевич Бугрин не только воевал на Ленинградском фронте, но и продолжал рисовать. Его работы, главным образом портреты, были представлены на блокадной выставке в мае 1943 года.

Дмитрий Ольшанский с женой Анной и детьми Михаилом и Зинаидой. 1909

Рисунок Владимира Бугрина

Елена Ольшанская (верхний ряд 3-я слева). Пионерлагерь «Авроровец», 1979

Тема войны и блокады продолжала жить и в его послевоенном творчестве. Сохранилась фотография, где Александр Тимофеевич изображен в 1948 году за работой над картиной «Салют Победы».

ЯИЧНЫЙ ПОРОШОК

Когда открыли второй фронт, с едой стало получше. Появились американские продукты — кокосовое масло удивительного белого цвета и яичный порошок. Его смешивали с водой и жарили. Получалось что-то типа омлета. Но все равно было голодно. От голода особенно страдал брат моей бабушки, Владимир Бугрин. В 1944-м ему было шесть лет. Однажды он нашел банку с темно-желтым порошком.

Находка его очень обрадовала — ведь это тот самый яичный порошок, такой вкусный и питательный! Не разбирая вкуса Володя стал жадно поглощать этот порошок, он съел почти целую банку, пока не почувствовал сильное жжение. Ведь это был совсем другой порошок — горчичный! Его рот стало жутко жечь, так что он не мог ничего сказать. Он выпил воды, но от этого только усилился огонь во рту. Володя обжег себе весь пищевод, понадобилась срочная госпитализация. В больнице врачи спасли ему жизнь, но болезнь он себе нажил. Вот насколько сильный голод был у ребенка во время блокады, что он даже поначалу не разобрал, что ест, так как для него главным был не вкус, а сама еда.

Владимир Бугрин в дальнейшем стал художником, так же, как отец, окончил Академию художеств. Будучи участником выставок неофициального искусства (например, выставки 1975 года в ДК «Невский»), подвергся преследованиям и был вынужден эмигрировать. Долгие годы, живя вне пределов нашей страны, создавая новые произведения, участвуя в выставках, Владимир Александрович не забывал свое блокадное детство, рассказывал об этом своей жене и детям.

Он смог приехать в Ленинград только когда началась перестройка, в 1988 году. Последние годы его жизни тоже прошли в нашем городе, в той же квартире на Английской набережной. В это время Владимир Александрович сделал несколько иллюстраций к книге воспоминаний своей сестры. Интересно, что Владимир Александрович — выпускник школы № 238, тогда еще мужской. В этой школе учусь сейчас и я.

ПИРОГ РОДИТЕЛЬСКОГО ДНЯ

Как и у всех ленинградцев, блокада — эта самая трагическая страница жизни нашей семьи. Следующее поколение, поколение наших родителей, родилось в самую благополучную эпоху советского времени, в период так называемого застоя. В отношении еды это было время стабильное, но без изысков. Как и рецепты тех времен, в которых смешивались друг с другом простые и доступные продукты.

Моя мама, Елена Михайловна Ольшанская, как и большинство советских школьников, часто проводила лето в пионерском лагере. В лагере «Авроровец» работали разные кружки.

Мама записалась в кружок молодой хозяйки. Там ее научили готовить два блюда: рыбу под майонезом и «кружевной пирог». Ингредиентов требовалось немного. Но до сих пор эти блюда пользуются у нас неизменным успехом. Мама рассказала нам о том, как молодые хозяйки должны были приготовить шесть «кружевных пирогов» для угощения родителей в родительский день. Маргарин, яйца, сахар, мука — все было в достатке, но на шесть пирогов им было выдано только пять баночек клубничного джема, которым надо было смазывать пироги. Джем тогда был дефицитом, многие захотели его попробовать, и джема, естественно, не хватило. Руководительница кружка была очень недовольна, ей пришлось открывать шестую баночку, на которую у нее, возможно, имелись особые планы.

«Кружевной пирог» вызывает у мамы воспоминания о лагерных линейках, на которых поднимался флаг, тихом часе, пионерских кострах. И я думаю, что этот ее опыт для нас, ее дочерей, уже неповторим, так как связан с эпохой, которая произошла в истории только один раз, и хорошо ли или плохо ли, но она больше не повторится.

КОММУНАЛЬНЫЕ РЕЦЕПТЫ

Большинство блюд, которые мы готовим в семье, относятся к эпохе застоя, который тогда назывался «развитым социализмом». Для него характерны большие государственные учреждения, фабрики, заводы с огромным количеством рабочих мест и зарплатой, которой хватало на скромную жизнь без излишеств. Продукты питания в то время были доступны по цене, но не разнообразны. Кулинарные книги не продавались в таком количестве, как сейчас. Люди сами составляли свои кулинарные книги, обмениваясь рецептами с сослуживцами, соседями, вырезали рецепты из журналов «Работница», «Крестьянка» или даже «Наука и жизнь». Рецепты того времени отличаются простотой и не включают в себя никаких особенных ингредиентов. Если это рис, то это рис. И не надо уточнять какой он — длиннозернистый, белый или коричневый (о существовании последнего вообще никто не знал). Если в рецепте была упомянута рыба, то подразумевалась треска, окунь или минтай, или уточнялось, что это лосось в банке. Это было время так называемого дефицита, люди радовались приобретенным продуктам и считали удачей, если им удавалось купить что-то редкое или почти не появлявшееся на полках магазинов.

В советское время многие люди жили (и даже до сегодняшнего дня иногда живут) в так называемых коммуналках. Это квартиры, в которых семья или отдельный человек занимали одну или несколько комнат, вместе пользовались ванной, туалетом, кухней («местами общего пользования»), а также коридором и прихожей. Такие условия поневоле сталкивали людей друг с другом, заставляя их выстраивать какие-то отношения.

Конечно, если люди делили общую кухню, то интересные новые блюда, которые рядом с тобой готовила твоя соседка, не могли не привлечь внимания. Возникали вопросы, давались советы, делились опытом... Бывало так, что вся квартира «заболела» каким-то рецептом. Моя мама помнит, что в квартире ее бабушки, в которой проживало 14 человек, такими общими рецептами были: творожная запеканка, 12-часовой пирог и чайный крем к торту «Наполеон». К сожалению, рецепты первых двух блюд у нас не сохранились, а чайный крем готовится просто: стакан с очень крепким, сладким, холодным чаем по чуть-чуть вливается во взбиваемое масло до полного растворения.

Сосед маминых родителей — он был из Одессы — научил их готовить баклажанную икру: четыре баклажана, четыре помидора запечь в духовке, затем, очистив от шкурки, перетереть с чесноком, добавив соль, перец, подсолнечное масло и уксус.

Это блюдо сезонное, а вот блюда, которыми мы угощаем гостей в праздничные дни, пришли от коллег моих бабушки и дедушки. Это салат «Мимоза», который у нас называется «генеральским» (рецепт с бабушкиной работы), это салат охотничий из моркови, лука и зеленых помидоров, залитых горячим маринадом. Маринадами занимался дедушка, и особенно хорошо ему удавались маринованные грибы. Рецепт он разработал сам. И теперь только мама в нашей семье владеет им. Могу лишь сказать, что в маринад для грибов кладутся пряности и сахар.

Семейные обеды, праздничные застолья — часть нашей семейной культуры. За столом мы рассказываем о прошедшем дне, слушаем воспоминания взрослых. Я думаю, мне и моей сестре удастся сохранить эту традицию. Мы едим блюда, которые теперь, когда мы знаем их историю, являются для нас отголосками времени. У нас довольно часто готовится «недопад», и мы вспоминаем при этом принца Ольденбургского, чьи заслуги перед отечеством стали признавать в последнее время. А грибной пирог и гороховый суп, такие незамысловатые блюда, стали для нас символом любви отцов наших дедушек и бабушек в страшное военное время.

Рецепты времен «застоя», записанные от руки в блокнотах и тетрадках, — отголоски того времени, когда из обычных продуктов, которые иногда с трудом приходилось добывать, хотелось приготовить что-то оригинальное.

Ненаписанная кулинарная книга моей семьи — это книга воспоминаний. Читая ее, я переживаю историю своей семьи. Кулинарные традиции — ниточка, которая связывает у нас разные поколения, разные времена. Каждый раз, когда мы садимся за стол, мы чувствуем эту связь. Умение сохранять традицию способствует сплочению семьи, помогает выстоять в трудных обстоятельствах, что как раз и было проверено на примере моих близких.

по ту сторону правды

Люди города N

Алексей Губанов, Ольга Павлюченко, Артем Рыжонков
г. Новочеркасск, Ростовская область,
научный руководитель Е.Г. Губанова

Эта работа посвящена судьбам представителей интеллигенции нашего города в 1920-х — начале 1930-х годов. Показать положение, в котором оказались эти люди, мы решили через историю профессоров Донского политехнического института. Власть пыталась сломить их, потому что ей казалось, что они самим фактом своего существования уже представляют для нее угрозу.

Источниками для этой работы стали материалы дела «Промпартии» из архива ФСБ по Ростовской области, публикации местных газет 1926–1930 годов, документы Государственного архива Ростовской области и другие.

ДОНСКОЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

2 марта 1907 года был издан закон Совета министров России, одобренный Госсоветом и Государственной думой, об учреждении в Новочеркаске Донского политехнического института. В соответствии с этим законом институту полагались 19 кафедр. Кафедру по прикладной геологии занял Петр Николаевич Чирвинский, кафедру полезных ископаемых — Петр Петрович Сушинский. Приезд этих двух выдающихся ученых из Петербурга в Новочеркасск был, несомненно, большой удачей и значительно повышал статус нового института и самого города.

Сегодня мы не можем определенно сказать, почему они приняли это предложение, ведь в столице их научная карьера развивалась достаточно благополучно. Возможно, их привлекли новые перспективы, которые могло дать заведование кафедрами в новом учебном заведении. В их судьбах много общего, они пересекаются, несмотря на то, что оба родились и жили поначалу в разных городах, но в дальнейшем они работали в Минералогическом кабинете Санкт-Петербургского университета совместно с В.И. Вернадским, М.А. Семеновым-Тянь-Шанским, А.Е. Ферсманом.

Петр Сушинский после переезда в Новочеркасск собрал обширные минералогические коллекции, начал работу по изучению геологических особенностей Донской области. А Петр Чирвинский фактически создал новую кафедру, читал лекции и на других факультетах. В 1911 году он получил за свои исследования Ломоносовскую премию.

Спустя много лет, когда в 1931 году оба ученых были арестованы, на допросах в ОГПУ они вспоминали о многих проблемах, с которыми пришлось столкнуться в новом вузе.

Как отмечает Сущинский, в Новочеркасск были переведены преподаватели из Варшавского политехнического института, закрытого за участие студентов в революции 1905 года. Часть потом вернулась в Варшаву, а часть во главе с «математиком Зиминим, который отличался реакционным направлением, был ярким антисемитом и большим поклонником казаков», остались в Новочеркасске. По словам Сущинского, в университете отдавалось предпочтение местным кадрам. Эта ситуация обижала ученого, более того, его начали считать «либералом». В профессорской среде образуются группы: малочисленные «либералы» и преобладающая — пассивно-консервативные преподаватели. Борьба шла за автономию института и выборность ректора.

Петр Сущинский не был мягким, покладистым человеком, он мог и высмеять, и сказать колкость, потому отношения с ректором и некоторыми преподавателями у него были напряженные. При этом он видел своей целью не просто научную деятельность, но и работу по развитию образования в нашем городе и области, причем образования, основанного на либеральных подходах и идеях. Не случайно именно он стал первым выборным ректором ДПИ.

П.Н. Чирвинский в показаниях, данных на следствии, также подчеркивает, что жизнь в царской России была не идеальна. Он вспоминает и недостаточно быстрое присуждение титула, соответствующего занимаемой должности, и отсутствие благосклонности начальства (видимо, он также относится к группе «либералов», добивавшихся выборности ректора), и свое участие в протестах против царской власти.

Из показаний Петра Чирвинского:

Сидел за студенческие беспорядки в 1905 г. Укрывал большевика Шлихтера (нарком Земледелия Украины)... В чисто служебном отношении в царское время я не имел почти никакого продвижения — достаточно сказать, что я только по должности профессора считался статским советником, а так был коллежским советником. Ни за что меня не допускали к должности декана и т. п. Со своим кабинетом прикладной геологии я дольше всех мариновался в тесном временном помещении и т. д. Все это, конечно, исторические мелочи, но характерные для того, чтоб не иметь повода видеть во мне личность, видевшую в прошлом достаточно прелестей, которые бы могли меня сбивать с пути честного советского специалиста.

П.П. Сущинский и П.Н. Чирвинский были знакомы задолго до приезда в Новочеркасск, ведь они работали вместе в Петербурге. После переезда они продолжают общаться, вместе работать. В своих дневниковых записях за разные годы В.И. Вернадский не раз упоминает их фамилии, следит за их судьбой; в архиве сохранилась их переписка с Вернадским. К нему же с просьбой о помощи обращается Елизавета Ивановна Сущинская после ареста мужа и своего ареста в 1937 году. Ферсман добивается реабилитации Чирвинского в 1944 году и даже выдвигает его кандидатуру на выборы в Академию наук.

Круг таких высокообразованных людей России был достаточно узок, и появление в Новочеркасске профессоров из Москвы и Петербурга давало возможность и донским студентам попасть в этот круг, в первую очередь в качестве учеников своих педагогов. Традиции столичной и европейской научной среды они попытались привить и в Новочеркасске. Д.П. Сердюченко, выпускник ДПИ, отмечает: «Лекции профессора Чирвинского усердно посещались студентами, аудитория была всегда полной» (из показаний Сердюченко). Лекции Сущинского были менее яркими, но он часто приглашает наиболее способных студентов к себе домой в гости, так что они получали возможность общаться и после занятий. При этом сам Чирвинский говорит о себе, что он «плохой компанеец», не любит пить, редко бывает в театре, а Сущинский, наоборот, любил повеселиться, любил компании.

Так или иначе, но за короткое время они смогли заложить основы новой геологической школы, занимаясь не только прикладными, но и теоретическими исследованиями.

ВРЕМЯ НАДЕЖД

«Февральская революция и свержение самодержавия значительной частью профессуры и в особенности „младшими преподавателями“ была встречена с восторгом», — так характеризует настроения преподавателей и студентов к революции П. Сущинский. Именно он становится первым избранным ректором. Время было тревожное, но всеяло надежды. Даже приход к власти большевиков не виделся тогда окончательным: «произошедшее после Октябрьской революции объединение казаков и избрание атаманом Каледина заставило меня, как и большинство профессоров надеяться на победу казачьих войск над красными». Профессора активно включились в общественную жизнь, они не входили в правительство Каледина, но принимали участие в работах крестьянских съездов. Приближение красных к городу заставило прекратить занятия в институте. На общем собрании, организованном студентами, было решено «отдать себя в распоряжение калединского правительства» (из показаний Сущинского). Институт прервал работу.

Самоубийство Каледина и приход красных все изменил. Сущинский говорит о настроениях того времени:

Слухи о зверствах и бесчинствах, творимых Красной армией, заставили нас переживать не только за свои жилища, но и за целостность наших лабораторий, кабинетов, с которыми сроднились, которые были для нас чем-то родным. Все это вместе взятое поддерживало во мне сильную активность против советской власти.

Опасения не были беспочвенными. В Ростове произошло чудовищное убийство профессора Андрея Робертовича Колли, которое произвело на всех тяжелое впечатление. Его подробности были изложены в акте Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем вооруженных сил Юга России:

По ложному доносу о том, что у А.Р. Колли хранятся оружие и бомбы, к нему в квартиру по улице Пушкинской явился отряд красногвардейцев. На улице в роли судьи революционной совести выступила разъяренная толпа из солдат, подростков и женщин. Они глумились над Колли, называя его «кадетом», «контрреволюционером», «генералом», «миллионером», требуя убить его. После второго безрезультатного обыска в квартире красноармейцы-латыши, выйдя на улицу, сняли с профессора пальто, пиджак, шапку и ботинки, надели на него принесенный ими с собою китель с одним погоном и аксельбантом и, поставив к стенке, расстреляли. Когда профессор упал мертвым, его труп оттащили на середину улицы, женщины топтали его ногами, некоторые плевали на него, а один солдат, сорвав погон с кителя, глумясь, вложил его в рот покойника. Толпа требовала смерти его вдовы и детей. Несколько дней тело Колли оставалось на улице, несмотря на распоряжение городской управы прибрать его. Служители больницы опасались обвинений в том, что «заботятся о кадете».

Петр Чирвинский в эти дни был посажен на гауптвахту, поскольку он открыто выступал против заключения Брестского мира с немцами. Он призывает не допускать заключения мира с немцами, предупреждает, что те стремятся захватить Донбасс. Как показывал Сущинский, им пришлось «вызволить» Чирвинского. Помогло то обстоятельство, что Ларин (военный комиссар Новочеркасска), был его студентом. Чирвинского выпустили, запретив выступать на митингах.

К счастью, власть красных в тот раз была недолгой. Приход Краснова был встречен с облегчением, вновь был открыт институт, но и эта власть вызвала серьезные опасения у профессоров. Они пытаются теперь спасти людей от белого террора:

Во время казачьей власти на Дону вместе с П.П. Сущинским... был выделен от Совета Донского политехнического института для приостановления расправы над красными близ тюрьмы в Новочеркасске, была депутация во дворец генерала Краснова... (из показаний Чирвинского).

Но делегацию просто не приняли, профессорам дали понять, что с ними не собираются считаться. В своих показаниях Чирвинский отмечает:

Оставаясь контрреволюционно настроенным, как и большинство сослуживцев по ДПИ, я, тем не менее, ясно понимал, что начинался фарс белой власти, где профессорам плохо.

Если при Каледине можно было надеяться если не на равенство, то на защиту интересов иногороднего населения, к которому относились профессора, то что будет при Краснове, стремившемся к созданию казачьей республики, — это был большой вопрос.

В это время Чирвинским была составлена «Докладная записка об общественном положении», направленная в правительство Войска Донского, где он описывает сложившуюся в области ситуацию, поднимает самые злободневные вопросы:

цены на продовольствие, уголь, проблему квартплаты и предлагает некоторые меры, чтобы не допустить хаоса. В конце этой записки он изложил свои взгляды на власть: она должна быть «более чуткой к требованиям социальной справедливости, быть властью надклассовой, хотя бы и железной. Если будут возможны сюрпризы на Большом Круге, состоящем только из казаков, то тем более они будут проявлены в жизни т.н. иногороднего населения, равновесного казакам, которое заговорит во весь голос, когда немцы вынуждены будут оставить город». Этот документ был приобщен к уголовному делу в 1931 году как доказательство вины.

НАДЕЯСЬ, ЧТО ЭТО ВРЕМЕННО

Но окончательная победа красных коренным образом изменила жизнь профессоров. Многие из них покидают город, но Чирвинский и Сущинский остаются. Семья, страх перед бегством в неизвестность, надежда, что все это ненадолго, видимо перевесили. Хотя отношение к советской власти у них было крайне негативное. Правда, пришедшие к власти большевики нуждались в инженерных кадрах, поэтому институт возобновил свою работу, но положение профессоров стало чрезвычайно тяжелым:

Начались занятия в неотапливаемых помещениях, почти при полном прекращении заработной платы, наконец, наступление голодного 1921 года, все это поднимало наши антисоветские настроения. Неоднократно приходилось на лекциях упоминать достижения в научных областях Западной Европы и о тех тяжелых условиях, в которые советская власть поставила науку. Первоначально была мысль, что Советская власть ненадолго (из показаний Сущинского).

Можно себе представить, какими незначительными казались теперь все проблемы и неприятности дореволюционного времени. А у Чирвинского к тому же было двое детей. Он отмечает:

За голодным 1921 годом и частью 1922 года раздражение достигло большой степени, группа ожидала падения Советской власти, не считая ее способной вывести страну на широкую дорогу хозяйственного строительства.

Вспоминая об оплате труда, Чирвинский называет цифры в 25–40 рублей и подчеркивает, что это было ничтожной суммой.

В 1924 году все преподаватели новочеркасских вузов провели собрание и приняли решение

просить Советское Правительство разрешить массовый выезд за границу. В резолюции отмечалось и обращение к иностранным державам принять инженерно-технические силы, которые не находили себе поля развития в РСФСР.

Понятно, чем это было вызвано, но трудно представить, чтобы большевики вот так всех отпустили. Идея массового выезда за границу не была реализована.

Однако для того, чтобы смягчить недовольство научных работников, большевики начали повышать им уровень жизни, создавать условия, необходимые для нормального (правда, речь шла, по сути, о выживании) существования.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПАЕК

В 1921 году по записке Максима Горького была создана Центральная комиссия улучшения быта ученых (ЦЕКУБУ). Для чего новой власти были нужны ученые, говорится в декрете СНК от 6 декабря 1921 года: «В целях наилучшего использования научных сил страны для восстановления народного хозяйства».

ЦЕКУБУ создавалась по принципу элитарной, а не профсоюзной организации. На ее обеспечение было принято 8000 человек с семьями — наиболее ценные специалисты всех отраслей знания и искусства. Списки ученых составлялись на местах и рассматривались экспертной комиссией ЦЕКУБУ, после чего утверждались правительством. Членство в ЦЕКУБУ давало бесплатный академический паек дополнительно к основному пайку, который получала интеллигенция в период «военного коммунизма». Академический паек был в 1,5–2 раза больше пайка «рабочего ударного предприятия»¹.

На Дону в тех же целях была создана ЮВКУБУ. В нее подавались заявки, в которых ученые просили улучшить бытовые условия: выдача пайка, выделение угля на время отопительного сезона, смена места жительства, иногда деньги на лечение. Чаще всего заявления удовлетворялись.

Таким образом, созданная комиссия сыграла огромную роль в выживании ученых, но она и втянула их в распределение благ, научила просить пайки, кланяться или требовать причитающееся, выяснять, кто живет лучше и почему. Раньше они могли заработать себе на жизнь, а теперь государство решало, кто из них может жить лучше, кто — нет.

Ученых поделили по разрядам, объяснив, что кто из них важнее, тех и кормить будут лучше (Сущинский во время допросов подчеркивает, что он получает академический паек, следовательно, является ценным работником), но даже при такой политике тогда еще сохранялось чувство солидарности и дружбы. На одном из заседаний было, например, оглашено решение «частного совещания профессоров и преподавателей физико-математического факультета о ежемесячном 1% отчислении в пользу семьи профессора Колли». Того самого Колли, который был убит большевиками.

Комиссия существовала довольно долго и смогла выполнить свою задачу. Она не только спасла жизнь ученым, но и приучила их к новым условиям. Среди них выделилась верхушка, распределявшая блага.

БУКВА ЯТЬ КАК СИМВОЛ ЛОЯЛЬНОСТИ

Однако одновременно с работой ЦЕКУБУ в местной печати начинается компания против профессоров старой школы. Казалось бы, большевики проводят всего лишь орфографическую реформу, в результате которой из русского письма были исключены буквы ять, фита и написание твердого знака в конце слов, заканчивающихся на согласный, а также были заменены некоторые орфографические правила. Собственно, для нас важна не сама реформа, а то, что даже этому, казалось бы, чисто орфографическому вопросу, придали политический характер и старую привычку писать слова с ликвидированными буквами оценили как признак старорежимности. Местные газеты публиковали заметки такого содержания:

Спасибо полезной букве, твердому знаку! В 1918 году буква-паразит испытала то, что испытали и ее хозяева-паразиты, бездельники и грабители всех мастей: ей была объявлена решительная война. Не думайте, что война эта была простой и легкой. Люди старого мира ухватились за ничего не означающую закорючку «ъ» как за свое знамя. Повсюду, где еще держалась белая армия, где цеплялись за власть генералы, фабриканты, банкиры и помещики, старый «ер» выступал как их верный союзник. Он наступал с Колчаком, отступал с Юденичем, бежал с Деникиным и, наконец, уже вместе с бароном Врангелем, убыл навсегда в невозвратное прошлое...

Или прибегали к прямым политическим доносам:

Профессор Донского Политехнического Института А.Г. Белявский никак не может усвоить элементарных правил советской грамматики. На одном из деловых заявлений, поданных им в государственное учреждение, этот профессор соблюдает все правила грамматики времен давно отжившего Кассо. Начиная со своей фамилии, он пишет все через «ять», нестрит всюду «твердый знак» и прочее. Следовало бы новочеркасскому наробразу поместить профессора Белявского в школу по ликвидации неграмотности, дабы «помочь» ему освободиться от пережитков старины.

Но история с орфографией — лишь маленькая часть большой кампании по травле профессоров, преподавателей старой школы, которая постепенно разворачивалась на страницах местной печати. Большевики с каждым годом все меньше нуждались в них, постепенно заменяя своими кадрами, «партийцами». Пусть эти кадры были качеством похуже, но зато идеологически они были «правильными».

Чирвинский очень резко отзывался о новых партийных деятелях:

Понасажали в Главпрофобре портных да сапожников... те и громят высшую школу без всякого разбора и здравого смысла... требуют от нас заполнять бесконечные глупые анкеты, формы, заявки, а это все чепуха, мыльные пузыри... (из показаний Сердюченко).

С другой стороны — резко изменился и состав студентов, теперь на первый план выходят не их знания, а пролетарское происхождение. В вузы принимались даже лица с низшим образованием. Вот что об этом говорят газеты тех времен:

Официальные цифры рисуют процесс весьма быстрой пролетаризации ВУЗа. Так в этом году принято свыше 70 процентов рабочих, крестьян и их детей. Но, внимательно приглядевшись к живым лицам, приходишь к выводу, что значительный процент «рабочих» составляет молодежь, весь производственный стаж которых — ученичество или фабзавуч. Таким образом, у нас из этих кадров выйдут инженеры, весьма слабо по прошлому своему знакомые с производством, с рабочей жизнью на фабрике и заводе.

По металлургическому Институту принято на первый курс 176 человек, из них 72 проц. окончивших рабочие курсы по подготовке в ВУЗ'ы.

Какого качества было образование, полученное на рабфаке, можно себе представить, но и его урезают:

Кончим рабфак в два года. С января 1931 года на первом курсе рабфака оформилась группа ударников в количестве 30 человек, которые приняли обязательство проработать в 2 года трехгодичную программу.

Кто пришел в вуз? Рабочие, крестьяне, стремящиеся к знаниям? Кто-то — да, а кто-то был отправлен в вуз без его желания. Чирвинский очень переживал из-за этого:

Силой хватают рабочих и батраков, сажают их без экзаменов в вузы, а они арифметики не знают, смотрят на учебу как на принудиловку и при первом случае сбегают (из показаний Сердюченко).

Малообразованная пролетарская молодежь, пришедшая в вузы, начала указывать преподавателям, как и чему их учить, что также поощрялось прессой. Студенты диктуют преподавателям, как читать лекции, требуют не только менять программы, но и каяться в своих заблуждениях.

Реакционная профессура сопротивляется перестройке. Развернуть широкую самокритику вокруг работы всех кафедр. Не удовлетворительны выступления профессоров Зимина и Новопокровского. Они вместо практической разработки вопросов перестройки своих дисциплин на марксистско-ленинской основе занялись малозначащими и несущественными для поставленной задачи рассуждениями (Молот. 1931. 19 апреля).

Если же преподаватель начинает упорствовать в своих заблуждениях, то начинается его проработка. Сначала на собраниях в институте: «Материал сегодняшней проработки в нашей газете показывает, что классовый враг в лице реакционной профессуры еще не сдался...»

Затем все это выливается на страницы газет. Иногда на одного человека обрушивался целый вал критики. Примером такой компании может стать серия статей, посвященная доценту Семянникову. В статье «Невежество или вредительство» преподавателя обвиняют в том, что на него

...влияет очень мало бурный революционный процесс в сельском хозяйстве, а также жесточайшая идеологическая борьба против Чаянова и чаяновщины. Автор смотрит на все это с высоты большого специалиста, ставящего задачу дать технику организации хозяйства, независимо от экономической структуры, технику, одинаково якобы применимую и в условиях буржуазного общества и в СССР. Непонимание зависимости техники и организации сельского хозяйства от общественно-социальных форм особенно странно со стороны доцента Семяникова.

Далее следуют подпункты обвинения: «автор не заметил пятилетку», «кулацкие установки», «диалектика без диалектики».

Сигнал был принят. Через несколько дней выходит статья «Разобьем последние позиции классового врага» с подзаголовком: «разоблачение доцента Семяникова еще раз подтверждает, что теперь же необходимо развернуть массовый общественный пересмотр программ по всем дисциплинам». В той же газете от 10 февраля было сообщение о том, что «совет общественных кафедр водного института, разобрав статью и программу доцента Семяникова, постановил снять его с работы в водном институте». А далее появляется статья самого Семяникова «В порядке самокритики», где он, признавая ошибки в составлении программы, уверяет, что в его действиях нет злого умысла, и напоминает о своей роли в борьбе за проведение «партийной и советской линии» в вузах, за что он получил «немало ударов от реакционной и контрреволюционной профессуры». И тут же комментарий редакции к этому письму: «Считаем, что доцент Семяников еще недостаточно полно разоблачил свои политические ошибки. Ждем более глубокой критики».

Из показаний Сердюченко:

Чирвинский не раз говорил: «Студенты совсем сорвались с цепи, сплошная наглость: кристаллографии и математики не сдали, а разбирают, нужен ли им предмет на четвертый курс, сокращают программы. А все потому, что знаний у них нет, башка не варит, вот и хотят трудные предметы выкинуть».

Студенты платили преподавателям тем, что прорабатывали их, писали жалобы, статьи в газету. Причина такого противостояния понятна. В вузы пришли люди неподготовленные, плохо понимающие материал лекций. Они требовали давать им поменьше теории, увеличить практические занятия, ввести дополнительные часы. А старые профессора были не готовы к такой работе, они видели, как снижается уровень институтского образования, считали, что без теоретических знаний невозможно освоение специальности. Но советской власти не нужны были специалисты с энциклопедическими знаниями. Началось сокра-

шение программ, было выдвинуто требование выпускать новых специалистов в ускоренном темпе. Между вузами объявляется соревнование: «Кто быстрее?».

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ В ВУЗАХ

Одной из задач этого соревнования было сокращение сроков обучения в вузе. Стране срочно требовались специалисты, пусть даже недоученные. Чем эта погоня за темпами закончится, на тот момент никто не думал:

Группой был выработан встречный учебно-производственный план, сокращающий на 20 дней настоящий академический год. Эти 20 дней должны пойти на расширение производственного обучения.

В газете регулярно появляются статьи с требованиями к преподавателям включиться в соревнование, заняться пересмотром своих программ в сторону увеличения темпов и сокращения теоретической части. Приводятся положительные примеры «правильных» преподавателей и показывается, что будет с теми, кто страдает «темпобоязнью»:

Вударной борьбе за кадры не может быть научного работника, не выполняющего активно обязательств по соцсоревнованию. На рабфаке при институте водного хозяйства и мелиорации работал в качестве преподавателя физики Карапачинский. Он строил работу так, что вселял неверие в силы студентов рабфака, особенно рабочей прослойки, в части преодоления различных дисциплин. Своим грубым отношением Карапачинский отбивал охоту учиться. Когда комиссия по соцсоревнованию одного из курсов попросила Карапачинского прийти на заседание для обсуждения успеваемости студентов, он заявил: «Мне соцсоревнование не нужно. Соревнуйтесь, а я и так все знаю».

Общее собрание студентов рабфака потребовало немедленно снять с работы Карапачинского. И это было выполнено, Карапачинского уволили.

Одним из факторов, обеспечивающих изменения в вузах, переход на новые темпы работы становится увеличение числа партийцев и среди преподавателей, и среди студентов.

Во главе Политехнического института ставят людей, не имеющих отношения к преподаванию, но партийных. Попытка профессоров повлиять на эту ситуацию и сыграть на опережение власти не удалась. Когда были назначены очередные выборы ректора, то вместо того, чтобы дожидаться решения сверху и проголосовать за предоставленную кандидатуру, они проголосовали за приглашение Ф. Ленгника, бывшего доцента начертательной геометрии, работавшего в Москве, еще до революции вступившего в партию. Но он им сообщил, что не собирается возвращаться в Новочеркасск. Эта попытка впоследствии была оценена как борьба за «сохранение автономии высшей школы в старом понимании этого, прежде всего выборность должностных лиц, коллегиальность» (из показаний Чирвинского).

Результатом конкурса стало сокращение программ, которое выдается за большое достижение:

Конкурс позволил мобилизовать внутренние ресурсы и уплотнить рабочий день, увеличить академический час, сократить срок проработки отдельных предметов. На этом ограничиваться нельзя, а надо развернуть еще большую войну академическим потерям.

Эти веяния приводят к отдалению Сущинского от института, он замыкается в кругу людей, близких ему по духу:

Чувствовались симпатии только к людям из высшего класса, в домашнем кругу опять сходились идейные сообщества для того, чтобы высказать свои недовольства и устроить вечеринки, вспомнить старое, поговорить о том, как ему помочь вернуться и выжить (из показаний Орлова, ассистента Чирвинского).

Чирвинский тоже воспринимает новые веяния как личную трагедию. На лекциях он все чаще насмехается над новой властью и ее «лучшими представителями» — партийцами.

Свои, в общем-то содержательные и интересные лекции, Чирвинский часто пересыпал шуточками антисоветского характера, которые должны были в глазах студентов ставить советский строй в смешное и невыгодное положение. Обычно такие остроты встречались одобрительным шумом и смехом почти всей аудитории (из показаний Сердюченко).

Но когда речь заходит о требуемых изменениях в учебных программах, ему становится не до смеха, он теряет выдержку. Примечателен эпизод, описанный Сердюченко:

Летом 1929 г. Чирвинский в раздражении и требовательно попросил меня прийти на заседание предметной комиссии, чтобы голосовать за его точку зрения и сдержать обнаглевших студентов, которые хотят его курсы сократить или выбросить, т. е. останутся дикарями, а из Института сделают балаган.

Сердюченко тогда поддержал своего учителя, но позже и он разместил в институтской газете статью, в которой дал свои предложения по сокращению сроков обучения.

Погоню за темпами Чирвинский вспоминает с ужасом:

За что нас тут можно практически и теоретически упрекать? Еще за большую скорость работы, но мы и так побили рекорды таковой и совсем не потому, что на нас слали град спешных телеграмм обускоренци, ведь нужно было добиться точных результатов химических анализов.

Он работает, что называется «на износ»:

Чрезвычайного напряжения этого рода работа достигла с июня 1930 года, ибо по распоряжению Крайсовнархоза и президиума Крайисполкома, как особая важная работа, было намечено составление справочника по полезным ископаемым Сев. Кав. Края. Основная тяжесть работы выпала на меня, т.к. в разгар полевых работ было невозможно найти геологов-сотрудников. Эту работу я вел ночами и во время месячного отпуска, от чего совсем не отдохнул и чувствовал себя до крайности переутомленным... Текущая работа в СКГРУ поглотила все мое внимание. Я работал, падая от усталости к ночи, и это изо дня в день так. Текущая работа не иссякала и росла.

Атмосфера в институте становилась все более невыносимой. Еще с 1927 года новочеркасские профессора преподавательской работе предпочитают практическую разведывательную деятельность на Северном Кавказе. Сущинский, Чирвинский сосредоточиваются на работе в Северокавказском управлении Геолкома. Они ведут геологические изыскания, разведку новых месторождений на всем Северном Кавказе. Но это не только не спасает их от обвинений во вредительстве, но и становится одним из отягчающих факторов. Их обвиняют в участии в деятельности Промпартии на Юге России.

НЫНЧЕ ВЫПАЛ ЖРЕБИЙ ТРОЕ...

Дело готовилось заранее, первые аресты геологов начались еще в январе 1930 года. В разгар московского процесса по делу Промпартии был арестован ассистент Чирвинского В.И. Орлов. Из протокола допроса В.И. Орлова:

18.11.30 г. Признаю, что в моей предыдущей работе по энергостроительству были вредительства в том смысле, что принимал во многих случаях работы на Гизельдоне существование вредительских элементов со стороны проектировавших организаций, отдельных инженеров.

Он признавался во всем, что от него требовали:

— *Признаете ли вы себя виноватым в причастии во вредительской организации? — Да, признаю. — Какие задачи ставила контрреволюционная организация? — Контрреволюционная организация ставила задачи бороться с восстановлением и реконструкцией народного хозяйства края.*

О том, что настоящей мишенью органов ОГПУ были профессора Сущинский и Чирвинский, свидетельствует тот факт, что большая часть допросов В.И. Орлова была посвящена доказательству их руководства вредительской организацией, названной авторами дела «Промпартией»:

Мне известно, что еще с 27 года после открытия Отделения во главе его стояли старые профессора Донского Политехнического института — Сущинский, Чирвинский, Лисицын и другие лица — ставленники Сущинского, которые тесно сплотились в целях общих — всю работу геолкома вести определенно в своих интересах, позже к этой организации примкнул и я, так как работать иначе было

бы немислимо. До и после 29 года все старые специалисты постепенно втягивались в эту организацию. Частично к ней примыкали и молодые спецы. В организации состояли кроме поименованных выше лиц еще... и все беспартийные специалисты... 22.XI.30 года.

Как ни абсурдно это выглядит, но профессора обвинялись даже в том, что хорошо работали и разведывали новые месторождения.

Здесь и создавалось ядро из профессоров старых работников ДПИ, поставивших целью подготовиться и встретить белых, то есть в области геологии главным образом подготовить месторождения полезных ископаемых для концессионеров. В этих объединениях так же состояли и профессора других факультетов. Цель этих объектов была сделать видимость исполнения работы, согласно желаний Советской власти, и в то время всяческих оказаний внутренних сопротивлений при помощи скрытой вредительской работы.

Следствию нужно было обнаружить связь новочеркасских профессоров с зарубежными эмигрантскими кругами. Для этого отлично подходил П.П. Сущинский, неоднократно бывавший за границей и имевший обширные связи в научных кругах:

Мне известно, что главные люди, головка организации, имели инструкции и от центра, но подробности я не знаю. За это время профессор Сущинский сумел побывать два раза за границей и там, несомненно, получил какие-то инструкции, так как по приезду его довались инструкции служащим геолкома делать планы и смены на другие, заведомо безнадежные месторождения... Вся деятельность Сущинского координировалась во время его поездок за границу, где он поддерживал связь со старыми профессорами, сообщал им сведения о делах СК Геолкома и вел переписку.

Еще один замечательный пункт обвинения заключался в том, что профессора честно выполняли свою педагогическую работу, знакомили студентов с новейшими достижениями зарубежных ученых:

Когда лектор восторженно хвалил новые литературные работы, напечатанные за границей, ругал условия печатанья в СССР, давал картины мощных оборудований разведок и разработок полезных ископаемых за границей, все союзное оказывалось мало интересным и мизерным. Так постепенно студент становился на стороне интересов старой капиталистической среды, в дальнейшем увлеченный авторитетами он и в поле работал с одной мыслью о за границе, скрывая новые, найденные полезные ископаемые для будущих концессионеров...

Итоговым заключением этого и других допросов становится обвинение Сущинского в руководстве Промпартией:

С этого времени Сущинский являлся крупным ученым в геологии, взял на себя руководство этой вредительской организации среди групп геологов.

Показания, полученные от В.И. Орлова и других подследственных, позволили приступить к арестам главных фигурантов дела, тех, кого и назвали «головкой» «Промышленной партии». За ними пришли 30 декабря 1930 года.

Из воспоминаний Николая Чирвинского, сына П. Чирвинского:

Наступил 1931 год, резко переломивший жизнь нашей семьи... Вдруг в дверь с «черного входа» раздался громкий стук. Вместе с мамой я выскочил на лестницу: «Кто там?» — спросила она. Ответили: «Из центрального геолкома». Мать спустилась и открыла дверь. В квартиру вошла довольно большая группа людей, во главе с самим начальником Новочеркасского ГПУ. Представительный латыш с бородкой а-ля Бухарин. Другим признаком этого ГПУшного деятеля было кожаное пальто. С его сыном я учился в первой и второй группе в школе. Ночные «гости» начали обыск. В течение этих процедур я то просыпался, то бодрствовал. Наконец очнувшись в который раз я увидел, что отец одевает шубу, и голос матери: «Вы же ничего не нашли», ответ: «Не беспокойтесь, ваш муж через час, полтора вернется, пустая формальность».

Дальше события развивались по накатанному сценарию. Допрос, непонимание, попытка оправдаться, надежда, что разберутся, снова допрос и... признание. Сущинский понял все сразу. Он признал все: вредительство в институте, вредительство в Геолкоме, наличие вредительства в Москве.

Чирвинский пытался что-то доказать, объяснить, приводил логические выкладки, подтверждающие нелепость обвинения. Но постепенно и он начинает понимать, что от него требуется. Можно проследить, как изменялись от допроса к допросу показания Чирвинского.

Январь 1931 года.

Чем же это плохо?! Могло тут быть вредительство?! За что нас тут можно практически и теоретически упрекать? Еще за большую скорость работы, но мы и так побили рекорды таковой и совсем не потому, что на нас слали град спешных телеграмм ускорении, ведь нужно было добиться точных результатов химических анализов... Тут же кроме энтузиазма советского строительства ничего не найдешь, —

так комментирует он свои действия по предъявляемым ему обвинениям в первых показаниях.

5 февраля 1931 года. Показания начинают меняться:

Мои политические воззрения питались в 1918–1919 годах белогвардейскими газетами, и я тогда был, как и другие преподаватели, и другие профессора заряжен идеей войны до победного конца... Выступал, являясь белогвардейским подголоском.

Его заставили клеветать на себя и своих коллег:

Сущинский был тогда первым выборным ректором ДПИ и тогда стала слагаться в ДПИ, где я служил, к-р группа. Здесь играли роль: Сущинский, Белявский, я, Троцкий В.П., Вологодин С.П., Кашинский Г.А., Словский Н.М., Остроумов Н.М., Мащенко Н.М., Гребнев, Архиповский, Воскресенский, Успенский. Люди из числа ассистентов (Остроумов, Сидельщиков) обеспечивали ее идейную поддержку среди младшего преподавательского состава... По горным ВУЗам в плане запоздания учебных программ вредительство проявили проф. А.Д. Архангельский, Губкин, Обручев, они хотели самомонополизироваться. Обработка студенческой массы в антисоветском духе велась мной и другими на лекциях.

И вот признание, правда, с некоторой оговоркой:

По ряду причин Сущинский не впускал меня в голову управления, но я, под его руководством, проводил в Учебно-Экономическом отделе вредительскую деятельность.

- 1. Дискредитировал металлическую базу цветных металлов, необходимых государству.*
- 2. Способствовал тому, что мелкие работы, заявленные с места, проводились в первую очередь.*
- 3. Маскировал свою вредительскую роль тем, что разделения работ в области разведок на руде цветных металлов были не увязаны с Центром (здесь, как думают, вредительскую деятельность вели инж. геологи ГПРУ Катульский и работающий на Сев. Кавказе Варданян).*
- 4. Не вел достаточно борьбы за максимальное форсирование систематического описания и опубликования в общие сведения Северно-Кавказской промышленности.*
- 5. Не сделал достаточно упора на основании ударных работ в частности по угольным месторождениям края.*

В тех местах вредительски медленную работу вели инженеры Колманович, Родивин.

Казалось, цель достигнута, он сознался. Но уже на следующем допросе, 16 февраля 1931 года, ученый говорит:

Я мог уехать за границу в 1919... Это я не сделал, в самое трудное время исполнял свой долг. Ни в какой противосоветской вредительской организации я не состоял.

И все же в итоге 3 июня 1931 года: «Признаю себя виновным».

Результат был предreshен: суд и десять лет лагерей.

Николай Чирвинский вспоминает о встрече с отцом накануне его отправки в лагерь:

Через несколько дней уходит этап, разрешено последнее свидание. Я, мама, сестра и другие провожающие втискиваемся в узкую, сравнительно небольшую

комнату с двумя барьерами, расположенными параллельно друг другу. Барьеры в форме буквы «Г», над ними нависли мелкоячеистые сетки из тонкой стали. Мы стоим в толпе где-то посередине, очень тесно. Тихо: позади нас стоит несколько милиционеров. Вдруг открывается за барьерами дверь, и выходят осужденные. Не все интеллигенты, но шпаны нет. Вся толпа подается к барьеру: всем надо сказать что-то последнее, главное. Стоит невообразимый шум, крики, рыдания, реву и я... Вдруг раздаются милицейские свистки и расталкивая месиво провожающих к упомянутым сеткам пробираются равнодушные охранники, открепляют их и они падают. Осужденных выводят в ту же дверь по одному, и я вижу, как отец пригнул голову, нас легонько подталкивают из помещения. Но снаружи толпа не расходится: кто-то узнал, через какие ворота выйдет этап. Еще довольно светло, по небу быстро проносятся синеватые тучи. Толпа провожающих около заветной двери. Вскоре она открылась, и вывалился конвой в буденовках, длиннополых шинелях с шашками на боку, с воткнутыми в специальные отверстия русскими штыками и с винтовками. Появляются поодиночке осужденные и садятся на корточки, начальник конвоя громко их считает. В последней группе отец, если не ошибаюсь, он не присел из-за лужи. В руках у него был чемодан и за плечами мешок, вернее на плече. Начальник конвоя пересчитал их еще раз и дал команду: «Марш». В этот момент толпа бросилась к осужденным, нас прижали прямо к конвою, вернее к конвоиру, он выставил шашку в ножнах и уперся матери в живот. Она держала меня за руку и мы еле-еле вырвались из этой каши. Когда мы шли по ж.д. путям, позади тюремного вагона был силуэт солдата и часть ствола винтовки.

Так была прервана блестящая научная деятельность двух профессоров-геологов Новочеркасского политехнического института — прервана, но не остановлена, поскольку даже после осуждения они продолжили заниматься геологическими изысканиями, только уже в новых местах.

После процесса судьбы ученых складываются по-разному. Петр Чирвинский после приговора оказался сначала в Ухтпечлаге, потом на Кольском полуострове, работал в партии геологов, исследовал полезные ископаемые и занимался поиском новых месторождений. Освободившись, он не стал возвращаться в Новочеркасск, остался в Мурманске. Вторично был арестован в 1938 году. Освобожден и с 1943 года — профессор университета в г. Молотове (Пермь), судимость была снята в 1945 году. Много работал во время Великой Отечественной войны, за что был награжден медалью. Заложил основы Пермской геологической школы. В университете ежегодно проходят чтения памяти Чирвинского. Как бы ни было трудно, он продолжал свою научную работу, правда, после Новочеркаска уже не занимался фундаментальной наукой. От исследования природы метеоритов он перешел к поиску ископаемых Кольского полуострова и Урала.

Иная судьба ждала Петра Сушинского. После отбывания срока наказания, а ему пришлось поработать и на строительстве Беломорканала (по выражению его дочери, «тачку катать»), и на острове Вайгач, где год засчитывался за два, так как там были свинцовые шахты. Здесь он завершает свой труд-монографию

о месторождениях полезных ископаемых о. Вайгач. После освобождения Суштинский вернулся в Новочеркасск, где в 1937 году вместе с группой новочеркасских ученых был вторично арестован по обвинению в участии в контрреволюционной казачьей организации и приговорен к расстрелу.

Примечание

¹ Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М.: РОССПЭН, 1999.

Раскулачивание: «Освободили от вещей, не оставили и щей!»

Татьяна Симонова

**с. Мастюгино, Воронежская область,
научный руководитель М.Е. Асеева**

Эта работа посвящена истории моей семьи, или, точнее, семьи моей бабушки Марии Тимофеевны Симоновой, 1938 года рождения. Бабушка родилась и всю жизнь прожила в селе Мастюгино. Здесь жили и ее родители, дедушки и бабушки.

Написать работу про моих предков мне предложила мой научный руководитель Мария Егоровна Асеева. Именно она обнаружила в архиве нашего школьного музея важный документ: копию уголовного дела по обвинению жителей села Мастюгино, начатого 19 апреля 1931 года. На титульном листе указаны фамилии обвиняемых жителей села: 1. Симонов Иван Тимофеевич, 2. Симонов Кирилл Демьянович, 3. Симонов Тимофей Демьянович, 4. Симонов Дмитрий Захарович, 5. Трухачев Иван Тихонович, 6. Весельев Петр Стефанович.

Среди фамилий я сразу узнала фамилию своего прадеда — бабушкиного отца — Симонова Тимофея Демьяновича. В чем же обвинялись эти люди? Когда я прочитала несколько листов, то была ужасно удивлена, что мой прадед — кулак! Уж этого я никак не ожидала. Никто в моей семье никогда об этом даже словом не обмолвился: ни бабушка, ни мои родители. Я сразу же пошла к своей родной тете. Она работает в нашей школе, и я ее прямо спросила: «А бабушкин отец был кулаком?» Тетя посмотрела на меня очень удивленно и сказала, что я что-то напутала. Я засомневалась, может, и вправду — ошибка, принесла ей документы. И мы прочитали все материалы этого дела вместе с ней.

Сомнений не было. В выписке из протокола заседания комитета по выселению кулаков от 14 апреля 1931 года есть постановление: хозяйство Симонова Демьяна Григорьевича и его сыновей Тимофея и Кирилла признать кулацким, которые «подлежат к выселению». Тетя признала, что это действительно бабушкина семья. Симонов Тимофей Демьянович — бабушкин отец, Кирилл Демьянович — его родной брат, а Демьян Григорьевич — глава семейства — их отец, бабушке он приходился дедом, значит мне — прапрадедом. Мы вместе пошли к бабушке, а по дороге размышляли, почему никто никогда в нашей семье не упоминал о предках? Тетя предположила, что бабушка родилась в 1938 году и, скорее всего, ничего не знает об этой истории.

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ, О КОТОРОЙ (ПО СЛОВАМ БАБУШКИ) НЕЛЬЗЯ БЫЛО РАССКАЗЫВАТЬ

Мне очень не терпелось все узнать, и бабушка ответила, что все действительно так и было, как написано в материалах уголовного дела. А тетя с обидой сказала: «А почему нам никто никогда об этом не говорил?» На что бабушка ответила: «Это история, о которой нельзя рассказывать. Меня в детстве дразнили, что

я кулацкая дочь, в школе учителя упрекали, в пионеры не приняли. Знаете, как обидно было? Я даже школу хотела бросить, а училась хорошо. Поэтому и вам никому не рассказывала. Вдруг и вам будет стыдно, что ваша мать из кулацкого рода? Мы ведь все были пионерами да комсомольцами. Вот и стыдно было за своих родителей. Тогда гордились родителями — коммунистами. А про кулаков мы даже слова сказать не смели». Бабушка заплакала. У тети тоже на глаза навернулись слезы. А я пообещала бабушке, что проведу исследование и докажу всем, кто считает наших родственников плохими людьми, что мой прадед, его брат и их отец — настоящие крестьяне-труженики, незаслуженно пострадавшие во время проведения коллективизации в нашем селе. И провести это исследование нужно для того, чтобы все бабушкины дети и внуки — больше двадцати человек — не стыдились, а гордились своей родословной. Я поняла, что настало время восстановить из небытия мою собственную родословную по бабушкиной линии, рассказать о трудной жизни нашей семьи.

Источниками моего исследования стали воспоминания бабушки, копия архивного дела № П-21636 и беседа со старожилом села Татьяной Васильевной Симоновой (моей тезкой), 1921 года рождения. Татьяна Васильевна долго работала секретарем сельского совета, и через ее руки прошло много разных документов. Ей исполнилось девяносто лет, но она хорошо помнит то время и говорит: «Что было вчера, я не помню, а что пятьдесят лет назад — помню почти до мелочей».

Бабушка многое о жизни своей семьи узнала из рассказов своей матери — Симоновой Ефросиньи Ивановны, которая прожила долгую жизнь. Но Ефросинья Ивановна никому никогда даже словом не обмолвилась про раскулачивание. Вот как силен был страх. Постепенно и я осознала, почему этот факт из моей родословной так долго оставался тайной. Это сейчас, в наше время, мы можем свободно рассказывать и писать о политических репрессиях. А раньше одно неосторожно сказанное слово могло сыграть роковую роль в судьбе человека.

МОЙ ПРАПРАДЕД — «КУЛАК»

Подробно изучив материалы архивного дела № П-21636, я многое узнала о востании крестьян села Мастюгино в апреле 1931 года, об аресте моего прадеда (бабушкиного отца) Тимофея Демьяновича Симонова и его родного брата Кирилла. Но рассказ о них будет неполным, если не написать об их отце — Демьяне Григорьевиче Симонове, которого власти еще в тридцатом году признали кулаком и выслали из села.

Первый колхоз в селе Мастюгино образовался в 1929 году и назывался «имени Октябрьской революции». Просуществовав чуть больше года, к 1931 году он уже начинал разваливаться. В него вступили лишь двадцать крестьянских хозяйств. Остальные жители села заняли выжидательную позицию. Они с большим недоверием и подозрением относились к переменам, которые происходили в деревне. Да и кто вошел в колхоз? Местные пьяницы и лодыри. Такие «работяги» и привели только что родившийся колхоз к развалу. Местные старожилы до сих

пор помнят анекдот той поры: если завелись в волосах вши, напиши на голове слово «колхоз», они и разбегутся.

А мои предки были трудолюбивые. Как рассказывала бабушке ее мать, Ефросинья Ивановна, глава семейства обоих своих сыновей с детства приучал к труду. Весной любил приговаривать: «весенний денек год кормит», осенью: «осенний денек год кормит», и летом повторял: «летний денек год кормит». Только зимой и могли немного дети подольше поспать. Вот поэтому и хозяйство у Демьяна Григорьевича крепкое было. В своем хозяйстве мои родственники всегда работали сами, без посторонней помощи. Из материалов дела видно, что батраков они никогда не имели. Естественно, ни о каком колхозе и речи не было в их большой крестьянской семье. В материалах уголовного дела, которое я рассматриваю, нет никаких документов на прапрадеда Демьяна, я просто по документам его сыновей догадалась, что к 1931 году его в селе уже не было и в восстании он не принимал никакого участия. Демьян Григорьевич уже был выслан вместе с другими односельчанами в Казахстан. В справках с описью имущества его сыновей записано, что они являются сыновьями кулака и что 10 октября 1930 года лишены избирательных прав. А на вопрос: выслан ли кто из родственников, записан ответ: отец. Значит, к событиям, которые имели место в селе 15 апреля 1931 года, Демьян Григорьевич Симонов не причастен. И все же на заседании комитета по выселению кулаков от 14 апреля 1931 года было решено: хозяйства Симонова Демьяна Григорьевича и его сыновей Кирилла и Тимофея «признаны кулацкими и подлежат выселению». Стало понятно, что власти «стряпали дело» против сыновей прапрадеда и задним числом принимали решение о раскулачивании Симонова Демьяна Григорьевича с сыновьями Тимофеем и Кириллом, когда сам Демьян Григорьевич уже полгода как находился в ссылке. Ясно, что власти готовили «необходимый пакет документов» на его сыновей, составляя различные выписки из протоколов, ставя на них даты задним числом. Чтобы было как можно больше доказательств их вины за участие в «восстании». А кого же арестовывать, как не сыновей кулака? Ведь в бунте принимало участие до пятисот крестьян. Всех же не арестуешь! Вот и пришлось во второй раз хозяйства Симонова Демьяна Григорьевича и его сыновей «признать кулацкими».

Итак, 14 апреля 1931 года их хозяйство признано кулацким, а 15 апреля братья приняли активное участие в бунте, 18 апреля их арестовали, а 20 мая «решением тройки при ПП ОГПУ по внесудебному рассмотрению дел» они осуждены: на пять лет лагерей — Тимофей, и на три года — Кирилл.

Я считаю, что мой рассказ о Демьяне Григорьевиче следует дополнить воспоминаниями жителя села Алексея Тихоновича Трухачева, которого выселяли вместе с моим прапрадедом. Записи этих воспоминаний хранятся в школьном музее. Алексей Тихонович рассказывал:

Арестовали меня на Троицу в 1930 году. За что, не сказали. Отец мой уже сидел в тюрьме в Воронеже. После задержания привели в сельский совет. В то время сельский совет располагался в церковной сторожке. Собрали нас там четыре человека, среди арестованных был Демьян Симонов и еще двое из числа раскулаченных.

Посадили всех на подводы и вывезли в район мельницы. Родственникам запретили передавать нам продукты и одежду. На подводах привезли нас в Болдыревку, где к нам добавили еще нескольких жителей данной деревни. Охраняли нас вооруженные чекисты и милиционеры. В селе Девица снова присоединили к нам несколько человек и повезли в Коротояк, где всех поместили в Нардоме (так называлась тюрьма). Начальником тюрьмы в то время был Иванов. Под его руководством был сформирован этап, который направили пешим строем в Острогжск. В Острогжске нас посадили в товарные вагоны и направили в Казахстан. В Казахстане нас высадили в голой степи, сказали, что в этом месте будете добывать уголь для страны. Жилище пришлось строить из дерна. Выкапывали яму, накрывали дерном. Кормили очень плохо. Баланда из гнилых продуктов. Воды мало. А работать заставляли много. Условия проживания были ужасными. Через некоторое время в Казахстан была выслана и моя семья...

Я представила себе условия, в которых оказались мои земляки, и подумала, что не всем суждено было выжить. А мой прапрадед Демьян Григорьевич Симонов выжил, хотя находится ему в ссылке предстояло долгих пятнадцать лет. За ним добровольно отправилась туда и его жена Евдокия. А были они уже немолоды, обоим по пятьдесят пять. Сколько пробыли в Казахстане мои предки, так я и не узнала. Только в 1943 году, по словам бабушки, Демьян Григорьевич уже был в селе. Я думаю, что в связи с тем, что началась Великая Отечественная война, репрессированные жители стали возвращаться в свои родные края. Татьяна Васильевна мне сказала, что в 1941 году сыновей Демьяна Григорьевича призвали на фронт, а родителей отпустили домой. Такие случаи в селе были не только с нашими родственниками. Бабушка ничего по этому поводу сказать не могла. Только повторила, что в эвакуации с августа 1942 по февраль 1943 года дед Демьян был с ними. Это она хорошо запомнила.

И снова благодаря трудолюбию, крестьянской закалке этого немолодого уже человека семья смогла выжить в тяжелые годы войны и послевоенной разрухи. И принципам своим мой прапрадед был верен до конца: в колхоз его семья так и не вступила. Но это лишь часть моей семейной истории.

КАК У МАСТЮГИНСКИХ КРЕСТЬЯН ОТБИРАЛИ ЦИ ДА ВАЛЕНКИ

Итак, мой прадед Тимофей и его брат Кирилл продолжали жить в селе. Они вели совместное хозяйство. Проживали оба брата с женами и детьми в отцовской хате, которую власти не отобрали для своих нужд, так как таких хат в селе было множество. В селе их называли кулаками и лишенцами, поскольку вся семья была лишена избирательных прав. Местные активисты не прекращали систематически грабить семью. В 1931 году у Тимофея Демьяновича был такой состав семьи: Тимофей — 24 года, жена Ефросинья — 24 года, дочь Евдокия — 2 месяца, брат Кирилл — 22 года, сноха Анна — 22 года, племянница Зинаида — 2 месяца, сестра Марфа — 14 лет, бабка Ирина — 80 лет, отец Демьян — 56 лет, мать Евдокия — 56 лет. Эти сведения я взяла из справки с описью имущества. Что было в хозяйстве моих предков до раскулачивания? В справке имеются такие сведения. В 1929 году семья имела: 6,73 десятины земли, 2 лошади, 2 коровы, 6 овец,

Фотография Тимофея Симонова
из следственного дела

Фотография Кирилла Симонова
из следственного дела

Выезд в поле

Уборка зерновых

2 сохи, 2 бороны, 2 телеги, 2 саней, хату, амбар, сарай, $\frac{1}{2}$ ветряной мельницы. Ну, разве это такое уж большое хозяйство, если в семье десять человек? Бабушке ее мать говорила, что многое им приписывали, в хозяйстве этого не было, а по документам числилось. Я удостоверилась в правдивости ее слов. Когда рассматривала справку с описью имущества Кирилла Демьяновича, то прочитала, что у него точно такое же хозяйство. Жили братья в одной хате с семьями, вели одно хозяйство, а записали и Тимофею две коровы, и Кириллу две. Да, скорее всего, и их отцу тоже две. Вот и получилось шесть коров. Точно также лошадей, овец и так далее. Так и делали людей кулаками. Хозяйство надо было делить на троих, а власти умножили. Ведь стали кулаками они по одной простой причине — не захотели вступить в колхоз.

Слово «кулак» превратилось в клеймо, означавшее одно: конфискацию имущества, полный слом прежнего быта, депортацию, бесконечные лишения и мытарства для детей и внуков, а может быть — лагерь или расстрел.

Из рассказов бабушки и из материалов уголовного дела я узнала, что наши предки все это испытали на себе. Далее у обоих братьев записано, как под копирку: в 1929–1930 годах «за невыполнение хлебозаготовки и семфонда» изъяты лошадь, корова, зернопродукты и другие мелкие предметы. Я очень удивилась, прочитав выражение «мелкие предметы». Спросила у бабушки, что это за мелкие предметы отобрали в их семье? Она, не долго думая, сказала: «ЩИ да валенки». Я подумала, что она шутит, но бабушка добавила: «Да у нашей семьи в тридцать первом году брат уже нечего было. Но, как рассказывала мне моя мать, пришли активисты Весельевы, пошарили по амбару, а там ничего нет, зашли в хату, достали из печи горшок со щами, отняли из рук матери шубу, сняли с ног старой бабушки валенки и унесли». Куда они девали вещи, никто не узнавал. Только видела бабушкина мать Ефросинья Ивановна, как носила ее шубу одна женщина в селе и хвасталась: «Колхоз дал». Мне трудно даже представить себе такое, чтобы можно было так просто зайти в дом, отобрать обычные вещи и еду, не думая о том, что семья будет есть в этот день и в чем будет выходить во двор старенькая восьмидесятилетняя бабушка. Ведь у них тоже больше нечего было ни надеть, ни обуть, не то, что сейчас, когда у всех по несколько пар обуви и полно одежды. Это же была единственная шуба моей прабабушки и единственные валенки ее свекрови.

Похожую историю рассказала мне и вторая моя собеседница, Татьяна Васильевна Симонова: «Жили рядом с нами единоличники-односельчане, которые не хотели вступать в колхоз. Так их тоже раскулачивали несколько раз. А брат у них практически было нечего. Пришли в их дом активисты, наши местные, в чулане нашли горсть пшена, забрали, с детей снимали валенки, из печи вынули горшок каши. Все забрали. А отобранные вещи раздавали колхозникам, но что лучше, себе забирали. Никакого контроля не было. Одевали потом и активисты и их родственники отобранное добро, не стыдились, носили, да еще и хвастались, что вот как колхоз одевает и обувает». Татьяна Васильевна еще и пошутила: «По-современному, это они колхозную жизнь рекламировали». И добавила: «Правильно один у нас на улице юморист по этому поводу сочинил: избавляли от вещей, не оставили и шей!»

Я снова обращаю внимание на материалы архивного дела № П-21636. В момент ареста моих родственников в справке снова приводится опись их имущества. И у Тимофея Демьяновича, и у Кирилла Демьяновича уже к этому времени в хозяйстве записано: 9,63 десятин земли, хата, сарай, амбар. Из скота — одна лошадь, а коровы нет. Меня это сильно взволновало. Ведь у обоих братьев маленькие дети. Где же им брать молоко? В то время корова являлась главной кормилицей. Бабушка мне объяснила, что оставалась в хозяйстве телочка, но ее пришлось зарезать. А было это так. Перед очередным обходом хозяйств единоличников активистами Тимофею Демьяновичу по секрету добрые люди из сельского совета передали, что снова придут к ним забирать их последнюю телочку. Решено было ее зарезать, а мясо спрятать. Ночью все было сделано, но куда спрятать мясо? Решили закопать в навоз. За сараем лежала огромная куча навоза. Завернули куски мяса в разные тряпки и закопали, все во дворе подчистили, чтобы не осталось никаких следов. До утра взрослые не могли уснуть, волновались, останется ли мясо дома или найдут и заберут. Утром «гости» были тут как тут. По двору прошлись, нет телочки. С расспросами к хозяевам, а мой прадед сказал, что давно телочку зарезал, мясо в Воронеже на базаре продал, не поверили, стали искать. А собака учуяла мясо, бегаёт по навозной куче, нюхает. Но, когда увидела незнакомых людей, уселась на куче и сидит, видимо, сторожит свою добычу. Активисты спрашивают у пятилетней девчонки, племянницы Ефросиньи Ивановны: «Девочка, не знаешь, где мясо спрятано?» А она говорит: «У тютюки под хвостом!» У Тимофея сердце оборвалось. Ведь «тютюкой» в селе дети называли собаку. И собака действительно сидела на навозной куче, где было спрятано мясо. Но не догадались активисты, что девочка говорила правду. Так мясо удалось спасти для своей семьи. Зато потом его ели вволю. Каждый день мои родственники варили щи с мясом, не ждали праздника, как раньше бывало, надо было скорее съесть, не то вынут из печи и унесут. В деревне, таясь друг от друга, скот резали все: и кулаки, и середняки, и даже бедняки. Впрок не оставляли, как раньше, поскорее все съедали. Историю про мясо жена Тимофея Ефросинья Ивановна не один раз рассказывала своим детям, в том числе и моей бабушке. Так и я узнала эту историю. А бабушка моя в разговоре с маленькими детьми до сих пор собаку называет «тютюкой», а волка «бирюком».

Трудно представить, какие унижения и тяготы пережили мои предки, да и многие наши односельчане только за то, что они имели свое собственное мнение о политике власти, которая называлась сплошной коллективизацией. Они стали людьми второго сорта, которых можно было оскорбить, унижить, обобрать. И им не у кого была искать защиты. Но терпение у людей не безгранично. И им нужно было высказать все, что у них накопело. Такое случилось и у моих односельчан. Их терпение лопнуло. 15 апреля 1931 года они взбунтовались.

И ВОССТАЛО СЕЛО МАСТЮГИНО

Сигналом к бунту послужил арест священника Сергиевского храма села Мастюгино Георгия Шульженко. 15 апреля 1931 года в 4 часа утра по звону набата в центре села, возле церкви, собралось около 500 жителей. Из воспоминаний

свидетелей тех событий и из материалов уголовного дела мне стало известно следующее. С 1911 по 1929 год в селе служил постоянный священник Тихон Баженов. В 1929 году он был выслан из села на пять лет, семья раскулачена, жена с пятью детьми укрывалась у местных жителей. И до 1931 года постоянной службы в церкви не проводилось. Тогда жители пригласили из города Воронежа другого священника — Георгия Шульженко. Поселился батюшка на квартире у одного из жителей села и исправно вел свою службу. Но недолго длилось его служение. 15 апреля 1931 года в 4 часа утра на квартиру, где жил священник, нагрянул помощник уполномоченного ОГПУ Шальнев с двумя понятиями для его ареста. Хозяин квартиры Иван Тимофеевич Симонов выскочил во двор, постучал в окно дома, где жил его сын Яков, разбудил сына, соседей, стал кричать, что арестовывают священника.

А соседями были как раз мои родственники Тимофей и Кирилл. Они стали будить население, ударили в набат, и к церкви со всех концов села повалил народ. Крестьяне вооружились вилами, дубинками. Всего у церкви собралось около 500 человек. Здесь звучали самые разные призывы. Одни требовали освободить батюшку, другие выражали недовольство тем, что происходило в селе, предлагалось догнать сотрудника ОГПУ, побить и силой отобрать священника. Организовали погоню вслед за арестованным, искали по оврагам, но ни священника, ни сотрудника Шальнева не нашли. В этих поисках принимал участие мой прадед Тимофей. И конечно же, как утверждают старожилы, народ высказывал свое недовольство проводимой коллективизацией.

В справке на каждого участника уголовного дела, по которому осудили моего прадеда Тимофея Демьяновича и его брата Кирилла Демьяновича, в графе «Характеристика сельсовета» на первом месте у всех без исключения записано: злостный агитатор против колхозов и всех мероприятий советской власти. У обоих моих родственников снова, как под копирку: «Агитировал против колхоза, агитация способствовала восстанию, а также против всех мероприятий советской власти». Можно ли верить этим записям? Но Татьяна Васильевна Симонова утверждает, что не только за священника решили заступиться мои земляки. Все же главной причиной бунта было недовольство мастюгинцев колхозами и «другими мероприятиями советской власти». В первых строках обвинительного заключения по следственному делу № 236 (архивное дело № П-21636) записано:

В селе Мастюгино Коротоякского района ЦЧО Симонов И. Т. (однофамилец), Симонов Т. Д. (мой прадед), Симонов К. Д. (его брат), Симонов Д. З. (однофамилец), Весельев П. С., Трухачев Т. И. на протяжении ряда лет занимались антисоветской агитацией против проводимых мероприятий партии и правительства на селе, как то: хлебозаготовки и колхозного строительства. Вся эта указанная группа кулаков и середняков была тесно связана между собой и, пользуясь случаем ареста попа Шульженко, 15 апреля в 4 часа утра они взбудоражили часть села к массовому выступлению, начали бить в набат, кричали, что колхозов нам не нужно, ибо это есть рабство человека, кричали бейте представителей, которые арестовали нашего священника, бейте наших местных коммунистов,

называя их антихристами. Все были вооружены железными вилами и кольями, и так продолжалось до 11 часов дня...

А вот бабушка Мария Тимофеевна Симонова говорит, что ничего подобного ее отец не говорил. Он просто заступался за священника, а все вышесказанное ему и другим участникам событий приписали, чтобы было, за что их посадить. Уж слишком власти хорошо помнили, что их отец-кулак и находится в ссылке. Нужно было и сыновей при любом удобном случае отправить вслед за ним.

Но как бы то ни было Тимофей Демьянович Симонов получил 5 лет лагерей, Кирилл Демьянович — 3 года лагерей, Симонов Иван Тимофеевич — тоже 3 года лагерей, а остальные трое из числа «организаторов восстания» получили условные сроки.

Я считаю, что мне удалось своей работой доказать, что мои предки по бабушкиной линии являлись честными и трудолюбивыми людьми и нам не стыдно за них. Как видно из всех собранных мною материалов, они не совершили никаких преступлений. И я сделала вывод, что мои предки пострадали за то, что осмелились выразить свое недовольство государственной политикой в деревне и не хотели вступать в колхоз. Вот это и есть основная причина всех их обвинений.

Как же сложилась дальнейшая судьба моих предков? Отсидев в лагерях свои сроки, ни Тимофей, ни Кирилл не захотели возвращаться домой. Сначала Кирилл, а затем и Тимофей прямо из лагеря отправились к своим родителям, которые продолжали жить на выселении. Их отец Демьян Григорьевич в своей землянке организовал молебный дом для православных христиан. К нему приходили и местные жители, и высланные верующие. Демьян был знаком со всеми церковными обрядами, умел вести службы, потому что многие годы был в мастюгинской церкви ктитором. Сыновья ему помогали, отстроили хорошую землянку, утеплили и, скорее всего, ехать домой не собирались. А у них в селе были жены и по одному ребенку. Тогда собралась в дорогу бабушкина мать — Ефросинья Ивановна к своему мужу Тимофею. Прожив в той же землянке около года, все же Тимофей и Ефросинья возвратились в село, где в 1938 году и родилась моя бабушка Мария Тимофеевна. Кирилл тоже возвратился к своей жене Анне. Колхозниками они так и не стали. В 1941 году оба брата были призваны на фронт. Мой прадед Тимофей погиб, а Кирилл с войны возвратился, со своей семьей жил в Воронеже. Выйдя на пенсию, снова поселился в Мастюгино, здесь и умер.

До того как я занялась семейной историей, я почти ничего не знала о раскулачивании. Я представляла, что все это происходило с незнакомыми мне людьми, и, признаюсь честно, меня это не очень трогало. А когда я погрузилась в историю своей семьи, это произвело на меня огромное впечатление. Теперь я ясно представляю себе трагедию, которая происходила в моей семье, в моем родном селе, в моей стране в 30-е годы XX века. И я добилась главного: доказала

своей бабушке и всем своим родственникам, что о моих предках можно рассказывать, писать и не стыдиться того, что бабушка якобы из «кулацкого рода». Очень жалко моего прадеда, незаслуженно проведшего пять лет жизни в лагере. И в то же время я горжусь тем, что несмотря ни на что Тимофей Демьянович Симонов в годы Отечественной войны погиб в бою с фашистскими захватчиками.

Калинин, 1933

Дело о так называемой фашистской организации

Дмитрий Васильев

г. Тверь,

научный руководитель С.П. Сербская

Я выяснил, что во втором томе «Книги Памяти» Тверской области, на странице 264, опубликована короткая, в шесть строк, запись о моем прадеде, Вениамине Михайловиче Романове. Всего шесть строк, а что за этими строками? Какая жизнь прожита моим прадедом? Я поговорил с бабушкой и узнал, что мой прадедушка был осужден за участие в «фашистской террористической группировке» в 1933 году, а потом в 1956 году реабилитирован. У меня возникло много вопросов, но бабушка не могла ответить на них. Просто не знала, потому что, когда ее папу арестовали, ей было всего девять месяцев, а потом, когда бабушка выросла, в семье об этом предпочитали не говорить. «Опасно было», — сказала бабушка. Я решил узнать об этом деле как можно больше.

АРЕСТЫ

Мои предки всегда жили на Тверской земле. Родители моей прапрабабушки, Кавские, жили в селе Садыково, в Торжокском районе Тверской губернии. Мой прапрадед, Виктор Кавский, был настоятелем храма в селе, а бабушка — «матушкой». А прапрадедушка и прапрабабушка по отцовской линии — Романовы, Михаил Иванович и Мария Михайловна, жили в Твери, в центре города. Двухэтажный деревянный дом, в котором они жили, располагался по Владимирскому переулку (ныне Студенческому). В квартире № 1 этого дома и проживала семья Романовых. Дом не сохранился. Из документов следственного дела, из протокола допроса, мне удалось узнать, что мой прапрадедушка, Михаил Иванович Романов, был чиновником городской управы.

17 декабря (по старому стилю) 1907 года в городе Твери, в православной семье моего прапрадеда, мещанина Михаила Ивановича и его жены Марии Михайловны, родился сын. Это был долгожданный ребенок, так как в семье уже были две дочери. Старшую звали Клавдия, а младшую — Антонина. 27 декабря, на десятый день жизни, согласно выписки из метрической книги о родившихся детях за 1907 год, мальчика крестили в Тверской Вознесенской церкви и назвали Вениамином.

Когда ему было 14 лет, при неизвестных обстоятельствах скончались его родители. Вероятнее всего, сказались трудности времен Гражданской войны. К этому времени Вениамин окончил семь классов школы. И в 1922 году его отправили в Казань, к старшей сестре Клавдии. Там в 1924 году он учился в техникуме, по специальности техник-землеустроитель, а в 1925-м окончил курсы топографии. В этот же год он вернулся в родную Тверь в родительский дом и стал

работать в Бюро инвентаризации, а затем техником-инвентаризатором Калининского горкомхоза (городского коммунального хозяйства).

В 1926 году его должны были призвать в армию, но он оказался не годен к службе из-за грыжи. В 1930 году женился на Лидии Викторовне Кавской.

29 января 1933 года в семье моего прадеда родилась дочь Ирина, моя бабушка. А 12 октября того же года Вениамин Михайлович был арестован.

ДЕЛО О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ФАШИСТСКОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ГРУППИРОВКЕ»

Я начал свою работу с изучения документов, которые моей бабушке разрешили переписать в Центре документации новейшей истории, где хранятся в том числе и дела репрессированных. С большим волнением я рассматривал сканированные документы из дела моего прадеда, которые нашей семье предоставили сотрудники мемориального комплекса «Медное». Так я узнал о деле так называемой «фашистской группировки», которая была в 1933 году обнаружена в Калининском городском коммунальном хозяйстве (горкомхозе).

В 1930 году в Калининском горкомхозе для проведения инвентаризации городского хозяйства было организовано техническое бюро. В качестве техников-инвентаризаторов там работало около 30 человек. В «Обвинительном заключении по делу № 1212» говорится о том, что комплектование проводилось без всякой проверки, в результате чего в бюро проникло большое количество детей священников, торговцев, судимых органами советской власти за различного рода преступления. В 1933 году их обвинили в создании «контрреволюционной фашистской организации», целью которой являлось «убийство Сталина, свержение Советской власти и замена ее фашистским строем».

Мы можем получить представление об этих «членах фашистско-террористической группировки», так как на титульном листе следственного дела № 27959 (№ 6162-С) приведено 11 фамилий. Это прежде всего технические работники вагонного завода и городского коммунального хозяйства. Мне удалось собрать следующие сведения об этих людях.

1. Алексеев Алексей Гаврилович, 1902 года рождения, русский, уроженец города Калинина, по социальному происхождению служащий (сын извозпромышленника), беспартийный, со средним техническим образованием. С 1918 по 1921 год служил в городском авиапарке, до ареста работал на вагонном заводе техником.

2. Иванов Виктор Георгиевич, 1901 года рождения, уроженец Москвы, русский, беспартийный, по социальному происхождению из крестьян, середняк. В 1926 году осужден коллегией ОГПУ за «контрреволюционную деятельность» на 3 года заключения в концлагерь, срок наказания закончился в 1932 году. До ареста проживал в деревне Старбеево Московской области, временно не работал. На иждивении имел жену и двоих детей.

3. Колосов Сергей Александрович, 1909 года рождения, русский, сын дьякона. До ареста работал пианистом в кинотеатре «Эрмитаж» в Калининне. Холост, на иждивении имел мать.
4. Марканов Георгий Порфирьевич, 1907 года рождения, уроженец Пензы, беспартийный, сын крупного мукопромышленника (отец являлся владельцем паровой мельницы в Пензе). Работал на вагонном заводе техником-сметчиком.
5. Осипов Николай Николаевич, 1896 года рождения, уроженец Ленинграда, русский, беспартийный, социальное положение — из служащих. С незаконченным высшим образованием, по специальности техник-строитель. Служил в войсках ВЧК-ОГПУ. В 1926 году за растрату денег был приговорен нарсудом к пяти годам лишения свободы, срок отбыл в Калининском ИТУ. До ареста проживал в городе Калининне, работал заведующим строительным отделом фабрики им. Вагжанова. Имел на иждивении жену и мать.
6. Романов Вениамин Михайлович, 1907 года рождения, уроженец Калининна, русский, беспартийный, социальное происхождение — из мещан. До ареста работал техником в бюро инвентаризации Калининского горкомхоза. Имел на иждивении жену и дочь 9 месяцев.
7. Ставров Борис Николаевич, 1908 года рождения, русский, уроженец Москвы, мать — дворянка, беспартийный, с неоконченным средним образованием. В 1928 году судим, приговорен к 3 месяцам принудительных работ, срок наказания отбыл. До ареста работал пианистом в кинотеатре «Эрмитаж». Холост, на иждивении имел мать.
8. Сухарев Александр Сергеевич, 1902 года рождения, уроженец деревни Прибытково Калининского района Калининской области, русский, беспартийный, социальное происхождение — из торговцев. В 1929 году судим органами ОГПУ за «контрреволюционную деятельность». До ареста работал прорабом в МТС.
9. Шумович Аркадий Александрович, 1905 года рождения, белорус, уроженец Гродненской области (Польша), сын высланного попа, беспартийный. Работал на кожевенном заводе счетным работником.
10. Цветков Алексей Ефимович, 1908 года рождения, уроженец Калининна, по социальному происхождению — служащий, беспартийный, со средним техническим образованием. В 1929 году судим органами ОГПУ в Москве за подделку и распространение фальшивых монет. Приговор — три года лишения свободы условно. До ареста работал на вагонном заводе техником по гражданскому строительству.
11. Флеров Николай Николаевич, 1908 года рождения, русский, уроженец Калининна, по социальному положению — сын священника. До ареста работал на вагонном заводе в отделе главного механика техником. На иждивении имел жену.

Больше всего сведений о людях, проходивших по этому делу, сообщено Н.Н. Осиповым. Осипов очень подробно говорил о моем прадеде, даже о том, что В.М. Романов имел порок сердца, компенсированное малокровие, грыжу. Именно на него ссылаются следователи, когда приводят те или иные слова, сказанные этими людьми во время их встреч.

Как же возникла, по утверждению следователей ОГПУ, эта «фашистская группировка»? Согласно обвинительному заключению, когда было образовано

техническое бюро, к числу этих «социально чуждых элементов» примкнули «административно выселенные коллегией ОГПУ за контрреволюционную деятельность Левит, Иванов, Гольцвангер и Осипов».

Поступив на работу в бюро, они организовали «активную контрреволюционную деятельность», сгруппировали «вокруг себя социально чуждую молодежь». «Под видом выпивок они стали проводить нелегальные собрания, на которых выступали с резкой критикой мероприятий Советской власти». И к 1931 году, «благодаря активной контрреволюционной деятельности Левита, Иванова и Осипова, в стенах горкомхоза оформилась террористическая организация, обсуждавшая вопросы о совершении убийства т. Сталина и др. террористических актов против членов правительства — свержении Советской власти и замены ее фашистским строем» (в документе подчеркнуто красным карандашом). Вскоре, согласно обвинительному заключению, «встречи и сборы приобрели систематический характер, как на службе, так и по квартирам», и продолжались в течение 3 лет.

Во главе этой «организации», по утверждению следователей, стояли Левит, Осипов и Иванов. Местом собраний были квартиры Алексея, Марканова, а также моего прадеда Вениамина Михайловича Романова. В служебное время местом собраний было бюро инвентаризации. После увольнения Осипова вторым по активности был Иванов. В июне 1932 года Иванов стал заведующим бюро. В материалах допроса и обыска моего прадеда Виктор Георгиевич Иванов неоднократно назывался активным членом организации, а в обвинительном приговоре и вовсе сказано, что он «признал и показал», что «фактически сделался идейным вдохновителем и вожатым этой контрреволюционной группы».

В следственном деле есть интересный документ: «Справка на арест Марканова Г.П. и Романова В.М.», в котором синим карандашом подчеркнуты, надо так полагать, слова Марканова, с указанием на даты — 2 августа и 9 сентября 1933 года. В верхнем левом углу наискосок красными чернилами нанесен росчерк «на арест Марканова и Романова согласен... Прокурор» и подпись — росчерк ручкой черного цвета и число 11 октября 1933 года. В тот же день, согласно документу, переписанному бабушкой, в доме Романовых был произведен обыск.

Что же за всем этим стояло? Очевидно одно: бюро было образовано в 1930 году, а арест моего прадеда и его коллег произошел в 1933 году. Таким образом, получается, что эта «подпольная организация» работала в течение почти трех лет. Я думаю, что, конечно, это были не собрания, а встречи сослуживцев, которые вели, возможно, опасные, свободные разговоры, в том числе и о политике. Собравшиеся говорили о том, что они знали и видели. Бывая в деревне, мой прадед мог видеть, как стали жить люди после проведения коллективизации, и он считал поэтому, как говорится в деле, что «партия, загнавши крестьян насильно в колхозы и раскулачивая крестьян, окончательно разорила крестьянство, понизив товарность сельского хозяйства, чем еще больше ухудшилось положение города». Но эти обычные посиделки кому-то представились антисоветскими, опасными для государства, и этот кто-то донес в соответствующие органы.

И заработал маховик репрессивной машины. Так возникло «дело о фашистско-террористической группировке». Лидером «группировки» являлся В.Г. Иванов, который был, по утверждению следователей, «враждебно настроен против существующего строя. Неоднократно высказывался за совершение террористических актов против Сталина и других руководителей партии и Советской власти». В документах и о моем деде также говорится, что он «враждебно относился к существующему строю и высказывался за террористические акты против членов правительства и товарища Сталина». Типичное, изготовленное под копирку, обвинение. Я считаю, что мой дед, тогда молодой 26-летний мужчина мог критиковать советских руководителей и проводимую ими политику. Но я не верю, что мой прадед призывал к насильственному свержению существующего строя.

В документах нет нигде упоминания о готовящихся террористических актах и даже о подготовке к ним. Для любого вооруженного действия, тем более свержения власти, необходимы силы и оружие. В обвинительном заключении говорится, что при «обыске у Осипова Н.Н. был изъят револьвер системы наган с четырьмя боевыми патронами». В справке на арест Г.П. Марканова и В.М. Романова и в заявлении участника группы Сухарева упоминается о том, что у Кавского, тестя Романова, в деревне Салтыково хранится огнестрельное оружие. А вот сколько и какое, не указано. Возможно, это были охотничьи ружья, так как если бы там был целый арсенал оружия, то в документах это было бы отражено. Слишком красноречивым оказался бы этот факт для доказательства планов «контрреволюционеров». Немыслимо покушаться на советскую власть с одним на всех револьвером и всего четырьмя патронами. Даже если учесть оружие, хранящееся у Кавского, его явно недостаточно для реализации тех планов, которые приписывались членам «так называемой фашистской группировки».

Позже, в 1937 году, обвинение в антисоветской, фашистской деятельности стало трафаретным и по нему людей нередко приговаривали к расстрелу. Мой прадедушка, к счастью, не только вернулся из мест отбытия наказания, но даже в годы войны сражался на фронте.

ПРИГОВОР

Набор документов в деле прадеда — я теперь это знаю — типичный для подобных дел. В анкете арестованного об имущественном положении на момент ареста, где требуется «перечислить подробно недвижимое и движимое имущество до 1929 года, тоже и до 1917 года», указано, что «нет ничего, кроме личных вещей».

Приводятся также его вероятные или выдуманные доносчиком слова, с указанием на дату 23 августа 1933 года: «Политика Сталина — политика сумасшедшего человека. Сталин ведет страну к гибели, за его жизнь не жаль отдать и свою. Каждый человек это сделал бы. Смерть Сталина избавление для массы людей».

«Население, как кролики, которых сажали в кучу и делают, что хотят: бьют, моят голодом, хорошей жизни не может быть, пока эта сволочь находится у власти», — это его слова, сказанные 9 августа 1933 года.

12 декабря, спустя два месяца после ареста, согласно «Постановлению об избрании меры пресечения и предъявления обвинения», мой прадед, по словам чекистов, уже «достаточно изобличается в том, что, будучи враждебно настроен к существующему строю, систематически высказывался за свержение соввласти».

Далее говорится, что он, «являясь участником фашистско-террористической группировки, неоднократно обсуждал вопрос об организации террора против членов правительства и тов. Сталина». Поэтому Романов Вениамин Михайлович был привлечен в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 11 и 8 и препровожден под стражей в Калининское ИТУ.

В протоколе допроса В.М. Романова есть строка: «*написано собственноручно*». Ниже строка: «*Романов*». Здесь предполагается подпись, но ее нет, значит, прадедушка не подписывал протокол. Да и сам протокол не написан «собственноручно», а напечатан на пишущей машинке. Нет подписей ни прадедушки, ни ведущего допрос уполномоченного О.Г. Зимина и подписей под словами «Верно». И никаких прав. И никакой законности. На документе нет даже даты проведения допроса.

А те слова, что приводятся в протоколах допроса как доказательство обвинения, сегодня — высказанная моим прадедом правда. Например, говорится о возможности крестьянских выступлений, так как «коллективизация, проводимая насильственным путем, и ликвидация кулачества как класса чрезвычайно озлобила крестьянство. Взятые темпы индустриализации и плохое снабжение в среде рабочих создало определенное настроение не в пользу Советской власти. Ухудшилось продовольственное положение в стране, рабочие живут впроголодь, непосильные темпы в строительстве также озлобили рабочих».

Мне кажется, что дается и верная оценка действий советских руководителей: «Строительство, которое ведется в нашей стране, идет наспех, кое-как, такое строительство недолговечно. В то же время расходуются чрезвычайно большие средства, составляющие солидную часть средств трудящихся, у которых они выколочены различными займами. Это привело меня к убеждению, что у власти сидят люди, ведущие страну к развалу».

Судя по документам следственного дела, 11 января 1934 года все участники этих встреч были осуждены на основании ст. 58.10 и 11 УК РСФСР:

1. Осипов Н.Н. — к 10 годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей); по другим документам — к пяти годам, со строгой изоляцией до трех лет.
2. Иванов Виктор Георгиевич (имя и отчество этого человека мы узнали из материалов допроса В.М. Романова) и Шумович А.А. были приговорены к 8 годам ИТЛ.
3. Романов В.М., Марканов Г.П., Цветков А.Е., Сухарев А.С., Флеров Н.Н. — к пяти годам ИТЛ.
4. Алексеев А.Г., Колосов С.А. и Ставров Б.Н. — к трем годам ИТЛ.

Итак, 11 января 1934 года тройкой ОГПУ по Московской области мой прадед Романов Вениамин Михайлович был осужден к пяти годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) как участник фашистско-террористической группировки и, как было указано в постановлении, «будучи враждебно настроенным к существующему строю». 1 февраля он был отправлен на место отбывания наказания: БАМЛАГ ОГПУ, на станцию Михайло-Чесноковская Уссурийской железной дороги.

Затем были трудные годы, но мне, к сожалению, не удалось узнать об этом периоде жизни моего прадеда никаких подробностей.

В 1956 году, в период реабилитации, проходила проверка показаний начала 1930-х годов: были передпрошены обвиняемые Иванов, Романов и Сухарев. От своих «признательных» показаний 1933 года они отказались. Мой прадед Вениамин Михайлович Романов на допросе 1956 года сказал, что «никакой антисоветской организации не было, и свои показания не подтвердил». 4 октября 1958 года постановление тройки при ОГПУ МО от 11 января 1934 года в отношении Романова В.М. было отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Значит, не было никакой «фашистско-террористической группировки» и все дело было ложно состряпано, сфабриковано, а люди под угрозами следователей себя оговаривали.

ПОСЛЕ ЛАГЕРЯ

В 1938 году, «отбыв наказание полностью», прадед вернулся в Тверь. Моя бабушка вспоминает, что в 1938 году, когда Вениамин Михайлович вернулся из ссылки, она находилась в деревне Садыкове, у своей тети Антонины Викторовны. Именно там произошла их первая встреча, потому что, когда прадедущка был репрессирован, моей бабушке было всего девять месяцев. И только в пять лет она, наконец, увидела и узнала своего отца. В нашей семье сохранилась самая любимая фотография бабушки. На ней она обнимает отца и маму (мою прабабушку) Лидию Викторовну. Смешная, с коротко подстриженной челкой, счастливая моя бабушка. Родные знали, что он должен был приехать на поезде и пошли встречать его в сторону станции. Когда они встретили его, он взял ее на руки и всю дорогу до дома нес.

С осени того года родители забрали бабушку в город. Отец уделял ей много времени, учил ее рисовать, много читал. В 1940 году Ирина Вениаминовна пошла в школу, но спустя год началась война.

11 октября 1941, когда немцы входили в Тверь, наша семья бежала из Калинина в село Садыково Медновского района к родственникам и, судя по записи в красноармейской книжке, 20 ноября 1942 года прадед был призван Медновским районным военкоматом в армию. Как следует из записи, в январе 1943 года он получил специальность телефониста.

Записи и благодарности в его красноармейской книжке говорят о том, где он воевал:

благодарность за взятие Волхова;

25 июня 1944 года — за форсирование реки Дзурь;

5 августа 1944 года ему «объявлена благодарность товарища Сталина за взятие г. Орел»;

7 августа 1944 года за участие в боевых действиях на Втором Белорусском фронте В.М. Романов награжден медалью «За боевые заслуги».

Мой прадед участвовал в освобождении белорусских городов Рогачев, Гомель, Бобруйск и в освобождении Польши, о чем свидетельствует благодарность за взятие Белостока.

В домашнем архиве сохранилось единственное письмо, полученное моей бабушкой с фронта от ее папы, моего прадедушки. Он спрашивает о ее музыкальных успехах, просит помогать маме и тете по хозяйству. Папа обещает своей дочери, что наша армия скоро выгонит немцев с родной земли.

Указом Президиума Верховного Совета от 25 сентября 1945 года Вениамин Михайлович был демобилизован из армии, о чем на той же пятой странице красноармейской книжки сделана соответствующая запись. За честную службу на благо Родины «боевому товарищу красноармейцу Романову В.Н.» главнокомандующим Группой оккупационных войск в Германии маршалом Советского Союза Жуковым и членом Совета группы оккупационных войск в Германии генерал-лейтенантом Телегиным объявлена благодарность.

Бабушка рассказывала, как отец вернулся среди ночи и постучал в ставни. Ее самое яркое воспоминание, что прямо среди ночи он сел за рояль и начал играть и петь для них с прабабушкой известную песню «Темная ночь».

По возвращении с войны он работал сначала на восстановлении Старого Волжского моста, а после окончания ремонтных работ, в 1947 году, перешел на работу в Гипроторф старшим техником-топографом.

Комната Романовых превратилась в «штаб» изыскательской партии, и целыми днями в доме собирались техники, топографы и даже начальник этой партии, и в этих условиях бабушке приходилось учить уроки и заниматься музыкой. Еще ей запомнилось, что партия отца завоевала первенство в Гипроторфе, и для вручения различных наград из Москвы приехало руководство, и все это, включая банкет, также происходило в их доме. Бабушка помнит, как один из московских начальников рассказывал, что когда в Москву привозили для сдачи планшеты, выполненные В.М. Романовым, то все работники Гипроторфа сбегались посмотреть на них — настолько они каллиграфически были выполнены. Перед самой пенсией Вениамин Михайлович переехал в Новосибирск, так как изыскательскую партию перевели туда. К нему в Новосибирск перебралась прабабушка Лида, которая вышла на пенсию раньше.

В 1958 году в нашу семью пришло долгожданное событие: началась реабилитация жертв политических репрессий, и с моего прадеда было снято обвинение. Конечно, это была радость, но ведь сколько мучительных ночей провели мои родственники, прабабушка и прадедушка, сколько слез было пролито ими. А моя бабушка? Ей пришлось разделить судьбу многих детей, чьих родителей репрессировали и объявили врагами народа. Ее раннее детство прошло без отца, без его любви и поддержки. Сколько она пережила обид, когда во дворе ее дразнили мальчишки! А на самом деле обвинение против ее папы было сфабриковано.

В 1963 году прадедушка ушел на пенсию и вернулся в Калинин. К этому времени бабушка уже была замужем и получила квартиру в микрорайоне «Южном», с родителями виделась редко, только в период продолжительных зимних каникул. На это время прабабушка и прадедушка переезжали к детям и приглядывали за внуками.

Мой прадед был очень разносторонним человеком. Он умел играть на разных музыкальных инструментах (фортепиано, балалайка, аккордеон). Он много знал об истории города Твери, неплохо рисовал. Особой страстью Вениамина Михайловича было что-то мастерить, начиная от красивых интересных поделок и заканчивая крупными постройками в деревне.

Мой прадедушка, Вениамин Михайлович, умер в октябре 1993 года. Он похоронен на кладбище в селе Садыково.

Он, она и «Карельское дело»

Екатерина Самкова

г. Тверь,

научный руководитель С.П. Сербская

КАРЕЛЫ И ГОСУДАРСТВО

Меня зовут Катя Самкова. Я живу в городе Твери. Наша семья небольшая — мама, папа и я. Мы принадлежим к тверским карелам. 33% всех карел России проживает на территории Тверской области еще с древности.

Долгое время карельский народ не имел собственной письменности. 1 марта 1930 года Комитет по делам национальностей Народного комиссариата просвещения СССР провел совещание по созданию карельской письменности. А на следующий год был утвержден карельский алфавит на латинской основе. Благодаря усилиям активистов создания карельской письменности А.А. Милорадовой, А.А. Белякова, П.П. Смирнова и других, к 1937 году были подготовлены и изданы сотни необходимых книг на карельском языке. К концу 1937 года на территории округа действовали 24 библиотеки, 119 изб-читален, 6 клубов, 2 музея, 101 карельская школа.

Рецензии на подготовленные школьные учебники давал мой прадед Иван Михайлович Соловьев. Письменный карельский язык на латинизированной основе просуществовал в области с 1 февраля 1931 года по май 1938 года. Он преподавался в карельских школах. 11 июля 1930 года в Лихославле было открыто педагогическое училище как отделение Тверского педагогического института для подготовки учителей из карел. Сотрудниками этого училища были мои прабабушка Екатерина Ивановна и прадедушка Иван Михайлович Соловьевы. В 1937 году из училища были выпущены 110 учителей-карел, в 1938 году — 100 учителей-карел.

Карельский народ никогда не имел своей государственности, так же как и письменности, но с июля 1937 по февраль 1939 года на территории Калининской (ныне Тверской) области был создан Карельский национальный округ. Центром Карельского национального округа стал город Лихославль.

В 1937 карельский был провозглашен государственным языком в Карельской АССР. Было принято решение о создании литературного языка, единого для всех карел Советского Союза. 8 сентября 1937 года, через два месяца после принятия постановления о создании округа, появилось постановление Президиума ВЦИК СССР о переводе карельской письменности на русский алфавит. Переход на кириллицу у тверских карел происходил сложно и болезненно.

Таким образом, письменный карельский язык на латинизированной основе просуществовал на территории Калининской области чуть более 7 лет с 1 февраля

1931 по май 1938 года. Перевод его на кириллицу в 1937–1938 годах на практике привел к ликвидации письменного карельского языка. Основоположники карельской письменности, специалисты-языковеды и руководители округа были арестованы.

9 февраля 1938 года, то есть через семь месяцев после создания национального округа, УНКВД по Калининской области возбудило уголовное дело по обвинению активистов карельского движения в контрреволюционной и разведывательной деятельности в пользу иностранного государства — Финляндии. В тот же день были проведены первые массовые аресты карельской интеллигенции. Следователи пытались обвинить активистов Карельского национального округа Калининской области в налаживании связей с руководством Карельской автономной республики в деятельности по их территориальному объединению и дальнейшему присоединению к Финляндии.

По делу проходило до 400 человек, арестовано — 110 человек. Всего до конца 1938 года были арестованы 139 тверских карел. Среди них более 40 работников народного образования от заведующего ОКРОНО до директоров школ и учителей, весь партийный и советский руководящий состав, работники редакции газеты «Карельская правда», работники методкабинета и Лихославльского педучилища, 6 сотрудников НКВД по Карельскому округу, рядовые колхозники и рабочие.

Расследованием карельских дел занималась специально созданная руководством УНКВД оперативно-следственная группа во главе с заместителем начальника УНКВД по Калининской области П.Д. Дергачевым. В группе работало свыше 30 следователей и оперативных работников НКВД, в общей сложности было возбуждено не менее 30 уголовных дел, которые имели общее название «Карельское дело».

7 февраля 1939 года Президиум Верховного Совета РСФСР издал Указ № 696/86 «О ликвидации Карельского национального округа». За девять лет, с 1930 по 1939 год, число тверских карел уменьшилось на 30,6 тысячи человек. Из них были направлены в Карельскую АССР 3,8 тысячи, направлены на стройки народного хозяйства — 2,5 тысячи, выселены в Сибирь, Казахстан и на Север 24,2 тысячи человек. Одновременно велась работа по устранению употребляемых в литературном языке финских заимствований, чтобы максимально приблизить карельский язык к русскому языку. Результат отсутствия письменности и других национальных символов проявился у тверских карел и в том, что их численность с 1959 по 1989 год сократилась более чем на 50%.

«Карельское дело» напрямую коснулось моей семьи. Моя прабабушка, Екатерина Ивановна Соловьева, в это время являлась заведующей учебной частью Лихославльского педагогического училища, и одной из первых была арестована. Долгое время она находилась в Калининской внутренней тюрьме НКВД.

Мой прадед Иван Михайлович Соловьев, учитель математики и карельского языка этого училища, также был арестован по этому делу. Именно изучению

судьбы прадеда посвящена моя работа. В ее основе материалы следственного дела моего деда, хранящегося в Тверском центре документации новейшей истории за № 15344-с. Дело очень толстое. В нем, по описи, 180 документов, но в деле есть конверты, в каждом из которых еще не менее 10 документов.

ЖИЗНЬ ПРАДЕДА ДО И ПОСЛЕ

Я открываю следственное дело... Даже слегка дрожат руки. Что здесь? В конце следственного дела находятся конверты с письмами, фотографии. Их четыре, по две — в профиль и в анфас. Такие фото делают, когда человека арестовывают. Я это видела в кинофильмах, не думала, что увижу на таких изображениях своих родных.

Узкое, вытянутое, большое открытое лицо. Прямой нос с большими ноздрями и глубокие носовые складки. Это мой прадедушка Иван Михайлович Соловьев.

Он родился в 1884 году в деревне Дербужье Тверской губернии.

О родителях, вернее о его отце, известно немного, и то из материалов следственного дела. Больше всего внимания следователь уделяет количеству земли, которая была у прапрадедушки. Думаю, чтобы показать, что он кулак, а значит враг. В протоколе первого допроса от 21 августа 1938 года хозяйство моего прапрадеда называется кулацким.

Прадедушка в 1902 году окончил двухклассное земское училище, а с 1902 по 1905 год учился в Новоторжской учительской семинарии. По окончании семинарии в 1905 году поступил на работу учителем в Сухонивскую министерскую школу, где работал до 1914 года. В 1914 году был призван в царскую армию и направлен на фронт. Затем был откомандирован в школу прапорщиков, которую закончил 20 ноября 1915 года. С июля 1916 по июль 1917 года дедушка прослужил младшим офицером 9-й роты 57-го запасного полка города Твери, а затем по ноябрь 1917 года служил начальником обоза 18-й инженерной рабочей дружины инженерной бригады на северо-западном фронте. В сентябре 1917 года И.М. Соловьев был произведен в чин подпоручика. На допросе, отвечая на вопрос следователя, дедушка объяснил причину присвоения ему чина подпоручика. «Указом Военного министерства царской России... он был произведен в чин подпоручика, как находящийся более 4 месяцев на фронте и имеющий среднее образование».

В 20-х числах ноября 1917 года от командира инженерно-рабочей дружины был получен месячный отпуск, и Иван Михайлович приехал в деревню Сухая Нива Новоторжского уезда Тверской области. В 1917 году женился на Миняевой Екатерине Ивановне. В конце декабря получил временное удостоверение о демобилизации и военный билет.

Возвратившись с фронта, дедушка поступил на работу в Сухонивскую школу учителем, где проработал до 1934 года. Судя по анкете арестованного, в годы Гражданской войны ни в Белой, ни в Красной армии он не служил.

В 1931 году он был направлен в Тверь на двухмесячные курсы по подготовке учителей для средних школ, а затем перешел на работу в Лихославльский педагогический техникум в качестве преподавателя карельского языка.

ПОД СЛЕДСТВИЕМ...

Не знаю, утром, днем или вечером пришли в дом моего прадеда сотрудники НКВД, но в документах следственного дела есть постановление об избрании меры пресечения от 7 августа 1938 года. С него, собственно, дело и начинается.

Читая материалы дальше, представляю, как разрасталось дело моего прадеда. По документам хорошо видно, как становится крупнее, шире обвинение, выдвигаемое ему. Так, если в первом документе от 7 августа 1938 года имеется указание на *антисоветскую деятельность* моего прадеда, то уже в Постановлении... от 29 августа 1938 года сказано, что он «достаточно изобличается в том, что состоял членом карельской буржуазно-националистической, шпионско-повстанческой организации и проводил антисоветскую деятельность».

Я подумала, а что в это время делала прабабушка? Я посмотрела ее следственное дело. Оказалось, что горе впервые пришло в дом моих родственников еще 21 июля 1938 года, и первой арестовали прабабушку. Прошло чуть больше двух недель и арестовали прадедушку.

Ордер на обыск был предъявлен 15 августа 1938 года, об этом говорит надпись на обороте ордера. Согласно протоколу обыска арестованного у Ивана Михайловича были изъяты:

1. Четыре книги автора Белякова по литературе на карельском языке.
2. Одна книга автора Белякова на карельском языке.
3. Учебник для начальной школы на карельском языке Фортунатовой (издание 1933 года).
4. Учебник на карельском языке для 3–4 класса начальной школы Степанова Ф.А.
5. Книга для чтения по русскому языку для карельской национальной школы Степанова Ф.А. (1933).
6. Учебник на карельском языке для 1–2 класса начальной школы Смирнова П.П. и Милорадовой (издание 1935 года).
7. Учебник арифметики на карельском языке Поповой И.С. (издание 1933 года).
8. Учебник на карельском языке Белякова А. и Бубриха (издание 1936 года).
9. Общая тетрадь с записями.
10. Школьные тетради с записями.
11. Справка об окончании Новоторжской учительской семинарии.
12. Справка Калининского института повышения квалификации кадров наробразования от 7 февраля 1934 года № 24.
13. Методическое письмо о преподавании карельского языка в школах.
14. Диктант студентки заочного сектора Лихославльского педтехникума Королевой И.В.

Очень странный для резидента шпионской разведки набор избобличающих материалов.

Затем прадедушка был препровожден в тюрьму города Калинина.

Уже 21 августа, в Калинин, в тюрьме, со слов Ивана Михайловича была заполнена «Анкета арестованного» и в этот же день был произведен первый допрос.

После этого допроса через 48 дней, 4 октября 1938 года, было написано собственноручное признание обвиняемого Соловьева Ивана Михайловича. Что с ним происходило все это время? Что-то очень страшное произошло, что-то такое, что могло этого твердого человека заставить написать собственноручное показание, где он отказывается от «своих записательств». Ломали, били? Подпись размыта, как будто подписывали мокрой рукой. Почему рука мокрая? Ответ напрашивается один — водой обливали. Я видела это в фильмах, но не могла себе представить, что это мог испытать кто-то из моих близких. Допросы проходили очень долго: начинались, как правило, в 11 часов 30 минут, а заканчивались после 23 часов 30 минут. По документам, допросы не прерывались, выходит, больше 12 часов арестованный отвечал на многочисленные, запутывающие, каверзные, с подвохом вопросы. Как не сломаться?

Само показание написано очень неуверенным, ломаным почерком. Прадедушка отказался «от дальнейших записательств, и решил дать следствию подробное показание о своей антисоветской деятельности». Уже заканчивая работу с материалами следственного дела, я обнаружила его обращение к начальнику Управления НКВД по Калининской области, датированное 26 июня 1939 года. В нем я нашла ответы на возникшие у меня вопросы. Прадедушка пишет о том, что его так называемые собственноручные показания, говорящие, о том, что он состоял в организации и что его вербовали и т. д., совершенно ложные, «так как крепко от меня требовали с применением соответствующих физических мер воздействия и устрашающей обстановки. Они были написаны под диктовку следователя. Все правдивые показания, не содержащие элемента преступления, тут же разрывались и бросались в корзину».

Когда я читала следственное дело, мне очень хотелось узнать, что же это была за карельская буржуазно-националистическая, шпионско-повстанческая организация, за принадлежность к которой был арестован мой прадедушка. Найти ответа на свой вопрос я нигде не могла, только ссылки в материалах допросов арестованных. Только изучая следственное дело прабабушки, я обнаружила то, что искала. Я была потрясена.

Вопрос: Вы упорно отрицаете свою причастность к карельско-буржуазно-национальной шпионской организации, в то время как вы сами назвали эту организацию — общество «цап-царап». Изложите следствию, что это за общество «цап-царап»? Ответ: Несколько лет тому назад (примерно в 1931–1932 годах) муж мой Соловьев Иван Михайлович был командирован Районо в Москву по вопросу карельского языка. По возвращении, делаясь со мной своими впечатлениями,

он сказал, что Соколов Сергей Семенович, будучи на совещании в Москве в присутствии моего мужа Соловьева И.М., назвал себя и своих постоянных товарищей по работе карельского языка обществом «цап-царап», что моего мужа очень удивило.

Думаю, что эти слова можно объяснить, зная, что Соколов и его товарищи писали учебники для карельских школ. Именно это, наверное, имелось в виду. Ручка пишет — «цап-царап», ведь шариковых ручек тогда не было, а чернильная при использовании издавала характерный звук — скрип. Наверное, случайно оброненное шутовское слово и дало начало такому из пальца высосанному делу.

В материалах допроса от 5 января 1939 года прадедушка объясняет все, что связано с его рецензированием первого советского учебника карельского языка. Он объясняет, например, что указал «трудно понятные места для учащихся 5–7 классов неполной средней школы», отметил, что учебник составлен удовлетворительно и подлежит изданию. При отдаче рецензии получил 90 рублей, о чем получил расписку.

Вернемся к истории этого учебника. В 1934 году в Москве в лаборатории при Мособлону (Московском областном отделе народного образования) был создан учебник карельского языка. Написан он был А.А. Милорадовой и А.А. Беляковым. На совещании в Москве, посвященном проблеме карельского языка и его преподаванию, дед был приглашен как человек, написавший рецензию.

Фактически все участники совещания были обвинены в создании антисоветской шпионской организации. Так, 9 сентября 1939 года был допрошен Александр Васильевич Тихонов. Он говорит о том, что он знает, что Соловьев рецензировал антисоветские карельские книги, а в допросе от 14 сентября записано, что он (И.М. Соловьев) сам сказал, что он участник национально-буржуазной организации. «Соловьев мною завербован в феврале 1938 года», — показал на допросе от 10 сентября 1939 года Александр Васильевич Тихонов. Такие признания можно было услышать от человека, над которым тщательно поработала сталинская машина системы ГУЛАГ. Трудно было не сломаться, не оговорить товарищей.

В следственном деле есть и материалы допроса, и выписки из допросов А. Белякова, который привлек дедушку к рецензированию карельских учебников. В выписке из собственноручного показания Белякова дается состав членов буржуазно-националистической организации, где под № 16 значится Соловьев Иван Михайлович. Указывается, что он был

завербован в организацию Степановым в 1934 году... Соловьев связан был со Смирновым и Степановым, и от них получал задания. Практическая антисоветская деятельность его выразилась в подготовке учительских кадров в националистическом духе, в поощрении национально-составленных карельских учебников для карельской школы. С 1932 года до последнего времени работал преподавателем карельского языка. А затем, в педучилище, среди студентов

распространял латинизированный алфавит чуждый для карел населения. Рецензировал ряд карельских учебников, как оригинальных, так и переводных, дав им положительную оценку. И на 2 моих учебника для 4 года обучения. Иногда Соловьев принимал участие на заседаниях, не менее 1 раза в год, комиссия по утверждению карельских учебников в Лихославле 2 раза, в Москве, как преподаватель карельского языка, и как сведущее лицо по этому вопросу, приглашался в Москву, в Мособлоно. Другой антисоветской деятельности за Соловьевым я не знаю. Личной связи внеслужебного порядка не имел. И связи по антисоветской деятельности не имел.

Позже, на допросе 9 марта 1939 года, Беляков скажет о том, «что оговорил ряд товарищей, в том числе и Соловьева Ивана Михайловича. О его деятельности» не знал и не знает «до сих пор. Смирнов о принадлежности Соловьева к карельской национально-буржуазной организации мне не говорил. Показания о том, что Соловьев принадлежит к организации, я дал ложно».

Степанов в протоколе от 9 марта 1938 года также заявил, что он Соловьева «оговорил — в финскую разведку я его никогда не вербовал. И связи по разведывательной деятельности не держал, и никогда материалов шпионского содержания от него не брал, а в показаниях от 29.9.1938 и себя, и его оговорил». В деле есть указания на то, что многие, проходящие по делу, позднее отказались от своих показаний в отношении И.М. Соловьева.

Несколько очных ставок пришлось пережить прадеду. Они были проведены в начале марта.

2 марта 1939 года в 14 часов 20 минут началась очная ставка прадеда и Смирнова.

Вопрос к Смирнову: Когда и как вам стало известно об участии Соловьева в деятельности буржуазно-националистической группы?

Ответ Смирнова: В 1932 г. в Москве от участника буржуазно-националистической группы Белякова Алексея Антоновича. Мне стало известно, что сидящий перед ним является также участником буржуазно-националистической группы.

Вопрос к Соловьеву: Вы подтверждаете показания обвиняемого Смирнова?

Ответ Соловьева: Я не подтверждаю, так как участником буржуазно-националистической группы я никогда не являлся.

Вопрос к Смирнову: При каких обстоятельствах вам стало известно о принадлежности Соловьева к буржуазно-националистической группе?

Ответ Смирнова: В январе 1932 г. я зашел к Белякову на службу, он тогда работал в карельском отделении издательства Мособлисполкома и в этой беседе с ним по вопросу распространения среди карельского населения латинизированного алфавита, он мне здесь же сообщил, что в число участников группы входит также и Соловьев Иван Михайлович.

Вопрос к Соловьеву: Вы подтверждаете показания обвиняемого Смирнова?

Ответ Соловьева: Показания Смирнова я категорически отрицаю.

Вопрос к Смирнову: Что вам известно о практической антисоветской деятельности Соловьева Ивана Михайловича?

Ответ Смирнова: В январе 1932 года в той же беседе с Беляковым последний мне сообщил, что Соловьев как участник карельской буржуазно-националистической организации занимался распространением латинизированного алфавита среди карельского населения. О другой практической деятельности мне ничего не известно.

Вопрос к Соловьеву: Вы подтверждаете показания обвиняемого Смирнова?

Ответ Соловьева: Показания Смирнова я категорически отрицаю.

Вопрос к Смирнову: Вы не оговариваете обвиняемого Соловьева?

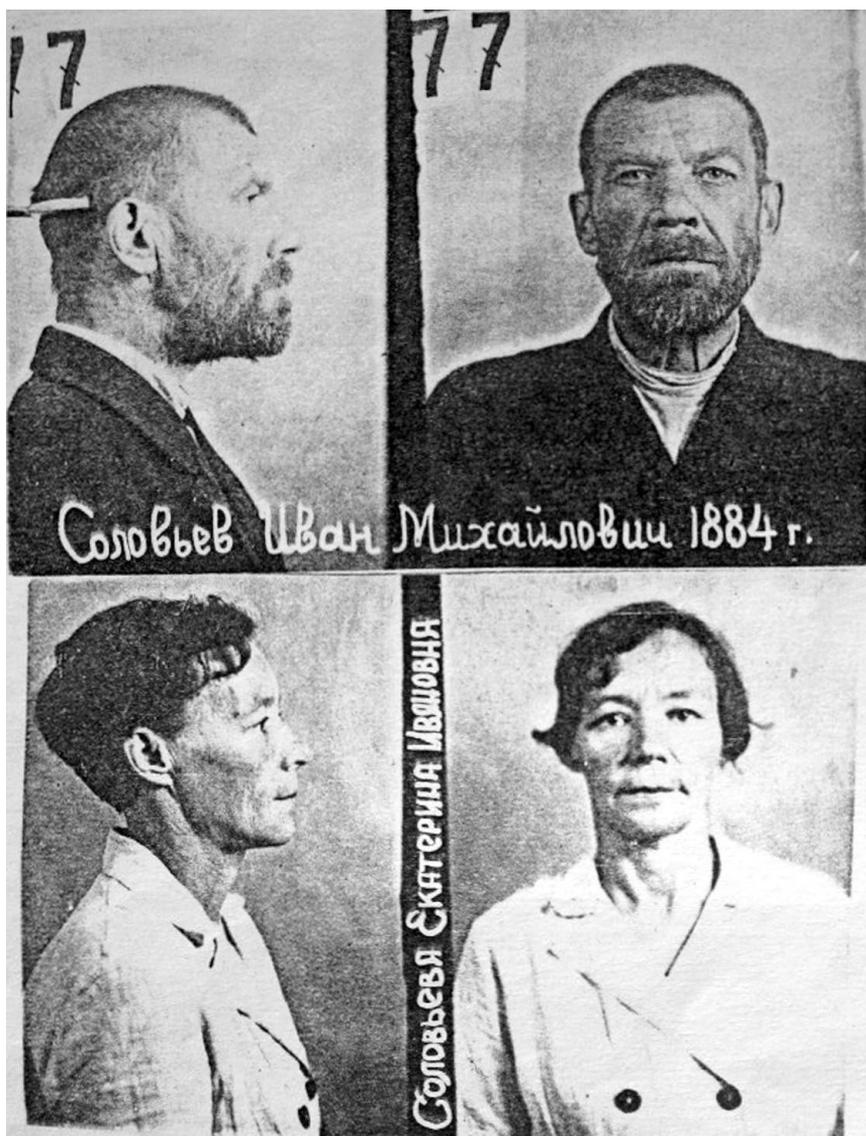
Ответ Смирнова: Нет, не оговариваю, а даю следствию правдивые показания, и на них настаиваю.

Нетрудно представить негодование, боль Ивана Михайловича Соловьева, слышавшего эти слова, полные лжи. Во время разговора с моим папой, младшим внуком Ивана Михайловича, дедушка говорил, что во время очной ставки, когда оперуполномоченный отвернулся, Смирнов руками раскрыл на груди рубашку. Там было просто мясо. Это слово так и врезалось в память внука. Это «кухня» сталинской репрессивной машины.

Особый трепет я пережила, когда из одного из конвертов дела достала письмо прадедушки, адресованное Верховному прокурору СССР Вышинскому. Письмо написано на листочке кальки формата А4 простым карандашом. Листочек сильно измят. Долго гладила его пальцами, пытаясь придать ему гладкую поверхность. Уже почти год прадедушка находится в заключении. Из материалов дела знаю, что это камера № 63 внутренней тюрьмы НКВД по Калининской области. Холодно, бьют, кормят отвратительно и потому закономерны те результаты медицинского освидетельствования, которое было сделано в медсанчасти тюрьмы № 9 ОМЗ УНКВД Калининской области. Если при аресте в анкете арестованного в графе «состояние здоровья» указано, что у дедушки есть порок сердца, то по справке от 9 января 1940 года — целый букет заболеваний, происхождение которых напрямую связано с той обстановкой, в которой находился арестованный. Это колит, который мог возникнуть ввиду «питания» в тюрьме и «малокровие с упадком питания». Состояние стресса не могло не привести к появлению миокардита и атеросклероза сосудов головного мозга. Сырость, холодные стены камеры, удары при выколачивании признаний — все это привело к увеличению воздушных пузырьков в легких, появлению туберкулеза и эмфиземы легких.

4 июля 1939 года прадедушка пишет заявление Верховному прокурору Вышинскому. Он говорит о том, что он честный человек, что «никаких других преступлений и проступков никогда в своей жизни не совершал. Никакие преступные мысли никогда не приходили в голову». Говорит о своей работе над рецензированием книг: «является ли эта работа преступлением, не знаю я до сих пор, и не считал ее таковою». Он обращается к Вышинскому с просьбой о вмешательстве в его дело и «снятия позора с него, вызванного арестом и восстановления честного имени советского гражданина».

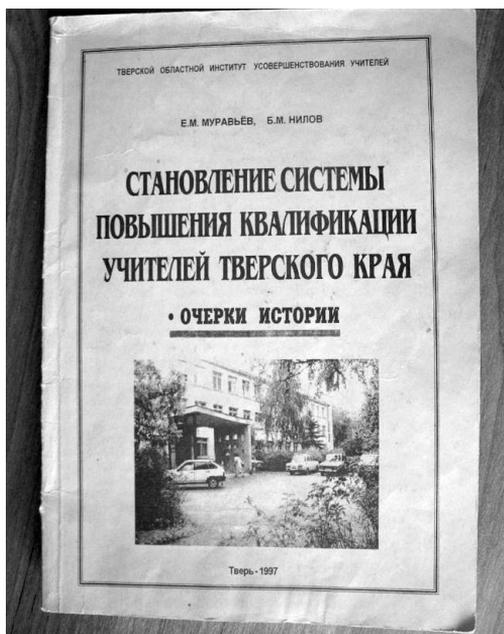
23 августа 1939 года И.М. Соловьев пишет заявление в секретариат Особого совещания НКВД СССР на имя народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии. В своем заявлении дедушка пишет:

Фотографии Соловьёвых из следственного дела

Орден Ленина, полученный Иваном Соловьёвым после освобождения

Книга «Становление системы повышения квалификации учителей Тверского края», в которой помещена статья о Екатерине Соловьёвой

Памятник «Памяти жертв политических репрессий». Тверь

Я педагог-пенсционер. 15 августа 1938 года сотрудниками Калининского управления был арестован в г. Лихославле, где состоял на педагогической работе, и заключен в Калининскую тюрьму. В октябре месяце мне предъявили самые нелепые обвинения как-то: пункты 2, 5, 10 и 11 ст. 58 Уголовного кодекса СССР. Гражданин Народный Комиссар! Я не только не совершал этих преступлений, но они никогда мне и в голову не приходили и клянусь, что ни одна мысль о них не пришла бы до конца дней моих. Меня обвиняют в принадлежности к буржуазно-националистической организации, но я до ареста совершенно не слышал о ней, никакой пропаганды не вел, о преступлениях по п.2 и 6 говорить не приходится, такими абсурдными они являются в отношении меня. Я был и остаюсь горячим патриотом своей родины — СССР, в таком же духе воспитывал молодежь; был и остаюсь последовательным и восторженным поклонником политики Партии и Правительства; все дело только в том, что я последние 5 месяцев наравне с другими предметами преподавал и карельский язык, и как преподавателю его, пришлось дать несколько рецензий на карельские учебники, хотя никогда не сочувствовал введению карельской письменности на латинизированном алфавите, является ли это преступлением, я не знал, и не знаю. Во всем остальном я совершенно чист и невиновен. Прошу Вашего вмешательства в это дело, дело защиты и восстановления имени честного Советского гражданина и снятия позора, вызванного моим арестом.

Из городской тюрьмы прадедушка обращается не только к Л.П. Берии, но и к начальнику управления НКВД по Калининской области. В этом обращении дедушка раскрываются методы работы следственных органов с арестованными:

Мои так называемые собственноручные показания, говорящие, что я состоял в организации, что меня вербовали и т.д. совершенно ложные так, как крепко от меня требовали с применением соответствующих физических мер воздействия и устрашающей обстановки. Они были написаны под диктовку следователя. Все правдивые показания, не содержащие элемента преступления, тут же разрывались и бросались в корзину... Следователь Алешкин раскрыл на половине тетрадь и предложил мне читать, полагая, что именно с этого места начинается мое дело. Я сквозь чужие, неподходящие к моим глазам пенснэ пытался читать, при этом следователь все время торопил меня. Кое-как просмотрел с половины до конца записи и подписал постановление об окончании следствия. После только я догадался, что вся тетрадь, очевидно, заключала все дело, но в ту первую ее половину так даже и заглянуть не удалось.

Когда я работала с документами, у меня сложилось представление о прадедушке. Это твердый, очень честный и порядочный человек, который даже под пытками остается таким. Он никого не оговаривает, честно объясняет свои действия, которые вызваны лишь выполнением им своих обязанностей. Когда читала все письменные обращения деда, видела сильного человека. Но в какой-то момент я почувствовала, что дедушка дрогнул, запаниковал.

Гражданин начальник, поверьте мне, я не преступник. Никогда им не мог быть, ни в каких организациях не состоял, об этой карельской буржуазно-

националистической организации не слыхал, и не подозревал... Прошу, гражданин Начальник, вновь пересмотреть мое дело и сделать соответствующее заключение — а именно снять с меня с позор, вызванный арестом и содержанием в заключении, так как я совершенно невиновен.

В деле я обнаружила заявление жены Ивана Михайловича. 26 марта 1939 года моя прабабушка Екатерина Ивановна Соловьева пишет на имя начальника управления НКВД. Заявление очень требовательное.

Категорически с полной ответственностью утверждаю, что мой муж Иван Михайлович Соловьев, никогда и никаких, кроме служебных связей не имел. Я прожила со своим мужем 23 года, работали мы на одном поприще и поэтому привыкли все говорить друг другу, и от него я не слыхала ни одного антисоветского слова. И вдруг человека арестовывают и предъявляют ему такое ужасное обвинение. Просто волосы встают дыбом! И откуда оно взялось? Кто его создал? Твердо уверена, что те сведения, по которым мы с мужем были арестованы, ложны с начала и до конца.

Это пишет бесстрашная, честная женщина, которая сама совсем недавно была в застенках НКВД.

Мой муж — честнейший человек и добросовестный учитель является жертвой злостной клеветы. Как можно было нас причислить к врагам? Где же тут справедливость? Где логика?

Многочисленные жалобы, заявления и письма арестованных карел и их родственников в центральные органы власти, возможно, способствовали прекращению «Карельского дела» и освобождению невиновных карел из-под стражи.

В УНКВД Калининской области была направлена проверка, по итогам которой принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года. В соответствии с этим постановлением работа областного управления НКВД была сначала рассмотрена на закрытом партийном собрании от 4 января 1939 года, а затем на заседании бюро Калининского обкома ВКП(б) 13 апреля 1939 года. В работе партийного собрания Управления НКВД 4 января 1939 года принимали участие первый секретарь обкома партии Бойцов и начальник УНКВД Д.С. Токарев. Каждый из выступавших сотрудников НКВД пытался оправдать свои незаконные действия и свалить вину на других, прежде всего на уже арестованных руководителей Управления Никонова, Дергачева и Доценко.

4 апреля 1939 года был проведен, как следует по материалам дела, последний допрос прадеда. Это был очень короткий допрос, потому что его текст занимает всего один оборот листа, написанный размашистым почерком. Даже спустя год, столько пережив, дедушка твердо отвечает на вопросы и отстаивает свою невиновность. Он твердо отвечает на вопрос следователя о «своей практической антисоветской деятельности» следующим образом:

«Антисоветской деятельностью я не занимался и в том виновным себя не признаю». Следователь настаивает: «Вы проводили враждебную вредительскую деятельность в народном образовании и в проверке учебников для карельских школ. Дайте показания по этому вопросу?» и получает ответ: «В области народного образования я никакой националистической работы не вел, а также в просматриваемых мною книгах для карельских школ, я ничего антисоветского не находил и считал, что содержание соответствует современности. Виновным себя не признаю».

В этот же день оперуполномоченный 3-го отдела УГБ НКВД по Калининской области сержант госбезопасности Алешкин оформил протокол об окончании следствия. Согласно ему, «виновность Соловьева И.М. предварительным следствием доказана полностью». Как будто не было никаких материалов, опровергающих это утверждение, не было отказов от своих показаний коллег Ивана Михайловича, проходящих по карельскому делу, документального утверждения, что «вещественных доказательств по делу нет», написанного оперуполномоченным. Подпись деда четкая, не размытая, но видно, что почерк ломаный.

По окончании следствия было составлено обвинительное заключение по следственному делу № 20518:

Произведенным расследованием установлено: Соловьев Иван Михайлович... имел тесную связь с участниками карельской буржуазно-националистической организации — Беляковым А.А., Смирновым В.П., Соколовым С.С., по заданию которых проводил проверку учебников для карельских школ на латинизированном алфавите и давал им положительные оценки. Будучи учителем карельского языка в школе, при диктантах внедрял финские термины, а также финские термины применял в методических разработках — для учителей карельских школ.

Также указывается о показаниях упомянутых товарищей, и о том, что они отказались от них. Несмотря на все это, «на основании вышеизложенного, Соловьев И.М. ... Обвиняется... В преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР». Дело было направлено на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР.

14 мая 1939 года исполняющий обязанности Помощника прокурора по спецделам Сизов, «ознакомившись с уголовным делом», указал, что «Облпрокуратура не находит возможным утвердить обвинительное заключение в силу ряда причин и возвращает дело на доследование». Но уже 22 июня 1939 года прокуратура в новом заключении выносит резолюцию: «Обвинительное заключение утвердить, а дело направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР». Почему такая резкая перемена? Много вопросов, но самое главное, что неизвестность судьбы моего деда остается, его заточение продолжается.

И машина репрессий работает дальше. Дедушке в июле 1939 года переквалифицируют обвинение: «В связи с тем, что обвинение инкриминируемое Соловьеву по ст. 58 п. 2, 10, 11 УК СССР — в шпионско-повстанческой деятельности следствием доказано недостаточно, но полностью изобличается как участник... и в проводимой антисоветской националистической деятельности — обвинение квалифицировать

по ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР». Обвинение не доказано, но полностью изобличается — фантастика. Разве такое может быть? Оказывается, может.

13–15 мая 1939 года военный прокурор Бескоровайный и его помощник Баринов еще раз допросили всех обвиняемых по «Карельскому делу». Результатом этих допросов стало освобождение из-под стражи в мае 1939 года четверых карел — сотрудников НКВД, в июле 1939 года — 10 человек, в ноябре 1939 года — 18 человек. Всего за 1939 год из-под стражи были освобождены 46 тверских карел из 139 арестованных.

В тюрьме умерли: Жуков Федор Иванович, Жухарев Михаил Андреевич, Кудяков Сергей Яковлевич, Степанов Федор Андрианович, Тузов Федор Иванович, Чекеев Василий Степанович.

И вот наконец-то, спустя почти три года, 3 января 1940 года начальником УНКВД по Калининской области полковником Токаревым утверждено постановление о прекращении следственного дела № 20518. Согласно этому документу, в отношении всех фигурантов, проходивших по этому делу, были прекращены следственные мероприятия, и сам мой дедушка, и все, проходившие по делу, от показаний отказались давно и, «принимая во внимание, что собранных следствием улик для предания суду Соловьева И. М. недостаточно», следователь Жариков «постановил: следственное дело № 20518 на Соловьева И.М. дальнейшим производством прекратить. Обвиняемого из-под стражи освободить».

С 10 августа 1938 по 4 января 1940 года мой дедушка находился под стражей. Дедушке была выдана справка о его местонахождении в течение этого периода. В справке есть строки о том, что дедушка «из-под стражи освобожден в связи прекращением дела». Несколько таких справок есть в деле, а несколько таких же — бережно хранятся в нашей семье.

В 1940 году все остальные тверские карелы были освобождены из-под стражи. Так провалилось сфабрикованное органами НКВД «Карельское дело».

Вот и закончилась моя работа с материалами следственного дела. Я устала, потому что это все тяжело, потому что все это было больно и страшно читать. Беззаконие с одной стороны и бесправие с другой. Теперь я понимаю смысл выражения «человек — винтик в сталинской машине властвования», часто встречающегося в учебниках истории. Но это понимание ко мне пришло через судьбу моего прадеда.

В центре города Твери, на территории бывшего Тверского кремля, напротив гимназии № 6, вблизи медицинской академии, есть небольшой сквер. Несколько дорожек ведут к небольшому памятнику из черного гранита. Это Памятник жертвам политических репрессий. Он не случайно находится именно здесь. Здесь, в здании ныне медицинской академии, располагалось Калининское ОГПУ, здесь творился сталинский произвол. Это памятник и моим родным — Соловьевым Ивану Михайловичу и Екатерине Ивановне.

«В 1938 году верховное нетерпение было — расстреливать!»

Дарья Шевченко

**г. Туруханск, Красноярский край,
научный руководитель С.С. Зубова**

Название моей работы — цитата из «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Мне кажется, она очень точно передает суть трагедии, произошедшей в страшном для нашей семьи 1938 году.

Я — праправнучка сосланного в Туруханск и расстрелянного там Федора Григорьевича Долгинского. Мы, его потомки, живем в Туруханске. У прапрадеда нет могилы. Этой работой я хочу восстановить память о нем и, насколько возможно, о других людях, разделивших с ним эту страшную участь.

ПРЕДЫСТОРИЯ: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ССЫЛКИ В ТУРУХАНСК

Я хотела бы рассказать обо всех, кто по воле НКВД был расстрелян с моим прапрадедом. Все они были уже ссыльными. Но дела из архива все еще доступны только родственникам. Чтобы подтвердить свое родство, я привезла с собой в архив Регионального управления ФСБ РФ Красноярска копии многих семейных документов. И все же теперь, собрав разные источники, я могу немного рассказать не только о своем прапрадеде, но и о некоторых других, приговоренных к расстрелу 2 марта 1938 года. Начну со своих родственников — Долгинских.

Семья Долгинских

Я очень волновалась перед работой в архиве. Ведь мне предстояло увидеть документы и узнать то, что было в моей семье известно лишь в общих чертах. Нам с моей сестрой Анастасией принесли «расстрельное» дело моего прапрадеда. Желтая бумага, чернила, казенные формулировки, орфографические ошибки тех, кто заполнял материалы, и фамилии работников РО НКВД без инициалов. Одна из них — женщина, сотрудник Туруханского РО НКВД Кузьмина. Другой — уполномоченный УР Туруханского РО НКВД Бабкин. За всем этим — трагическая судьба моих родственников по маминой линии. А их судьба пересекается с судьбами еще 53 семей. «Расстрельное» дело — это дело с насилием и произволом, жертвами и палачами. Читая архивное дело своего прапрадеда, я погружалась в атмосферу тех страшных лет.

Мой прапрадед, Федор Григорьевич Долгинский, родился 5 января 1868 года в селе Еланское Барабинского района Омской области — так написано в протоколе допроса. Какое-то время он проживал в селе Иланском Минусинского уезда Енисейской губернии. Именно там родились его сыновья Карп (1905 г.р.) и Григорий (1911 г.р.). Затем семья снова вернулась на родину Федора Григорьевича. Он был крестьянином, работал в своем хозяйстве. В семье было три

лошади, три коровы, 10 овец, засевали шесть десятин земли (десятина — почти то же самое что гектар — 1,092 га). Эти сведения я получила из анкеты арестованного.

В ней не сказано, что в Омске у моего прапрадеда был конезавод (возможно, в период нэпа, когда частное предпринимательство разрешалось и даже поощрялось). Видимо, он был предприимчивым человеком. Об этом я узнала из рассказов моей мамы Галины Вениаминовны Шевченко, урожденной Долгинской. Дочь Федора Григорьевича Анна Федоровна Фаркова (Долгинская), приходилась моей маме двоюродной бабушкой. Когда мама была маленькой, бабушка Нюра рассказывала о том, что ее отец имел конезавод. Восстановить детали помогла Тамара Григорьевна Фаркова (Долгинская) — внучка моего прапрадеда. Она об этом помнит тоже по семейным рассказам. От нее я узнала следующее.

Во время Гражданской войны к прапрадеду пришли люди из Красной армии и изъяли лошадей. Взамен ему выдали справку, где было указано их количество. Эту справку он отдал жене, Пелагее Федоровне Долгинской.

Пришло время, когда в стране началась коллективизация. Однажды, в 1930 году, в дом моего прапрадеда пришли работники НКВД и начали расспрашивать про конезавод. Когда Федор Григорьевич сказал, что лошадей забрали служащие Красной армии, работники НКВД попросили предъявить документ, подтверждающий его слова. Именно тогда и обнаружилось, что справка, которую дали семье несколько лет назад, безвозвратно утеряна, и доказать факт изъятия нечем. На этом их проживание в селе Еланском было закончено.

Об этом моей маме говорила также ее бабушка, Евдокия Ивановна Долгинская. Она приходилась Федору Григорьевичу невесткой. Она считала, что именно из-за отсутствия справки ее свекор с семьей и был сослан как кулак. А я думаю, что отсутствие справки было не причиной, а поводом к раскулачиванию. В анкете арестованного о причине раскулачивания ничего не сказано, просто в пункте анкеты «Каким репрессиям подвергался при соввласти?» записано: «В 1930 году раскулачен и особым Совещанием НКВД СССР по ст. 58-10 УК [отправлен] в ссылку бессрочно в Туруханск».

Семье больше не суждено будет вернуться и жить в родном доме. Они приехали на место ссылки, устроились жить на окраине Туруханска в доме № 13 по улице Партизанской. Понемногу стали привыкать к новой жизни. Федор Григорьевич работал на временных работах, в том числе на заготовке дров для организаций Туруханска. А ведь к моменту ареста ему исполнилось уже 70 лет. Он был неграмотен, большую часть жизни трудился на земле, и в ссылке ему тоже достался тяжелый физический труд. Пелагея Федоровна работала уборщицей в бане. Сыновья Григорий и Карпей (так его называли в семье) тоже жили в Туруханске, но уже самостоятельно. Они работали в торговой конторе на распиловке леса. Дочь Анастасия уехала жить в село Ярцево, а Анна вышла замуж и жила с семьей отдельно. Все они были ссыльными, находились под контролем со стороны органов госбезопасности и ходили два раза в месяц в комендатуру на отметки.

Семья Сырецких

О семье Ивана Ивановича Сырецкого нам известно совсем немного. Единственный источник — письмо его сына Михаила Ивановича в Туруханскую прокуратуру в 1995 году, опубликованное в районной газете «Маяк Севера». И.И. Сырецкий находился в ссылке с семьей. Скорее всего, он с семьей был раскулачен в Томской губернии, откуда он родом, и сослан на север. Как и многие другие, он оказался в районном центре — Туруханске. Семья жила по улице Советской в доме № 21 или 23. Скорее всего, это был барак на одной улице с милицией и тюрьмой, их разделял мостик через овраг. Барак не сохранился, на его месте — пустырь. Иван Иванович работал столяром в райкомхозе.

Весь состав семьи нам неизвестен. Ко дню ареста отца сыну Михаилу было 15 лет. Он помнил местных жителей, в письме приводил их фамилии, надеясь, что кто-нибудь откликнется и сумеет помочь найти место захоронения расстрелянных.

Семья Переваловых

О семье Переваловых я знаю по нескольким документам. У моей мамы есть ксерокопия заявления Е.Л. Зыряновой (Переваловой) в ФСБ. В обществе «Мемориал» я также получила ксерокопии некоторых документов этой семьи.

Семья Переваловых проживала в селе Джиндо Второе Тяхлинского района Иркутской области. Обстоятельства их жизни в тот период во многом перекликаются с жизнью семьи Долгинских. Это тоже была большая трудовая семья, пять детей. В анкете арестованного Л.И. Перевалова записано, что он «крестьянствовал, имел 3 лошади, 5–6 коров». Евдокия Лукинична Зырянова (Перевалова) писала в своем заявлении в ФСБ: «Имели в хозяйстве скот для содержания семьи, жильё, как для семьи, так и для скота». В другом документе, «Жалобе», она упоминает, что «даже не было железного плуга или железной бороны, пахали сохой да сено косили литовками. Работали сами как последние батраки». В 1930 году семья была раскулачена.

Старшего в семье, Ивана Ермолаевича Перевалова, в возрасте 61 года, сыновей Луку (38 лет) и Антона (33 лет) отправили в бессрочную ссылку в Туруханский край. Отца отправили на станок Горошиху (в некоторых документах Евдокия Лукинична пишет, что он погиб во время этапа), а сыновей оставили в Туруханске. Антон Иванович работал распиловщиком леса, а Лука Иванович — на разных временных работах. А жену Луки Ивановича и пятерых детей (двух сыновей и трех дочерей) в возрасте от четырех до десяти лет выслали в Сосново-Озерский район. Женщина с детьми оказалась без средств к существованию и без жилья. «Жили даже в коровьей стайке, кусок хлеба зарабатывали, как могли». В другом документе Евдокия Лукинична пишет: «Бабушку также выгнали из своего дома, пошла она собирать подавание и скончалась у забора чужого дома».

В 1937 году Мария Ивановна получила паспорт и с детьми переехала в Туруханск к мужу. Они поселились на улице Крестьянской в доме № 6. Четверо детей

пошли учиться в школу. Антон Иванович жил по улице Лыткина в доме № 5 — НКВД отмерил ему свободы на 4 месяца.

Зинаида Феликсовна Безотчества

Она была единственной женщиной среди приговоренных мужчин. Сведения о ней я почерпнула из книги, текст которой нашла в Интернете¹. Зинаида Феликсовна родилась в селе Киреевском Томской губернии в 1884 году. Она и ее муж Василий Федорович были активными прихожанами Воскресенской церкви Томска. С августа 1929 года Зинаида Феликсовна «собирала деньги среди прихожан для отсылки их ссыльному духовенству в Нарым».

Ее арестовали 2 февраля 1930 года вместе с мужем в составе группы более 60 человек — представителей духовенства и мирян. На допросе она показала: «Я не знала, что на это надо разрешение, это я делала как христианка, считая своей обязанностью. Собирали [деньги] мы с Синичкиной и отдавали их священнику Диатропову, который их хранил, а потом, когда их скапливалось немного, мы покупали вещи и отправляли вещи посылками, деньгами, с попутчиками (с кем — не помню)». При обыске «изъяты деньги, золотое кольцо обручальное, золотые часы, браслет, портсигар, бумажник...» — все это было собрано от мирян для поддержки репрессированным священнослужителям.

Особая тройка при ПП ОГПУ по Сибирскому краю осудила З.Ф. Безотчества 19 марта 1930 года. Обвинение при осуждении: «участие в контрреволюционной группировке церкви». Статьи обвинения: 58.10, 58.11 УК РСФСР. Зинаиду Феликсовну приговорили к ссылке на Север в Туруханский край.

В книге говорится: «Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитация по 1930 году».

Новые источники сведений о судьбе Зинаиды Феликсовны — постановление Президиума Красноярского краевого суда от 8 июня 1957 года и том А–Б «Книги Памяти жертв политических репрессий Красноярского края». Из них мы узнали, что Зинаида Феликсовна сослана в Туруханск.

Всем сосланным нужно было искать, чем заниматься, чтобы прокормиться и выжить. Зинаида Феликсовна стала работать портнихой на дому. Но ее дальнейшая судьба уже была predetermined НКВД, ведь она была сослана за «участие в контрреволюционной группировке церкви».

АРЕСТ

Первые аресты начались 7 февраля. Все арестованные были ссыльными. В томе «Книги Памяти...» написано, что братьев Переваловых арестовали в один день — 7 февраля. При обыске у А.И. Перевалова изъяли облигацию, какие-то непонятные семь предметов (название не прочесть) и две пилы продольные. Если обратиться к приказу НКВД № 00447, то, наверно, это считалось валютой и оружием, особенно пилы. У Л.И. Перевалова изъяли четыре фотокарточки и какой-то один адрес.

В протоколе допроса А.И. Перевалова говорится, что он «завербовал» в контрреволюционную организацию своего старшего брата, Луку Ивановича. Нельзя осуждать за это младшего брата, потому что теперь мы знаем, как работники НКВД добивались таких признаний. Представляю, какая тяжесть легла на душу младшего брата, потому что он оговорил не только себя, но и родного брата, с которым разделил беду раскулачивания, вместе прибыл в ссылку. Младшему брату легче было приписать участие в контрреволюционной организации, ведь он в 1919–1921 годах служил рядовым в армии атамана Семенова; вероятно, поэтому и взяли сначала его.

Аресты продолжались. 12 февраля арестовали ссыльного В.Е. Николаева.

В дом Долгинских вооруженные люди из районного отдела НКВД пришли 13 февраля. Они предъявили ордер № 139 от 13 февраля 1938 года на производство обыска и ареста главы семьи Долгинского Федора Григорьевича. Искали, в соответствии с «Оперативным приказом народного комиссара внутренних дел С.С.С.Р. № 00447», оружие, взрывчатку, отравляющие вещества, контрреволюционную литературу, драгоценные металлы, валюту, множительные приборы и переписку. Оказалось, что в протокол занести нечего. Так и записали в протоколе: «Ни чего нет». Обыскиваемый Федор Григорьевич, несмотря на то, что он был неграмотный, как указано в анкете арестованного, мог поставить свою подпись. И он ее поставил, хоть и без окончания, под протоколом обыска. Так на листе 126 дела № П-8474 т. 1 появилась единственная подпись моего прапрадеда: «Долгинский». Это очень важная деталь.

После безрезультатного обыска 70-летнего главу семьи арестовали и увели. В выписке из протокола заседания тройки от 21 февраля сообщается, что Ф.Г. Долгинский содержится в КПЗ Туруханского РО НКВД с 13 февраля 1938 года.

В этот день был арестован не только мой прапрадед. Сфабрикованное НКВД дело включало 54 человека. Аресты продолжались. Наверно, нужно было арестовать большое число людей, чтобы это походило на контрреволюционную организацию ссыльных. Допросы происходили через несколько часов после ареста.

В Туруханске была тюрьма. Ее до революции строили политссыльные, в том числе Я.М. Свердлов. Тюрьма очень пригодилась, когда бывшие ссыльные революционеры пришли к власти.

Старожил Туруханска Афиноген Михайлович Фарков (внук Ф.Г. Долгинского) рассказал, что тюрьма находилась возле здания милиции по ул. Советской. Рядом была конюшня, а за ней, ближе к оврагу и берегу Енисея, — здание тюрьмы (сейчас приблизительно на этом месте редакция районной газеты «Маяк Севера»).

Арестованных было так много, что тюрьма не вмещала всех. Евдокия Лукинична Зырянова (Перевалова) пишет: «Наши отцы были посажены не только в тюрьму, даже были посажены в бондарке, где делали бочки, в пожарке и в парикмахерской столько было арестовано много». Пожарка (пожарная охрана)

находилась недалеко от здания милиции. Сюда носили передачи арестованным жена Луки Ивановича с дочерью Дусей. Помещение парикмахерской, скорее всего, стало позднее Домом быта, и находилось тоже недалеко. Где была бондарка — установить не удалось, но, видимо, тоже поблизости от здания тюрьмы. Все эти постройки до настоящего времени не сохранились. В документах они названы одним словом — КПЗ.

Но есть еще одно здание, о котором не упомянула Евдокия Лукинична. Моя прабабушка Евдокия Ивановна Долгинская рассказывала моей маме, что арестованных держали в деревянном бараке. Этот барак назывался кирпичным заводом.

ДОПРОС

Первый и единственный допрос Федора Григорьевича был 14 февраля, на следующий день после ареста. Когда мы с сестрой увидели дело прапрадеда, первый вопрос, который мы задали сотрудникам ФСБ Красноярского края: «А почему был только один допрос? Разве он признался сразу?» Уже потом я подумала о том, что, скорее всего, все арестованные вместе с моим прапрадедом после ареста были жестоко избиты. Иначе, почему на каждой странице «Протокола допроса» вместо подписи «Долгински» стоит только отпечаток пальца? Моя мама испытала настоящий шок, когда я привезла домой ксерокопию протокола, и она увидела этот отпечаток пальца. Ничем иным нельзя объяснить и то, что на первом же допросе с первого вопроса почти все безвинно арестованные дали признательные показания и назвали «сообщников». Никаких изобличающих материалов арестованным не предъявили.

Изучаю протокол дальше. Когда для меня снимали копию в архиве, то в копии было несколько замазанных строк. Оказывается, были замазаны фамилии других людей, «связанных» в этом сфальсифицированном НКВД деле с моим прапрадедом. Как выяснилось, это секретные сведения, и я имею право знать только о своем прапрадеде.

Федор Григорьевич «признался» в том, что еще с декабря 1936 года в Туруханске действовала «К. Р. кулацкая эсеровско-повстанческая организация». На вопрос о задачах организации малограмотный Федор Григорьевич отвечает как по писаному, с пунктами 1, 2, 3. Задачи у организации поистине глобальные: здесь и «подготовка вооруженного восстания», и «подготовка терактов над руководителями ВКП(б) и советского правительства», и «подорвать авторитет Советской власти в лице колхозников, единоличников, развалить колхозы»!

Я представила выполнение этих задач малограмотными ссыльными, да еще из Туруханска, удаленного даже от Красноярска более чем на тысячу километров. Как можно было придумать такую дикость?! Но, оказывается, на вопрос о практических действиях «дан» не менее дикий ответ, и снова в общих фразах: планировался побег из ссылки «для установления связей с др. к. р. организациями и совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского

правительства». Для этого кому-то (фамилия замазана) поручено подготовить «несколько человек... для побегов».

Я поняла, как действовал механизм втягивания в дело уже арестованных людей. По протоколу мой прапрадед оказывает помощь «готовящимся к побегу». Какую конкретно — не указано, кроме одного факта — «деньгами в сумме 94 рубля 24 коп.», и названы фамилии этих людей. На сгибе листа 129 у переплета я увидела фамилии еще нескольких человек. «Следствию» нужно было «доказать» чьими-нибудь показаниями, что эти несколько человек (как, впрочем, и другие люди) не зря ими арестованы. Их фамилии я увидела в постановлении Красноярского крайсуда о реабилитации.

Конечно, нам хотелось бы, чтобы мой прапрадед никого не назвал. Но не могу осудить и моего 70-летнего прапрадеда, назвавшего новые фамилии, я не осуждаю и тех, кто 7 февраля назвал его фамилию как «сообщника». Я думаю, что Федору Григорьевичу было очень тяжело, ведь он оговорил не только себя, но и других людей.

В документах, полученных семьей Перевалова, в копии допроса А.И. Перевалова, фамилии не вытравлены. Видимо, это раньше при снятии копий для родственников не делалось. Но я не стану приводить ни одной фамилии. Не стоит выяснять, кто кого оговорил. Большая часть была арестована в один день, и работники НКВД стремились к тому, чтобы все фамилии арестованных прошли через протоколы. Каждый арестованный обязан был назвать фамилию другого человека, который его завербовал в контрреволюционную организацию. Только так можно было «доказать» наличие организации. Подавляющее большинство арестованных заставили признаться в своих якобы контрреволюционных намерениях, согласиться с обвинением. Показания Ф.Г. Долгинского, А.И. Перевалова и Л.И. Перевалова записаны одинаковыми, общими фразами. Скорей всего, и у других то же самое. Все формулировал сам следователь.

Ни о какой презумпции невиновности не было и речи. В то время общество уже знало негласное правило: если человек арестован — он виновен и будет осужден. Следователи заранее знали «истину», и расследование не имело целью ее установить.

От арестованного требовалось только подписать протокол. Но даже если он его не подписал, это, как правило, ничего не меняло ни в его собственной судьбе, ни в судьбе его знакомых, которых он вынужден был назвать в качестве соучастников.

ПРИГОВОР

«СОЗНАЛСЯ ПОЛНОСТЬЮ» — большими буквами написано в выписке из протокола № 319 заседания тройки УНКВД от 21 февраля 1938 года. На листе 230 дела есть эта выписка, а рядом постановление: «ДОЛГИНСКОГО Федора Григорьевича РАССТРЕЛЯТЬ, лично принадлежащее ему имущество конфисковать». «Сознались полностью» и Антон Иванович Перевалов, и Лука Иванович Перевалов.

Но были и такие, кого не смогли сломить. «Осужденные Мак Т.Т., Кузнецов-Драгомирецкий, Носырев, Алексеев и Ракович ни в чем своей вины не признали», — так написано в постановлении Президиума Красноярского краевого суда от 8 июня 1957 года.

Когда я читала постановление Президиума краевого суда о реабилитации жертв расстрела 2 марта 1938 года, то обнаружила, что в нем 54 человека (дело П-5474), а по данным Книги памяти, в этот день было расстреляно 62 человека. Оказывается, было два разных дела. К высшей мере наказания тройкой УНКВД КК 21 февраля 1938 года был приговорен 61 человек. Василий Егорович Николаев был приговорен 26 февраля, но расстрелян тоже 2 марта. Скорбный список составили 62 человека. Работники НКВД могли быть довольны, ведь они «создали» и ликвидировали контрреволюционную организацию из ссыльных, да еще такую большую. Но это было только начало. Затем они «создали» еще не одну такую организацию в нашем районе и расправились с ее «членами».

СОДЕРЖАНИЕ В КПЗ

Родственники ничего не знали о судьбе арестованных. Евдокия Ивановна, бабушка моей мамы, рассказывала ей, что «когда увели деда Федора, семья находилась в полном неведении: куда? почему?» Когда узнали о том, что деда увели в тюрьму, его жена Пелагея с сыновьями и невесткой стали носить передачи с продуктами и одеждой.

Это же помнит и Евдокия Лукинична: «Все передавали передачи и наша семья тоже передавала, хотя сами жили впроголодь. Мама говорила, что все получают, а отец нет, вот и передавали. Разрешено было только передавать белый хлеб, сахар-рафинад, папиросы. Это я все точно на всю жизнь запомнила, так как каждый раз с мамой носила передачи».

Продукты, которые с таким трудом собирали семьи, и так оказавшиеся без кормильцев на грани голода, я думаю, присваивались тюремщиками. Во-первых, чего стоит один перечень разрешенных продуктов! Хлеб — только белый! Почему нельзя черный, ведь он дешевле? Наверно, именно потому, что достанется он отнюдь не заключенному в тюрьме.

Во-вторых, факт присвоения привела и моя прабабушка Евдокия Ивановна. Некоторые передачи они уносили домой мужчине, который работал в этой тюрьме (наверно, чтобы передачи шли чаще, чем разрешенные раз в две недели). Однажды, когда они в очередной раз пришли, чтобы передать продукты Федору Григорьевичу, то увидели свою корзину с продуктами, которую приносили в предыдущий раз. Тогда они поняли, что его уже нет в живых и отдавать передачи уже просто некому. Им никто ничего не объяснил и не сказал, а сами они спросить боялись. «За что? Почему? Когда расстреляли? Где захоронили? Как будто никогда и не было человека», — говорила бабушка моей маме. И никто не жалился над ними и не сказал, что их мужа, отца и свекра расстреляли.

Семьи других арестованных тоже ничего не знали об их судьбе и жили в постоянной тревоге. «В конце мая месяца прошел ледоход, пришли лихтера и увезли много арестованных. Мы, конечно, были на берегу и пытались увидеть своих родных, но никого не увидели, так как конвой близко подходить не разрешал», — писала Е. Л. Зырянова (Первалова).

РАССТРЕЛ

Меня поразило, что моего прапрадеда тройка УНКВД Красноярского края осудила 21 февраля, а уже 2 марта решение тройки исполнено. Я поняла, что механизм репрессий отрицал всякое правосудие. Некая «тройка УНКВД» заменяла суд. Ни защиты, ни права на обжалование!

Одних арестованных вывели на расстрел поздней ночью с 1 на 2 марта, других — со 2 на 3 марта. Мы никогда не узнаем о последних днях и минутах жизни безвинно осужденных. Что они чувствовали после вынесения жестокого приговора, как провели последние дни жизни, как они вели себя, когда их выводили на расстрел...

В деле прапрадеда я нашла выписку из акта: «Постановление Тройки УНКВД по Красноярскому краю от 21 февраля 1938 года о РАССТРЕЛЕ Долгинского Федора Григорьевича приведено в исполнение 2 марта 1938 г. в 3 часа 30 мин».

Моя прапрабабушка Е.И. Долгинская говорила моей маме, что всех арестованных расстреляли возле деревянного барака, где их содержали, там, где, кажется, был кирпичный завод. Позднее на том месте находили миски, ложки. Народ туда не пускали даже за дровами.

Мы обратились к книге А.Г. Теплякова «Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах», основанной на многих документах. Думаю, что туруханские работники НКВД должны были следовать этим инструкциям.

Расстрел считался наиболее быстрым и удобным способом для массовых уничтожений людей. Техника расстрелов от общества скрывалась. В постановлениях о расстреле писали «осужден к ВМН» (высшей мере наказания) или «высшей мере социальной защиты». Родственникам осужденных в 1937–1938 годах сообщалась обманчивая формулировка: «осужден на десять лет лагерей без права переписки». Расстрелы производили рядовые оперативники и руководители местных отделений НКВД, к ликвидации могли привлекать и милиционеров. Руководитель должен был «найти место, где будут приводиться приговора в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дерн и потом этим дерном покрыть это место, с тем, чтобы всячески конспирировать место, где приведен приговор в исполнение — потому что все эти места могут стать для контриков, для церковников местом (проявления) религиозного фанатизма»².

Руки связывали веревкой. Обычная практика в тюрьмах — раздевать до белья перед расстрелом. Но если расстреливали за городом, то могли оставить в одежде

и обуви. Верхняя одежда осужденных изымалась и чаще всего делилась между чекистами, хотя по инструкции должна быть сожжена. Это было формой поощрения, как и премии, награды. После расстрела обычно расстрельщики пили вволю, на это им выделяли деньги.

Мы хотели установить место расстрела и захоронения осужденных и стали искать место, где находился этот кирпичный завод. Его давно уже не существует. Нам помог старожил Туруханска Афиноген Михайлович Фарков. Когда ему было 18 лет, он с друзьями видел развалины этого завода. Сейчас на этом месте — автодром (место, где водители сдают на права).

Среди 54 расстрелянных были представители разных слоев общества. «Из крестьян» — 43 человека; «из служителей культа» — 4 человека; «из мещан» — 2 человека; «из служащих» — 2 человека; «из рабочих» — 1 человек; из «семьи кустаря» — 1 человек. По образованию: «неграмотных» — 6 человек, «с низшим образованием» — 6 человек, «малограмотных» — 29 человек, «с начальным» — 2 человека, «с незаконченным средним» — 1 человек, «со средним» — 10 человек. Все — ссыльные в Туруханске, то есть они уже до этого были репрессированы. Были люди разных национальностей: армяне, украинцы, белорус, большинство — русские.

Родственники долгие годы не могли получить никаких документов о погибших. В нашу семью только после моего посещения архива РУ ФСБ РФ Красноярского края прислали справку о смерти моего прапрадеда.

МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ

В соответствии с приказом НКВД № 00447 хоронили расстрелянных тайно, место должно было быть в секрете.

Туруханск расположен на стрелке Нижней Тунгуски и Енисея. На Нижней Тунгуске, чуть выше устья, находился Туруханский Свято-Троицкий монастырь, поэтому старая часть села располагалась именно там. Улица Крестьянская, где жил с семьей Л.И. Перевалов, находится уже напротив устья Нижней Тунгуски. А дальше был лес.

Обратимся к воспоминаниям Евдокии Лукиничны: «Вот когда еще были сильные холода [в то время климат был более суровым, на 1 мая еще ходили в валенках], вдруг в эту сторону почты запретили ездить в лес за дровами. Пошли разные в народе разговоры». Это подтверждает и фраза из рассказа моей прапрабабушки Евдокии Ивановны Долгинской: «Народ туда не пускали даже за дровами».

Задровами, по свидетельству Е.Л. Зыряновой (Переваловой), стали ездить в противоположную сторону — вверх по Тунгуске. «Но весной парни за почтой ловили снегирей на свалке отходов и не раз секретно видели в той стороне милиционеров». Вероятно, тела еще не были должным образом захоронены, ведь снег лежал, поэтому это место постоянно охранялось. Да и расстрелы продолжались.

«Замаскировали ямы с трупами посадкой деревьев и укладкой дерна весной 1938 года, что видали из укрытия мой брат Перевалов Андрей Лукич 1924 года рождения со своими друзьями», — писала Е.Л. Зырянова (Перевалова), дочь расстрелянного 2 марта Луки Ивановича Перевалова и племянница расстрелянного 2 марта Антона Ивановича Перевалова.

Где располагалось это место? Возможны две версии.

Версия первая: не только расстрел проходил возле кирпичного завода, но и захоронение там же. Рядом с деревянным зданием кирпичного завода были ямы для обжига кирпичей. Возможно, в этих ямах или где-то близко и зарыли тела расстрелянных 2 марта? Но никаких сведений о том, что на бывшей территории кирпичного завода были когда-либо найдены останки людей, нет.

Версия вторая: возможно, их захоронили не рядом с заводом, а дальше — в лесу? В 1948 году в Туруханске начали строить аэропорт. Для аэродрома вырубili большую площадь леса и покрыли эту площадь бетонными плитами. В 1938 году это был лес, что давало исполнителям приговора возможность без свидетелей расправиться с арестованными и избавиться от следов преступления. Вероятнее всего, здесь и были зарыты останки.

При рассмотрении этой версии возник вопрос: как доставили тела, если расстрел проходил непосредственно рядом с местом заключения — кирпичным заводом? Скорее всего, еще по снегу на санях, и охраняли не только место заключения, но и неубранные трупы, ведь зарыли тела весной.

Конечно, очень обидно, что не удастся установить точное место захоронения. Но все же наша работа может положить начало новому исследованию, и со временем, быть может, появится какой-либо памятник или хотя бы мемориальная доска.

СУДЬБА СЕМЕЙ РАССТРЕЛЯННЫХ

Члены семьи арестованных в годы сталинского режима становились изгоями общества. «Очень боялись даже вести какие-то разговоры в школе. Мы уже все были дети арестованных, нас считали как детей врагов народа. Какое наше было унижение», — писала Е.Л. Зырянова (Перевалова). Семьи арестованных даже друг с другом не могли общаться, боялись, что сделают еще хуже тем, кого посадили. Тем, кто был уже в трудовом возрасте, было трудно устроиться на постоянную работу. К ним относились предвзято и подозрительно.

19 марта 1938 года был арестован сын Федора Григорьевича — Григорий Федорович Долгинский, которому тогда было 27 лет. Дома он оставил двоих маленьких детей и беременную жену. Его к расстрелу не приговорили. Он был осужден 14 апреля 1938 года тройкой УНКВД КК по ст. 58.10 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ.

Через несколько дней, 23 марта 1938 года, пришли и за старшим сыном — Карпом Федоровичем Долгинским. Он также оставил дома детей и жену. Его, как и брата, осудили 14 апреля 1938 года тройкой УНКВД КК на 10 лет ИТЛ.

После этого семью Григория сослали в г. Игарку. Скорее всего, они уезжали в ноябре 1938 года, когда уже встал Енисей, так как добираться по лесу на лошадях было невозможно, а зимой ездили по льду Енисея на санях. Когда они вернулись в Туруханск — неизвестно, возможно, в 1948 году, после освобождения главы семейства. Он был освобожден из заключения 23 ноября 1948 года. По возвращении мой прадед Григорий Федорович работал на стройке. Он умер 25 июля 1956 года.

Карп Федорович был освобожден 23 сентября 1954 года и, забрав семью, уехал жить в Зырянск. Вместо 10 лет его наказание продлилось 16. Возможно, ему продлили на эти 6 лет заключение в лагере за какой-нибудь важный, с точки зрения НКВД, «проступок».

Карп Федорович и Григорий Федорович Долгинские были реабилитированы 1 февраля 1956 года Комиссией КК по пересмотру дел на лиц, приговоренных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении.

В нашем роду хранятся фотографии репрессированной семьи Долгинских. Простые деревенские лица, серьезные, основательные люди — крестьяне, опора государства. Сколько их таких было в стране! Большой класс крестьянства — и что от него осталось...

Не все семьи расстрелянных были оставлены в Туруханске. О судьбе семьи Луки Ивановича Первалова мы знаем из воспоминаний его дочери Евдокии Лукиничны: «В конце июля 1938 года все семьи, у кого отцы были посажены и, как мы узнали позднее, что в живых нет, собрали под конвоем, посадили на пароход „Мария Ульянова“ и выслали в Ярцевский район, село Фомка. В Ярцево нас, все семьи, высадили на берег под проливным дождем наша семья с двух месячным ребенком. В деревне Фомка не было школы и мы все дети не учились. В десять лет я уже была два раза высланная на спецпоселение. По разрешению комендатуры нам разрешили выехать в село Никулино, где была школа в семь классов. Так и жили на поселении под спецкомендатурой. Когда началась война двух братьев взяли на фронт, один погиб».

Евдокия Лукинична пыталась получить компенсацию за утраченное имущество своего отца. У него и холостого брата были свои небольшие домики в Туруханске, жилье они строили сами. После расстрела и высылки семьи Луки Ивановича домики перешли в собственность коммунального хозяйства. Ответ она получила такой: «сведений об изъятии либо конфискации имущества Первалова Л.И., в связи с арестом и осуждением, в материалах дела не имеется. Личных документов и фотографий Вашего отца в деле нет».

В семье Переваловых осталась старая фотография Луки Ивановича, его жены и сына Ивана, родившегося 20 июня 1938 года, уже после смерти отца. Эта фотография и документы, которые Евдокия Лукинична после многих хлопот получила из архива ФСБ, — единственная оставшаяся память об отце. Ее хлопоты об установке памятника на месте расстрела ничем не завершились.

Сколько же бед выпало на долю двух только семей — Долгинских и Переваловых! А ведь мы почти ничего не знаем о других семьях.

И вот еще один поразительный факт из трагической жизни Григория Федоровича Долгинского. Его дочь, Тамара Григорьевна, рассказала, что когда отец после 10 лет ИТЛ вернулся домой, он нашел большой портрет И.В. Сталина, своими руками сделал рамку и тумбу и поставил в первый угол избы этот портрет. Когда Евдокия Ивановна, его жена, возмутилась: мол, он вас всех посадил, а ты его портрет в доме поставил, он встал на защиту Сталина: «Сталин не виноват! Он ничего не знал об этом! Это все Берия!» Этот пример говорит о страшных изменениях в массовом сознании людей в годы сталинского режима: Сталина возвеличили до уровня бога, а бог — непогрешим.

«ПРИСТРАСТНЫЙ СУД РАЗБОЯ ЗЛЕЕ»

Когда я начинала эту работу, я даже не представляла себе масштаба репрессий в нашем небольшом селе.

Для многих семей репрессии начались гораздо раньше, но 1938 год поставил трагическую точку в судьбах их родственников. Е.Л. Зырянова (Перевалова) писала: «Аресты в Туруханске шли очень много, арестованы были, в основном, ссыльные».

Первый расстрел, 2 марта, был самым многочисленным по числу жертв — 62 человека из числа ссыльных. Последующие казни коснулись и местных жителей, их расстреливали вместе со ссыльными. Краеведам это дает огромнейшее поле для восстановления памяти о людях, которые остались в сухих строках мартиролога.

Я хочу записаться на прием к главе района, показать ему работу, чтобы было принято решение об установлении памятного знака расстрелянным. Игумен Агафангел, настоятель туруханского Свято-Троицкого монастыря, сказал, что нужно заложить часовню в память обо всех расстрелянных, и в дни, в которые производились расстрелы, служить панихиды, тем более что есть списки невинно убитых.

Когда я начинала эту работу, события 1938 года казались такими далекими... Да и о репрессиях я знала немного. Сейчас мне кажется, что я побывала в том времени. Меня охватывали чувства негодования и возмущения, жалости и сострадания, горечи, обиды.

Мы заполнили одно «белое пятно» из истории нашего района. Но и сейчас в этих событиях очень много «белых пятен». В Туруханске не установлено место захоронения расстрелянных. Нет могил, крестов, памятников, некуда положить цветы в память о погибших и близких — нет места памяти о репрессиях сталинизма. Пусть хотя бы эта работа станет печальным некрологом жертвам Большого террора в Туруханске.

Примечания

¹ *Фаст М. В., Фаст Н. П.* Нарымская Голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004. С. 73–75, 150, 358, 405–409.

² *Тепляков А. Г.* Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М.: Возвращение, 2007. С. 53.

По ту сторону правды

Ксения Якимова

**г. Карпинск, Свердловская область,
научный руководитель Н.В. Якимова**

Держу в руках толстую картонную фотографию 1917 года... Это все, что осталось у меня от моих предков. Удивительно, но мне кажется, что в этой фотографии отражается их судьба. Фотография имеет потрепанный вид, вся в царапинах и переломах: будто она действительно символизирует жизнь моего прапрадеда Адольфа и прапрабабушки Лидии. Судьбу, изрядно потрепанную и изломанную, исцарапанную большими когтистыми лапами советского правительства.

Занимаясь на протяжении трех лет изучением истории семьи Миллер, я переписывалась со многими архивами в России и Украине. За это время мне удалось узнать, что моя прапрабабушка Лидия родилась в 1889 году в селе Старая Буда Пулинского района Киевской области, по национальности — немка, по социальному происхождению — из крестьян.

Адольф, согласно справке архива Информационного центра Карелии, сын крупного кулака, по социальному положению — середняк. Родился в 1883 году тоже в селе Старая Буда. Старая Буда — это немецкий населенный пункт Геймталь, который находился на территории Волынской губернии. В селе были семилетняя школа, общество потребителей, семинария, церковь, лютеранский приход.

Репрессии в жизни семьи Миллер начались в конце 1934 года, когда Адольф был арестован, а Лидия с детьми выселена в Карело-Финскую ССР. Причину выселения и ареста я узнала из справок, присланных мне в 2010 году из Информационного центра Карелии. В них сказано, что Лидия выселена с места проживания в 1935-м вместе с семьей в административном порядке как имевшая кулацкое хозяйство, а Адольф обвинялся по ст. 54-10 УК УССР за контрреволюционную агитацию среди населения Пулина-Гуты, направленную на развал работы колхоза.

Но в справке № 13/М 16 от 21 марта 1996 года, выданной их дочери Гертруде Адольфовне Миллер на основании личного дела № 4305 МВД УССР города Житомира, сказано, что их сын Бернгард Миллер вместе с семьей был выселен из Житомирской области в 1934 году как лицо немецкой национальности.

Однако еще более странно, что из архива УМВД Украины в Житомирской области мне вообще пришел отрицательный ответ. Получается, что в 1996 году сведения в архиве были, а сейчас их нет. Возможно ли, что за 13 лет, прошедшие с 1996 по 2009 год, архивные документы были ликвидированы?! Это очень странно.

Но в письме Информационного центра ГУВД г. Екатеринбурга сказано, что архивное дело на Б.А. Миллера 4 августа 1960 года из УВД Свердловской области было направлено на хранение в УВД Житомирской области. Как же в таком случае у них может не быть этих документов?

Согласно постановлению ОО УГБ КОУ НКВД от 19 января 1935 года, Адольф Миллер обвинялся по ст. 54.10 УК УССР, то есть за контрреволюционную деятельность. И по постановлению Пулинского РИКа от 10 января 1935 года, Миллер Лидия Самойловна выселена с места проживания вместе с семьей в административном порядке как имевшая кулацкое хозяйство на Беломорско-Балтийский комбинат.

Архивная путаница существует и по месту отбывания наказания Адольфом: по документам ИЦ Карелии, А.Г. Миллер отбывал наказание в г. Житомире, но прибыл в Карельскую АССР на соединение с семьей 10 октября 1938 года с Северного Кавказа (более точных сведений не имеется).

Как Адольф Миллер оказался на Северном Кавказе, если отбывал наказание в Житомире?! Что это — ошибка в архивных данных или Адольф из Житомира был отправлен на Северный Кавказ, а оттуда уже выслан в Карельскую АССР? Это мне еще только предстоит узнать.

Нами повторно были направлены запросы в Информационный центр МВД Республики Карелия, Министерство внутренних дел Украины, Государственный архив Житомирской области. На данный момент — 7 января 2011 года — информация из архивов не поступала.

На этом известные данные об Адольфе заканчиваются. Как написано в архивной справке: «сведений о дальнейшей судьбе, о дате смерти не имеется».

Данные, касающиеся работы и жизни Лидии Миллер, имеются, и архив нам их предоставляет. А вот об Адольфе больше ничего неизвестно ни в одном архиве, в которые мы посылали запросы. Возникает чувство, что человек просто исчез, испарился. Я склоняюсь к тому, что Адольф по прибытии в Карельскую АССР умер; это подтверждает и его внучка Лидия Бауман, которая в своем письме пишет: *«Мама рассказывала, что Адольф вышел из лагеря и вскоре умер»*. Но если это так, то почему не зарегистрирована смерть?

Лидия Самойловна Миллер, на мой взгляд — героическая женщина, сумевшая выжить и спасти своих несовершеннолетних детей.

На момент постановки на учет в Карелии с Лидией были восемь детей:
Эвальд Адольфович, 1916 г.р. (по другим данным, 1917 г.р.), сын.
Роберт Адольфович, 1920 г.р., сын.
Даниил Адольфович, 1923 г.р. (по другим данным, 1922 г.р.), сын.
Альберт Адольфович, 1924 г.р. (по другим данным, 1923 г.р.), сын.
Бернгард Адольфович, 1926 г.р., сын.

Мария Адольфовна, 1928 г.р., дочь.
Гертруда Адольфовна, 1932 г.р., дочь.
Артур Адольфович, 1930 г.р., сын.

Мне, как человеку нового поколения, непонятно, зачем нужно было насильственно заставлять людей вступать в колхозы. Для развития экономики? Но, как мы знаем, насилие и чрезмерная жестокость, ни к чему хорошему не приводят. Мои размышления подтверждают и строчки из книги «История немцев России»: «Победа сплошной коллективизации в немецкой деревне имела печальные последствия. Были уничтожены тысячи продуктивных крестьянских хозяйств, а их владельцы арестованы, посажены в тюрьмы, высланы, в лучшем случае стали государственными батраками в „кулацких“ спецпоселках».

Печать того времени пестрит заголовками: «Кулаки против рабочих бригад», «Кулацкий инвентарь передать колхозам», «Нет кулачеству» и тому подобное. Так, например, в газете «Знамя коммуны» от 28 января 1930 г. была опубликована заметка «Решительно покончим с кулачеством!» В ней говорилось: «Кулаки бешено сопротивляются социалистической перестройке деревни. Они усиливают террор, выступают против бригад, убивают активистов». А под этой заметкой надпись: «Ликвидируем кулачество как класс путем дальнейшего экономического нажима».

Просмотрев информацию в Интернете, в старых газетах и литературе, я сделала вывод, что в одном государстве существовало две страны. Первая — великая держава, построившая грандиозные хозяйственные объекты, тысячи километров дорог в кратчайшие сроки. Страна, в которой успешно выполнялись пятилетние планы.

И другая страна, где человек был лишь материалом для постройки великого государства. Страна, в которой на первый план выходили репрессии, насильственная коллективизация, в которой считали, что человек должен служить государству, а не государство человеку. Но самое главное — эта была страна, в которой все молчали, боялись сказать лишнее слово.

Целый месяц, в самое холодное время, пришлось ехать Лидии с детьми до Петрозаводска. Выслали семью Миллер на Беломорско-Балтийский комбинат. В Информационном центре МВД по Республике Карелия нам сообщили, что Миллер Лидия Самойловна работала на спецпоселении в колхозе как черноработчая.

Всего же по состоянию на 18 марта 1941 года на Беломорско-Балтийском комбинате трудились 70 811 заключенных, из которых 4180 женщин, а также 10 635 вольнонаемных, включая 4097 охранников. Итого: 81 446 человек составляли «трудоармию» этого гигантского промышленного предприятия.

Из воспоминаний Гертруды Миллер:

Я ходила в садик в Петрозаводске. В то время было очень голодно. Я была маленькая и часто плакала из-за того, что совсем нечего было есть. Но маме было еще тяжелее, она отдавала мне свой хлеб, а сама, голодная, ходила торф рубать.

В 1937-м случилось несчастье — на седьмом году жизни умер сын Лидии Артур. Он стал первой жертвой из этой семьи.

Страна была разделена на 2 части: по ту и эту сторону правды. Одна правда — заключенных, выселенных. А вот другая, на мой взгляд, очень хорошо отражена в статье «Правды» от 29 января 1939 года: «Партия большевиков пользуется безграничной любовью советского народа. Народ видит в большевистской партии своего испытанного вождя, неустрашимого, смелого, решительного, закаленного в революционных битвах с врагами».

В 1939 начинается новый, еще более страшный этап в жизни семьи Миллер. Из информации, присланной нам из Национального архива Республики Карелия, мы узнали, что Эвальда как совершеннолетнего забрали в трудармию, находящуюся в Петрозаводске. Эвальд — первый из детей Адольфа и Лидии, который попал в трудармию. Именно с него началась серия советских лагерей для нового поколения семьи Миллер.

Начало Великой Отечественной войны российские немцы восприняли как общенародную трагедию. В 1941 году многие были готовы воевать в рядах Красной армии. Но вместо этого 28 августа 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось о наличии шпионов и диверсантов среди немецкого населения. Во избежание нежелательных последствий признавалось необходимым переселить все немецкое население в глубь страны.

И снова 24 часа на сборы — и в неизвестность. Лидию Самойловну Миллер с несовершеннолетними детьми депортируют. В справке на основании личного дела № 4305 сказано, что Миллер Бернгард Адольфович и Миллер Гертруда Адольфовна вместе со своей семьей как лица немецкой национальности в 1941 году были переселены из Карело-Финской ССР в Новоялинский район Свердловской области.

Жизнь семьи Миллер в Новой Ляле — период, о котором нам меньше всего известно. Мы знаем, что в это время семье приходилось очень трудно. Если в Карелии на помощь Лидии могли прийти старшие сыновья, то здесь она была одна с меньшими детьми, самому старшему из которых, Бернгарду, шел пятнадцатый год.

Но недолго пробыл с Лидией и Бернгард. На основании распоряжения от 7 октября 1942 года «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР», он был мобилизован в трудармию. Лидия, которой было 53 года, и десятилетняя Гертруда не подпали под это постановление и остались жить в Новой Ляле. Вот так за короткое время Лидия лишилась мужа, сыновей и осталась одна с десятилетней дочерью.

В ИЦ ГУВД по Свердловской области нам сообщили следующее: «Некоторые биографические сведения о Миллер Адольфе и Лидии содержатся в архивном деле их дочери Гертруды. Для ознакомления с делом Вам необходимо обратиться

в отдел спецфондов ИЦ ГУВД по Свердловской области, предъявив документы, подтверждающие Ваше родство с Гертрудой».

Собрав документы, подтверждающие мое родство, я написала письмо в отдел спецфондов ИЦ ГУВД. В ноябре оттуда пришел ответ, в котором говорилось, что еще необходимо представить письменное согласие на ознакомление с материалами дела от Миллер Гертруды Адольфовны. А в случае ее смерти — от кого-то из ее детей. Одновременно с нами в ГУВД по Свердловской области наше обращение отправил ГИАЦ МВД России. Из ГУВД в конце декабря нам пришел ответ, в котором говорилось, что архив сведениями в отношении А.Г. и Л.С. Миллер не располагает.

Надеюсь, что из архива Новой Ляли нам придет положительный ответ.

Сопоставив «правду» семьи Миллер с «правдой» советских СМИ и архивов СССР, я пришла к выводу, что у каждого из них она своя. Более того, в каждом времени своя правда: в 1930–1950-е — одна правда, в наше время — другая. Но несмотря ни на что, во все времена были здравомыслящие люди, и наверняка они видели, что вокруг много лжи. Но молчали, потому что боялись.

СССР был разделен на две части: по ту и эту сторону правды. Одну правду обеспечивала жесточайшая цензура. Мои предки оказались по ту сторону правды. Правды, ни в чем не повинных заключенных, высланных людей. Их объявили врагами только за социальное положение и национальность.

Правда нашей семьи заключается в том, что за десять дней нового 1935 года семью Миллер лишили дома. Отобрали детство у восьмерых детей. Правительство забрало у них счастливое будущее, а взамен «подарило» другое, состоящее из страха, боли и недоверия к людям.

Теперь у нас накопилось прошлое, о котором часто не хотят вспоминать очевидцы тех событий. Прошлое, о котором архивы дают путаную информацию и о котором нам практически невозможно узнать всю правду. Потому что я убедилась в том, что и архивная правда может быть разная. Справки, письма из разных архивов бывшего СССР иногда отличаются друг от друга, и факты, указанные в них, не совпадают.

ПРАВДА О ПОЛОЖЕНИИ «СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫЕ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ»

На моей родине — Урале — в прошлом веке находилось множество трудармейских лагерей, здесь жили сотни тысяч репрессированных. Но ведь не только на Урале были трудармии. Депортация российских немцев в 1941–1942 годах была самой крупномасштабной и продолжительной акцией по национальному признаку за все годы советской власти. Правда о жизни и политических репрессиях членов семьи Миллер писалась на основе архивных документов, а также воспоминаний их потомков.

Миллер Эвальд Адольфович, 1916 г.р. (по другим данным, 1917 г.р.)

Эвальд — самый старший ребенок в семье Миллер. По воспоминаниям моего дедушки, Эвальд был человеком очень хозяйственным и трудолюбивым, умел делать станки и мебель.

Мы направили запрос в Государственный национальный архив Республики Карелия. Сотрудники архива подготовили и выслали нам копии из документов Совета народных комиссаров Карело-Финской ССР за 1940 г. — сообщения народному комиссару НКВД АКССР и председателю Совнаркома АКССР от помощника начальника Сегежстроя НКВД о «трудопоселенцах», где значится Миллер Эдвалт Адольфович, 1917 г.р., брат моего прадеда.

Сегежлаг был организован 21 октября 1939 года. На этот момент совершеннолетним мужчиной в семье был Эвальд. Его и призвали в трудовую армию.

28 июня 1941 года Сегежлаг был закрыт. Эвальда отправляют в Богословлаг, который находился в Свердловской области в городе Карпинске. В Карпинске в годы Великой Отечественной войны существовали три зоны трудовых лагерей НКВД для немцев-трудоармейцев, высланных на Северный Урал в соответствии с указом правительства о мобилизации немцев. Карпинские зоны входили в состав Богословлага, но подчинялись Народному комиссариату угольной промышленности.

Трудообеспеченные Богословлага работали на таких объектах, как Богословский алюминиевый завод, угольные разрезы, каменный карьер; заготавливали древесину в уральской тайге, производили боеприпасы, занимались животноводством, сельскохозяйственными работами, осуществляли погрузочно-разгрузочные работы. За более подробной информацией, касающейся трудовой деятельности Эвальда, мы обратились в Филиал областного государственного учреждения «Государственный архив документов по личному составу Свердловской области» Северного управленческого округа г. Карпинск. В этом архиве нам предоставили копию личной карточки Эвальда, архивные и уточняющую справку.

Согласно личной карточке, Эвальд работал по найму с 1935 года. Владел немецким языком, специального образования не имел.

В 1941 году в Богословлаг отправили и моего прадеда Бернгарда Миллера. Какое удивительное стечение судьбы: братья, которых разъединили два года назад, теперь находились всего в паре сотен метров друг от друга, даже не подозревая об этом. Зоны в Карпинске располагались близко — через дорогу. Эвальд жил в зоне № 1, а Бернгард — в № 2.

Однажды утром по дороге на работу колонна людей из зоны № 2 встретилась с трудоармейцами первой зоны. Они столкнулись на той самой дороге, что разделяла зоны. Бернгард Миллер просто посмотрел в сторону и увидел родное

лицо. Невозможно описать, какие чувства тогда испытывали братья. Они были счастливы! Конечно, они не могли часто видеться, но знание того, что они рядом, придавало им сил.

Из воспоминаний Эльзы Яковлевны Вальц:

В 1946 году колючую проволоку, опутавшую лагеря Богословлага в г. Карпинске сняли. Всем желающим стали давать поля для картошки. А каждая семья постаралась обзавестись сарайкой, что бы завести какую-нибудь скотинку. Также в сараи клали картошку и дрова. Жизнь стала более-менее налаживаться.

В 1947 году Эвальд вместе с Бернгардом вызвали к себе маму. Бернгард в то время проживал в бараке № 17, а Лидия на улице Ленина, в бараке № 1. Адрес Эвальда был улица Партизанская, дом 20. Именно Эвальд получал свидетельство о смерти на свою маму.

В 1950-х годах Эвальд Адольфович женился на девушке по имени Анна. Чуть позже у них родилась дочь Лида. Всю оставшуюся жизнь Эвальд с Бернгардом жили в одном городе. Братья были очень дружны. В домашнем архиве сохранилось множество фотографий, на которых запечатлены счастливые моменты их жизни.

Умер Эвальд Адольфович Миллер в 1965 году, так и не узнав, что спустя 34 года государство реабилитирует его сестру и племянников, спустя 45 лет — брата Бернгарда.

На сегодняшний день Эвальд Адольфович Миллер еще не реабилитирован. Но мы уже собрали все необходимые документы для его реабилитации и направили письмо в ГУВД по Свердловской области с ходатайством о его реабилитации.

Миллер Бернгард Адольфович, 1926 г.р.

Бернгард Миллер — мой родной прадед, поэтому информации о нем у меня гораздо больше, чем о других его братьях.

Когда Бернгард оказался в Карелии, ему было всего восемь лет. По моим предположениям, именно в Петрозаводске он получил начальное образование. В личном деле, хранящемся в архиве г. Карпинска, значит, что у Бернгарда Миллера имеется образование четыре класса. Если семья приехала в Петрозаводск в 1934 году, а в 1942-м, при заведении личного дела в Карпинске, у него уже было образование 4 класса, можно сделать вывод, что он получил образование в Карело-Финской ССР. В личном деле также значит, что Бернгард уже с 1940 года, то есть с 14 лет, работал чернорабочим.

В 1941-м его вместе с матерью депортировали в Новую Лялю. О том периоде времени информации очень мало, но кое-что рассказывал дедушка Валера.

Из воспоминаний моего деда Валерия Якимова:

Мой отец, чувствуя ответственность за мать и младших сестреноч, пытался зарабатывать, где мог, а после работы вместе с сестрами приходилось собирать еду на улице.

Карпинская личная карточка Бернгарда подтверждает слова бабушки о том, что прадед в Новой Ляле работал. В ней указано, что его стаж работы по найму идет с 1940 года, то есть еще с периода его нахождения в Карелии.

В 1942 году Бернгард Миллер был мобилизован в трудармию. Согласно постановлению ГКО № 2383 от 7 октября 1942 г. «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР», немцы-мужчины могли быть призваны в трудармию в возрасте от 15 до 55 лет. Моему прадеду было как раз 15. По случайному совпадению или нет, но его отправляют в Богословлаг — лагерь, где уже находился его старший брат Эвальд.

В годы войны мой прадед работал на угольных разрезах Карпинска. Условия труда были адские — в основном кирка, лом, лопата, при сорокаградусном морозе и сплошном тумане. Одежда не годилась для работы на открытом воздухе.

Из ксерокопии справки о заработной плате и трудовой деятельности Бернгарда, полученной в архиве Карпинска, мы выяснили, что он начал работать в тресте «Богословскуголь» в декабре 1942-го, то есть в возрасте 16 лет.

Эльза Яковлевна Вальц, маленькой девочкой проживавшая на территории лагеря, сказала нам: «Значит, не промах был ваш дед, раз малолеткой в лагере сумел выжить. Обычно такие же, как он, подростки творили разные глупости. Пытались сбежать, перелезть через забор, но их ловили и убивали. Сколько тогда молодых-то полегло... Они не хотели смириться с участью, которая им выпала, с тем, что их же государство предало их».

В 1942–1946 годах Бернгардт Миллер работал выборщиком, бортовым, слесарем, расштыбовщиком, люковым. В 1943 году его средняя заработная плата составляла 518 руб. 81 коп.; в 1944-м — 635 руб. 81 коп.; в 1945-м — 525 руб. Мизерная зарплата, если учитывать, что во время Великой Отечественной войны цены на продукты очень выросли. Так, по стране средняя стоимость буханки хлеба на базаре была 1200 рублей.

В личной карточке указан домашний адрес Бернгарда: б-17. Дата заполнения 21 апреля 1944 года, из чего можно сделать вывод, что в 1944 году Бернгардт Миллер жил в бараке № 17. Комнаты в бараке были по 16 кв. м, а находилось в них по 18 человек. В комнате стояли трехъярусные деревянные нары, печка-буржуйка, которую топили углем. А уголь нужно было принести с разреза. Изможденные от работы и голода люди в мороз и пургу должны были нести куски угля, иначе в бараке согреться было нечем.

Адольф и Лидия Миллер

Русские немцы в селе Старая Буда

Семья Миллер. 1953

Семья Миллер. 1956

Семья Якимовых. 1962

Семья Миллер. 1975

Несмотря на все беды, жизнь продолжалась: люди влюблялись, женились. И никакой тоталитарный режим не мог запретить людям любить. В 1950-м Бернгард Миллер женился на Зое Якимовой. Власти делали все, чтобы не допускать браков между русскими и трудармейцами-немцами. Среди вольнонаемных и местным населением проводилась «определенная работа», которая сводилась к пресечению всякого общения с немцами. Не избежала насмешек и укоров и моя прабабушка Зоя. Но она была смелой женщиной и не побоялась выйти замуж за спецпоселенца Бернгарда Миллера. У них родилось двое детей: мой дедушка Валерий и Владимир. Прадедущка никогда не рассказывал своим детям и внукам ни о трудармии, ни о спецпоселении, чтобы не огорчать их и не показывать, как жизнь порой бывает несправедлива, а люди жестоки. Когда они повзрослели и пришла пора получать паспорта, то, учитывая, что бабушка — русская, детей зарегистрировали русскими, боясь, чтобы в их жизни не повторились те тяжести и унижения, которые испытывал дед.

28 ноября 1997 года Бернгард Миллер умер. Нашей мечтой было реабилитировать Бернгарда Миллера и его сына Валерия Якимова. Попытки сделать это уже предпринимал и сам Бернгард, и Валера с женой, но им всегда приходил отказ в реабилитации. Поэтому, какова же была наша радость, когда нам удалось реабилитировать деда и прадеда!

Миллер Гертруда Адольфовна, 1932 г.р.

В 1941 году Лидию и ее несовершеннолетних детей как лиц немецкой национальности выселили в глубь страны. Так Гертруда оказалась в Новой Ляле. В то время ей было всего десять лет, и она не попадала под постановление по призыву в трудармию, согласно которому призыву подлежали немки в возрасте от 15 до 45 лет. Лидия и Гертруда остались вдвоем.

Из письма Лидии Бауман: *«Мама говорила, что хорошо и прилежно училась. Окончила 4 класса»*. На основании этих слов можно сделать вывод, что Гертруда, скорее всего, начала получать образование в Новой Ляле, а в Карпинске закончила. Однако возможно, что все четыре года она училась в Карпинске.

23 июля вышел приказ Наркома угольной промышленности № 305, разрешивший всем рабочим-трудармейцам вызывать семьи, что и сделали Эвальд и Бернгард. В начале 1946 года Лидия уезжает в Карпинск. Гертруда остается совсем одна. С мамой они больше не виделись. В феврале 1947 года Лидия Самойловна Миллер умерла. Только в конце 1947 года Гертруда приехала в Карпинск на воссоединение с братьями.

Из письма Лидии Бауман: *«Мама в Карпинске в 15 лет работала вместе с дядей Эвальдом на шахте помощницей. Потом в цветочном цеху»*.

В 1950 году, в 18 лет, Герда вышла замуж за Юната Баумана. У них родились четверо прекрасных детей.

Но со слов бабушки я знаю, что Гертруда умерла на Алтае. Как же она там оказалась? С этим вопросом я обращаюсь к Лидии Юнатовне, которая стала моим хорошим помощником в проведении этого исследования. Вот что она написала:

Уехали мы из Карпинска в 1961 году, потому что надо было менять климат для отца. На Урале он сильно болел со спиной, лежал в Нижнем Тагиле. Переехали на Северный Казахстан на целину, Целиноградскую область Астраханский район станция Джалтырь. Здесь мама работала на элеваторе разнорабочей. Стала увлекаться шитьем и вязанием. Прожив здесь два года, мы вновь поменяли климат теперь из-за больной сестренки Ироиды. У нее был порок сердца. Прожили там два года, партию стали закрывать, рабочих сокращать, и вынуждены мы были двигаться дальше. Переехали теперь уже в Мойынкумский район Джамбулской области в село Берлик (Коктерек). И с 1966 по 1992 мы прожили там. В Коктереке мама работала и техничкой в интернате, и сторожем в автобазе. Там же она пошла на пенсию. С 1992 мы жили на Алтае. Умерла мама уже здесь в 1997 году от инсульта, гипертонический криз. Ровно через 6 лет после папы. Умерла 14 августа утром (а папа 13 августа вечером), а похороны у обоих были 16 августа.

Гертруду, как и Бернгарда, реабилитировали посмертно. Нужно отдать должное детям Гертруды, которые смогли этого добиться. Гертруда, Владимир и Лидия были реабилитированы в 1999 году.

Встретиться все вместе повзрослевшие Эвальд, Альберт, Даниил, Бернгард и Гертруда смогли только в 1964 году. Эта встреча произошла в Горном Садоводске, недалеко от Алма-Аты, в месте, где жил Даниил. Все приехали с семьями.

Мой дедушка Валера, которому тогда было 13 лет, вспоминает: «Из Карпинска мы полетели в Казахстан к Гертруде. А уже оттуда вместе с папиной сестрой в Горный Садовод».

Я задаю бабушке давно волнующий меня вопрос: «Как же встретились родные люди, которые не виделись столько лет?!» Дедушка улыбается и отвечает: «Ну, они, конечно, были счастливы. Нас встретили дядя Альберт и дядя Даниил. Помню, они так долго смотрели друг на друга, потом обнялись. Альберт тогда сказал: „Вот и свиделись, братик“».

Только в 1955 году с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении, сняли ограничения в правовом положении. Но назвать их совсем свободными было нельзя. В 1964 году правительство попыталась исправить ошибки прошлого. И только 3 ноября 1972-го вышел указ о снятии ограничения в выборе места жительства.

Лишь спустя 31 год немцы стали полностью свободными и были восстановлены в правах! 31 год обиды и страха. 31 год несправедливости. Никому из детей семьи Миллер не удалось избежать трудармии или режима спецпоселения. Троице из них это стоило жизни.

ПРАВДА О РЕАБИЛИТАЦИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ МИЛЛЕР

Не все члены семьи Миллер, подвергшиеся репрессиям, на сегодняшний день реабилитированы.

К сожалению, не реабилитированы моя прапрабабушка Лидия и прапрадедушка Адольф, Несмотря на то, что за три года нами было написано 13 писем в девять украинских архивов и организаций, из Украины нам не пришло ни одного ответа со сведениями о семье Миллер. Из нескольких архивов был прислан отрицательный ответ — сведений нет. Из других — ответов вообще не поступило.

Еще при жизни мой прадед Бернгард пытался оформить документы по реабилитации, но у него это не получилось. Не получилось это и у Людмилы и Валерия Якимовых, когда они пытались реабилитировать Бернгарда и Валерия в 2006 году. В 2009-м я вместе с мамой отправила запросы в архивы МВД Украины, Карело-Финской ССР, ГУВД Свердловский области с запросом о реабилитации Бернгарда и Валерия. Спустя месяц нам пришел положительный ответ из ГУВД Екатеринбурга. Нашей радости не было предела! Нам удалось реабилитировать моего прадеда Миллера Бернгарда Адольфовича и моего деда Якимова Валерия Борисовича.

Реабилитированы ли Альберт и Даниил нам неизвестно. Связь с ними утеряна. Вопрос реабилитации Эвальда остается открытым. На данный момент мы собрали необходимые документы и направили запрос о реабилитации Э.А. Миллер в ГУВД по Свердловской области.

Мария, Роберт, Артур также не реабилитированы.

Таким образом, НИКТО из старшего поколения семьи Миллер не был реабилитирован при жизни!

В работе «По ту сторону правды» я не хотела собрать обиды всех членов семьи Миллер и уж тем более не задумывалась о каких-либо корыстных целях. Да и период жизни семьи Миллер с 1934 по 1960 год в общем отрезке времени — лишь часть. Огромная, страшная, мучительная, но все же только часть. Ведь потом жизнь наладилась, появились свои семьи, дома, возможность учиться, они стали уважаемыми работниками. Например, сын Бернгарда Миллера, мой дедушка Валерий Якимов, отслужил в армии, получил образование. На сегодняшний день он заслуженный машиностроитель России, рационализатор.

Всю оставшуюся жизнь прожить с обидой в сердце невозможно. Иначе человек не сможет доверять окружающим, не сможет любить и останется эта обида, которая не даст ни человеку, ни его детям будущего.

На сегодняшний день живых потомков семьи Миллер — 36 человек. Именно поэтому я хочу сохранить историю родоначальников этой семьи, чтобы помнить и уважать предков, стойко перенесших все тяготы и лишения страшного времени политических репрессий, а не для того, чтобы обижаться на прошлое.

Приговоренный к смерти Жизнь и судьба Арона Фарберова

Кристина Городная

**пос. Дубровка, Брянская область,
научный руководитель Т.Г. Жукова**

Мало кто знает, что в городе Брянске с 1945 по 1949 год действовала подпольная молодежная сионистская организация, ставившая своей целью подготовку нелегальной эмиграции в Палестину. Одним из ее руководителей был Арон Фарберов. Впервые об этом было сказано в докладе московского сотрудника «Мемориала» Алексея Макарова на Международной научной конференции «История сталинизма. Репрессированная российская провинция», проходившей в Смоленске 9–11 октября 2009 года. Наша учительница истории Т.Г. Жукова проходила обучение в Институте истории холокоста и героизма Яд Вашем в Иерусалиме несколько лет назад и привезла копию архивного документа — «Свидетельское показание Фарберова Арона» (Архив Яд Вашема. Ф. 03/7021. Л. 3–6).

И мы решили познакомить людей с этим интереснейшим документом. Мы поставили цель познакомиться с биографией одного из организаторов брянской молодежной сионистской организации и историей создания и деятельности этой организации на основе «Свидетельского показания Фарберова Арона».

МОЛОДЕЖНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ СТАЛИНИЗМУ В СССР

В послевоенные годы в разных местах СССР возникали молодежные организации и подпольные группы. Участники подпольных организаций — обычно школьники старших классов или студенты-младшекурсники. Развернуть свою деятельность они не успевали (далее разработки организационных принципов, обсуждения программ, изредка первых листовок дело не заходило), довольно быстро следовали аресты, жестокие допросы и расправа.

О «Коммунистической партии молодежи», созданной в Воронеже в 1948 году, мы хорошо знаем из книги Анатолия Жигулина «Черные камни».

В 1950 году в Москве несколько месяцев существовал «Союз борьбы за дело революции», которым руководил 18-летний студент-историк Борис Слуцкий. Группа студентов и школьников ставила своей целью широкую агитацию против диктатуры Сталина и подготовку условий для активной революционной борьбы в будущем за возвращение страны к ленинским принципам построения общества. «Союз борьбы за дело революции» был уничтожен в январе-марте 1951 года. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Бориса Слуцкого, Владлена Фурмана и Евгения Гуревича к высшей мере наказания, 11 человек получили по 25 лет лагерей с последующим поражением в правах и двое — по 10 лет.

27 января 1950 года Военный трибунал Южно-Уральского военного округа приговорил по аналогичному делу к разным срокам заключения группу студентов: Ивана и Анатолия Лариных, Геннадия Подкопаева, Петра Кузякина, Бориса Арсентьева и Юрия Лукьянова.

Наиболее поздняя из подростковых групп называлась «Армия революции». Эти 16–17-летние московские мальчики разработали свою программу будущего государственного устройства. Группа продержалась по тем временам долго: более двух лет. В ночь с 4 на 5 марта 1953 года был арестован лишь один из них — Виктор Булгаков. Добиться раскрытия остальных имен следствию не удалось.

Одной из первых послевоенных организаций был союз «Рыцари удачи», который действовал с начала 1945 года до конца февраля 1947 года. У студентов были программа и устав. Организация делилась на «пятерки» и ставила своей целью агитацию против сталинского режима. «Рыцари удачи» действовали не только в Москве, но и в Харькове и в других городах.

Организация, называвшаяся «Всероссийским демократическим Союзом» (руководитель — Виктор Белкин), состояла из двух групп: московской и воронежской и действовала с сентября–октября 1948 по январь 1949 года. Конечная цель — создание демократического общества на основе марксистской идеологии. Основную часть составляли студенты философского и филологического факультетов ВГУ. Приговоры участникам этой организации были сравнительно «мягкими» — по 8–10 лет.

Бывшие политзаключенные С. Печуро и В. Булгакова упоминают о группе студентов МГПИ им. Ленина во главе со студентом II курса биофака Сергеем Шевченко (все участники группы получили большие сроки), а также о группе «ОСИП» («Общество свободы и правды»), которую создали подростки-москвичи 14–16 лет.

В лагерях Инты рассказывали о группе ленинградских школьников во главе с 16-летней Майей Клешиной.

Участники лагерного восстания в Норильске 1953 года упоминали о школьнице из Якутска Вале Ивановой, участнице молодежной организации, вошедшей в повстанческий комитет и погибшей при подавлении восстания.

Имеются сведения и о других студенческих организациях Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Казани, Минска и других городов.

Характерны названия молодежных организаций. Кроме уже перечисленных «Коммунистической партии молодежи», «Союза борьбы за дело революции», «Армии революции» и других, это «Юные ленинцы», «Юные коммунисты», «Молодая гвардия», «Ленинская гвардия»... Школьники из Ульяновска основали «Всесоюзную партию против Сталина», а молодежная организация в Джалал-Абаде носила название «Истинные коммунисты»¹.

В нашем областном центре — городе Брянске — тоже существовала подпольная молодежная организация. Это была организация еврейской молодежи, стоящей на сионистских позициях.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ АРОНА ФАРБЕРОВА

Арон Фарберов родился в 1926 году в городе Почепе Брянской области в семье с твердыми еврейскими традициями. Его прадеды со стороны отца и матери были раввинами. Отец, Илья Фарберов, получил хорошее еврейское образование и придерживался традиционных религиозных взглядов. Он был одним из организаторов и руководителей сионистской дружины в белорусском городе Гомеле в 1905 году. Эта дружина действовала очень успешно по защите от погромов во многом благодаря усилиям Ильи Фарберова.

Арон, как когда-то и его отец, получил в семье хорошее еврейское образование и воспитание. Сам он так пишет об этом: «Еврейское воспитание началось в раннем детстве. Отец мне много рассказывал об истории еврейского народа. Я осознал себя евреем с детства, не обижался, а гордился этим, знал, что я сын древнего народа с высокой, богатой историей. И все это благодаря отцу, семейным, религиозным и национальным традициям».

В 1934 году Арон Фарберов пошел в школу. В начале Великой Отечественной войны с семьей уехал в эвакуацию. Из-за войны девять классов окончил лишь в 1944 году и сразу был призван в армию. В 1945 году по болезни был комиссован из рядов Вооруженных сил и вернулся на Брянщину, где его ждало сильное разочарование и первые испытания.

Арон Фарберов вспоминает: «Когда я вернулся из эвакуации, я слышал слова, которые оскорбляли и возмущали меня: „Жалко, что немцы не убили вас всех“. Я узнал, как вели себя „братья“ по многонациональной семье братских народов Советской России в годы немецкой оккупации, а вели они себя самым гнусным образом, пресмыкаясь перед фашистами. Из всех нор стали выползать „бывшие“ и верой и правдой служили немцам, выдавая им честных людей-неевреев, но особенно евреев».

По данным председателя Российского центра «Холокост» профессора И.А. Альтмана, на Брянщине в период оккупации с августа 1941 по сентябрь 1943 года нацистами было уничтожено более 17 тысяч евреев из 30 тысяч, проживавших здесь до войны. На оккупированной территории Брянской области было создано семь гетто, где оказалось свыше пяти тысяч узников.

По возвращении на родину Арон Фарберов начал работать и сдал экстерном экзамены за курс средней школы. Отношения со сверстниками, как вернувшимися с войны, так и остававшимися в оккупации, не складывались; они откровенно ненавидели «отсидевшихся в тепле», как они считали, своих вчерашних товарищей.

В стране в это время начинается нарастание официальной волны шовинизма, сопровождавшегося антисемитизмом. Во многих регионах местные власти препятствовали возвращению выживших во время войны евреев в их квартиры, их устройству на работу. С осени 1946 года был взят курс на жесткое ограничение еврейской религии. Совету по делам религиозных культов было поручено резко ограничить еврейскую благотворительность, развернуть борьбу с такими «подразумевающими националистические настроения» обычаями, как выпечка мацы, ритуальный убой скота и птицы, ликвидировать еврейские похоронные службы. В то же время власть никак не преследовала усилившийся антисемитизм, доходивший до попыток погромов.

Арон Фарберов вспоминает: «Я убедился, что возможны еврейские погромы, ибо слышал похвальбу: „я убил жида на фронте своими руками“... Мы очень часто слышали: „Жида, убирайтесь к себе в Палестину!..“ В 1945 году в Брянске были погромные настроения. Между нами и товарищами, остававшимися при немцах, начались стычки. Нам говорили: „Вот погодите, придут наши с фронта, мы вам, жидам, покажем...“ В конце мая 1945 года была сделана попытка организовать небольшой пробный погром на рынке. Группа антисемитов пыталась избить часового мастера-еврея. Но их попытки нами были предотвращены. Мы решили, что пора создавать свою молодежную организацию для: 1) предотвращения любых попыток антисемитов организовать любые акции против евреев; 2) подготовки себя к отъезду в Палестину».

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИОНИСТСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В БРЯНСКЕ

Несколько молодых, неопытных, но страстно желающих уехать на историческую родину ребят создали свою организацию. Ее возглавил более опытный человек (он был старше лет на пять-шесть), родственник Арона, фронтовик, инвалид войны, орденоседец, студент исторического факультета МГУ, а потом учитель истории Владимир Левитин.

Была разработана Программа, принят Устав. По воспоминаниям Арона Фарберова, вся группа была разбита на пятерки. Каждый руководитель пятерки должен был знать только своих. Конспирация соблюдалась строго. Молодежь готовила себя к возвращению на историческую родину. Хотя, по признанию Арона Фарберова, как это надо делать, они представляли себе очень смутно.

В 1945 году Арон Фарберов привлек к работе в организации некоего Писмана, который через три года стал агентом органов безопасности и предал своих товарищей. Органы безопасности довольно долго не знали о существовании молодежной сионистской организации, но спустя некоторое время через своих сексотов все же узнали, что Левитин хочет уехать в Палестину. На заметку взяли не только его, но и всех тех, с кем он общался. Началась слежка.

В это время Арона Фарберова в Брянске уже не было. В 1947 году он поступил в Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, где учился до своего ареста в 1949 году. Но связь с родным городом и организацией он

продолжал поддерживать. Более того, когда Левитин, узнавший, что им интересуются органы госбезопасности, решил временно уехать из Брянска в Свердловск, руководителем организации стал Арон Фарберов. Летом 1948 года Левитин вернулся и продолжал работу вместе с Фарберовым.

Над организацией нависла серьезная угроза. В органах госбезопасности было уже немало материалов о деятельности молодежи, поскольку в самой организации оказались сексоты.

Переход к активным действиям сталинского государства против евреев совпал с провалом ближневосточной политики Советского Союза. В мае 1948 года образовался Израиль. Сразу выяснилось, что израильское правительство не собирается превращаться в марионетку в руках Сталина. И тогда гнев генсека обратился против советских евреев.

В СССР развернулась антисемитская кампания — «борьба с космополитизмом», развязанная после публикации редакционной статьи в газете «Правда» «Об одной антипатриотичной группе театральных критиков» (28 января 1949 года). В августе 1952 года были расстреляны 13 членов Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Одновременно состоялись суды над участниками организаций еврейских буржуазных националистов в промышленности, в средствах массовой информации, в органах здравоохранения. Начались аресты евреев — сотрудников разных госучреждений и предприятий.

Последним эпизодом сталинского террора стало так называемое «дело врачей». 13 января 1953 года газеты опубликовали сообщение ТАСС об аресте группы врачей, которые работали в Кремлевской больнице. Сообщалось, что большинство участников «контрреволюционной стаи подлых шпионов и убийц» связано с «международной еврейской буржуазно-националистической организацией „Джойнт“, созданной американской разведкой». «Дело врачей», по замыслу исполнителей сталинской воли, должно было соединиться с делом ЕАК в один большой публичный процесс наподобие процессов троцкистов и зиновьевцев 30-х годов.

Арон Фарберов свидетельствует, что Война за независимость и образование независимого еврейского государства Израиль вызвали мощный всплеск израильских настроений среди советских евреев, особенно в среде интеллигенции и студенческой молодежи. Он вспоминает восторженную встречу в начале октября 1948 года посла Израиля Голды Меир в московской синагоге. И предполагает, что этот энтузиазм советских евреев непосредственно подтолкнул к новому витку политики государственного антисемитизма. Фарберов вспоминает, что следователь, который вел его дело, часто с ненавистью говорил: «Как волка не корми, он все равно в лес смотрит».

По словам А. Фарберова, к осени 1949 года стало ясно, что арест неизбежен. Началось все с провокации, как это нередко тогда практиковалось. Один из членов молодежной сионистской организации, друг детства предателя Писмана имел

пистолет. Писман не пощадил своего друга. Он привел к нему агента по имени «Гафт», который купил оружие. Естественно, владельца пистолета сразу взяли как уголовного преступника — за приобретение, хранение и продажу оружия. Но поместили не в обычную тюрьму, а во внутреннюю тюрьму МГБ. Следователь требовал, чтобы он дал показания против членов инициативной группы организации, чьи имена ему называли с подачи Писмана. Его нещадно били. «Но этот маленького роста, худой, невзрачного вида еврей против нас показаний не дал», — спустя много лет с благодарностью вспоминает Фарберов.

18 октября 1949 года Арон Фарберов и другие члены брянской молодежной сионистской организации были арестованы и помещены во внутреннюю тюрьму областного управления МГБ в Брянске. Поскольку все они в момент ареста находились в разных местах, то выработать единую линию поведения на допросах не было возможности. Лишь одному члену организации — Александру Липкину — удалось уехать в Польшу и таким образом избежать ареста.

СЛЕДСТВИЕ. СУД

«Тесная камера. Стул, вмурованный в стену, железная кровать, стол, в дверях волчок и кормушка...», — так описывает свое вынужденное пристанище Арон Фарберов во внутренней тюрьме Брянского областного управления МГБ.

Следствие велось с октября 1949 по февраль 1950 года. «В 10 часов вечера — отбой, — вспоминает Фарберов. — Только разденешься, ляжешь и начнешь дремать — хлопает кормушка-окошечко и голос шепотом: „Фарберов, одевайтесь!“ Ведут на допрос. Следователь уже выспался и кофе попил, ему и торопиться некуда, это его работа. Он допрашивает, сидит, пишет. Допрос до 3-х часов ночи, а иногда до утра. Отводят в камеру. Сядешь за стол, а через несколько минут открывается волчок и голос: „Не спать!“ Кормушка закрылась. Через пару минут стук металлическим ключом в дверь. Это продолжалось месяцами. А сколько раз раздавались угрозы: „вот мы тебя перевяжем, тогда ты у нас заговоришь“ или „вот мы тебя заждем дверью...“ Я им говорил, что кричать буду. А они мне в ответ: „Мы тебе грушу резиновую в рот положим, кричать не будешь“».

С глубокой благодарностью вспоминает Арон Фарберов своего сокамерника Ф.А. Пушкина. В первый раз он был репрессирован в 1937 году. Отсидел свой срок. Но в 1949 году начались повторные аресты бывших политзаключенных. У них забирали паспорта и сажали в тюрьму, кого на два-три месяца, кого-то на год и больше. Обычно их гоняли на допросы, стараясь «наматывать» новое дело, но, как правило, в конечном счете им выписывали ссылку через ОСО МГБ по прежнему, «старому» делу. Ф. Пушкин и был таким «повторником». Имея богатый опыт допросов, тюрем и лагерей, он учил юного Арона, как следует себя вести.

«Он давал мне советы, говорил, чтобы я ничего не подписывал, пока не прочитаю, чтобы не оставлял места между строчками, чтобы все свободные места подчеркивал, ни в чем не признавался, говорил: „Не знаю, не было...“ Эти добрые советы хорошего, честного человека мне помогли», — пишет Фарберов.

На следствии он все отрицал: и факт существования структурированной, имеющей программу и устав организации, и стремление организовать нелегальную эмиграцию в Израиль. Признавал лишь то, что старинные друзья-товарищи иногда собирались вместе, чтобы обсудить свои действия, если возникнут нежелательные эксцессы, и меры отпора наиболее радикально настроенным антисеMITам.

Суд состоялся 16 февраля 1950 года. Он длился два дня. Это было заседание военного трибунала. Никто из подсудимых своей вины не признал. Как основное доказательство факта существования и деятельности сионистской молодежной организации в Брянске на суде фигурировали показания Писмана.

Позже Фарберов вспоминал о том, что ему удалось наказать предателя Писмана: «Как-то раз на следствии следователь не в меру расхвастался, что мы, разведка и контрразведка, все, мол, знали о вашей деятельности. Я ему ответил, что мы с 1948 года тоже знали, что органы нами интересуются. Он стал очень интересоваться, откуда мы это знали. Его прямо разбирало любопытство. Я с большим удовольствием удовлетворил его любопытство. Я ему сказал: “Нам об этом сказал Писман”». Писмана арестовали в Москве, куда он был послан, чтобы внедриться в известные еврейские круги, судили и дали ему три или четыре года за то, что знал о существовании организации с 1945 года, а донес лишь в 1948 году.

Приговор суда был чрезвычайно суров — смертная казнь за создание и участие в контрреволюционной антисоветской группе, ставившей целью нелегальную эмиграцию за границу. Но, принимая во внимание указ Президиума Верховного Совета СССР об отмене смертной казни, суд приговорил группу активных членов организации к 25 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях и лишению прав каждого по ст. 58-1а (измена Родине).

ОЗЕРЛАГ

Куйбышевская пересылка. Арон Фарберов вспоминает: «Огромный барак, бывший конный завод. Вместо конюшен во всю длину (50 м) по сторонам двухэтажные нары. Вошли... Растерялись... Сотни голов на нарах. „Сюда! Сюда!“ С нары свисают типичные еврейские лица. Знакомимся».

Люди были разные. Инженер-энергетик из Киева Семен Борштейн; 16-летний Ленья Будницкий, осужденный за создание молодежной организации; начальник медицинского снабжения 2-й воздушной армии майор Арон Хариф, джаз-музыкант из Москвы, сидевший за исполнение еврейских песен (от него впервые Арон Фарберов услышал чудесную песню, ныне очень популярную — «Иерушалаим... Иерушалаим...»). Моряк-штурман Наум Чернис, член подпольного сионистского ЦК, впервые был осужден еще в 1935 году. Он выжил в фашистском концлагере. Теперь, как «повторник», вновь оказался в советском лагере. Он был очень болен — язва. Но полагающийся ему кусочек мяса в 20 граммов отдавал молодым. «Он говорил, что его дни сочтены, а молодым, смене, надо

жить, чтобы продолжать дело... Член ЦК мне говорил, показывая на человека, с которым здоровался: «Вот там, в углу, сидит еврей. Я в свое время боролся за сионизм, а он — за ассимиляцию, а теперь сидим вместе», — вспоминает Фарберов.

Сформировали огромный этап-эшелон, по 50 человек в вагоне. Этап в Тайшетские лагеря из центральной пересылки Озерлаг.

Трасса Озерлага — от Тайшета до Братска — это 30–40 тысяч заключенных.

Лагерная трасса Тайшет–Заярск. Вдоль лесопилки железная дорога, которую строили в свое время заключенные. Центральный авторемонтный завод. На станции Чуна ДОК (древевоотделочный комбинат), на нем работало свыше 2000 заключенных. Остальные колонны — лесоповальные, они снабжали ДОК лесом. Это был огромный лагерь. Строили Ангарскую ГЭС, железные дороги.

Фарберов вспоминает работу на ДОКе: «Здесь было вполне сносно. Во-первых, не надо было идти много километров в снег, мороз, грязь до места работы. Рядом была рабочая зона с жильем. На лесоповале намного хуже, до места повала больше 10 км. Во-вторых, кормили лучше, но все равно пища была плохой и ее не хватало. Через полтора месяца я весил 48 кг. В-третьих, начальником был еврей — Штейн. Этот факт давал надежду на лучшее. Работа тяжелая, опасная — на растяжке. Норма 50 кубов в день — очень большая. Работал с 7 утра до 7 вечера, час на обед. На этой работе я потерял палец. Одежда казенная: ботинки второго срока, солдатские серые брюки, рубаха, куртка. На спине № „Ю-885“. Легкую, простую работу в лагере называли „придурка“. Я никак не мог себе представить, что смогу работать, к примеру, бригадиром, гонять своего брата заключенного на работу. Я все время работал на общих, тяжелых работах. Но когда потерял палец, мне предложили место учетчика в ДОКе. Постепенно налаживалась тяжелая лагерная жизнь. Тяжелый, изнурительный труд, проверка, 11-часовой рабочий день, бараки, где нас запирали, работа, часто без выходных».

Арон Фарберов, человек свободолюбивый и честный, не мог скрывать своих политических взглядов и терпеть несправедливое отношение власти лагеря к заключенным. В результате в 1954 году его отправили в штрафную колонну на станцию Анзера.

Штрафники строили железную дорогу. До работы — 10 км, такой же путь обратно в лагерь. Фарберов работал землекопом, грузчиком, возил тачки с землей. Он рассказывает: «Хотел жить, надо было выжить, а чтобы выжить, надо было вернуться в ДОК. Для возвращения в ДОК был только один путь. Надо было попасть в больницу, дожидаться этапа и... в ДОК. Раз в месяц туда направляли много людей. У меня заболели глаза, покраснели, слезились. Я обратился к фельдшеру, который в медицине был очень слаб. Он ничего не сумел определить и направил меня к врачу в погонах. Врач ничем мне не помог. Ходил неделю, глаза слезились, болели. Наконец мне выдали направление в больницу. Но в больницу меня все не отправляли».

И тогда Фарберов начинает бороться, чтобы выжить. Он не вышел на работу. Это было серьезное нарушение режима. Его посадили в бур (карцер) на трое суток. После освобождения он вновь отказался выходить на работу, заявив, что сплнет и требует отправки в больницу, тем более что направление врача уже давно имеется у него на руках. Лагерное начальство вынуждено было отправить его в больницу.

В это время вышел приказ о разделении Озерлага. Часть лагерей перешла к бытовым лагерям. Это разделение было вызвано рядом обстоятельств. После смерти Сталина заключенные надеялись на изменения в их лагерной жизни, их дальнейшей судьбе. Рассчитывали на быстрый пересмотр дел. В лагерях начались брожения после восстаний в лагерях Кенгир, в Норильске, в Воркуте. Началась частичная реабилитация. Начальство было растеряно. Фарберов вспоминает: «И в нашем лагере не все было спокойно. Нам смертельно надоедали бесконечные проверки. После работы уставшие, злые, мы не дожидались проверки, шли в бараки. Мы говорили, если хотите нас считать, то считайте, но здесь, в бараках».

В условиях этой неразберихи начинаются мытарства Арона и его товарищей по несчастью. В центральной больнице их принять отказались, заявив, что они теперь принадлежат не им.

В главный государственный праздник советской страны — 7 Ноября — шестерых больных заключенных опять привезли в Тайшет. Выбившиеся из сил, голодные и больные зеки решились на крайние меры. «Мы решили больше никуда не двигаться, — рассказывает Фарберов. — Мы заявили, что требуем начальство. Пришел генерал — начальник охраны. Мы заявили ему, что если нас не поместят в больницу, то мы устроим такое празднование в день 7 ноября, что об этом узнают все лагеря, и начальству не поздоровится. Мы ему сказали, что вскроем вены, своей кровью окрасим флаги и выбросим их на всеобщее обозрение. Ночью нас высадили, выделили спецконвой и отвезли в больницу. Утром нас уже осматривали врачи».

Две недели Арон находился на лечении, а после этого ему предложили остаться в больнице фельдшером. Начальник больницы сказал: «У нас сапожники работают фельдшерами, а ты ведь закончил три курса биофака МГУ, знаешь латынь». Так Фарберов стал фельдшером в корпусе больных с закрытой формой туберкулеза.

Весной 1955 года пришло распоряжение: всех больных перевезти в другую больницу. Их было около 400 человек. Среди них немало нетранспортабельных, с психическими болезнями. Все стояли, сидели, лежали на траве перед входом в больницу, окруженные автоматчиками. Начальство решило проверить наличие всех больных по формулярам. Проверка заключалась в следующем: называлась фамилия больного и тот, как заученную молитву, называл все данные о себе — год рождения, болезнь, срок, статью.

С одним из душевнобольных во время проверки случился припадок — он вдруг побежал. Конвой не знал, что делать, лейтенант, командир конвоя, растерявшись,

крикнул автоматчику: «Стреляй!», а через секунду: «Не стреляй!» Большой пробежал несколько десятков метров и упал, в эту же секунду раздался выстрел. Все видевшие эту сцену были уверены, что заключенный убит. Стихийно начался бунт.

«Все бросились на конвой, — говорит Фарберов. — Один из заключенных, разорвав рубаху на груди, кричал: „Стреляйте, сволочи, мучители!“ Конвой был окружен и почти разоружен. С лейтенанта сорвали погоны, били по щекам, в любую секунду могли избить и даже убить. Лейтенант, белый от страха, буквально завопил: „Братцы, он жив! Пуля в него не попала!“ Подошли к лежащему — он живой. Успокоились немного. Но все равно раздавались голоса: „Вы над нами издеваетесь! Никаких формуляров! Никаких проверок!“»

РЕАБИЛИТАЦИЯ

После суда Фарберов два раза подавал жалобу и требование о пересмотре дела. И оба раза получал отказ. Но его мать, матери других заключенных по этому делу неустанно писали письма в разные инстанции с просьбой о пересмотре дела. И они были услышаны. После смерти Сталина началась волна массовых реабилитаций.

В мае 1955 года из письма матери Арон Фарберов узнал, что его реабилитировали. Его отец не дождался сына, он очень тосковал, ждал, но умер в 1954 году. Только в августе 1955 года Фарберов получил официальные бумаги о реабилитации. «7 сентября, через 6 лет, со странным ощущением свободы я вышел из лагеря...»

После освобождения Фарберов приехал в Москву и восстановился в Московском государственном университете. В 1956 году он женился на племяннице своего товарища, с которым сидел в лагере. Это был человек интересной судьбы, человек-легенда. Воевал, сидел в фашистском концлагере, сидел в советском концлагере, был одним из руководителей восстания в Норильских лагерях.

Закончив МГУ, Арон Фарберов стал заниматься наукой. Его интерес к Израилю не уменьшался, стремление жить там не исчезало. Ждал подходящего случая. Долго пришлось убеждать жену Полину, которая очень боялась за него. «Тебя реабилитировали за недоказанностью обвинения, — говорила она. — Будешь вести себя беспокойно, тебе скажут: ты не досидел свой срок. Иди, голубчик, досиди!» Но все же Фарберов убедил ее, что надо уезжать.

В 1972 году вся семья Фарберовых выехала в Израиль и поселилась в Иерусалиме. Арон Фарберов долгие годы работал преподавателем биологии Еврейского университета в Иерусалиме.

Примечание

¹ Дело джалал-абадских школьников: к истории молодежных антисталинских организаций / После слово С. Печуро и В. Булгакова // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 528–534.

сеем на решето...

«Я не верила, что буду жить...»

Татьяна Трашкова

г. Великие Луки, Псковская область,

научный руководитель И.А. Мамедова

К сожалению, людей, прошедших войну, осталось очень и очень мало. Четыре моих прадеда воевали. Двое из них пропали без вести. Все попытки родственников отыскать их могилы после войны не принесли результата. Мой прадед Александр Петрович Петров дошел до Берлина, имел много наград, среди них был и орден «За отвагу». Очень жаль, что при жизни не были записаны его воспоминания о годах войны.

Война другого прадеда, Иосифа Степановича Капралова, длилась всего 17 дней: 1 августа 1944 года его призвали в 504-й стрелковый полк, где он в звании сержанта был назначен командиром отделения, а 17 августа после тяжелого боя был уволен в запас по ранению. Прадед получил осколочное ранение в голову, в результате чего потерял зрение. В 19 лет он стал инвалидом. О своих прадедах я слышала с самого раннего детства. Память о них хранится в нашей семье. Но я решила расспросить свою прабабушку, Антонину Павловну Капралову, о том, что она пережила в годы войны. Ей в октябре исполнилось 85 лет. И к своему удивлению, я узнала, что бабушка находилась в немецком трудовом лагере.

Оказалось, что живя с родным и близким человеком, моей прабабушкой, я почти ничего не знала об ее судьбе. Прабабушка прожила долгую и трудную жизнь. Она не воевала, а была угнана в Германию, в город Любек, в трудовой лагерь.

Она не любила рассказывать о военном времени, и самое удивительное, что в семье эта тема вообще не обсуждалась. На вопрос: «Почему бабушка вам об этом не рассказывала?», — моя мама затруднилась ответить. Но сейчас я узнала, что в советское время быть угнанным в Германию на работы считалось недостойным для советского человека, это приравнивалось к предательству. Говорить об этом было стыдно.

Я узнала, что все военнопленные считались неблагонадежными, и многие по возвращении из плена опять попадали в лагеря, но уже на родине. Наверное, моя прабабушка боялась этой участи, поэтому молчала. Героями тогда считались те, кто воевал на фронте, имел награды. А моя прабабушка трудилась на фашистскую Германию, хотя она это делала не по своей воле.

Я сейчас понимаю, сколько же ей требовалось мужества, сил и выносливости, чтобы выжить в тех условиях. И я рада, что сегодня могу видеть свою прабабушку, разговаривать с ней и собирать по крупицам историю своей семьи и узнавать историю своей страны, историю войны из уст очевидца и свидетеля тех событий.

ДО ВОЙНЫ

Антонина Павловна Капралова родилась 14 октября 1924 года в деревне Чирки Великолукской области. Ее отец, Павел Арестович Родионов, был разнорабочим в колхозе, мать, Наталья Пантелеевна Родионова, работала дояркой. Семья состояла из 9-ти человек, семеро из них — дети. Прабабушка была самой старшей в семье. Большая семья жила в доме, который построил отец. Лес на строительство дома выделил колхоз. Как говорит прабабушка, они считались «средняками». Не голодали, но и лишнего не имели, так как было много детей. В своем хозяйстве имели корову, овец, свиней, кур, а также 40 соток земли.

До войны деревня Чирки насчитывала 46 дворов. По тем меркам она считалась большой. В деревне были клуб и даже детский сад. Во время войны деревня была уничтожена фашистами. Они сожгли все дома.

Этим летом мы вместе с мамой съездили в деревню Чирки. Деревня небольшая, в ней всего две большие улицы. Нам удалось поговорить с жительницей деревни Антониной Ивановной Кудрявцевой, которой сейчас 77 лет. Во время войны она была девочкой. Помнит, что деревня была сожжена, и рассказала нам, как люди обустраивались после войны. Жили в землянках, работали в колхозе, плохо питались. Антонина Ивановна хорошо помнит семью прабабушки. Также мы посмотрели на то место, где до войны стоял дом прабабушки. Оказалось, что и дом, который был построен после войны на этом месте, тоже сгорел. Сейчас там пепелище и заросли высокой травой.

Когда моей прабабушке пришло время идти в школу, родители купили ей тетради, ручку, перья, чернила. Мать сшила ей форму из своего платья, а отец сделал деревянный пенал, который был ее гордостью (такого ни у кого не было). Холщевая сумка на длинной лямке с большой пуговицей-застежкой была также сшита матерью и тоже являлась предметом гордости.

Прабабушка вспоминает, что в школе ей нравилось, училась она хорошо. Очень любила свою учительницу, и до сих пор помнит, что ее звали Мария Никандровна Тихомирова. В 10 лет прабабушку приняли в пионеры, она очень гордилась этим, так как носить пионерский галстук в то время было почетно.

В 12 лет, после окончания начальной школы, ее перевели в среднюю, находившуюся в 4 км от родной деревни. В новой школе она проучилась только два дня. Отец больше учиться не разрешил и сказал, что нужно работать. Не помогли ни слезы, ни уговоры учителей.

Так моя прабабушка стала членом колхоза. Для меня удивительно, что в возрасте 12 лет в то время уже брали на работу. Когда я спросила, хотела ли она работать, прабабушка ответила, что у нее не было выбора, она не могла пойти против воли отца.

Где она только не работала: на уборке сена, льна, копала картофель, молотила зерно, пасла скот, чистила скотники. Работала за трудодни. Складывали трудодни

семьи и выделяли зерно, картошку, яблоки, мед. После работы нужно было помогать матери по хозяйству и присматривать за младшими детьми. Очень уставала. Хотелось побегать со сверстниками, а когда видела, как подружки шли в школу, — плакала.

Прабабушка вспоминает, как они вдвоем с братом нянчили младшую сестру, очень капризную. Пока качали в люльке — лежала спокойно, когда отходили — заходила плачем. Из-за этого они не успевали выполнять поручения отца по дому и частенько бывали наказаны. Самое страшное наказание — порка. Стара-рушка-соседка посоветовала им напоить сестренку маковым молоком. Дети вскипятили молоко и добавили туда собранный мак. Этим отваром была напоена крикливая сестра. Девочка спала до позднего вечера. За это время прабабушка и ее брат успели накопать ведро картошки, нарубить хряпы свиньям и переделать кучу других дел. Все открылось, когда вечером мать взяла сестренку на руки, обеспокоенная ее долгим сном. У малышки началась рвота маковыми зернами. Гнев отца можно себе представить.

Однажды отец отправил Тоню вместе с братом Колей в поселок Насву в магазин за осьмушкой табака. Я спросила прабабушку, что такое осьмушка. Она сказала, что это около ста граммов табака, который продавали на развес. Сигарет тогда не было, а папиросы были очень дорогие. Так же удивительно было для меня, что детям продавали табак. Но бабушка сказала, что в округе их все знали и доверяли. Самое интересное, что дети по дороге забыли, за чем их послал отец. И вместо осьмушки табака они купили осьмушку дрожжей, которые тут же и съели. За это им очень влетело от отца.

Из довоенной жизни бабушка любит вспоминать, как ходили в церковь на Пасху, на крестный ход и всенощную службу. Как шли нарядно одетые, с узелками, в которых были крашенные яйца и пироги. Как бы не уставали за день, все равно шли, хотя идти было далеко. В церкви можно было встретиться с родственниками и знакомыми. Это были новые впечатления, которых так не хватало. Мне очень странно, как бабушка, будучи пионеркой, а в дальнейшем и комсомолкой, верила в Бога и ходила в церковь. Но бабушка рассказала, что молодежь ходила в церковь из любопытства и по настоянию родителей, особенно бабушек. Также в церковь ходили тайно, чтобы не знали райкомовские работники и председатель колхоза.

Все работы в деревне прекращались 28 августа: праздновали праздник Успения Пресвятой Богородицы. К празднику готовились: гнали самогон, варили пиво, пекли пироги, резали овец, гусей. В праздник ходили друг к другу в гости, пели песни.

В 15 лет прабабушка вступила в комсомол. Ее приняли за хорошую работу в колхозе. Ходила в Насву на собрания, училась на трактористку.

Наступил 1940 год. Отца забрали на Финскую войну. Прабабушка говорила, что тогда все готовились к войне. Когда она начнется — не знали, но что будет,

не сомневались. Правительство успокаивало народ, говорило, что войны не будет, ведь в 1939 году Германия и Советский Союз подписали договор о ненападении. Оказалось, что народ обладал большей интуицией, чем правительство страны.

Вернулся с Финской войны отец. Рассказывая о своем отце, прабабушка утирает слезы. Отец был очень строгим, но при этом справедливым человеком, хорошим хозяином, любое дело было ему по плечу. Прабабушка вспоминает и по сей день прежде всего не наказания отца, а то, что он в 41-м добровольцем опять пошел на войну, оставив беременную жену и шестерых детей. С этой войны он так и не вернулся.

В ОККУПАЦИИ

На мой вопрос о том, как прабабушка узнала о начале войны, она рассказала, что в этот день в колхозе велись обычные сезонные работы. О том, что началась война, узнали от председателя сельсовета. Он объезжал рабочие бригады на полях и сообщал страшную весть. Женщины плакали. Бросив работу, народ собрался у сельсовета, чтобы послушать у репродуктора сообщения из Москвы. Но никто не думал, что война продлится так долго, а тем более, что немецкие сапоги вскоре будут топтать землю родной деревни.

Началась мобилизация. Ушел добровольцем и отец моей прабабушки, оставив семью без кормильца. Ей в то время было 17 лет, а старшему брату всего 13.

В июле за деревней появились два бункера-бомбоубежища. Их вырыли молодые ребята-комсомольцы. Рыли они их добровольно, чтобы женщины и дети могли там прятаться от бомбежек.

А уже августе 1941-го, во время работы на уборке сена, рабочие увидели колонну мотоциклистов. Это были немецкие части. Проехав деревню, они направились в Насву, где развернули свой штаб. Завидев немцев, люди, работавшие на полях, разбежались по домам. Все готовились к худшему. Было решено колхозных коров и телят отогнать в леса на дальние пастбища, чтобы не достались немцам. Деревня жила в большом страхе. Все были наслышаны о зверствах фашистов. Периодически немецкие солдаты на мотоциклах делали выезды в деревню за продуктами. Все боялись за свою жизнь, а особенно за жизнь детей. Ради развлечения немецкие солдаты любили пострелять кур. Я спрашивала несколько раз у прабабушки, не отбирали ли немцы личное имущество? Ответ всегда был отрицательный. Однажды несколько девушек и парней из села решили уйти в партизаны, но когда они уже были за деревней, их догнал староста и сказал, что, если они не вернутся, их семьи будут расстреляны, а дома сожжены.

По рассказам прабабушки, деревенские жители больше боялись не немцев, а русских партизан, мародерство которых не знало границ. Прабабушка рассказывала, что в деревне был случай, когда партизаны зарезали одну семью, забрав припасенные на Пасху продукты.

Немцы в деревне не остановились и в домах у жителей не жили. Также, как вспоминает прабабушка, немцы не трогали жителей, не отбирали личный скот, а забирали только колхозную собственность. Жители деревни продолжали выращивать для себя на своих огородах овощи и фрукты.

«Новые хозяева» в деревне назначили старосту, им стал Герасим Богданов — бывший председатель колхоза. Немцы об этом не знали, а местные жители предпочитали молчать. Он должен был следить за порядком, выставлять ночные дозоры, чтобы партизаны не ворвались в деревню. Если кто-то из местных жителей уходил в лес и пытался связаться с партизанами, староста непременно их отыскивал и приказывал вернуться. В случае неповиновения грозил расправой над семьей. Оказывал староста для немцев, по их же требованию, и такую услугу: отбирал молодых девушек и отсылал их в немецкую баню в Насву. Спротивляться молодые девушки не могли. Судьба этого человека трагична, в 1946 году Герасим Богданов был казнен как немецкий пособник. Его сдали властям женщины, которые вернулись из фашистского лагеря. Прабабушка рассказывает, что этот человек не пытался скрываться, прятаться. Видимо, не считал себя виноватым.

Прабабушка вспоминает, что молодежь прятала свои комсомольские билеты. Свой комсомольский билет она зарыла в картошку на колхозном поле — не порвала, а спрятала. Наверное, прабабушка надеялась его потом найти, хотя, я думаю, он вряд ли мог сохраниться в земле.

УГНАННАЯ

В апреле 1942 года были составлены списки молодых парней 1923–1924 годов рождения, а особенно 1922 года, тех, кого не успели призвать в армию. Им сказали, что они поедут в Германию, чтобы привезти лошадей. Всем было приказано явиться с комплектом сменного белья на вокзал в Насву. Молодые люди были из близлежащих деревень: Заречье, Чирки, Малахово, Воево, Ровни, Киселевичи. Их провожали родные и близкие с плачем и молитвами. Домой никто из них не вернулся, и дальнейшая их судьба неизвестна.

В мае были готовы списки по девушкам 1923–1924 годов рождения. Список староста составил очень добросовестно, только «забыл» включить в него двух своих сестер. Девушкам также было приказано явиться на вокзал с вещами, с предупреждением, что вещи красного цвета брать нельзя.

Прабабушка вспоминает, что их погрузили в товарные вагоны-телятники по сорок человек. Вагоны находились под надзором вооруженной охраны. Состав тронулся, и первая большая остановка была в Польше. Прабабушка вспоминает, что все были очень напуганы, боялись неизвестности, пугало расставание с родителями. И не покидало чувство жуткого страха, от которого не хотелось ни есть, ни пить. На каждой остановке будущие узницы замечали, что состав становился все больше и больше. В Польше их водили строем под вооруженной охраной в баню, а личные вещи были подвергнуты досмотру и отправлены на обработку в дезкамеру. Следующая остановка была конечной.

Германия запомнилась прабабушке красивой, чистой, аккуратной, богатой. Под окнами многих домов стояли автомобили. Девушек привезли в город Любек.

Из Интернета я узнала, что дармовую рабочую силу с Востока любекские предприятия использовали воево, ведь мужское трудоспособное население воевало. Поэтому цеха военных заводов, фабрик, мастерских заполнялись молодыми и здоровыми юношами и девушками, мужчинами и женщинами, каждый день прибывавшими специальными транспортами в большинстве своем с Востока. В основном в Германию угоняли молодежь в возрасте от 15 до 30 лет. Называется различное количество «принудительных рабочих» — от 8 до 10 миллионов. Только из Украины их было вывезено около 2,5 миллионов.

А в Любеке до сих пор сохранились и работают, хотя не все 86, но многие предприятия, использовавшие подневольный труд. Это Dornier, Luftgansa, IG-Farbenindustrie, Drogerwerk, Flender Werft, Schwartauer Werke и многие другие, производившие в то время продукцию для нужд вермахта. На них было занято тогда около 20 тысяч иностранных гражданских лиц и военнопленных. В то время на территории Любека находилось несколько лагерей: трудовой женский, в котором находилась прабабушка, лагерь для военнопленных и концентрационный лагерь.

Лагерь, в который попала прабабушка, находился на окраине города. Территория его была окружена бетонной стеной с колючей проволокой, у входа стояла вооруженная охрана. Узниц расселяли по баракам, в соответствии с национальностью: русские (около 700 человек), полячки, латышки, украинки. У каждой национальности была униформа определенного цвета. Русские носили одежду в крупную сине-белую клетку. Им выдали фланелевые платья с длинным рукавом, на которых на груди и на плече была нашивка со словом «OST», что в переводе означает «восток». Эти платья носились как рабочая форма, менялись только тогда, когда сносятся. Бараки были разделены на комнаты, в комнате находилось по 16 человек. Кровати были двухъярусные, на каждой лежал соломенный матрас. Всем выдали постельное белье. Раз в 10 дней, после бани, командант менял грязное белье.

Латышки в лагере имели привилегии: в город их выпускали свободно, они жили и работали отдельно, причем рабочий день у них был короче.

Начальником лагеря был не военный человек. Когда их привезли и выгрузили из вагонов, он отсчитал определенное число девушек. Их построили и повели в лагерь. Одна девушка из бабушкиной деревни захотела быть вместе с ними, но ее просьбы и мольбы не помогли. Видимо, в лагерь требовалось строго определенное количество работников. И та девушка попала в лагерь в Гамбурге.

Работали по 12 часов в две смены: первая неделя — день, вторая — ночь. Основной работой была расчистка завалов после бомбежек. Узниц грузили в машины и под охраной вывозили в Берлин или Гамбург, которые в то время подвергались

сильным бомбардировкам. Прабабушка говорила, что работать было очень тяжело, отдыхать во время работы было нельзя. Охраняли и следили за их работой полицейские с собаками.

Подъем в лагере был в шесть часов утра. На завтрак узницы получали по кружке кофе низкого качества без сахара. На неделю каждому человеку выдавалось 1,5 кг хлеба из опилок. Хлеб можно было съесть сразу, а можно было растянуть на неделю. Затем работа до обеда. На обед получали суп из стручковой фасоли. После обеда опять работа. Очень часто девушки работали без обеда, были голодными до ужина. В лагерь приезжали чуть живые, очень хотелось есть. На ужин получали ковшик баланды, чаще всего это была жидкая каша на воде. Прабабушка уже не верила, что сможет когда-нибудь наесться вдоволь хлеба. По субботам дополнительно выдавали столовую ложку сахарного песка, 2 картофелины и ложку подливы. Но этой еды было ничтожно мало — узников постоянно мучило чувство голода. Мяса не видели вообще, продукты были гнилые, низкокачественные.

Так как по выходным дням не работали, немцы разрешали узницам выходить в город, но с обязательным условием — нашивки на груди и плече. Но девчонки умудрялись слабо их пришить, а после выхода в город оторвать. У прабабушки сохранилась фотография того времени. На этой фотографии она изображена вместе со своими подругами из трудового лагеря и двумя парнями. Когда я спросила бабушку, кто эти парни, она рассказала, что в один из выходных дней они познакомились с двумя парнями из мужского трудового лагеря. Они были уроженцы Ленинграда и работали на немецком аэродроме. По выходным их тоже выпускали в город. На обратной стороне фотографии написано, что она сделана 3 октября 1942 года. На фотографии видно, что девушки одеты в легкие летние кофточки, а моя прабабушка стоит в светлом летнем платье, парни одеты в костюмы и белые рубашки. Интересно, что одежда узников трудового лагеря не похожа на рабочую форму, которую мы привыкли видеть на фотографиях, где изображены узники фашистских концлагерей. Обычно это тяжелая темная роба в полоску. Вначале я подумала, что у парней из кармана пиджака виден носовой платок, но бабушка сказала мне, что это нашивки, которые обязаны были носить узники.

Прабабушку увезли в Германию в мае 1942 года, значит, прошло пять месяцев, как она стала узницей трудового лагеря. На фотографии молодые люди выглядят еще достаточно хорошо, не видно, что они измождены голодом, угнетены и даже кажется, что они довольны. Создается впечатление, что фотография сделана во время какого-то праздника. Но пройдет немного времени, и, как сказала прабабушка, они все похудеют, устанут от непосильного труда, от постоянного голода, от тоски по родине, по своим близким и от безвыходности положения. Одну фотографию прабабушка собиралась отослать своей сестре домой. На обратной стороне фотографии написано: «Фото на память дорогой сестрице Шуре о сестре Тони. Дорогая сестрица, посмотри на меня, какая я была и какая я стала. 3 октября 1942 г.» Вот эта фраза «какая я стала» говорит о том, что прабабушка до приезда в трудовой лагерь выглядела совсем иначе. Однажды

их знакомые парни из другого лагеря принесли девушкам геркулесовые хлопья из своего пайка. Девушки пронесли их в лагерь, а вечером ели их вместе с другими девушками в своей комнате. Но переводчица увидела это и донесла на них коменданту лагеря. В комнате провели обыск, и все продукты изъяли. Эту переводчицу звали Маша, сама она была из Харькова. Как сказала прабабушка, она была «стукачкой», следила за девушками, доносила на них, участвовала в обысках. За это ее освободили от работ, она получала дополнительный паек и жила отдельно от всех. Ее судьба была трагичной — когда союзники освободили лагерь, ее убили сами узники.

Иногда им выдавалась незначительная сумма денег, на них очень мало что можно было купить. В центр города их конечно же не пускали, поэтому они гуляли на территории вблизи от лагеря. Тем более что рядом находились река и лес. Там же располагался немецкий поселок, куда узницы ходили наниматься на прополку огорода, уборку урожая. Платой за труд была еда — суп или бутерброды.

Я спросила прабабушку, была ли у нее возможность убежать во время таких прогулок. Она ответила, что бежать не было смысла. Они находились в чужой стране, немецким языком не владели, кругом немцы, даже в какую сторону бежать они не знали, местное население их не защитило бы и не спрятало.

Время прогулки было ограничено, часы отбытия и прибытия отмечали в журнале. Женский трудовой лагерь был отделен забором от мужского лагеря для военнопленных. Тот лагерь был интернациональным: помимо русских и поляков, там также находились французы, англичане. Узникам строго воспрещалось подходить к забору, а тем более общаться с военнопленными. За это самое малое, что могли сделать, — отругать, самое большое — избить. Бабушка вспоминает, что военнопленные находились в ужасном состоянии, и узницы, выезжая на работы, видели, как практически каждый день из лагеря выносили трупы.

Меня поразило, что «остовцам» разрешали переписываться с родственниками. Прабабушка рассказала, что она переписывалась с сестрой и братом. Однажды брат прислал ей посылку с сухарями, которую немцы осмотрели, изъяли и потом выдавали ей по 200 граммов сухарей один раз в неделю. Бабушка делила сухари на всех соседок по комнате. До сегодняшнего дня она вспоминает вкус хлеба, присланного ей из родной деревни.

В 1943 году из письма брата она узнала о смерти матери. Это событие так ее потрясло, что она потеряла сознание, а потом и речь, в результате чего фельдшер из лагеря отправил ее в городскую больницу, где она пришла в себя. Потом ей рассказали, что два месяца она лежала, не приходя в себя, на третий месяц начала чувствовать руки и ноги, потихоньку восстанавливалась речь. Удивительно для бабушки было то, что медперсонал больницы к ней, хотя она была русской и узницей трудового лагеря, очень хорошо относился. Они ее подкармливали, заботились о ней. Так же удивительно было то, что они извинялись перед ней за то, что их страна воюет с Россией, говорили, что их мужа на фронте, что многие погибли, что они не виноваты в этой войне.

После больницы с рекомендацией врачей, что ей необходима более легкая работа, прабабушка была направлена на рыбокомбинат и проработала там три месяца. Эта работа только называлась легкой, рабочий день был также 12 часов, труд не менее тяжелый, чем разбор завалов. Единственное преимущество — работала под крышей и имела возможность достать что-то съестное. Но так как рыба была соленая, много ее нельзя было съесть. Бабушка работала с немцами, и вспоминает, что отношение к ней было нормальное. Выносить ничего не разрешалось. Но бабушка не могла не помочь своим оголодавшим подругам, и несколько раз, сильно рискуя, пронесила небольшие рыбешки в складах юбки. Несколько раз приносила своим соседкам по комнате ведра рыбных отходов. В бараке эти «деликатесы» слегка обваривали и ели несоленые, полусырые. Отходы прабабушка приносила с сопроводительной запиской, в которой указывалось, что она их не украла, а забрала как отходы.

В конце 1944 — начале 1945 года началась усиленная бомбежка Любека. Иногда в день над городом пролетало около 700 самолетов. Узниц перестали вывозить за пределы города. Во время одной из бомбежек пострадал лагерь: в результате падения бомбы был разрушен польский барак и незначительно пострадал латышский. Прабабушка рассказывает, что она была разочарована тем, что снаряд попал не в ее барак. Узницы на то время были так измождены, что хотели умереть. Они уже не верили, что будут спасены и освобождены, не имели никакой информации о том, что происходило на фронте, и не знали, что территория СССР освобождена и наша армия уже воюет в Европе.

«СЕЕМ НА РЕШЕТО...»

В начале мая 1945 года лагерь был освобожден войсками союзников. Прабабушка вспоминает, что бетонную стену снесли бульдозером. Их все еще держали на территории лагеря, но они были предоставлены сами себе, на работу их больше не водили. Они могли общаться с узниками соседнего лагеря, союзники их только кормили и водили на допросы. Прабабушка вспоминает, что в это время союзники их очень вкусно и хорошо кормили: они начали получать мясо, консервы. Допросы союзников велись в очень корректной форме, и, скорее всего, это были даже не допросы, а расспросы: как попали в лагерь, на каких объектах работали, как с ними обращались. На мой вопрос, предлагали ли прабабушке переехать на место жительства в Америку, она ответила отрицательно.

В августе бывших узниц перевезли в расположение советских частей, в район аэродрома, где также велись допросы. Что спрашивали на допросах советские военные, прабабушка толком так и не рассказала. То ли оттого, что уже не помнит, то ли оттого, что не хочет вспоминать. Единственное, что она все время повторяет — очень боялись допросов русских, потому что они допрашивали в более грубой форме: унижали, запугивали, давили на них. Любимой поговоркой одного из следователей была: «Мы сеем на решето, а в Союзе вас будут сеять на сито». Некоторым из девушек предлагали службу в армии. Как видно из слов прабабушки, отношение было неуважительное и даже оскорбительное.

После нескольких месяцев допросов их погрузили в поезда и отправили по домам, выдав справки, что они были угнаны и находились на территории Германии.

Она вернулась домой, а там голод, разруха — отходя, немцы сожгли деревню. Оставшиеся местные жители жили в землянках. Встречала ее соседка, дальняя родственница. Обнимались, плакали, радовались, что выжили. Из рассказа родственницы прабабушка узнала о судьбе своей семьи: отец не вернулся с войны, мать умерла в 43-м от тифа, двухгодовалый братишка умер в скором времени после матери, другого брата в армию забрали, сестра ушла на батрачество в Латвию. Остальных детей в детдом отправили.

Недолго прожив в деревне, прабабушка, также как и ее сестра, уехала в Латвию. Там была возможность заработать на кусок хлеба. В родной деревне есть было нечего и жить было негде.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Три года она прожила в Латвии, где фактически батрачила за кусок хлеба, а в 1948 году вернулась в родную деревню и почти сразу же вышла замуж и сменила фамилию. Ее сосватала родная тетка за Иосифа Степановича Капралова, который стал в войну инвалидом по зрению, он ослеп. Прабабушке шел 25-й год. Она пережила тяжелую войну, а Иосиф был хорошим трудолюбивым парнем, в то время в деревне мужчин было мало, многие с войны не вернулись. Вначале прабабушка работала в колхозе, а через несколько лет семья переехала в город. В семье родились три дочери и один сын. Одна из дочерей, Валентина Иосифовна Петрова — моя бабушка. Но она умерла в 2004 году. Сегодня жива только одна дочь моей прабабушки — Нина Владимировна Клопова, которая проживает в деревне Тверской области, и сын Виктор Иосифович Капралов, проживающий в нашем городе. У моей прабабушки 9 внуков и 15 правнуков.

Вместе с моей мамой мы обратились в государственный архив города Великие Луки, чтобы найти документы, подтверждающие, что Антонина Павловна Родионова находилась в плену на территории Германии во время войны. 31 августа 2010 года мы получили ответ. В нем сообщается, что в просмотренных документах архивного фонда и в опросных листах граждан, которые возвратились на Родину из германской неволи по Новосокольническому району за 1946 год, Родионова Антонина Павловна не обнаружена. Так же сообщается, что документов периода гитлеровской оккупации Новосокольнического района (июль 1941 — февраль 1944) и похозяйственных книг деревень Новосокольнического района в архиве нет. Следовательно, архив не может нам выдать справку о насильственном вывозе (угоне) в немецкое рабство Антонины Павловны и о ее возвращении на Родину. Я считаю, что документы сгорели во время войны. В 1946 году, как нам сказали в архиве, проводилась перепись населения. В это время прабабушка находилась на территории Латвии — я думаю, именно поэтому и документов на нее в архиве не оказалось. У прабабушки имеется удостоверение, по которому она имеет право на льготы и преимущества для бывших несовершеннолетних узников фашистских лагерей. Удостоверение выдано

в 2002 году. Как прабабушка попала в списки малолетних узников — неизвестно. Об этом она ничего не могла рассказать. Моя поисковая работа продолжается. Мы с мамой будем подавать повторный запрос в архив, но на фамилию прабабушки по мужу.

Я благодарна судьбе, что моя прабабушка осталась жива, я горжусь, что, пережив ужас войны, пройдя через суровые испытания, она нашла в себе силы жить дальше, устроить личную жизнь, работать, растить детей, внуков, правнуков.

Во время написания этой работы моей прабабушке была вручена юбилейная медаль к 65-летию Великой Победы. Вместе с прабабушкой в кадетскую школу, где участникам войны и узникам вручали медали, пришли и мы с мамой. Прабабушке было очень приятно получить медаль. Мы тоже радовались за нее.

Моя прабабушка рассказала мне о том, что в Германии и Советском Союзе был создан Фонд взаимопонимания и примирения, который в конце прошлого — начале нынешнего века произвел (уже дважды) выплаты бывшим узникам нацизма, чей рабский труд использовался на территории Германии. Выплачивала немецкая сторона. То есть, Германия признала свою вину перед узниками лагерей. В 1992–1993 годах Антонина Павловна получила 800 немецких марок, а несколько лет назад — 750. Эти деньги выплачивались в несколько этапов.

Я очень рада, что моя прабабушка еще жива, что она может мне многое рассказать. И я благодарна за ее воспоминания, за то, что многое узнала о том страшном времени. Даже сегодня разговорить ее было очень трудно, она путалась в фактах, что-то уже забыла, о чем-то просто не хотела говорить. Но и то, что она рассказала, мне кажется очень важным. Ведь людей, которые пережили ту страшную войну, живых свидетелей того времени осталось очень мало. Я рада, что эти воспоминания войдут в архив нашей семейной истории.

С пальто, бидоном и тремя детьми через пол-Европы

Эрик Малык

г. Москва,

научные руководители Г.А. Малык, А.Г. Миронов

СЕМЬЯ

Я хочу рассказать об истории своей семьи о том, что узнал от бабушки и ее старшего брата Виктора.

Наш прадедущка Фома Васильевич Малык был украинцем, а прабабушка Эмма Яковлевна Малык (в девичестве Отт) — немкой. Но оба они родились на Украине в начале XX века, причем Фома происходил из бедной крестьянской семьи, жившей в селе Винницкой области, а Эмма — из зажиточной многодетной семьи немецкого колониста. Колония называлась Фридрихсфельд (в настоящее время село Раздол Запорожской области, на трассе Москва — Симферополь в 50 км от Запорожья).

В 1927 году наша прабабушка Эмма покинула колонию и вместе с доставшейся в наследство от ее бабушки швейной машинкой «Зингер» уехала в поисках новой жизни в строящийся новый город Запорожье. Он выросал вокруг небольшого городка Александровска и двух немецких колоний.

Уехала она вопреки желанию семьи. Я уважаю ее за твердый характер: она всегда знала, что ей нужно, и добивалась этого несмотря ни на что. В Запорожье Эмма устроилась на работу в каком-то детском заведении, но на жизнь уже тогда зарабатывала главным образом шитьем.

Прадедущка Фома Васильевич к тому времени тоже оказался в Запорожье, работал на стройках. Мне известно, что в Гражданской войне он участия не принимал, а попал под воинский призыв 1922–1923 годов и после демобилизации в свое село не вернулся. Он вступил в партию во время так называемого «ленинского набора» в 1924 году. Они познакомились и поженились с Эммой в конце 1920-х, а в 1931 году у них родился первенец, сын Виктор. В 1936-м они получили двухкомнатную квартиру на 6-м поселке.

Прадедущка в то время работал на алюминиевом заводе. В 1935 году «разразился гром» — его исключили из партии. Сталин проводил очередную «чистку» (так называлась проверка партбилетов), и партбилеты забрали примерно у каждого третьего. Прадедущку обвиняли в том, что он скрыл, что родственники жены были кулаками. В то время факт исключения из партии очень часто служил причиной для ареста и репрессий, но в случае с моим прадедущкой он сыграл, возможно, спасительную роль. Став беспартийным, он автоматически оказывался низовым техническим работником, а их трогали меньше. Многих из его партийных сотрудников и друзей арестовали.

В 1937 году на свет появилась наша бабушка Эрна, а следом за ней, через два года, еще одна дочка — Долорес. В то время было модным давать имена в честь испанских коммунистов, и таким образом к украинской фамилии добавилось испанское имя. Мы ее до сих пор зовем тетей Лорой.

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Жизнь перед войной постепенно налаживалась. Появилось больше товаров, и были отменены продуктовые карточки. Именно тогда в семье появился первый радиоприемник. Потом, когда началась Великая Отечественная война, эти приемники у всех были реквизированы.

Но перед самой войной продукты снова стали пропадать. Сейчас мне очень трудно себе представить, как можно было жить почти без хлеба. Наш дядя Витя десятилетним мальчиком занимал за хлебом очередь, ходил на переключку и добывал его с огромным трудом для всей семьи. А потом, в войну, стало еще хуже — хлеб начали давать по карточкам.

Я знаю, что отдельных квартир тогда почти ни у кого не было, и двухкомнатная квартира Малыков в центре нового города была, конечно, большой редкостью в то время. Но и она стала мала для семьи с тремя детьми, поэтому родители начали возводить новый дом на дачном участке в 15 соток в пригороде Запорожья. Строили всей семьей и с помощью друзей весной, перед самым началом войны.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, и наша прабабушка смогла достроить этот дом только после победы. Там сейчас живет бабушкина сестра тетя Лора, и мы, внуки, у нее несколько раз были летом. У тети Лоры еще с тех пор сохранился большой фруктовый сад.

ВОЙНА

В начале войны у народа был настрой на быструю победу. Но получилось совсем не так. На Запорожье начали падать бомбы, везде принялись копать «щели» — так назывались окопы-убежища на случай бомбежки. Прадедушка был сразу мобилизован, но не в армию, а в аварийно-восстановительный батальон, где занимался демонтажем заводского оборудования алюминиевого завода для эвакуации. Эвакуировали заводы на Урал, сразу монтировали и уже под открытым небом осенью начали работать.

Фронт приближался очень быстро. В июле началась срочная эвакуация семей, то есть женщин, детей и стариков.

13 августа на вокзале людей начали грузить в вагоны-теплушки. Наша семья Малыков — мама Эмма и трое ее детей — успела занять угол в вагоне. Людей в вагоне было много, примерно 50–60 человек. Большинство, конечно, дети. Передвигались очень медленно, так как предпочтение отдавалось военным составам. По ночам бомбили. Всего ехали пять дней. Малышки пережили страшное — их мама

Эмма отстала от поезда в районе Ростова. На остановке она вышла набрать воды, а эшелон тронулся и ушел. У нее с собой не было никаких документов. Полтора дня ее дети десяти, четырех и двух лет были одни. Правда, соседи по вагону их поддерживали. Как она умудрилась догнать своих детей и найти — это чудо!

НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Эшелон эвакуированных семей выгрузили в городе Невинномысске, на Северном Кавказе. Начали распределять кого куда. Из всех прибывших одна Эмма, наверное, устроилась в селе в 10 км от Невинномысска. Остальные остались в городе и потом бедствовали. А на селе энергичная Эмма сразу принялась шить, поскольку она все время возила с собой свое главное орудие производства — швейную машинку «Зингер». Эта машинка и кормила всю семью.

Дядя Витя рассказывал, что местность была холмистая, красивая, в полях множество цветов. Весной было полно земляники. Вдали был виден Эльбрус и весь Кавказский хребет. Жили в селе кубанские казаки.

Поскольку Эмма занялась шитьем и огородом, семья ее не бедствовала. Это была очень энергичная и умелая женщина, которая и спасала, и содержала, и растила одна троих детей. Муж Фома прислал ей свой командирский аттестат — это был основной документ, по которому семья могла получать какие-то деньги. В начале 1942 года он на пару дней приезжал к жене и детям. Потом оказалось, что они виделись в последний раз. В семье сохранилась его единственная фотокарточка в военной форме.

ОККУПАЦИЯ

Там, где Мальки жили, военных действий в тот момент не было. Приходили редкие газеты про боевые подвиги красноармейцев на фронтах. Но в августе 1942 года немцы захватили весь Северный Кавказ.

В селе, где жила семья Мальков, сначала ничего не было известно. А затем появились первые немцы на грузовой машине. Все попрятались, только мальчишки, а в их числе и наш дядя Витя, ничего не боялись и остались на улице. Вышло несколько солдат, они что-то говорили, жестикулировали. Потом кто-то вспомнил об Эмме, которая говорила по-немецки, и послали за ней. Она узнала, что им нужен кто-то из сельских старшин. Потом они затребовали продуктов. Жители нанесли им яиц, кур и прочих продуктов, которые они увезли с собой.

Потом из-за этого члены нашей семьи на многие годы стали именоваться «находившимися в оккупации», что считалось свидетельством неблагонадежности в СССР. Прабабушку с ее немецким языком начали использовать как переводчицу.

Через полтора месяца за Эммой приехали немцы, принудительно вывезли ее вместе с детьми в Армавир и поселили в какой-то квартире. Прабабушка работала

в конторе по сельхоззаготовкам и, хотя она не скрывала, что муж ее в Красной армии, ее не трогали. Видимо, она была очень нужна как переводчица.

Это была осень 1942 года. И вот в этот момент в семье Малыков появился алюминиевый бидон с крышкой, литров примерно на 40–50. Об этом бидоне нам много рассказывали. Прабабушка стала на всякий случай заготавливать в нем жареное и вареное мясо и заливать жиром. Ведь впереди могло быть все, что угодно.

Наш дядя Виктор отлично запомнил, что на площади Армавира все время висели повешенные. Это было ужасно. А еще они тогда узнали о расправах над евреями.

В ноябре 1942 года, после окружения группировки Паулюса под Сталинградом, немцы стали быстро выводить свои войска с Кавказа через Ростов, чтобы не оказаться в ловушке. В этой битве с немцами принимал непосредственное участие наш прадед в составе 4-го механизированного корпуса, который воевал и под Сталинградом и в боях на Дону. Бои были очень тяжелые, потери огромные, и позднее, в 1965 году на встрече однополчан-фронтовиков, комбат нашего прадедушки рассказывал уже взрослому дяде Вите, что такого толкового и ответственного командира как прадедушка у него больше не было.

Фома Малык командовал саперами. Работали под огнем. Саперам приходилось минировать, разминировать, наводить дороги, мосты и переправы через реки. Особенно много жертв среди саперов было на переправах — ведь это самое уязвимое место, его все время бомбят и его надо восстанавливать под огнем.

Комбат, который рассказывал Виктору об отце, был очевидцем гибели нашего прадедушки. Это случилось через полчаса после того, как он узнал, что представление Фомы к званию Героя Советского Союза уже утверждено. К званию Героя он был представлен не посмертно, а задолго до гибели, приблизительно за месяц — не за конкретный подвиг, а за образцовое выполнение опасных заданий.

Погиб наш прадед случайно: был обстрел, и он перебежал из одного окопа в другой. Осколок от разорвавшегося рядом снаряда попал ему в голову, умер он сразу же. Все это было на глазах комбата, и он еще помнит, как эта смерть потрясла его. Похоронили его на берегу Днепра.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА УКРАИНУ

До конца 1942 года наша прабабушка Эмма с детьми была еще в Армавире, потом немцы стали уходить с Северного Кавказа. Прабабушке тоже велели уезжать вместе с той организацией, где она числилась. Избежать этого было невозможно, да и после прихода Советской армии можно было попасть «за сотрудничество», а тогда оправдаться было бы невозможно. Разместили немцы всю семью в кузове большой крытой автомобильной фуры со всеми вещами, был там и легендарный семейный бидон.

Это было в середине января 1943 года, и день рождения старшего сына Виктора отмечали прямо в кузове машины. Водитель машины угостил его шоколадкой. На протяжении всего пути их сопровождал какой-то гул, и ночью горизонт был красный. Это в каких-то 50–80 км от дороги проходил фронт. И там в то время воевал их отец.

Колонну бомбили, поэтому в основном двигались ночью. Пока добрались до Запорожья, было несколько пересадок, и вот, наконец, они оказались на своем собственном участке. Но их дом еще не был построен, и семью приютили соседи. Они их устроили в своем сарае.

Прабабушка, конечно, опять шила, что-то зарабатывала. Тогда были в ходу и советские деньги, и оккупационные рубли. Но самым распространенным был натуральный обмен — вещь на вещь или на продукты.

Прабабушка находилась на учете у немцев, и за ней постоянно приезжали и увозили на какую-то работу переводчиком. Она уже понимала, чем это ей грозит, когда придет Красная армия, и начала искать убежище. Съездила в свою немецкую колонию Фридрихсфельд, там кого-то нашла из родственников и решила перебраться туда.

В КОЛОНИИ

Фронт отошел, и Мальки устроились в селе Фридрихсфельд. Поселились в старинном доме семейства Отт. Сразу начали заниматься огородом, а он был довольно большим. Вспахали поле, старший сын Виктор впервые вел лошадь. Завели кур.

Дядя Витя нам рассказывал, что под германской оккупацией были сохранены колхозы. Немцы сразу поняли, что такая форма хозяйствования на селе является идеальной для того, чтобы можно было отбирать у крестьян максимум продуктов.

Нашлись родственники Оттов, двоюродные сестры и брат. Их колхоз остался, и хотя никаких принудительных работ или трудодней не было, но появилось другое занятие. Немцы заставили колхозников выращивать червей-шелкопрядов, потому что шелк нужен был для парашютов. Пришли и к Малькам и во всех помещениях установили четырехэтажные стеллажи. Посеяли личинки и пригрозили наказать за несохранность этих личинок. Кормить их надо было листьями шелковиц. На окраине села были огромные заросли тутовника, поэтому шелкопрядами занимались еще до революции и в колхозе.

Дали небольшую тележку, и дети три раза в день привозили червям кучи веток, они очень быстро объедали листья и кору. Объеденные ветки нужно было убирать и закладывать новые, и так почти два месяца. Росли черви довольно быстро, потом начали превращаться в красивые разноцветные коконы. Потом их забирали.

Жизнь в селе была довольно сытная, хлеб для семьи наша прабабушка пекла сама. Своей коровы не было, но молоко продавали соседи. И, конечно, снова начала заполняться запасами семейная реликвия Мальков — бидон. Все лето до августа 1943 года было тихо и не слышно войны.

БЕГСТВО

Но потом фронт приблизился, и немецкую колонию стали готовить к эвакуации в конце августа 1943-го. Все было очень организованно, для семьи подогнали подводу с двумя лошадьми и каким-то мужиком-возницей. Малыки погрузили все свои вещи и бидон, конечно. Из села выехал огромный обоз, двигались по направлению к Запорожью, но проселочными дорогами, опасаясь бомбежки.

В первый день отъехали недалеко, заночевали в каком-то селении. И там прабабушка Эмма договорилась с хозяином — он откуда-то привел арбу с волами, все пересели на арбу и тихонько двинулись в обратный путь. Волы двигались очень медленно, их вел Виктор. Прабабушка очень боялась преследования, но его не было.

Гул фронта доносился очень явственно, обратно до колонии ехали весь день. Она была совершенно пустая.

Мимо села и через село двигалось много отступающих немцев и их союзников, в том числе и примкнувших к ним наших граждан-добровольцев. И вот как-то в дом заходят двое с оружием и сразу к Эмме: «Давай хлеба и самогонки!» Она отвечает: «Самогонки нет», а хлеба берет буханку, отрезает половину, дает им. Они сразу закричали: «А вторую половину кому? Советских ждешь? Жидовка? К стенке!»

Все дети сразу подняли крик, его было слышно на улице, а там проходили немцы. Услышали, зашли вместе с офицером, прабабушка сразу к ним за помощью. Офицер вмешался и прогнал этих грабителей. Но немцы сразу начали выяснять, почему Малыки остались, ведь все их соседи из села организованно уехали. Как-то оправдались, но тут же была дана команда, чтобы завтра утром все уехали. Прабабушка сразу попросила какую-то охрану на ночь — и правильно сделала, потому что когда стемнело, грабители вернулись, но их отогнали.

Утром подъехала подвода с двумя лошадьми и двумя солдатами, семью погрузили со всеми вещами и отвезли на станцию за 10 км от колонии, а оттуда уже на открытой платформе повезли в город Запорожье. Через пару часов выгрузились на Южном вокзале и расположились на привокзальной площади, прямо на земле. Таких, как они, было много, стояла какая-то охрана. Там пришлось сидеть два дня, это было страшно, так как все время бомбили, особенно ночью.

Вокзал был забит битком самыми разными военными, даже наш юный Виктор уже отличал и мадьяр, и румын. Появилось много раненых.

Мама Эмма, конечно, все время искала, куда деться, но взрослых от вокзала уже не отпускали. Витя был ее разведчиком. И уже на другой день она послала сына на правый берег с запиской к знакомым договориться о какой-то помощи. Трамваи не ходили, но Виктор ездил по городу на грузовых машинах. Прицелился сзади и ехал, куда ему надо. Добрался до 6-го поселка и заглянул в свой дом 62, где до войны жила семья Малыков. Дом был разорен и разграблен. Виктор поднялся на второй этаж, зашел в их довоенную квартиру и на полу нашел свой учебный билет. И тут он заплакал — наверно, ему было очень тяжело. Знакомые пообещали помочь, но избежать отъезда Малыкам не удалось, и в начале сентября 1943 года их эшелон тронулся в путь. А в это время советские войска уже гнали немцев по Украине.

ПРОЩАЙ, РОССИЯ

Снова вагон-теплушка, битком набитый семьями с детьми. Ехали долго, медленно, с длинными остановками на перегонах, иногда стояли просто в поле. Впереди партизаны взорвали эшелон, потом взорвали мост. Бомбежки были тоже.

Приехали в Польшу, разгрузились в каком-то лагере. Не в помещениях, а на открытой площади, кучками. Была еще хорошая погода, без дождей. Но из лагеря не выйдешь. Кормили какой-то баландой и брюквой. На всю жизнь детям запомнился этот отвратительный вкус брюквы. Но у семьи были запасы и в первую очередь спаситель-бидон!

В этом лагере Малыки пробыли более месяца. Здесь всех сортировали и назначали кого куда. Критерии отбора были расовые: чистые, то есть 100-процентные немцы — это первый сорт, а смешанные полукровки вроде Малыков — это второй сорт, фольксдойче. Проводились и медицинские обследования, но основным считалась чистота расы. От этого зависело дальнейшее распределение. Арийцы, первый сорт, направлялись в Восточную Германию, второй сорт — фольксдойче — в западные районы Германии.

В ГЕРМАНИИ

Наш дядя Виктор подробно рассказывал о пребывании Малыков в Германии. Сейчас я старше него тогдашнего на целых четыре года и просто не представляю себе, как можно было пережить все то, что пережил он. И восхищаюсь его находчивостью, бесстрашием и энергией.

В октябре 1943 года их перевезли в провинцию Вюртемберг. Это юго-западная часть Германии. Местность горная, лесная, очень красивая. На нагорном плоскогорье — огромный бывший монастырь. Три или четыре больших многоэтажных здания, старинных, типа замков. В зданиях небольшие помещения, как кельи. Им досталась одна такая келья.

Все снабжение и управление — централизованное. Контингент — многонациональный. В их корпусе одни русские, в другом поляки, далее словаки. Пацаны,

конечно, враждовали и дрались по национальностям. У Виктора появился друг — Витька Кеппен. У него отец был немец, а мать — русская.

Режим в лагере был довольно свободным — детям разрешалось выходить. В лагере они пробыли несколько зимних месяцев, и оба Виктора приспособились ходить по окрестным хуторам и побираться. Им давали яблоки, орехи и что-то еще съестное. За полдня похода набиралась полная сумка. Это здорово поддерживало всю семью, так как кормили их, в основном, брюквой.

Прабабушка организовала очень интенсивные занятия по немецкому языку с Виктором и шестилетней Эрной, каждый день читала и занималась письмом. В этом лагере семья пробыла всю зиму 1943/44 года.

Взрослых из лагеря не выпускали, возили на какие-то работы. Прабабушку тоже иногда куда-то увозили, но реже, у нее была льгота из-за детей. Общая дисциплина и порядок были железные.

А вокруг уже велась сильная бомбежка. Сигналы воздушной тревоги подавались, но все к ним привыкли и часто просто не обращали на них внимания. Защиту от бомбардировок внутри Германии организовывали зенитной обороной, которая была очень эффективной даже ночью.

Однажды прямо на глазах Виктора был подбит огромный четырехмоторный бомбардировщик, он задымился и сразу упал совсем близко в лесу. Взрыва не было, ребята бросились к нему и были там первыми. Самолет упал носом, а хвостовая часть торчала вверх. И тут один живой американец стал вытаскивать своих погибших товарищей. Ребята спрятались за деревьями, он их увидел, но не обратил никакого внимания. Сразу прибежали полицейские и забрали его.

Вскоре семью Малыков вновь переместили — в провинцию Баден, на юго-западе Германии.

В ПРОВИНЦИИ БАДЕН

Прабабушку с детьми привезли в город Леррах. За ними приехала какая-то дама из местного дома престарелых, куда Эмму назначили на работу. За Виктором приехал бауэр (крестьянин), к которому он был приписан батраком.

Бауэр, примерно 30–35 лет, был даже довольно симпатичный. Увез Виктора от мамы на свой хутор, примерно в 20 км от Лерраха. У него было большое хозяйство, дом, жена, ребенок и еще один работник, военнопленный поляк Казимир. Казимир хорошо относился к Вите, опекал его. Жили в одной комнате.

Хозяин был нервный, иногда сильно ругался, потому что воевал, был ранен в России. В хозяйстве у него были коровы, свиньи, птица, несколько лошадей и много всякого инвентаря. Не было никакого трактора, все работали вручную и использовали лошадей.

Виктора приставили убирать за животными. Все надо было выполнять очень тщательно, каждая капелька навоза шла на удобрения, и оно сразу вывозилось на поле. Эту работу он делал вместе с Казимиром. Иногда, когда хозяйка была занята, Виктора заставляли следить за ребенком в коляске. Его за все время никуда не отпускали, иногда по воскресеньям его приезжала провести мама Эмма. Сперва она плакала, а потом привыкла.

Виктор не помнил, чтобы хозяева на него жаловались. Языковое общение уже не было проблемой. Питались все вместе, просто, но не скудно. Дядю Витю поразило в военной Германии то, что все, произведенное немцами: молоко, мясо — сдавалось государству целиком, без утаиваний. Все, в том числе и крестьяне, производители продовольствия, жили по продовольственным карточкам. На работников хозяева тоже получали такие же карточки.

Однажды хозяин побил Виктора, но это было только раз. Ему разрешалось пользоваться мужским велосипедом, а женский велосипед хозяйки трогать было нельзя. И однажды, когда хозяева после обеда ушли в церковь, он взял дамский велосипед и на нем упал. Как-то это выявилось, и хозяин отвесил ему две пощечины. Это все, что Виктору запомнилось от пребывания у бауэра.

Наступила весна 1944 года.

ШКОЛА В ГЕРМАНИИ

Наша прабабушка работала посудомойкой в доме престарелых, расположенном на вершине горы в поселке Обертюллинген. Ей с детьми выделили крохотную комнатенку, в которой они еле помещались втроем. Получили, как и положено, продовольственные карточки, тут же сдали их в дом престарелых и питались из общего котла стариков, не очень сытно, но не голодали.

Благотворительная организация устроила шестилетнюю Эрну Малык в школу, в первый класс, причем посреди учебного года. Через пару месяцев смотрят, а она лучше всех в классе. Вундеркинд! Узнали, что у прабабушки есть еще сын, который работает у бауэра. Приехали к нему и после долгой беседы с «хозяином» вернули мальчика к матери. Теперь все четверо жили вместе в доме престарелых. В их комнатенке было очень тесно, спал Виктор на полу и сильно заболел воспалением легких с гнойным плевритом. Забрали его в больницу в Леррах, лечили, откачивали жидкость из легких.

И летом, благодаря хлопотам этой благотворительной организации, им выделили квартиру. У прабабушки с детьми были две маленькие комнатки. И тут еще одно чудо: организация подарила им маленькую электропечь — две конфорки и духовка. Это был такой дефицит, которого ни у кого не было.

А Виктору повезло еще больше. На третьем этаже особняка, где их поселили, была комната, полная рыцарского снаряжения, там было несколько комплектов

рыцарских доспехов — шлемы, латы, щиты, мечи, старинные ружья и всякое другое. Это богатство там находилось несколько сот лет — наследие от предков. Витя забирался туда, облачался в доспехи, и это было здорово!

Комнаты во всем доме не запирались — так у немцев было везде, и Виктор там хозяйничал, сколько хотел. Прабабушка работала в том же доме престарелых.

Сестры Виктора проводили время самостоятельно на улице, и уже болтали по-немецки, играя вместе с немецкими детьми. Наша бабушка Эрна помнит, как местные дети их часто дразнили «русскими свиньями», это ей врезалось в память на всю жизнь.

Занятия в школе Виктора не обременяли, в день было по четыре урока. Учитель своих учеников бил. Бил тяжелой линейкой по ладоням и больно, они плакали, но Вите за весь год не досталось ни разу!

Зимой катались на управляемых санках с гор. В январе 1945 года Виктор шел с пустыми санками по дороге и встретил двух пленных, которые разговаривали по-русски. Они тащили вдвоем довольно тяжелый бидон с едой для пленных. Витя им предложил санки, они обрадовались, а их конвойный немец не возражал. И по дороге они рассказали Вите, что их сюда перевели недавно из какого-то внутреннего лагеря. Эта встреча имела последствия.

ВЕСНА 1945-ГО

Весной 1945 года, после того как Виктору исполнилось 14 лет, он, как и все подростки такого возраста, стал ходить в местную лютеранскую школу при церкви готовиться к конфирмации. Конфирмация состоялась в апреле в местном соборе в очень торжественной обстановке, с органной музыкой. Мама Эмма присутствовала на ней и была очень растрогана. При этом давали какой-то документ, а в церкви, конечно, сохранились об этом записи.

Семья теперь жила в Шварцвальде, в горной местности, покрытой ухоженными буковыми лесами. Вокруг были рощи с реками и озерами. Живописное место, которое и сейчас считается курортным.

Учитель их школы предложил Малыкам пользоваться маленьким пришкольным участком в одну сотку. Там росли кусты со всякими ягодами, а они еще посадили редиску.

Виктор с ребятами много времени проводил на окрестных холмах и в лесах. Уже знали всю округу на много километров. Видели, как поймали и застрелили дегертира, который хотел перебежать через швейцарскую границу. Прабабушка работала в доме престарелых до освобождения, ведь его постояльцы никуда не девались.

Эмма Карловна и Яков Андреевич Отт, родители Эммы Малык

Фома Малык, муж Эммы

Эмма Малык (в девичестве Отт)

Эрна, дочь Эммы Малык, моя бабушка

Долорес, младшая дочь Эммы Малык

Виктор, сын Эммы Малык

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Оно случилось точно 1 мая. Все было очень просто и даже буднично. Приехали на велосипедах солдаты в необычной форме, в беретах. Это были французы. Жители все попрятались, а ребята, наоборот, помчались смотреть. На стенах домов появилось воззвание, написанное де Голлем.

Виктор сдружился с двумя такими же искателями приключений, как он сам. Они бродили по окрестностям, где только что были бои, и подбирали брошенное оружие. Вскоре у них накопился целый арсенал. Один револьвер с шестью патронами в барабане он нашел еще раньше сам и хранил его дома. А всего они собрали три винтовки, один пистолет «вальтер» и один огромный автомат «шмайсер». Боеприпасов было к ним очень много, в одном из бункеров в углу они нашли патроны — на метр высотой! И мальчишки периодически выходили в лес и устраивали там стрельбища. Стреляли в цель — у Виктора получалось лучше всех, и он был доволен. Ребята кровью поклялись не выдавать свой арсенал никому.

Везде сразу были вывешены приказы оккупационных властей — сдавать все виды оружия, вплоть до холодного. Дисциплинированные немцы понесли оружие. Виктор помогал старику Мейеру нести на сдачу старинные ружья и шпаги. Ему было очень жалко видеть, как все это историческое богатство сбрасывалось в кучу.

В мае Эмма на работу уже не ходила и пыталась понять, куда ей двигаться дальше. Вскоре Виктор пошел на разведку в сборный лагерь военнопленных, куда собирались все бывшие пленные и угнанные в Германию. Там было много русских, неплохое питание и перспектива отправления на родину. Именно там Виктор встретил своего знакомого русского военнопленного, которому помогал с санками, и рассказал ему об арсенале найденного оружия. Руководство лагеря послало машину с офицерами, которые вывезли весь арсенал.

Прабабушку приехавшие офицеры уговаривали ехать в лагерь, откуда всех очень скоро отправят на Родину. Она колебалась, потому что ходили рассказы о репрессиях в СССР по отношению к возвратившимся из Германии.

Это был очень тяжелый момент ее жизни. Но решающей была надежда, что семья вернется к отцу. Тем более что у Виктора всегда был один ответ — ехать к папе! И они решили возвращаться. Позднее, в 70-е годы, наша прабабушка вспоминала, что ей предлагали на выбор: или остаться жить в Германии, или в Швейцарии, или во Франции, но она отказалась, хотя у нее было предчувствие, что своего мужа она больше никогда не увидит.

В начале июля 1945 года за Малыками прислали машину, и они переехали в лагерь под Фрейбургом.

Кормили здесь хорошо, снабжение шло от союзников. На обед дополнительно давали кружку пива или легкого вина. Было много сладостей, конфет, мармелада

и яблочного варенья. И прабабушка начала заполнять бидон сладким. Получилось так, что к их отъезду бидон был полным.

И вот в августе обитателей лагеря посадили в поезд, и Малыки поехали домой, в Советский Союз.

У СВОИХ

Их сразу встретили советские солдаты с автоматами, начались проверки. Выгрузились в каком-то лагере, расположились прямо на земле среди своих вещей. А вещей у них набралось очень много. Дело в том, что все в Германии приоделись, у каждого было по несколько комплектов одежды и обуви, и прабабушка даже заготавливала их впрок и на вырост. И потом на несколько лет они были обеспечены хорошей одеждой.

Кормили в лагере очень плохо, баланда, немного каши и хлеба. Их держали там несколько дней, а потом довели в грузовиках до Харькова и предписали самостоятельно поездом добираться до Запорожья. Ночью в вагоне украли багаж Виктора, а в нем была все его одежда и главная мамина драгоценность — швейная машинка.

Приехали в Запорожье, выгрузились на Южном вокзале, устроились прямо на площади — уже в третий раз за эти годы. И прожили там три дня, а прабабушка все три дня бегала по городским рынкам, искала свою машинку — и нашла ее! Продавала какая-то женщина, и Эмма отобрала у нее свое сокровище. Дети смотрели, как мама шла счастливая и несла свою машинку!

ЗИМА 1945/46 ГОДА

Во время своих походов по рынкам прабабушка где-то встретила довоенную знакомую, и та на первое времяпустила их всех в свой дом. Наша бабушка Эрна и Виктор с огромной благодарностью вспоминают эту добрую семью.

Виктор пошел в школу в 5-й класс. Читал книги и газеты, во всех подробностях следил за ходом Нюрнбергского процесса. Прабабушка Эмма сперва крутилась, как могла: шила на дому, а на работе занималась кройкой спецодежды из рулонов разноцветного пластика. Из мелких лоскутков-отходов она мастерила дождевые плащи, а Виктор ходил и продавал их на рынке. Они шли нарасхват. Весной Малыки перебрались в сарай во дворе школы. Там были две жилые комнаты с коридором, а за ними — хлев, где кто-то из заводского начальства выкармливал свиней свеклой и каким-то комбикормом.

Матери большей частью дома не было, и дети перебивались сами. В это время их обворовали — украли кожаное пальто отца, которое привезла ему мама из Москвы еще до войны, а потом возила его как ценность в Германию и обратно. Украли и все документы. И пришлось через специальную комиссию восстанавливать свое происхождение, возраст и прочее.

В это время мама Эмма и дети узнали о гибели отца и о том, что он был Героем Советского Союза.

ДЕТИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Целый год до этого момента прабабушка совершенно безуспешно писала во все инстанции, чтобы узнать что-нибудь о своем муже. Слава богу, что их, немцев, да еще побывавших в Германии, не выслали и не посадили. Возможно потому, что в списках райвоенкомата числился Герой Советского Союза Фома Малык.

С того момента, как Эмма узнала об этом, их жизнь изменилась. Детям установили пенсию за отца и выплатили недополученные за год деньги.

ПОСТРОЙКА ДОМА

После возвращения в Запорожье прабабушка начала хлопотать о возвращении их довоенного участка с начатым строительством. Выяснилось, что участок давно во владении знакомого ее мужа, которому посчастливилось уцелеть на войне. Даже суд не помог его вернуть Малыкам. А вот после того, как семья стала называться семьей Героя Советского Союза, все устроилось мгновенно, и участок им вернули. Зимой они начали готовиться к стройке, а летом, когда пошли овощи и фрукты, стали строить.

В августе, с помощью знакомых, семья начала возводить стены. На верхних этажах наша прабабушка применила конструкцию, которую она видела в Германии, и построила мансарду. Бабушка Эрна нам говорила, что дом долго выделялся в поселке, как невиданное чудо.

Какие же трудности взвалила на себя эта необыкновенная женщина, наша прабабушка! И представляю себе ее помощников: полуголодный подросток и две маленькие девочки.

В итоге стены дома успели достроить к осени и перебрались в новое жилище. Потихоньку настелили полы, построили печку. Бедный дядя Витя почти полгода не ходил в школу, но все наверстал потом.

В 1949 году Виктору исполнилось 18 лет, и пенсию за отца сразу перестали платить. Он был еще в 8-м классе, но перешел в вечернюю школу и начал работать на заводе. Через некоторое время он уже зарабатывал примерно 200 рублей, довольно большие деньги для семьи. Но работа была ужасная — горячая, с ядовитыми выделениями соединений фтора, по 6 часов без перерыва. Правда, давали по пол-литра специального молока. Так вот, он скупал по дешевке талоны у тех, кто не пил молока, и приносил его домой. С утра к 7 часам его отвозила машина, а днем к 14 часам — он уже был дома. Немножко спал и вечером шел в школу.

В конце своего рассказа я хочу привести слова нашего дяди Вити, на плечи которого выпали невероятные трудности войны и ее последствий.

«Я считаю всех моих родственников, которые пережили войну, не только свидетелями и жертвами войны, но и ее участниками. Да, они не стреляли, не строили танки. Но они оказались жертвами войны, потому что многократно подвергались опасности в своем самом беспомощном состоянии — в детстве. То, что мы выжили, — это скорее удачная случайность, и во многом это благодаря нашей матери».

Я уже писал, что считаю нашу прабабушку героиней. И хочу добавить, что точно так же мы, внуки, должны быть благодарны и самому Виктору, который был ее помощником и опорой, а также нашей бабушке Эрне и тете Лоре, которые тоже выдержали все трудности и, как могли, помогали своей маме и друг другу.

Надеюсь, что и нам передались гены их стойкости и самоотверженности, но хочется еще надеяться на то, что нашему поколению не придется переживать ужасы войны.

Цветущий сад

Лариса Мартиросян

г. Красноярск,

научный руководитель И.В. Купрякова

Свой покинул сад я в родной стране,

Чуть вздохну, душа вся горит в огне.

Армянская народная поэзия

Идея написать работу о жизни моего прадеда родилась у меня в 2010 году, когда праздновалось 65-летие Победы. Я знала, что он участвовал в той страшной войне, но знаний у меня было очень мало. Чем больше я узнавала, тем больше его история меня захватывала. Я решила поделиться ею с другими людьми. Так родилась работа о судьбе моего прадеда Гриши Галстяна.

Я открываю старую железную калитку и по узкой тропинке между цветущих деревьев иду к дому, который стоит в глубине сада. Я родилась и выросла в Сибири, поэтому дух захватывает от цветущих деревьев: яблонь, абрикосов, слив. В нашей суровой природе никогда не увидишь такой красоты. А сад благоухает так, что кружится голова. Мне 13 лет, и я приехала в гости к бабушке Гоар, которая живет в бывшей древней столице Армении, в городе Арташате. В древний Арташат меня привезли в первый раз, когда мне было полтора года. Родители торопились, потому что увидеть правнучку очень хотел дед моей мамы. Он сильно болел, и его желание было для мамы законом. Прадед успел увидеть меня, а вот я его совсем не помню. Зато сегодня мы с бабушкой Гоар приехали в гости, в село, где всю жизнь прожил человек, история которого так захватила меня.

Старый дом, окруженный садом, построен почти 100 лет назад. Я поднимаюсь по скрипучей лестнице на второй этаж, открываю дверь, и с противоположной стены на меня смотрит с портрета мой прадед Гриша Галстян.

ДЕТСТВО

Он родился 10 апреля 1914 года в селе Айгестан в семье крестьян. Скучная почва их участка земли была пригодна лишь для того, чтобы выращивать виноград и фруктовые деревья. Сегодня виноградная лоза, растущая у дома, дотянулась до второго этажа. А деревья, которые посадил прапрадедущка Хачатур, были еще тонкими саженцами, никто и не думал, что из них получится когда-нибудь пышный сад.

Маленький Гриша рано лишился матери — в два года. Оставшись с младенцем на руках, отец вскоре женился снова, так у Гриши появились еще два брата. Семья не отличалась достатком, но отец твердо был уверен: дети должны учиться. Поэтому братья посещали сельскую школу.

Учиться Гриша любил. Особенно ему нравились математика и немецкий язык. В свободное время, как все сельские мальчишки, помогал отцу и с удовольствием возился в саду. О своем детстве прадед вспоминал редко, но всегда с доброй улыбкой. Отец был уверен, что Гриша будет продолжать работать на земле, как и его предки, но учитель часто говорил: «У парня светлая голова, ему нужно в город, учиться дальше».

ЮНОСТЬ

Учитель не ошибся. После окончания школы Грише сделали неожиданное предложение. Время было трудное, остро не хватало специалистов. Учить детей в отдаленных сельских районах часто было некому. Вот и предложили отличнику Грише стать учителем в глухой, отрезанной от всех деревне, которую переименовали в Свердлов. Юноше было страшно, но он очень гордился оказанным ему доверием. Раздумывал он недолго, и уже вскоре входил в школьный класс. Постепенно молодой учитель завоевал любовь своих учеников и уважение их родителей.

Но никто не знал, что парня привлекает совсем другая профессия. С детства он любил возиться с животными, которые всегда жили в отцовском дворе, как у каждого крестьянина. Особую боль испытывал мальчишка, если кто-то из домашних питомцев начинал болеть. Он даже пытался их лечить.

Два года учительской работы пролетели незаметно, но мечта о медицине не покидала его. Работая учителем в деревне, Гриша подал документы в Ереванский медицинский институт на ветеринарное отделение. Как не жаль было покидать учеников, к которым успел привыкнуть, летом 1930 года он переезжает в Ереван. Четыре месяца учится на ветеринара, но, обдумав еще раз все, как следует, решает, что лечить людей дело более нужное. Ему ставят условия: чтобы перейти на лечебный факультет, он должен сдать три дополнительных экзамена за 10 дней. Желание стать врачом было так велико, что Грише не понадобилось 10 дней: три экзамена он сдал за три дня, причем на «отлично». И стал студентом медицинского института.

К сожалению, материальное положение его семьи было очень трудным, необходимо было помогать отцу и младшим братьям, и после двухлетнего обучения Гриша оставляет учебу. Он возвращается к тому делу, которое уже освоил хорошо. В 1937 году он снова уезжает учительствовать в глухое селение Мармарашен.

Он преподавал математику и физику. Молодого учителя сразу полюбили. Он был энергичным, веселым, большим выдумщиком: то организует праздник, то отправится со своими учениками на экскурсию, то красочно оформит школу. Талантов у Гриши было множество: хорошо рисовал, писал стихи. Эта счастливая жизнь продолжалась до 1941 года. Здесь, в Мармарашене, и застала его война.

ВОЙНА

Я очень люблю дом моего прадеда. Солнце смотрит здесь сразу во все окна. С балкона второго этажа виден весь бело-розовый цветущий сад. Иногда я приезжаю сюда в конце лета. Нигде не пробовала я таких сладких слив и ароматных абрикосов. А когда я возвращаюсь домой в большой сибирский город Красноярск, мне труднее всего объяснить друзьям, какой вкус у ягод, которые растут на дереве. Ну не представляют себе сибиряки тутовое дерево. Я смотрю на сад и думаю о том, как часто вспоминал его мой прадед на той страшной войне, на которой он оказался уже 18 сентября 1941 года.

Даже в редких военных треугольничках он рисовал цветущую ветку родного сада. Я удивляюсь разносторонним талантам своего прадеда: он пишет стихи, рисует, сохраняя традиции армянской национальной живописи. Кто научил этого деревенского мальчика всему этому? Нет ответа. Бабушка уже не помнит.

В доме прадеда мне позволено очень многое, но никогда не позволяли брать без разрешения в руки старую потрепанную книжку — дневник моего прадеда, который прошел с ним войну. Это необычная книжка. С ней он ушел на войну, на ее страницах делал короткие, иногда неразборчивые записи.

Бабушка рассказывала, что книжка уцелела чудом. На фронте было запрещено вести дневники. Как удалось моему прадеду сохранить этот своеобразный документ, остается загадкой по сегодняшний день. Он никогда об этом никому не рассказывал. Моя мама помнит из своего детства, что много раз перебирала вещи в шкафах и сундуках в доме деда, но книжку не видела никогда. Он достал ее спустя десятилетия после войны. Многие записи сделаны карандашом, сегодня они плохо читаются, но кое-что можно разобрать.

Я работал в Зангибассарском районе, в сельской школе учителем. Оттуда и был призван на фронт. 10 октября мы добрались до города Тбилиси, где меня определили в стрелковый полк № 952. 29 ноября 1941 года мы покинули Тбилиси, и 1 декабря оказались у города Зугдиди. Там были 17 дней, а потом 19 декабря нас перебросили в город Очамчыры. Там мы пробыли до 3 января 1942 года, и в этот же день двинулись вперед. В 14:00 того же дня я встретил своего отца и брата. 4 января нас перебросили в город Потчи, откуда 21 января мы двинулись в сторону порта. Ночью нас погрузили на корабли, и мы отплыли в сторону Севастополя.

В истории Отечественной войны трагические дни, связанные с обороной Севастополя, занимают особое место. Я пытаюсь представить себе, какой царил в те дни ад в разрушенном городе, где сражался мой прадед. Он даже успел получить боевые награды за то короткое время, которое ему довелось быть на фронте. Мысленно рисую себе картину: худенький, маленький (рост 158 см) управляет с лошадьми, обезумевшими от грохота снарядов. Ведь он служил в конной и горной артиллерии ездовым.

Подробно, по датам, описывает мой прадед первые месяцы своей военной жизни. Он воюет, скучает по родному дому. Дальше начинается ад, который во всех учебниках истории зовется Севастопольским сражением. Восемь месяцев мой прадед участвует в этой кровавой и страшной битве. В старой книжке мы читаем: «3 июля 1942 года немцы захватили город». Начинается страшная страница жизни моего прадеда. Бабушка горестно вспоминает, что в семье о нем думали часто как о погибшем. Не может быть, чтобы он не написал, если жив. Но и официальной похоронки семья не получала.

ПЛЕН

Лето 1942 года было тяжелым испытанием для нашей армии. Сдача Севастополя привела к тому, что тысячи советских солдат попали в плен. Среди них и мой прадед Гриша Галстян. Сначала измученных, голодных, оборванных людей три-четыре дня гнали до Бахчисарая. Оттуда путь военнопленных лежал в Полтаву, а 2 августа 1942 года, замученных и обессиленных, их перегнали в город Херсон. Здесь наступил месяц передышки, если это можно так назвать. Военнопленные работали на полях, но это было не самое тяжелое испытание.

Бабушка Гоар переводит мне блеклые записи, написанные по-армянски на рассыпающихся страницах:

29 ноября нас повезли в город Николаев в общий лагерь. Нас держали в очень жестких условиях, кормили раз в 3 дня, давая 50 граммов хлеба из опилок и муки и стакан теплой воды. Тысячи пленных умирали от голода и мук. В один день дали обед из мертвой собаки. Друг шепнул, чтобы я это не ел, и за это его застрелили прямо на моих глазах. 9 марта 1943 года нас перевели в местечко Шепетовка. А через месяц, 9 апреля, отправили в Германию в 326 концлагерь.

В записной книжке прадеда есть стихотворение его друга Ивана «Песня пленных». Парень переделывал по-своему, широко известную в советское время песню «Раскинулось море широко».

Песня Пленных

Раскинулся лагерь широкий
в нем тысяча пленных живут
им жизнь тяжела и сурова
худают болеют и мрут
Товарищ не всилах и наноги
встать у другого в глазах потемнело
и рук не могу я теперь
поднять новряд ли вернус
я додому. Коле уже я скажу что
ты заболел кто может помочь
я незнаю на долго нам выпал
суровый удел я сам как

свеча догораю. Товарищ ты должен напрячь свою силу
хоть раз до сыта поесть тогда
уж ложится в могилу
Смотрика натачке вон
Мертвых везут оставили лиш
шкура да кости костлявой рукой
шлю последний салют
как скот их волят из помостя
Глубокая яма готова для
И маленький крестик сосновым
И плачи родным не будет
для них лиш ветер правит
суровой Напрасна старушка
ждет сина домой ей скажут
они зарыдеят Погиб-он
унемца от жизни худой
ей ветер отом извещает
Конец

(Орфография сохранена.)

Путь моего прадеда продолжался дальше в Германии. Здесь он заболел тифом, но как пишет, с божьей помощью выздоровел. Его перемещают в Фулендорф, а затем в центральный лагерь Оберланд-ам-Ренштайг. В учебнике по истории, в фильмах и книгах я часто читала о страшной судьбе советских военнопленных, но никогда мне не было так жутко, как в те минуты, когда бабушка переводила мне записи моего прадеда. Я словно слышала его голос:

В лагере давали 75 граммов хлеба в день. Если без разрешения кто выходил во двор, мог лишиться глаз, ушей или носа. Работали на добыче угля 20 часов в день. Как-то раз, когда мы копали ямы, друг дал понять, что конвой стоит над моей головой. Заметив это солдат, ногой толкнул его в эту яму и заставил нас закопать его. Я помню, что меня мучили голод и страх смерти. Удивлен, каким чудом я остался в живых.

В январе 1944 года американцы разбомбили угледобывающий завод, и пленных переместили в город Эссен. Там и случилось то, о чем в дневнике Гриши написано очень скупо.

В НЕМЕЦКОЙ СЕМЬЕ

В Эссене Гриша решил бежать. Пятнадцать дней он и еще один военнопленный прятались в высокой полевой граве, но собаки охраны нашли бежавших. К удивлению прадеда их не убили, а отправили сначала в город Зост, а затем в центральный лагерь города Аахен. Там их определили на угледобывающий завод «Анна 2» и «Адольф» (так сказано в дневнике прадеда). Охрана лагеря зверствовала: в центре красовалась виселица, а повседневным наказанием был расстрел.

Гриша пишет:

Как-то, обессилевший я не смог подняться, чтобы идти на работу. Наш конвоир по имени Ганс, схватив пилу, пригрозил отпилить мне руку и даже начал пилить правую. От боли я закричал. На мое счастье рядом был один из немецких инженеров. Он забрал меня в служебную комнату, перебинтовал рану и даже угостил хлебом. Он спросил, кто я по национальности, и я ответил, что армянин. «Завтра тебя вызовут в суд за отказ идти на работу», — сказал он. Я испугался, что меня расстреляют, но инженер, который оказался поляком, сказал, что я могу ему доверять. Мы говорили по-русски. На следующий день я и Ганс оказались в суде. Ганс уверял, что я еврей. Мне дали армянскую книгу «Ара Гехецики араспелнер» (книга, написанная Ара Гехециком, араспел — стихи). Я начал читать и судья спросил, правда ли, что автор книги армянин, я ответил утвердительно. Мне все равно не поверили и даже брали для чего-то кровь. В результате меня отпустили. А Ганс отправился на фронт.

Мне не очень понятна суть этой истории, но так написано у прадеда. А дальше случилось удивительное. Жена немца Ганса на следующий день пришла с детьми в лагерь и стала просить, чтобы к ним отправили этого пленного, из-за которого муж попал на фронт, так как некому работать и кормить семью. Прадед вспоминает, что поехал с ужасом, боясь мести этих людей. А оказалось, что это его спасение. Несчастливая женщина и дети отнеслись к нему по-человечески. Утром он работал в хозяйстве Марии, а вечером возвращался в лагерь. Немецкая семья подкармливала его и даже давала кое-какую одежду. Однажды он услышал, как дети Вике и Михель спорят между собой, так как не могут решить домашнее задание по алгебре. А русский пленный подсказал детям решение задачи, чему они были безмерно рады. С тех пор Гриша стал кем-то вроде домашнего репетитора.

30 июня 1945 года прадед, как и многие военнопленные, был передан советскому командованию. Но еще год он работал в Германии на шахте. А домой вернулся только 18 ноября 1946 года. В записной книжке об этом времени почти нет никаких сведений, и он никогда не рассказывал об этом своим детям. Но в семейном альбоме остались женские фото, которые Гриша бережно хранил до самой смерти. В семье так и не знают, кто изображен на них и чем дороги были эти люди молодому солдату.

Одно из них — это фотография молодой нарядной дамы, другая почтовая открытка. На ней надпись: «На память о любви». Но сегодня уже никто, наверное, не узнает, об этой горькой военной любви моего прадеда.

Он беспокоится о родных, которым удалось написать после долгих лет плена первое письмо. Вот оно:

Уважаемые и забываемые родители. Долгое время вы от меня не получали известий. И вас очень волновала моя жизнь. Любимые родители, я жив и здоров на все 100%. На теле нет никаких ранений. В настоящее время я чувствую себя

Гриша Галстян (мой прадед). 1941

ул. ул. 803

СС СР

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

Серия ЗК № **119861**

Фамилия Галстян
 Имя и отчество Гриша Хачатуров
 Год рождения 1914
 Личная подпись
 владельца
 Выдан Арм. сср. Вреташ Айсакян
 военным комиссаром

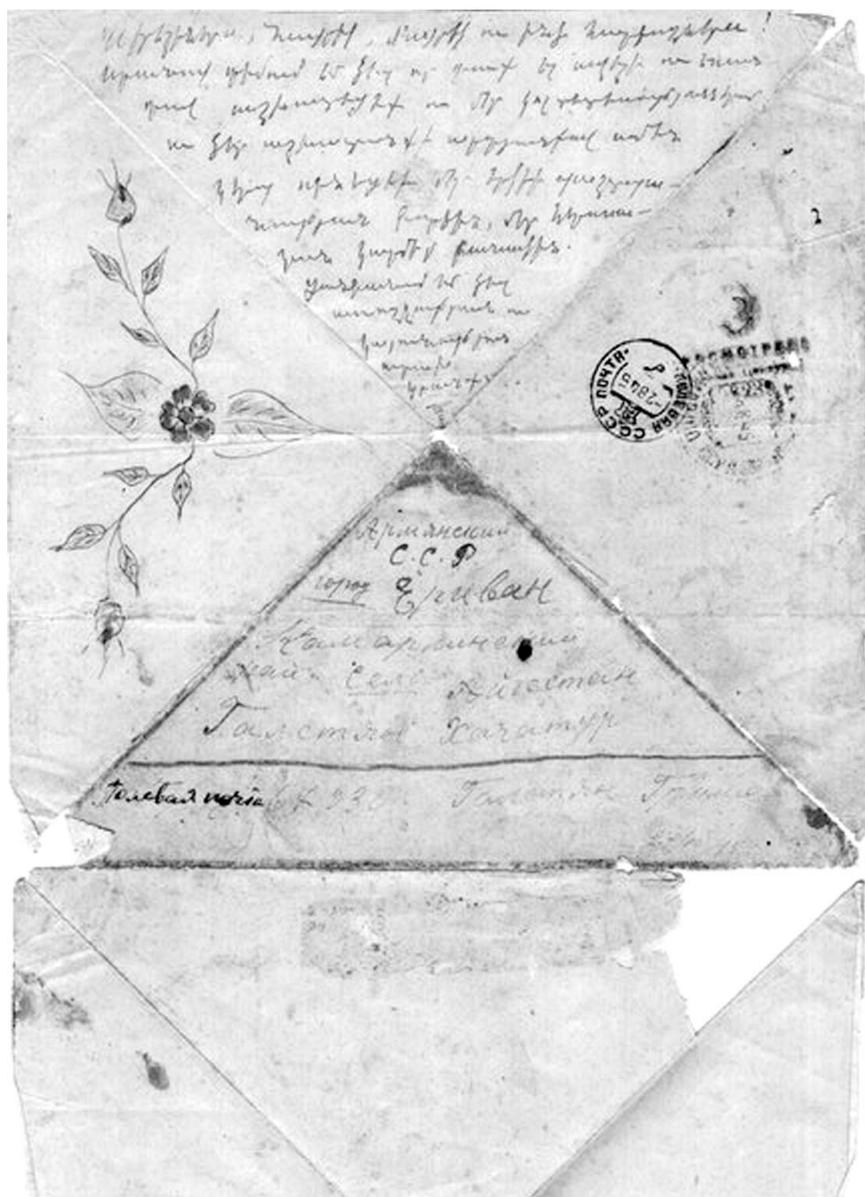
29. марта 1952 г.
Аутану Хачатуров
 М. Прадед воинов
 майор И. Немин
 (Подпись и звание, должность)

I. Военно-учетные сведения

1. Год рождения	<u>1914</u>
2. Отметка о категории учета	Запас <u>второй</u> категории (прошлого)
3. Группа учета	<u>СВ</u>
4. Состав	<u>содой.</u>
5. № военно-учетной специальности	<u>133</u> <u>8</u>
6. Наименование военной специальности	<u>Артиллерийского расчета</u> Инженер-механик <u>Д. и Г. Галстян артиллерии.</u>
7. Наименование должностной квалификации	<u>8390 воев.</u>
8. Военное звание	<u>Рядовой.</u>

Военный билет Гриши Галстяна

Письмо Гриши Галстяна своим родителям

хорошо. Только и только скучаю по вам. Мои любимые, постаревшие мама джан и папа джан, один вопрос меня волнует на протяжении долгого времени, я переживаю за своих братьев. Я не знаю где они. Если вы знаете, дайте мне знать. Кто-то из них дома или нет? Передайте привет Цоваку и Моцаку, а также моим друзьям. Отец мой, письмо пишу из Германии. 28.07.1945.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

По возвращении домой жизнь не стала счастливой и безоблачной. Известно, каким было отношение советских властей к бывшим военнопленным. Причины, по которым человек попадал в плен, мало принимались в расчет. Сколько судеб, сколько жизней было изуродовано в этом случае. Дело в том, что я не упомянула первоначально, как Гриша Галстян оказался в плену. Нам удалось прочитать об этом в его записной книжке: молодой солдат был оглушен разорвавшимся снарядом. Он пишет, что помнит, как закружилась голова, а дальше провал в памяти. Очнулся уже пленным. Та давняя контузия давала о себе знать на протяжении жизни сильными головными болями.

Прадед вернулся в свое родное село, и в течение десяти лет его жизнь — это была жизнь украдкой. Страх перед лагерями, куда отправляли тех, кто побывал в немецком плену, заставлял его вести себя очень осторожно. Не было постоянной работы, приходилось все время жить с чувством страха.

Я держу в руках военный билет Гриши Галстяна, выданный военным комиссариатом Аргашата 29 марта 1952 года. Страница 11 озаглавлена: «Сведения об участии в Великой Отечественной войне и других войнах», а ниже указано: «не участвовал». В 1952 году факт плена стал причиной для отказа принимать во внимание военное прошлое моего прадеда. Никто не хотел вспомнить страницы его биографии в пылающем Севастополе, который он защищал вместе с другими советскими солдатами.

Но жизнь брала свое. В 1948 году он встретил Вартуш, с которой сыграл свадьбу. Скоро в молодой семье один за другим появились дети: сын Зорик, и дочери Гоар и Шогик.

Через 10 лет судьба наконец смиростивилась над прадедом. Он перестал бояться преследований. Отношение власти к тем, кто был в плену, стало постепенно меняться. Люди перестали бояться лагерей. (Но только в 1982 году в его стареньком военном билете появится запись, которая подтверждала его статус участника войны, и он получил удостоверение.)

Старый отцовский дом в 1960-е годы обновили. Сад у дома расширился, появились цветники с георгинами, розами. Прадед пришел работать в свою родную школу. Удивительное дело, но учитель-мужчина, отлично знающий математику и физику, стал учителем начальных классов. По словам бабушки Гоар, которая, как и отец, стала педагогом, душа, израненная войной, тянулась к маленьким детям. В родных детях прадеда воплотились его несбывшиеся

мечты: одна дочь стала учителем, а другая закончила медицинский институт в Ереване.

Гриша Хачатурович был уже спустя годы награжден орденом Отечественной войны II степени. А в 1992 году случилось удивительное событие. В Ереване в парке Победы к нему однажды бросился иностранный турист, что-то горячо говоря по-немецки. Каково было изумление моего прадеда, когда с огромным трудом он узнал в этом взрослом мужчине немецкого мальчика Михеля, которому когда-то помогал делать задание по алгебре. Может быть, это было своеобразной компенсацией, наградой Грише Хачатуровичу за все, пережитое на войне.

Об этом горько говорить, но этого требует историческая справедливость. Моего прадеда на той войне судьба хранила только в одном: она уберегла его от лагеря смерти. В 2004 году Фонд взаимопонимания и примирения, созданный правительством Германии, начал компенсационные выплаты тем, кто так или иначе пострадал от германского фашизма. Моему прадеду, как и многим бывшим военнопленным, было отказано в такой выплате. Причина указывалась следующая: он не содержался «в нацистских концлагерях, не был вывезен на принудительные работы как гражданское лицо».

Обидно не за то, что не были получены какие-то там выплаты. Обидно другое. Уже 25 ноября 1941 года в ноте Народного комиссариата иностранных дел СССР говорилось: «...захваченные в плен... красноармейцы подвергаются со стороны германского военного командования и германских воинских частей зверским пыткам, истязаниям и убийствам». На Нюрнбергском процессе обвинитель от США Тейлор говорил: «Зверство, совершенное вооруженными силами... третьей империи на Востоке, были такими потрясающе чудовищными, что человеческий разум с трудом может их постичь».

Эти строки и о моем прадеде тоже. Ведь в своей записной книжке Гриша Галстян писал и о голоде, и о смерти. И его пребывание в той немецкой семье, куда он попал благодаря трагической случайности, можно расценивать как настоящую удачу. А скольким такая удача не выпала!

Но не в деньгах дело, а в памяти. А мой прадед никогда не был забыт. Еще в далеком 1945 году его знаменитая записная книжка пестрела адресами тех, кто стал ему родным не по крови, а по выпавшим на их долю испытаниям.

Один из адресов был из Красноярского края. Вот и не верь после этого судьбе. Знали ли мой прадед, что когда-нибудь его дети будут жить в Сибири, считая ее своей Родиной?!

До конца своей жизни прадед продолжал работать в школе. Самой большой радостью, по словам моей бабушки, был для него сад. Он признавался, что часто на войне видел его во сне и мечтал, как однажды вернется сюда.

Я думаю, что мой прадед не случайно работал с малышами в школе. Как деревья в любимом саду, они подрастали на его глазах, становясь самостоятельными взрослыми людьми. За свою педагогическую деятельность прадед не имел наград, кроме благодарных учеников, которые навещали его до последних дней жизни. А еще я держу в руках приглашения на торжественные заседания, которые он получал как ветеран Великой Отечественной войны.

Жив старый сад. Поскрипывают лесенки в доме, который с такой любовью и заботой строил прадед для своих потомков. Живут люди, которые с детства сохранили теплые воспоминания о своем первом учителе. А еще есть я и моя работа, которую прочитают мои младшие сестрички, когда подрастут. И тоже будут гордиться своим прадедом.

«И каждый думал и молчал о чем-то О СВОЕМ...»

Алена Елисова

г. Саранск, Мордовия,

научный руководитель Ю.В. Горшкова

Мои сверстники, 16–17-летние подростки, воспринимают Великую Отечественную войну как что-то уже ушедшее в далекое прошлое. Для нас она была слишком давно, и свидетелей остается с каждым годом все меньше.

Но что необходимо сделать, чтобы сохранить память? Ведь восьми уроков для изучения Отечественной войны катастрофически не хватает — скачки «галопом по истории» создают путаницу в голове, в которую добавляются мифы о героических подвигах Матросова, Космодемьянской, о том, что солдаты шли в рукопашную с криками: «За Родину, за Сталина!», о 28 героях панфиловцев.

Мой прадед, Усман Тенишев, прошедший через всю войну, никогда не смотрел фильмы и передачи о войне. «Неправда все это, не было такого», — таков был его ответ на вопрос, почему он уходит от телевизора.

ЗАЧЕМ НОВОМУ ПОКОЛЕНИЮ НУЖНА ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ?

Впервые интерес к теме Отечественной войны и к судьбам моих земляков, не вернувшихся из этой страшной мясорубки, возник у меня несколько лет назад, в праздник Дня Победы.

Мы с семьей пошли в Музей боевой славы, где я впервые увидела Книгу Памяти Республики Мордовия. Там я нашла нужные мне страницы с перечисленными именами и датами призыва, временем и местом гибели моих односельчан и захотела сделать ксерокопии. Сославшись на праздничный день, мне отказали. Я вновь пришла в будний день, но дальше поста охраны меня не пропустили. На все мои просьбы: «Пожалуйста, сделайте мне ксерокопию нескольких страниц или дайте хотя бы просто переписать ручкой фамилии павших односельчан, моих погибших родственников», — отвечали категорическим отказом. «Нельзя!» — из уст музейных работников это звучало как приговор. Я не могла понять, почему мне отказывают, что в этих книгах секретного?!

Мне хотелось рассказать односельчанам о том, где погибли их родственники во время войны и где похоронены. Ведь не у всех есть эта информация.

Через какое-то время я отправилась в Республиканскую центральную библиотеку. И там без всякой надежды попросила в читальном зале эту книгу. Она была! Мне ее выдали по первому требованию! Я сделала ксерокопии страниц с данными о Тенишевых, Бахтеяровых, Суховых, Богдановых из сел Новое и Старое Кадышево и Шехмаметьевых из деревень Лобановка и Акчеево. Из Лобановки,

которая находится в трех километрах от Нового Кадышева, родом моя бабушка, а ее девичья фамилия — Шехмаметьева.

Все сведения я привезла в деревню. Мне эти имена, фамилии, годы призыва ни о чем не говорили. А вот мой дед знал многих.

Списки погибших Шехмаметьевых бабушка взяла с собой на хатем (поминальный обед) в Лобановку и показала их бывшим односельчанам. Оказывается, не все знали о том, где погибли их родственники. Сколько добрых слов было передано мне через бабушку!

От кадышевских уроженцев Кямилль Сухов узнал, что его дядя Халим Сухов Халим, 1900 года рождения (до войны в селе у него было прозвище «большевик»), в 1942 году умер от ран в госпитале города Волоколамска и там же похоронен.

Но, конечно, я нашла лишь крупницы информации. Решение писать о войне окончательно пришло 4 мая 2011 года. Я была в Москве на церемонии награждения победителей XII конкурса «Человек в истории. Россия — XX век». В 8 утра мне позвонила взволнованная мама и сообщила, что поисковый отряд обнаружил под Ржевом останки моего двоюродного прадеда — Хафиза Шехмаметьева, 1904 г.р.

Из большого количества найденных погибших солдат, только у него был солдатский медальон. В нем прочитали имя жены — Магира, место проживания — деревня Старое Кадышево Ельниковского района Мордовской АССР. Но этой деревни нет уже лет 25, а на ее месте обрыв реки. Все жители разъехались. Как найти родственников? Через жителей соседнего татарского села Вачеево поисковики выяснили, что Шехмаметьев Х. А. — родной дядя моего деда, Тенишева Халима Усмановича, с помощью которого и нужно искать ближайших родственников, если они есть. Через мою бабушку, Тенишеву Алию Халимовну, поисковики наконец нашли дочь Хафиза — Няимю, 1933 г.р., внучку и правнука, которые проживают в Санкт-Петербурге.

Еще в 1942 году в деревню пришло извещение о том, что рядовой Шехмаметьев Х.А. пропал без вести. Но в родной деревне Хафиза считали предателем из-за того, что уже после войны, в 50-е годы, один из его сослуживцев — татарин из села Чурино, что находится всего в трех километрах от Старого Кадышева, — сказал о Хафизе: «Наверное, он перешел на другую сторону». И после войны некоторые из родственников считали, что, возможно, он живет где-то за границей и просто не дает о себе знать, так как не хочет считаться предателем.

ВОЙНА В МОЕЙ СЕМЬЕ

После всех этих событий я решила, что буду собирать воспоминания о войне тех, кто еще помнит это время, и тех, кто слышал о войне со слов своих родителей. Ведь каждый помнил о войне что-то свое, то, что его поразило, потрясло, что так и не смогло забыться за все последующие десятилетия.

Июль 2011 года я провела в селе Новое Кадышево. Беседовала с пожилыми односельчанами, задавала им множество вопросов о них и их родственниках в годы войны, вглядывалась в лица на пожелтевших фотографиях из семейных альбомов, читала полустертые чернильные строки, записанные на «фотокарточках». Слушала комментарии к снимкам.

Брату моей прабабушки — Алим Шехмаматьеву, 1918 г.р., оставалось две недели до демобилизации, когда 22 июня началась война. Мыслями он был почти уже дома в Старом Кадышеве, и командир уже сказал, что в начале июля Алим поедет домой. Но возвращение в родную деревню состоялось только спустя 4 года, в июне 1945-го.

Еще один двоюродный прадед — Ханяфи Шехмаматьев, 1924 г.р., в 18 лет был тяжело ранен, 4 месяца пролежал в госпитале. И вот когда его уже определили в команду выздоравливающих, поступил приказ: «Отвести 18 пленных немцев к общей колонне», которая находилась за 14 километров от госпиталя. Потихому сказали: «А не доведете — шлепните их где-нибудь. Кому они нужны?» Пристрелили немцев у оврага, конвоировать было неохота — далеко. Вот такая жестокость.

Мой дед рассказывал, что его двоюродный брат Хуснетдин Тенишев (в селе его называли просто Хоснек) осенью 1938 года был призван на действительную военную службу. С ноября 1939 года его воинская часть принимала участие в финской кампании. Подразделение, где воевал Хоснек, попало в окружение. Постоянно делались безуспешные попытки прорвать кольцо. Не было продовольствия, ели убитых лошадей. Хуснетдин к конине с детства привык, а каково было другим бойцам, которые в жизни не ели лошадиного мяса? Практически повсюду «работали» финские снайперы — «кукушки», убивая красноармейцев. Приходилось в сильные морозы целыми днями находиться в снегу, финны буквально не давали головы поднять. И вот в этой кошмарной обстановке Хоснек в каком-то странном порыве пообещал себе: «Если финскую переживу, женюсь четыре раза». Наверное, как истинный мусульманин, он решил так угодить Аллаху, да и себе тоже. Это было по меньшей мере странно, потому что в то время он уже был женат, а его дочери уже исполнилось два года. Финскую войну он пережил и потом, во время войны с немцами, был дважды ранен. А после Победы ему сказали: «Ты действительно еще не дослужил, поэтому домой не собирайся — будешь дослуживать». А так как служил Хоснек во флоте, где срок службы был пять лет, домой он вернулся только весной 1947 года. Война и послевоенная служба заняли у него девять лет. А на память о «теплом» финском снеге он получил туберкулез.

Но обещание свое не забыл: до своей смерти в 1957 году он женился ровно четыре раза.

Двоюродный брат моего деда — Ариф Тенишев, 1918 г.р., к 1941 году уже отслужил действительную, вернулся в деревню, в начале июня 1941-го женился и вместе с женой сразу уехал в Ленинград к родственникам. 23 июня Ариф собрал

вещмешок и пошел добровольцем на фронт, сказав жене на прощание: «Не сегодня, так завтра все равно призовут. Ждать нет смысла. Лучше пойду сам». Вскоре прислали извещение, что Ариф пропал без вести где-то под Ленинградом.

После войны его отец Кярим Тенишев до конца 1960-х годов неоднократно писал в военкоматы Ленинграда и Ленинградской области, делал запросы, пытался найти хоть какую-то ниточку. Безуспешно. В «Книге памяти Республики Мордовия» напротив имени и фамилии Арифа стоит всего одна скупая строчка: «Погиб в бою. Август 1941 года». Больше о нем ничего не известно.

Вот что мне рассказала Зейнаб Бахтеярова, 1924 г.р.: «Мой брат Идяят Богданов, 1921 г.р., до войны встречался с местной учительницей Няимей. Летом хотели сыграть свадьбу. Но пришла война, Идяята призвали на фронт. К весне 42-го у Няими родилась девочка, вся деревня прекрасно знала о том, кто был отцом ребенка. В 1942 году нашим родителям сообщили, что Идяят пропал без вести. А Няимья? Не жена и не вдова, с маленьким ребенком на руках. В 1945-м вернулся домой другой брат — Усман, и родители заставили его срочно жениться на Няиме и привести ее в дом вместе с маленьким ребенком. Ему сказали: „В этой девочке наша кровь, и расти без отца она не будет. У нее будет наша фамилия. Пусть не с Идяем, а с тобой“. Брак этот оказался на редкость удачным, они прожили вместе больше сорока лет».

Мой прадед Усман Тенишев во время войны возил почту. На передовой не был, но под бомбежки вместе с автоколонной не раз попадал. Ночью ездили с маскировочным светом — фары полностью закрыты, оставлена только узкая полоска. За включение фар — расстрел на месте. Шоферы шутили, что казаху Рафику Джасинову, когда он ночами вглядывается в практически не освещенную дорогу, прищуриваться не надо — у него глаза и так узкие.

Командира части прадед называл «гявре» — еврей и говорил, что у того был свободный разговорный немецкий. В общении с пленными немцами переводчик ему не требовался. У командира было литературное прозвище. Этого умного и интеллигентного человека кто-то из более-менее грамотных солдат назвал Дон Кихот, а бойцы, в основном люди деревенские, в лучшем случае только кое-как читать-писать умеющие, перефразировали это малопонятное имя в «тонкий ход». «Это потому, что сам он был высокий, а ноги длинные, тонкие», — был уверен Усман-бабай, который самостоятельно выучил русский алфавит, научился немного читать по-русски, а писал «как Аллах на душу положит».

Зимнее обмундирование у шоферов (водителями они себя никогда не называли) автобата было гораздо лучше и теплее простых форменных шинелей. Это доказывает фотография, сделанная 15 февраля 1942 года в Москве, где прадед и его сослуживцы одеты в добротные овчинные форменные тулупы до колен, на поясах ремни, на ногах валенки, руки в кожаных перчатках. Шапки у двоих армейские солдатские, у троих — цигейковые.

Поразили его жесточайшие бои за город Смоленск, несколько раз переходивший из рук в руки. После освобождения Вязьмы в марте 43-го прадед проехал по разоренным улицам города. Добила картина первых послеоккупационных будней: трое ребятишек лет девяти-десяти катались с горки на убитом немце. Затаскивали на гору замерзшее тело, усаживались на него и съезжали, как на санках. Дети не боялись покойников, давно привыкли к валяющимся трупам. И во время войны им хотелось с горки кататься, а санок или дощечек каких-нибудь не было — все на растопку пустили, вот и пришлось использовать подручные средства — замерзших убитых немцев, их предостаточно было вокруг. Люди ко всему уже привыкли. Тем же погибшим немцам отрубали ноги, для того чтобы дома в тепле снять и забрать сапоги, ведь на морозе не всегда удавалось это сделать. Обувь была очень нужна, а взять ее было негде, поэтому некоторые люди шли даже на это.

В Белоруссии часть Усман-бабая вывозила почту со склада, находившегося в здании бывшей церкви. Два ЗИС-5 были отданы под загрузку. В одном из них не было ни капли бензина. Немцы наступали, велся массированный артобстрел, работала авиация. Нужно было срочно уезжать, но сопровождающий почты грозил застрелить на месте за невыполнение приказа, если бросят почту. Нагрузили под завязку обе машины, одна взяла другую на буксир. Только отъехали, как в здание церкви попал снаряд и разрушил две стены и угол здания. (У прадеда в начале войны была полуторка, а уже потом он ездил на ЗИС-5.)

На мосту перед границей с Восточной Пруссией прадед увидел надпись, сделанную на куске доски: «Вот она, проклятая Германия!»

В Кенигсберге прадед в одном из домов увидел расшитый арабской вязью коврик для намаза (молитвы) — намазлык. Усман-бабай крайне удивился. «Значит, и в Восточной Пруссии были мусульмане», — решил он. Но я думаю, что этот красивый коврик мог быть прислан домой в качестве сувенира кем-то, кто воевал или на Восточном фронте, или в Северной Африке в корпусе Роммеля в Ливии.

В этом же городе к машине прадеда подошел немецкий мальчик лет восьми с протянутой рукой: «Камрад, хлеб» («Товарищ, хлеб»). У прадеда дома остались пятеро ребятишек, поэтому без слов он достал кусок хлеба и отдал мальчику.

В начале мая 1945 года довелось Усман-бабаю подвозить пассажира — армейского капитана. По дороге они увидели, что на обочине стоит, подняв руки, немец в военной форме. Остановились. Немец начал спрашивать, где немецкая пленная колонна. Решили подвезти. Во время пути он все время показывал четыре пальца на руке и добавлял: «Kinder» («Дети»). Может быть, надеялся на какое-то снисхождение к себе. Война закончилась, он не хочет никому зла, его дома ждут четверо детей. Капитан предложил застрелить немца и забрать у него наручные часы. Прадед не дал этого сделать и доставил немца до общей колонны пленных. А того капитана всегда вспоминал недобрыми словами: называл бандитом с погонами.

Усман Тенишев, мой прадед. 1941

Слева направо стоят: И.И. Прохоров, П.С. Либаторов, Р. Джасинов.
Сидят: П.Д. Бурхин, У.Ф. Тенишев. Москва, 15 февраля 1942 года

Усман Тенишев. Москва, февраль 1942 года

Усман Тенишев со своими однополчанами.
Восточная Пруссия, май 1945 года

Халим Шехмаметьев. Львов, 8 мая 1946 года

В Восточной Пруссии прадеда как человека деревенского поразила сельская жизнь: чистые деревни, аккуратные дороги, в домах печи кафелем обложены, о которых он всегда говорил: «Хоть брейся, на них гляючи», всегда сытый, ухоженный скот. Одну фразу он с грустью повторял всегда: «Мы так и через 200 лет жить не будем». До самой смерти прадед никогда не называл Кенигсберг Калининградом: «Какой он Калининград? Это Кенигсберг».

Из Восточной Пруссии прадед присылал посылки с разными вещами: швейную машинку, немецкие солдатские сапоги, два велосипеда (мужской и женский без рамы — таких в деревне вообще никогда не видели), несколько отрезков ткани, одеяла, немецкие солдатские сапоги, солдатский ремень с надписью на бляхе «Gott mit uns» («С нами Бог»). Но отправлял он такие посылки с подарками не только в родную деревню законной жене, детям и матери, но и своей гражданской жене, жившей в Москве. «Я ей еще больше всего отправлял», — как-то разоткровенничался Усман-бабай. После Победы он несколько месяцев находился в госпитале с брюшным тифом, а потом три месяца жил в Москве со своей гражданской женой. Домой Усман-бабай вернулся в середине февраля 1946-го. С собой у него был только добротный фанерный чемодан с кожаной ручкой и алюминевыми уголками. Привез прадед несколько пачек папирос «Nord» по 100 штук в каждой. Прадеду организовали шикарную встречу: прабабушка испекла в русской печи большой круглый пирог с картошкой. Мордовка из соседней деревни, узнав, что Усман возвращается, принесла трехлитровую стеклянную бутылку самогона, называемую «четверть». Гости с удовольствием курили папиросы, удивляясь такой роскоши: до этого в деревне видели только самосад, из которого и делали самокрутки. Были у прадеда с собой советские рубли и немецкие марки. На наши, советские деньги было куплено 12 пудов сена, а немецкие марки Усман-бабай летом 46-го отдал соседскому племяннику, служившему майором в Германии. Тот обещал что-то привезти за это, только сейчас уже никто не помнит, привез он что-нибудь или нет. За папиросы летом 46-го работающие в колхозе подростки давали прадеду сено: обменивали 1 пуд сена на 15–20 папирос.

Другой мой прадед — Халим Шехмаметьев из деревни Лобановка — был тяжело ранен на Курской дуге. Бабушка помнит рассказ о том, как его ранили: бежал с винтовкой в атаку, увидел, что друг упал, повернул к нему — очнулся в госпитале. Там лежал 4 месяца. Из-за очень большого ежедневного поступления ранных медперсонал просто физически не мог обеспечить нормальный уход для всех бойцов. У прадеда осколок раздробил лопатку — ее удалили, в спине осталась большая яма, левая рука не работала совсем. Лето, жара, мухи. У прадеда рана нагноилась, ругал медсестер, которые плохо ухаживали за ранеными.

Письма домой писал арабскими буквами — в детстве, как и все, окончил мусульманскую школу. Но прабабушка была неграмотная, поэтому письма ей «читала» сестра мужа. Но читала, вернее, говорила, совсем другое. Когда это выяснилось, то письма прадеду уже по-русски писала русская учительница, а за написание и прочтение фронтовых треугольников прабабушка приносила ей что-то из продуктов.

После госпиталя, в конце ноября 43-го, прадеда комиссовали и отправили домой. В райвоенкомате он был направлен в город Краснослободск, в 23 км от его родной деревни, охранять почту. Там он пробыл восемь месяцев, иногда приходил домой с пустым вещмешком, чтобы взять хоть какие-нибудь продукты. Завидев его, мальчик-сосед всегда кричал прабабушке: «Тетья Халима, мешок идет». Прабабушка давала мужу хлеб, просо, картошку, хотя ей самой с четырьмя детьми было очень нелегко. К осени 44-го прадеда окончательно отпустили домой.

ДРУГАЯ ВОЙНА В ПАМЯТИ ОДНОСЕЛЬЧАН. ПЛЕННЫЕ, ДЕЗЕРТИРЫ, ПРЕДАТЕЛИ — КТО ОНИ?

Я подолгу разговаривала с пожилыми сельчанами, и вот что мне удалось узнать.

Зяки Богданов, который дожил до конца 70-х годов, рассказывал моим прадеду и деду о том, что во время войны его однополчанин застрелил другого для того, чтобы потом снять с него хорошие кирзовые сапоги. У человека, который застрелил своего товарища, сапоги были не по размеру, малы слишком — растерли ноги в кровь до мяса, да еще и продырявились успели. А у убитого была нормальная кирза, не дырявая и не маленькая. Бежали в атаку, тут и застрелил своего под шумок, а после атаки снял с убитого сапоги. Мне как-то трудно поверить в такой беспредел.

Фяттях Сухов, 1909 г.р., раньше вернулся с войны из-за контузии. Речь была потеряна. Но со временем в селе стали поговаривать, что речь к нему вернулась, только его семья никому об этом не говорит, так как боятся, что его могут лишить пенсии по инвалидности. Мой двоюродный прадед Равиль, зайдя неожиданно домой к Суховым, слышал, как Фяттях вполне сносно разговаривал с близкими. Иногда его сын, сильно разозлившись, выкрикивал отцу: «Вот возьму и расскажу всем, что ты разговариваешь». До самой смерти, в начале 1980-х, он изображал немого, постоянно изъясняясь только знаками.

Уроженец Нового Кадышева Алим Богданов, вернувшись с войны, несколько лет проработал в колхозе, был на хорошем счету. В конце 1940-х его арестовали за то, что сдался немцам и активно с ними сотрудничал. Вышли на Богданова, арестовав его сослуживца из села Алкиманово Темниковского района Мордовской АССР. Выяснилось, что они несколько лет работали на немцев. В селе никто не мог поверить во все это — настолько хороший, добрый, спокойный был парень. Богданову дали 25 лет, отсидел 10. Вернувшись, сказал, что на всю жизнь ему лесоповала хватит. Я задумалась. Что это? Боязнь голода, невыносимых условий жизни, страх перед побоями? Или желание выжить любой ценой? А скорее всего, никого он не предавал, ведь почти на всех, побывавших в немецком плену, вешали ярлык предателя. Что было тогда на самом деле, увы, уже не узнать. Сейчас можно только догадываться и строить всяческие предположения.

До середины 1954 года в Ново-Кадышевской МТС работал механиком Виктор Иванович Бутырин. Родом он был не из Мордовии. Говорили, что к первой семье

после войны он не вернулся. Его вторая жена, Мария Ильинична, преподавала историю в школе; татарские дети это имя не могли толком выговорить и называли ее «Марьличина». Ее боялась вся школа. Их приезд никого не удивил — в МТС приезжало много разных специалистов.

Летом 54-го стало известно, что во время войны Бутырин стал предателем. Показали его фотографию в немецкой форме и с овчаркой рядом. Сказали, что он был охранником в концлагере, а после войны каким-то образом сумел скрыть свое сотрудничество с немцами. Но с прокурором района Бутырин был в дружбе, поэтому, избежав ареста, они с женой очень быстро уехали, как всем сказали, в Кривой Рог. Кто его знает, куда они отправились на самом деле. Наказания за прошлое не было. Как механик, Бутырин давал прокурору много всяких деталей, в деревне говорили — «железок». Они-то и помогли этому человеку выкрутиться, избежав заслуженной кары.

Ахать Кремчеев из соседней деревни Вачеево был узником концлагеря. Весной 45-го лагерь освободили американцы, в чьем секторе и оказался татарский паренек. Американцы уговаривали его остаться и поехать в США. Для этого нужно было только подписать несколько документов. Ахать не согласился, твердо решив возвратиться на Родину. Перед отъездом провели бывших пленных по очень длинному складу, битком забитому всякими продуктами. Заведя на склад, американцы выдали всем вещмешки и сказали: «Берите все, что надо». Вещмешки были набиты под завязку. Наши даже брали диковинную и невиданную для деревенских вещь — туалетную бумагу.

Американский сектор заканчивался на середине моста — дальше были советские войска. Перед советским сектором американцы еще раз спросили, не передумал ли кто возвращаться в Союз. Таких не нашлось. Уже на нашей стороне бывших пленных встретили свои, привезли к особому отделу. Охранники с лейтенантом во главе тут же скомандовали: «Опростать мешки». Содержимое вещмешков сложили горкой. Вместо американских припасов наши выдали по буханке черного хлеба («Для вас и этого много, предатели!») и по гороховому концентрату. Проверка в особом отделе показала: Родина была не рада бывшим солдатам, видя в каждом из них предателя.

Ахатю повезло: его не посадили. После долгих мытарств он смог-таки вернуться домой. Но даже в 70-е годы во время каких-либо словесных перепалок кто-то из невоевавших в силу возраста «товарищей»-колхозников мог запросто презрительно сказать Ахатю: «Пленник!»

Фярит Кремчеев с осени 43-го также был в плену. Лагерь находился в Германии, и туда иногда приходили немцы, чтобы взять нескольких человек на работу. Фяриту, можно сказать, повезло: в лагерь приехал немецкий помещик и набрал пять-шесть молодых парней для работы в поместье. Пленные были до такой степени истощены, что не могли даже сами сесть в телегу, помог хозяин. Первые две недели кормил очень мало, говоря, что голодным есть больше нельзя — умрут. Постепенно рацион прибавился: через пару месяцев уже было трехразовое

питание плюс бутерброды, которые между завтраком и обедом выносила жена хозяина. Фярит трудился в коровнике, выполняя хорошо знакомую для себя работу, почти привычную. Только однажды хозяин обругал и ударил его за то, что парень по привычке, как в деревне, взял охапку соломы и собрался положить ее перед коровой. Оказывается, у хозяина была соломорезка, в которой измельчали солому, смешивали со жмыхом и в таком виде давали коровам. «Это тебе не Россия, забудь свои старые порядки». Он уговаривал Фярита не возвращаться в Россию: «Я был у вас в Москве в 39-м году, видел очереди за хлебом. Не возвращайся туда. А здесь мы тебе жену найдем».

Илья Иванович Чопанов в середине войны тоже попал в плен. По рассказам моего деда, Илья Иванович всегда вспоминал, что немцы бросали русским военнопленным через колючку грязную брюкву, турнепс, иногда картошку. При этом кричали: «Сталинские воры» (с ударением на последнем слове). Наши пленные смотрели голодными глазами на бельгийцев, которых в соседнем бараке хорошо кормил Красный Крест. Илья многого не знал, не мог тогда всего понять, главным вопросом в его жизни был: «Почему так? Почему мы здесь дохнем с голоду, а они нормально едят?» Освободили узников концлагеря наши войска. И оказался тогда Илья уже совсем в другом лагере, в советском, из которого освобожден только в начале 50-х.

А вот призванный из той же мордовской деревни на фронт Василий Цыбизов дезертировал еще в самом начале войны. Жил в родном доме то в подполе, то на чердаке. Близкие, еле-еле говоря по-русски, клятвенно заверяли, что не знают, где в данное время находится их сын и муж. В самих Мордовских Пошатах да и в соседнем татарском Новом Кадышеве все прекрасно знали, что Цыбизов живет дома. Но боясь расправы — или застрелит, или дом сожжет, — молчали.

Как рассказывали старики, в 40-е годы в середине реки Мокша, которая находится недалеко от деревни, был остров, где Цыбизов устроил тайник. Зягидулла Тенишев, 1930 г.р., старший брат моего деда, как-то заметил, что на острове незнакомый мужчина что-то прячет. Поговорил с младшими братьями и другими мальчишками, и тайник решено было откопать. А вдруг там что-то интересное?! Сказано — сделано. Тайник раскопали, найдя в нем около 50 патронов, которые потом бросили в костер. Остатки патронов отнесли в кузню, где с помощью каких-то приспособлений можно было производить выстрелы. Деревенские мальчишки были в восторге. Что это опасно, вообще никто тогда не думал.

После амнистии в июле 45-го Цыбизов вышел, уголовного преследования не было. Смело смотрел в глаза односельчанам — его же Сталин решил не наказывать. Устроился работать сторожем в старокадышевский колхоз, охранял лес. Народ его боялся, так как это был очень жестокий и злой человек. За кражу дров первым делом избивал воров сам, ломая им руки и ноги, только потом сдавал в милицию. Инвалида войны — Фяттяха Сухова, который не от хорошей жизни по зиме поехал на колхозной лошаденке в лес, чтобы хоть немного дров привезти, избил до полусмерти. А дома у Фяттяха была престарелая мать, больная жена и четверо ребятшек.

А бывший дезертир был представителем законной власти и издевался над теми, кто за него же (и вместо него!) воевал, а он в это время жил дома в тепле и удобстве и ждал лучших времен.

Во всех окрестных деревнях знали, что еще с начала 30-х годов в округе существовала банда. Старики говорили, что как только начались колхозы, появилась и банда. Не все смогли отдать свое имущество, дом, землю и смотреть, как это в одночасье стало собственностью других людей. Недовольные и возмущенные творившимися событиями, одни навсегда уехали из села, другие просто ушли бандитствовать.

Некоторые байкеевские, дезертировав еще в самом начале войны, чтобы не жить дома и не подвергать опасности своих близких, тоже пошли в банду. Так Хосяин из Байкеева ушел из деревни в конце июня 41-го, не желая идти воевать. К осени решил поселиться в полупустом доме в деревне Лобановка, на родине своей жены. Байкеевские дезертиры расредоточились по трем татарским деревням: Новое Кадышево, Вачеево и Лобановка. Ночами они встречались, обсуждали планы дальнейших действий. В Новом Кадышеве жили в трех домах, в Вачееве — в одном доме. Время от времени дезертиры меняли место проживания. Иногда на короткое время уходили жить в Байкеево или в Черные Выселки (русско-татарская деревня в Темниковском районе). Воровали лошадей. В Новом Кадышеве хозяйка дома, где прятались дезертиры, Ханифя иногда появлялась в красивых новых вещах, которых раньше на ней не видели. Откуда ей было взять обновки, если дома было четверо детей и муж в 42-м году погиб на фронте? В селе догадывались, откуда все это, но, боясь мести вооруженных дезертиров, молчали. Однажды Ханифя пришла на хатем (поминки) в Акчеево в красивом расшитом платке, который сразу опознала женщина из этого села. Выяснилось, что этот платок вместе с другими вещами ей прислал из Германии муж, а через некоторое время после получения посылки ее обокрали. Весной 45-го в Старом Кадышеве у эвакуированных из Ленинграда украли носильные вещи, в подкладки которых были зашиты царские золотые червонцы. Пострадавшая Магира (жена моего двоюродного прадеда) обратилась в милицию. У хозяйки новокадышевских дезертиров был произведен обыск. В сельсовет вызвали пострадавших и подозреваемых, провели опознание ворованных вещей. Но самое интересное было в том, что хозяйка дезертиров Ханифя пришла на опознание в сельсовет в ворованной юбке, принадлежавшей Магире, а та сразу узнала свою вещь. Но сказать об этом милиционерам значило оставить без матери четверых детей, у Магиры и у самой было столько же, и муж в 42-м пропал без вести. Поэтому Магира тогда никому ничего об этом не сказала.

Хозяйку дезертиров судить не стали, как-то дело замаяли (в селе знали, что она была любовницей председателя сельсовета). Муж у нее погиб в 43-м году, а четверых детей легче было поднимать, получая ворованные продукты и вещи от дезертиров и пользуясь покровительством деревенского начальника.

В Лобановке дезертир жил в пустующей половине дома. В одной комнате жила прабабушка с четырьмя детьми, в другой до войны жил брат ее мужа с семьей.

Брат погиб еще в начале войны, его жена умерла от туберкулеза. Детей забрала тетка. В доме было два входа: у каждой семьи отдельное крыльцо. Также в соседнюю комнату можно было попасть, если залезть на печку, рядом с которой, через дощатую стенку, стояла печь соседей. Двух верхних досок не было, перелезть мог любой, кто пожелает.

Летом прабабушка работала сторожем на току, зимой охраняла колхозный склад. Каждую ночь ее не было дома, дети, 35-го, 37-го, 39-го и 41-го годов рождения, оставались одни. Со склада прабабушка умудрялась вытаскивать через лаз для кошек немного ржи. К палке привязывала половник и, лежа на полу, этим нехитрым орудием добывала зерно. Граммов 800, самое большее килограмм ей удавалось нагрести, если зерно лежало недалеко от входа. Объясняла просто: «Когда нас загоняли в колхоз, все забрали: зерно, лошадь, упряжь, арбу, сани. Я возвращаю свое». Время от времени вечерами, когда стемнеет и ворота и двери уже закрывают изнутри, пекла хлеб. Черный хлеб был формовой, буханки круглые, большие. Детям выдавала по кусочку, остальное заворачивала в полотенце и опускала в подпол. Чтобы, если кто придет, испеченный хлеб не видели. Также в подполе хранила сливки — корову держала всю войну. Сливки наливала в четверть. Время от времени прабабушка замечала, что оставленного хлеба вроде как становится меньше, а сливки, простояв в подполе несколько дней, превращаются в жидкое молоко. Сначала прабабушка подумала, что хлеб отрезает старшая семилетняя дочь. Но ребенок клялся, что не виноват. Потом обвинение перешло на родственницу, жившую неподалеку. Но опять были клятвы с именем Аллаха, что эта женщина не берет чужой хлеб.

Из соседней закрытой комнаты иногда слышались звуки шагов. Старшая дочь говорила, что изредка зимними ночами из другой половины дома доносился запах растапливаемой печи. Прабабушка по-своему боролась с непонятными явлениями: ходила по комнате и громко читала молитвы на арабском языке. Потом добавляла уже по-татарски: «Коркмым, коркмым, Жиннэр» («Не боюсь вас, джинны»), будучи абсолютно уверенной в том, что в пустующей соседней комнате завелись именно джинны.

Однажды спустившись в подпол, прабабушка обнаружила оброненную кем-то чужую рукавицу. Это переполнило чашу ее терпения: она решила проследить за тем, что же творится дома в ее отсутствие. Вечером, уйдя на работу, она через какое-то время тихонько вернулась и стала ждать. И вот глубокой ночью через отодвинутые доски в стене возле печи из соседней половины дома перелез незнакомый мужчина и направился к подполу. Прабабушка стала громко кричать и ругаться, что поймала вора. Но вор тот был непростой — он был дезертир. Перед прабабушкой вор-дезертир встал на колени и со слезами просил не выдавать его. Она его узнала: это был муж ее односельчанки. В этой деревне жила его жена, к которой постоянно приходили милиционеры и спрашивали о том, где находится ее муж. На все вопросы женщина отвечала, что не видела его с самого начала войны, и, наверное, он где-то уже убит.

Прабабушка спросила, как он умудрялся выпивать ее сливки, не испачкав стеклянные стенки бутылки? Ответ был прост: «Через длинную соломинку. А потом доливал воду в четверть, чтобы не видно было, что сливок становится меньше». У него хватало совести забирать последние крохи у четверых детей, чей отец проливал кровь на войне, защищая таких вот трусов! После долгих уговоров, просьб, ползаний на коленях и слез, что лились ручьем, решили так: прабабушка не поднимает шум и молчит в дальнейшем, а дезертир уходит из этого дома. Ушел, правда, не очень далеко: сельчане поговаривали, что потом жил он в пустом доме на другом краю деревни.

После амнистии в июле 1945 года Хосяин перестал прятаться и с семьей уехал сначала в Байкеево, а потом в Ленинград. В послевоенные годы спокойно приезжал в гости в Лобановку, навещал родственников жены. Как ни в чем не бывало ходил на хатемы (поминальные обеды), которые давались в честь погибших на войне чьих-то сыновей и мужей. Вместе со всеми читал молитвы об упокоении душ павших сельчан. И это делал человек, который всю войну прятался по пустым домам, бессовестно забирал последние крохи у солдатских детей, чтобы только себя любимого накормить и сохранить свою жизнь! Но клеймо дезертира с него не стерлось даже после смерти.

В жизни всегда есть место подвигу и предательству, так было и будет. Можно стыдиться, а можно гордиться прошлым своей страны. Но и в том, и в другом случае важно знать, помнить и хранить настоящую, подлинную историю, как бы горька и обидна она не была.

человек в условиях...

Сельский учитель

Татьяна Симонова, Светлана Деревщикова
с. Мастюгино, Воронежская область,
научный руководитель М.Е. Асеева

Герой нашего исследования — учитель истории нашей школы, наш сельский идеолог — Екатерина Иосифовна Рыжкова, 1928 года рождения. Поле ее жизни — это два села Воронежской области: село Коршево Бобровского района и село Мастюгино Острогожского района. В Коршево учительница родилась, а в Мастюгино прожила большую часть своей жизни.

С Екатериной Иосифовной мы живем на одной улице, которая называется Авиловка. В нашем селе все улицы, кроме нашей, имеют двойные названия. В советское время Кубышевку называли Пролетарской, Злодеевку — именем Героя Советского Союза В.С. Зевахина, Заяр — Малой Садовой, Шиловку — Большой Садовой, Низовку — тоже Пролетарской. А Авиловку переименовывать не стали. Никому не понятно, почему. Даже нашему старенькому учителю истории. Да и можно объяснить название Злодеевка, Кубышевка, Заяр, Залес, а вот Авиловка — до сих пор загадка для всех наших жителей.

Мы решили выяснить, как жилось сельскому учителю во второй половине XX века. Начала свою трудовую деятельность Екатерина Иосифовна в 1951 году, а в 1996-м вышла на пенсию. Ее трудовой биографии — 45 лет. Из учебников истории, из бесед с местными жителями мы обе знаем, в какое непростое время пришлось работать нашей собеседнице. Екатерина Иосифовна учила детей при разных правителях нашего государства. Сменяли друг друга Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев, Ельцин, а учитель истории выполнял свое дело — учил детей. Как жилось простому сельскому учителю? Этот и многие другие вопросы попытались мы выяснить у нашей собеседницы и удивительной рассказчицы.

В «МАЛЕНЬКОМ КИТАЕ»

В 1951 году молодая девушка Катя Короткова приехала на работу в Мастюгинскую семилетнюю школу учителем истории.

Вначале нужно было получить распределение в областном, а затем в районном отделе образования. Оформлялись тогда на работу в отделе образования. Заведующим отделом был мужчина по фамилии Огнев. Он показался двадцатитрехлетней Екатерине очень строгим. Долго рассматривал ее диплом об образовании. Затем спросил: «Начальству подчиняться будешь?» От этого вопроса у Кати, по ее словам, язык онемел. Она не знала, что ответить. Посмотрела на заведующего и выпалила: «Смотря какому». Он хмыкнул и сказал: «С характером! Поедешь в Маленький Китай!» Что это за место такое? Отдали на руки приказ о назначении Коротковой Екатерины Иосифовны учителем истории

в Мастюгинскую семилетнюю школу. Пока добиралась до села на попутных машинах, все думала, почему заведующий РОНО назвал Мастюгино Маленьким Китаем. Только к вечеру удалось добраться молодой учительнице до села. Первое, что бросилось в глаза, — это старые саманные хаты, меловухи и мазанки. На ее родине, в Бобровском районе, избы у людей были лучше, многие рубленые. А здесь ни одного рубленого строения. Объяснялось это тем, что в Бобровском районе росли леса, а здесь в округе не видно ни одного деревца. Ведь после войны прошло только шесть лет, село еле-еле поднималось после немецкой оккупации.

Жить определили на квартиру. Хозяйка, Фиона Никитична Трухачева, девушку встретила радостно. Во-первых, она была очень доброй женщиной. Во-вторых, за проживание учителя сельский совет платил хозяйке немного денег. А Фиона Никитична, как большинство женщин села, была вдовой, воспитывала двоих детей — дочь Татьяну и сына Александра. Поэтому учительницу приняла, как родную дочь. Пили и ели в ту пору из одной чашки. Что кушали ее дети, то и Екатерина.

Когда на другой день Екатерина Иосифовна вышла утром на улицу, чтобы идти в школу, то сразу поняла, почему это село заведующий РОНО назвал «Маленьким Китаем». В школу со всех сторон бежали десятки ребятишек. В каждом классе было до сорока человек. Мастюгинские семьи в основном были многодетными. Это было уникальное по рождаемости село Коротоякского района. Редкие семьи имели до пяти детей, в основном от восьми до двенадцати. Конечно, не все рожденные дети выживали в то суровое время, но Маленький Китай все равно кишел детворою.

Вспомнила Екатерина Иосифовна семью Деревщиковых. У них одновременно ходили в школу семеро детей — в каждом классе по ученику и трое еще дома подрастали. В семье Симонова Митрофана Ермиловича такая же картина. Их сын Вася учился очень плохо. Учителя оставляли его на повторный год обучения. Когда начинали его ругать за плохую учебу, говорили, что снова не переведут, то он отвечал: «А я Шурку подожду» (свою младшую сестру). Шурка уже обогнала его, а он все сидит в одном и том же классе, снова говорит: «А я Аньку подожду». Так еле-еле закончил седьмой класс вместе с сестрой, которая на три года младше его.

Традиция иметь в семье много детей сохранялась в селе до 60-х годов XX века. Затем все изменилось. В 70-х годах число детей резко уменьшилось, в 80-х рождалось по одному-двум в семье. В этом году во всем селе за год родилось три ребенка.

Комментарий Татьяны Симоновой: «Моя бабушка Мария Тимофеевна Симонова родила шестерых детей. Их семья в селе была не „многодетной“. Бабушка даже не была награждена медалью Материнства. Сказала, что, если бы было у нее семь детей, то медаль 4-й степени она бы получила. А за шестерых детей награда была не положена».

Для Екатерины Иосифовны такое число детей в семьях было непривычным. На ее родине таких многочисленных семей не было. Наверное, страшновато было войти в класс, вести урок. В моем классе, когда я училась в школе, было семеро учеников. Учителя всегда говорили, что с таким классом работать можно, но лучше бы было учить детей пятнадцать. О сорока учениках никто уже не мечтает.

Комментарий Светланы Деревщиковой: «Жаль, что мода на детей прошла. По этой причине в моем классе всего 6 человек. А в нашей школе 54 ученика. Я считаю, здорово и весело было тогда в школе, да и во всем селе, которое не то в шутку, не то с завистью называли „Маленьким Китаем“. В школьном архиве удалось посмотреть классный журнал выпускников 1961 года. Список детей занимает почти всю страницу — 36. И что самое интересное, фамилии почти все одинаковые, нет такого разнообразия, как сейчас. Основная масса — Симоновы, на втором месте Трухачевы, затем — Деревщиковы, Ерины, Филатовы».

Екатерина Иосифовна вспомнила, как одну женщину — мать одиннадцати детей заподозрили в спекуляции, когда она в Москве покупала одежду своим детям. Семья Филатовой Татьяны Стефановны (так звали многодетную мать) в конце 60-х годов скопила денег, чтобы одеть к сентябрю ребятишек. Родственники посоветовали женщине съездить в Москву за покупками. Отстояв очереди в магазинах, она покупала вещи десятками: десять маек, десять пар носков, десять пар обуви и т. д. Кто-то позвонил в милицию и при выходе из магазина Татьяну Стефановну задержали, посадили в милицейскую машину и повезли в отделение. Не понимая в чем дело, сильно испугалась женщина, заплакала, просила отпустить. Больше всего боялась, что у нее отберут купленные вещи, и детишки пойдут первого сентября в школу в обносках. Когда в отделении ее стали обвинять в спекуляции, стыдить, что советская женщина набрала столько вещей для перепродажи, она вспомнила про свой орден «Мать-героиня». Он лежал у нее в сумке на самом дне, вместе с кошельком. Стала выбрасывать из сумки вещи, приговаривая: «Это — Муське, это — Верке, это — Клавке, это — Зинке, это — Ваньке...» По всему кабинету летали покупки, а Татьяна Стефановна все перечисляла да перечисляла своих детей. Наконец, добралась до удостоверения. Посмотрели милиционеры, извинились перед женщиной и стали помогать ей укладывать покупки в сумку. Один из них признался: «Я впервые встречаю женщину с таким количеством детей». Вот благодаря таким семьям и прозвали в районе наше Мастюгино «Маленьким Китаем».

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ КОРОТКОВЫХ

Из личного дела учительницы мы узнали, что Екатерина поступила в институт в 1949 году, а окончила его в 1951-м. Ей страшно было уезжать из дома на учебу. Но очень сильно было желание учиться. Родители видели ее тягу к знаниям. Екатерина целыми ночами сидела за книгами. Освещать комнату было нечем. Родители берегли керосин, а она укрывалась одеялом вместе с керосиновой лампой и так читала, чтобы родители не видели огня. Но мать заметила и сказала: «Читай, не прячься, а то сгоришь со своими книгами». Катя смогла хорошо подготовиться и поступила в учительский институт. А жить на что? Выручала

стипендия. Получали студенты 220 рублей. А Екатерина за отличную учебу получала 300 рублей. Смогла даже скопить себе денег на платье. Не пила, не ела, но платье купила, чтобы ходить на занятие не в своих деревенских тряпках. Закончила с одними пятерками. Метила на красный диплом. Не дали, потому что на экзамене по марксизму-ленинизму вступила в спор с преподавателем, и тот поставил четверку. Не согласилась студентка с тем, что при коммунизме осуществится принцип «От каждого по способности, каждому по потребности». Осмелилась сказать, что в это мало верится. Преподаватель сказал, что будущему историку нельзя в это не верить и поставил четверку. Сильно переживала девушка, ругала себя за свой язык, рассказала об этом родителям. Мать ей сказала: «Катя, надо говорить не то, что думаешь, а то, что надо». А отец добавил: «Такое сейчас времечко». В то время именно такой принцип был самый безопасный для любого человека. И частенько, призналась учительница, приходилось ей говорить то, что надо: на уроках, собраниях и совещаниях, за кафедрой перед населением. Почти всю свою трудовую жизнь.

Труднее всего ей давалась тема «Коллективизация». И как могла она не кривить душой? То, что было написано в учебнике истории, никак не соответствовало тому, что она знала и видела собственными глазами. Разве могла сказать она ученикам, что коллективизация была насильственной. Народ не хотел идти в колхоз. Состоятельные крепкие хозяева как могли сопротивлялись коллективизации, за что были объявлены врагами советской власти и подвергались раскулачиванию. Екатерина все это знала не понаслышке, все это происходило в ее семье. Семья Екатерины Иосифовны чудом избежала раскулачивания. Мать Екатерины Иосифовны уговорила мужа, Иосифа Петровича, вступить в колхоз. А произошло это следующим образом.

Отец Екатерины Иосиф Петрович Коротков был предприимчивым человеком. В 1929 году он сколотил артель из работающих мужиков своего села, и стали они заготавливать лес, благо его вокруг было очень много. Рубили лес и изготавливали срубы будущих домов. По три-четыре сруба делали и возили по другим районам, где не было лесов, продавали. Деньги делили между собой. Стали даже к нему домой ездить хозяева с заказами. Зажила семья неплохо. А тут — коллективизация. Если ты крепкий хозяин, объявляют кулаком. Стали власти преследовать Иосифа Петровича. Несколько раз без всякой причины забирали, сажали в тюрьму, где брили налысо. Продержат месяц, выпускают среди ночи, прогонят пинками до ворот, избыют так, что подняться не может. Отлежится на улице, а потом идет домой. Не успеют у Иосифа волосы на голове отрасти, как приходят, забирают снова. И все это повторялось целых восемь месяцев подряд. Тут жена Иосифа бросилась мужу в ноги, запричитала: «Давай вступать в колхоз, иначе они нас всех уничтожат. Пусть добра нашего лишимся, лишь бы ты остался жив. Посмотри, что вокруг творится. Выселят нас, как многих других. Ведь мы с тобой понимаем, что хозяйство наше все равно разорят: вступим в колхоз — сами все отдадим, не вступим — придут, заберут, да еще и загонят туда, где Макар телят не пас». Послушался Иосиф совета жены. Вступил в колхоз. Все отобрали: и красивый дом, и амбар, и конюшню. Но зато от Иосифа отстали, перестали над ним издеваться.

Стали жить в старой бабушкиной хате. А в доме Коротковых колхоз устроил сви-нарник. Полы выломали, запустили колхозных свиней. Отец Екатерины Иосифовны смотрел на свой дом и повторял: «И — их, свиньи!» Екатерина Иосифовна в детстве думала, что это про свиней, которые живут в их доме и во дворе. Только став взрослой, поняла, что так отец ругал власть, лишившую его добротного жилья.

Многие жители села Коршева не хотели вступать в колхоз. Но видя, что творится кругом, ради спасения семьи записывались, становились колхозниками, будто бы добровольно. Екатерина Иосифовна рассказала еще про одного своего родственника, которого его отец загнал ремнем в колхоз. Он всю жизнь об этом помнил и рассказывал детям эту историю. Так ее узнала и наша собеседница.

Стефан — так звали дядю Екатерины Ивановны по материнской линии, был крепким хозяином. В колхоз вступать не собирался и на время сбежал из села. Полгода где-то скитался, прятался, но к зиме явился домой, спрятавшись на чердаке и там жил, на люди не показывался. Жена тайно носила ему на чердак еду. Но дети заметили, что кто-то на чердаке прячется, спросили у матери: «Мама, кто у нас на чердаке?» Мать ответила: «Домовой». Когда к ним в гости пришел их дед Никифор, самая старшая девчонка Маша сказала: «Деда, у нас на чердаке домовой живет, его батей зовут». Во многих семьях отца называли батей. Дед в один миг достал Стефана с чердака. Он действительно был похож на домового: волосы длинные, не бритый, бородой оброс, грязный. Взял дед кнут и погнал Стефана в колхоз записываться. Записали, и все пришлось отдать в колхоз, даже корову. Чуть было дети не умерли с голоду. Придет Стефан к отцу, начнет его упрекать, что, мол, ты виноват, что детям есть нечего, отдали все в колхоз. А Никифор покажет сыну газету, где написано о раскулачивании, о выселении крестьян, да спросит: «Ты что хочешь, чтоб твою семью совсем уничтожили?» Семья Стефана выжила в голодные годы благодаря деду Никифору. У него корова сохранилась. Они с бабушкой поддерживали детвору молоком.

Всю жизнь Стефан на отца обижался и повторял: «Отец меня в колхоз кнутом загнал». А Никифор считал, что он спас семью сына, загнав его в колхоз. Даже Екатерина Иосифовна сейчас, по прошествии стольких лет, не может сказать, кто из них был прав, кто не прав.

Из рассказов своей матери помнит Екатерина Иосифовна, что в их селе Коршево в 1929 году вспыхнуло восстание против советской власти. До какого состояния дошли люди, что 14 человек — коммунистов, своих же односельчан, которые в начальстве состояли, — закололи вилами. До сих пор в селе Коршево стоит памятник погибшим коммунистам.

Вот какую коллективизацию знала учительница истории, а на уроках должна была рассказывать о кулаках — врагах народа, злодеях, а не о крепких работающих людях, предприимчивых хозяевах.

Комментарий Татьяны Симоновой: «События, о которых рассказывала Екатерина Иосифовна, происходили по всей стране. Восстание вспыхнуло и в нашем селе Мастюгино. Семья Екатерины Иосифовны похожа на семью моих предков, которые были крепкими хозяевами, трудолюбивыми людьми. Только вот мои предки не отступили от своих принципов, не вступили в колхоз, за что были наказаны раскулачиванием, высылкой, полным разорением. Семья Екатерины Иосифовны нашла другой выход из сложившейся ситуации. Они тоже были разорены, но остались все вместе, в родном селе. Кто поступил правильнее? Трудно найти ответ на этот вопрос. Одно ясно, ужасное время пережили наши предки. Каждый выбирал свой путь. Хорошо, что пришло время, когда мы можем не только с горечью, но и с гордостью говорить о своих родственниках „кулаках“, о которых многие годы рассказывать было нельзя».

В НОВОЙ СЕМЬЕ

В 1952 году Екатерина познакомилась с Тихоном Ивановичем Рьжковым, который и стал ее мужем. Парень местный, родственник хозяйки, у которой девушка жила на квартире. К тому времени молодой человек отслужил в армии семь лет, отучился на тракториста, получил права тракториста первого класса, работал в колхозе бригадиром тракторной бригады. Он был грамотный, культурный, начитанный. Екатерина подумала: почему такой умный парень, а выучился только на тракториста? Мог бы и дальше учиться. Когда стали дружить, узнала Катя, что Тихон очень хорошо разбирался в технике. В армии служил радистом, был первоклассным специалистом. Заметили парня, пообещали перевести на службу в Москву, подготовили документы. Совсем уж было размечтался Тихон о городской жизни, но не получилось. Сказали ему, что в Москву ему нельзя, так как во время войны он несколько месяцев находился на оккупированной территории. Так было обидно молодому парню. На оккупированной территории он, шестнадцатилетний, перенес голод, унижения и страх. И из-за этого он оказался человеком второго сорта.

В то время были такие несправедливые порядки. На учебу в Москву Тихона не направили, и пришлось ему возвращаться с обидой в сердце в свое родное село. В 1953 году Тихон и Екатерина сыграли свадьбу. Привел Тихон молодую жену к родителям в меловую хату. Стали они жить в таком составе семьи: свекровь Ефимия Леонтьевна, свекор Иван Егорович, золовка Мария с двумя детьми, Тихон Иванович и Екатерина Иосифовна. Старшая сестра и три брата Тихона Ивановича жили уже отдельно со своими семьями.

Екатерина сразу поняла, что свекор не любил советскую власть, не любил колхоз, ругал при любом удобном случае. Это молодую учительницу очень пугало. Она боялась, что у нее будут на работе неприятности, если узнают, что она живет в такой семье. К тому времени и Екатерина Иосифовна поняла, что очень многого нужно опасаться. Свекровь была очень видная женщина, похожая на Кабаниху из пьесы Островского «Гроза». В доме было много икон, семья не садилась за стол без молитвы. Екатерина, зная о том, какая идет антирелигиозная пропаганда, пыталась поговорить со свекровью, чтобы та спрятала иконы. Ведь

многие молились тайно, даже коммунисты. На что Ефимия Леонтьевна сказала: «Убью любого, кто посмеет снять иконы, тебя тоже». Больше девушка не смела и слова сказать против порядков в этом доме.

Но все же однажды покой в их семье был надолго нарушен. Как и предполагала Екатерина Иосифовна, причиной всему были иконы. Донес кто-то районному начальству, в какой семье живет учительница истории Мастюгинской школы и что в доме учительницы имеются иконы. Произошло это как раз во время учительской конференции. Съехались на конференцию учителя со всего района. В перерыве толпа собралась у стенгазеты, выпущенной во время работы конференции. Подошла и одна учительница нашей школы Татьяна Григорьевна посмотреть, о чем это в газете написано. Через некоторое время подходит и дрожащим голосом сообщает: «Там нашу Иосифовну нарисовали». Что же там за рисунок? Оказалось, на плакате была изображена учительница, которая стоит у доски, одной рукой показывает на карту Советского Союза, другой — на иконы. И подписано: «Это учительница Мастюгинской школы — Рыжкова Екатерина Иосифовна». Как была напугана Екатерина Иосифовна! Не помнит, как дошла до своей машины полуторки, на которой приехали учителя, залезла в кузов. Всю дорогу проплакала. Слезла с кузова машины, пошла домой, даже не забрала арбузы, которые купила на рынке в Коротояке, чтобы угостить своих детей.

Не знала молодая учительница, что ждет ее дома. Ведь, пока она была в Коротояке, к ним домой наведались представители из отдела образования и райкома партии. Екатерина Иосифовна никогда не была партийной. Они стыдили Ивана Егоровича и Ефимию Леонтьевну за иконы. Приказали снять их из святого угла и выбросить из дому. Свекор ни слова не сказал. Полез, молча снял иконы со стены. А свекровь заголосила, ухватилась за икону и сказала, чтобы сначала ее выкинули из дома, а потом уж иконы. Ушла комиссия, Ефимия Леонтьевна спрятала иконы в стол. Принесла откуда-то фанеру, перегородили ею хату на две половинки. Как будто отделилась от молодых.

Когда Екатерина Иосифовна зашла в избу, она не поняла, что произошло. Никто из родни с ней не разговаривает, хата перегороджена. После рассказа мужа о том, что здесь произошло за время, которое она отсутствовала, еще больше расстроилась, собралась бросать работу и семью и уехать подальше от такого позора и стыда. Но муж успокоил ее. Сказал, что будут они строить свою избу и отделятся от родителей.

Стали Тихон Иванович с женой строить себе избу. Именно избу — домом хату-саманку назвать нельзя. Екатерина Иосифовна вспоминает: «Начали строительство без копейки в кармане. В колхозе Тихон Иванович денег не получал. Жили на зарплату учителя, которая была очень низкой. Родители не хотели, чтобы младший сын уходил из их дома. В семьях был обычай, что младший сын обязан докармливать родителей. Избу строить наметили рядом с родительской хатой. За родителями пригляд был, но они все равно были недовольны».

Служебная характеристика
 на забуга Мастюгинской семилетней
 школы, Корготоякского района, Воргонеш-
 ской области Короткову Екатерину
 Мосиловну 1928 года рождения, русскую,
 члена ВЛКСМ с 1950 года.

Короткова Е.И., как учитель истории, нахо-
 дится на соответствующей должности. Среди
 учащихся пользуется авторитетом. Среди
 учительского коллектива авторитетом поль-
 зуется недостаточно. Учебно-воспитате-
 лной работой в школе руководит нецелесоу-
 ственно и порывами. Рассеянная и забыв-
 чивая. Часто слова расходятся с делом.

Над повышением идейно-политического
 уровня работает систематически. Прини-
 мает активное участие в чтении лекций
 и докладов среди населения. Вплотне может
 быть использована на работе учителя 5-7 классов.

6/20-54. Директор школы В. Уразов.

Служебная характеристика Екатерины Коротковой

Учителя в сельской библиотеке

Прием в пионеры около старого здания Мастоюгинской школы. 1960-е

Начало строительства новой школы. 1970

Мастоюгинская средняя школа. 1972

Ученики Мастоюгинской школы

Для строительства избы Тихон и Екатерина готовили строительный материал — саман. Делали его летом. Работа была очень трудная. Строительство началось в 1958 году. Как изготавливали саман? Екатерина Иосифовна рассказала, что сначала нужно было накопать глины, благо, что вокруг села она залегает неглубоко. Но иногда приходилось рыть небольшой котлован до полутора метров. Возили глину на ручной тачке. Затем ее размачивали и перемешивали с соломой. Деревянным станком нарезали из этой смеси кирпичи. Это и был саман. Его просушивали, и получался материал для выкладывания стен. Для строительства дома таких кирпичей необходимо было приготовить четыре тысячи. После работы, по выходным дням тем и занимались, что готовили саман для своей будущей хаты. К этому времени у Рыжковых родилось уже двое детей: дочь Татьяна и сын Владимир.

Комментарий Светланы Деревщиковой: «Моя мама работает учительницей. Вся наша семья верующая. У нас в доме есть иконы, даже оформлены два святых угла: один на кухне, другой в маминной комнате. Я не могу представить себе, что мы от кого-то прячем иконы, боимся ходить в церковь. Я впервые узнала, что учителю многое запрещалось, даже верить в Бога».

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА

Какой работой должен был заниматься учитель в селе, кроме обучения детей? Екатерина Иосифовна рассказала, что у учителя было очень много поручений — так называемая общественная нагрузка, особенно у историка. Историк был в курсе всех политических событий за рубежом и в нашей стране. Это сейчас все узнают по телевидению, да еще есть Интернет. А тогда, в 50-е годы в селе не было ни одного телевизора, по редкости у кого-то радио. Газет выписывалось мало. А кому их читать, если основная часть населения была малограмотная или совсем безграмотная? Газеты брали в сельском совете и в правлении колхоза. Нужно было их взять, прочитать, подготовиться к политинформации. Проводилась политинформация по субботам со школьниками, по выходным — с местным населением. Что говорить о простых колхозниках, если председатель сельского совета Михаил Сидорович Трухачев был безграмотным человеком. Но очень хотел показать, что умеет читать. Если кто-нибудь зайдет в сельский совет, он берет в руки газету, смотрит в нее, как будто читает.

Однажды зашла Екатерина Иосифовна в сельский совет за газетами, а председатель вверх тормашками держит газету, и смотрит в нее внимательно, будто бы читает. Она спрашивает у него: «Ну, что в газете пишут?» А он отвечает: «Да опять авария. Лошадь перевернулась прямо с телегой». Заглянула Екатерина Ивановна в газету, а там и вправду фотография лошади с телегой, но он-то ее вверх ногами смотрит. Вот она и перевернулась у него на картинке. Еле удержалась от смеха молодая учительница. Но не подала виду, что догадалась, что председатель сельского совета может только ставить печать и расписываться. А газету вверх ногами читает. Вот таким было население села Мастюгино в конце 50-х — начале 60-х годов XX века.

Рассказывает Мария Егоровна Асеева: «Перед большими советскими праздниками проводились в клубе торжественные собрания. С докладом выступала учитель истории Екатерина Иосифовна Рыжкова. Ей нужно было не менее 45 минут говорить про Октябрьскую революцию, день Советской Армии, 1 Мая, Международный женский день 8 марта. Иногда, если кто-то из начальства опаздывал на собрание, просили учительницу говорить подольше. И так из года в год, ни разу никто не заменил Екатерину Ивановну. Слушали доклады охотно пожилые люди, а молодежь ждала, скорее бы закончилось торжественное собрание и начали показывать бесплатное кино. Обычно за кино нужно было платить 20 копеек, а если двухсерийное, то 40 копеек. Не у всех были деньги, а по праздникам кино показывали бесплатно, все оплачивал колхоз. До доклада ли было? Поэтому молодежь вела себя шумно. Думали „выкурить учительницу со сцены“, чтоб скорее смотреть кино. Она сама понимала, что пора заканчивать, но ей поручили потянуть время, подождать начальство».

Учителя занимались агитацией. Например, на заем. Нужно было обойти все село и всеми правдами и неправдами уговорить население подписаться на заем. Как только объявлялся очередной заем, так учителей отправляли агитировать. А население, видя, что учителя ходят от одной избы в другую, догадывались о цели их визита и закрывали двери наглушки. Екатерина Иосифовна со своей коллегой Клавдией Мироновой пришла в один дом. Стали рассказывать, что необходимо отдать трудовые сбережения в займы государству. На что хозяйка дома ответила: «А я сижу и думаю, к чему же мне во сне сегодня приснились две собаки. Вот вы и пришли». Вот таким было отношение населения к этой акции. Хотели учителя прочесть стихотворение, которое выучили для агитации, но после таких слов, язык будто присох к небу. Несколько строк Екатерина Иосифовна из этого стихотворения помнит до сих пор:

В борьбе за мир мы строили счастье наше,
Своим трудом и трудовым рублем,
Чтоб жизнь была еще светлей и краше —
Вы подпишитесь на заем!

Комментарий Татьяны Симоновой: «В районной газете „Новая жизнь“ за 1956 год встречается много статей о том, как трудящиеся района активно подписываются на заем, проявляют высокую активность, целыми трудовыми коллективами „отвечая на заботу Коммунистической Партии о колхозном крестьянстве, колхозники решили сдать Родине часть своих трудовых сбережений“. В газетах писали одно, а на самом деле очень неохотно народ отдавал свои деньги государству. Чувствовал, что обманет его государство, как и произошло на самом деле».

За все годы только один раз мастюгинцы выполнили план по займу. Учителя не просто агитировали население, а просто-напросто просили, уговаривали. Уж очень строгим был приказ директора школы и уполномоченного из района. А затем местное население посылало проклятья в адрес учителей, называя их обманщиками. Получалось, что не государство обмануло народ, а учителя.

Учитель истории отвечал в школе за подготовку ребят к вступлению в комсомол. Вел кружок «Будущий комсомолец», на котором изучался Устав ВЛКСМ. И как всегда до школы доводили план: сколько человек нужно было принять в комсомол за каждый месяц. Сначала ребят принимали в комсомол в школе, а затем везли в РК ВЛКСМ в город Острогжск за 40 км. Сопровождал группу либо пионерский вожатый, либо учитель истории. В райкоме ребят вызывали по одному в кабинет к секретарю и задавали вопросы в основном по Уставу. Ученики нашей школы почти всегда были хорошо подготовлены. Устав ВЛКСМ знали нормально.

Но однажды в районе поменялся секретарь. Стал возглавлять районную комсомольскую организацию бывший выпускник нашей школы Иван Сергиенко. Он вопросы начал задавать не по Уставу, а на общее развитие детей. И спросил у одного комсомольца: «А какая у тебя национальность?» А тот ответил: «Мастюган». Крепко влетело тогда учительнице истории, что ученик не знает своей национальности. По всему району на всех совещаниях склоняли и детей, и учителя истории за то, что ученики Мастюгинской школы не знают свою национальность. После этого случая, если приезжали в школу проверяющие, то в первую очередь спрашивали у детей национальность.

Любил новый комсомольский секретарь спрашивать у ребят фамилии всех секретарей комсомола и партии. С одним секретарем также произошел курьезный случай. Секретаря Острогжского РК КПСС звали Митрофан Мамонович Мамонов. Дети все время путали имена и фамилии их всех. Ребята часто называли секретаря райкома КПСС Леонидом Ильичом Мамоновым, а генерального секретаря — Митрофаном Мамоновичем Брежневым. За это учеников стыдили. Но когда на вопрос: кто является генеральным секретарем ЦК КПСС, одна девочка ответила: «Митрофан Мамонович Мамонов», — все члены комиссии довольно заулыбались и не поспешили исправить ошибку. Наверное, мечтали о своем Острогжском генеральном секретаре.

Это еще не вся общественная нагрузка, которая была у учителя; кроме этого нужно было читать лекции и доклады на полях, фермах, обязательно один раз в месяц подготовить доклад на партийное собрание. В общем, бесконечные собрания и совещания. Прибежит Екатерина Иосифовна домой, стоговит детям поест, замочит белье, чтобы ночью вручную постирать, и бежит снова на какое-нибудь мероприятие. Свекор, видя эту суету, говорил: «Наша Катька живет, как на картине „Кухаркина дочь в перерывах между совещаниями“». Где Иван Леонтьевич увидел такую картинку? Это ведь была насмешка над советской властью — над словами, которые приписывались Ленину, что у нас каждая кухарка должна научиться управлять государством.

По важным событиям, происходившим в стране, в школе всегда проходили митинги. Историк готовил длинную речь. Самый первый митинг с участием Екатерины Иосифовны был проведен в день смерти Сталина. Этот день был необычным для молодой учительницы. Она обновила свое бостоновое пальто вишневого цвета и шла в школу с приподнятым настроением. Уже представляла, как коллеги будут рассматривать пальто. Ведь покупка новой вещи была настоящим

событием в ту пору. Учителя из года в год носили одно и то же. Первым встретил ее на пороге школы директор и сказал: «Что нарядилась? Сталин умер, а ты красное пальто надела. Иди, оденься поскромнее и привяжи на рукав черную повязку. Будешь проводить митинг!» Екатерина заплакала. В слезах зашла в учительскую. Коллеги подумали, что она плачет по Сталину. А Катя плакала от обиды. Уж очень грубо обошелся с ней директор. Да и пальто было не красное, а вишневое. И митинг молодая учительница могла бы провести и в этом пальто. Зачем идти домой, надевать старое, потертое? Ей даже показалось, что траур по вождю никогда не закончится и ей не придется надеть свое пальто.

На митинге, посвященном полету Юрия Гагарина в космос, плакали все от радости: и ученики, и учителя. Свою речь, произнесенную на этом митинге, Екатерина Иосифовна помнит до сих пор. Она начиналась такими словами: «В космос полетел человек — наш советский человек — летчик-майор Гагарин. Просто нет слов, чтобы передать радость, охватившую нас, когда услышали сообщение ТАСС». Учительнице не дали договорить. Все стали прыгать от радости, как дети. В конце выступления она должна была сказать, что нам нужно лучше трудиться, а детям хорошо учиться, чтобы стать такими, как Гагарин и ученые, которые изобрели корабль для полета в космос. Но до конца она свою речь не договорила. Уже никто ничего не слушал, все кричали, хлопали в ладоши. Замечаний от начальства за это не получила. Может быть, даже не заметили.

С благодарностью Екатерина Иосифовна вспоминает своего покойного мужа Тихона Ивановича. Очень много он ей помогал по дому. Детей накормит, с хозяйством управится. Ведь у них была еще и корова, которая доставляла много хлопот. А без коровы в деревне жить трудно. Особенно в то время, когда Тихон Иванович в колхозе работал за трудодни, а Екатерина Иосифовна получала маленькую зарплату.

Еще была одна проблема у сельского учителя — купить в магазине хлеб. В магазине за хлебом всегда выстраивалась огромная очередь. Хлеба покупали по многу. Ввели даже ограничение — больше шести буханок в руки не давать. А что для большой семьи шесть буханок, когда едоков по двенадцать человек? Значит, на следующий день эти же люди снова будут стоять в очереди за хлебом. С утра у магазина уже стояла толпа. Учителю стоять в очереди было некогда, у него уроки. Попросили председателя совета, чтобы учителям продавали хлеб без очереди. Договориться-то договорились, но население таким решением было недоволено. Придут учителя за хлебом, и пойдет чуть слышный шепоток в очереди: «Вот они — легкорукые пришли». Учителям ничего на это ответить было нельзя, они культурные, грамотные, в спор вступать — значило показать свою невоспитанность. Вот и терпели.

ОБРАЗОВАНИЕ

Коллектив учителей школы-семилетки состоял в основном из фронтовиков и молодых преподавателей такого же возраста, как Екатерина Иосифовна. Все закончили учительский институт в городе Россошь Воронежской области.

После Великой Отечественной войны страна нуждалась в учительских кадрах. Молодые люди с образованием 10 классов учились в учительском институте два года, получали диплом учителя с незаконченным высшим образованием и шли работать в школу.

В 1951 году в школе работало много мужчин: директор Василий Никандрович Уразов, завуч Василий Алексеевич Тюхтин, учитель русского языка Леонид Осипович Соломин, учитель биологии Ефим Егорович Ерин, Павел Илларионович Кобелев. Все мужчины — фронтовики. Женщин в коллективе было и тогда больше, чем мужчин; одна из них, Клавдия Мироновна Косинова, — тоже фронтовичка.

В 1959 году Екатерина Иосифовна поступила на заочное обучение в Тамбовский педагогический институт на исторический факультет. В то время в Воронежском институте не было истфака, поэтому пришлось ехать в Тамбов. Поступила легко, хотя и был большой конкурс. Проблема была в другом. Согласятся ли родители Тихона присматривать за двумя детьми, пока невестка будет на сессии? Свекровь была не против. Даже с гордостью сообщала соседям: «Наша Катерина выше учиться пошла». А свекор хитро улыбался: «Пусть идет учиться, что ей еще делать?» Он считал, что невестка от безделья поступила в педагогический институт, и высшее образование ей не нужно.

Из нашей школы первыми поехали поступать в педагогический институт директор школы, завуч и конечно же учитель истории. Екатерина Иосифовна просила отложить ее поступление до следующего года, потому что была беременна третьим ребенком. Ведь мог же поехать кто-нибудь еще, потому что в коллективе насчитывалось больше 20 учителей, и все они были без высшего образования. Не разрешили, особое отношение было и в коллективе, и в районе к учителям истории. Историка приходилось быть всегда впереди всех, всем показывать пример.

Как уже было сказано выше, Екатерина поступила в институт, но на зимнюю сессию поехать не смогла. В середине декабря 1959 года родилась дочь Нина. Летом, когда Ниночке исполнилось полгода, поехала Екатерина Иосифовна сдавать экзамены сразу за две сессии: зимнюю и летнюю. Сдать нужно было как можно скорее, чтобы с ребенком вернуться домой. Оставит Нину у хозяйки квартиры, где остановились на время сессии, и бежит в институт. Затем прибежит, покормит дочку грудью и снова на занятия. Когда не удавалось уйти с занятий, то хозяйка кормила девочку печеньем. Размочит печенье водой, завернет в марлю и даст Ниночке в ротик. Та лежит и сосет эту марлевую соску с печеньем. Намучились обе: и мать, и ребенок. Да и хозяйке досталось. Но добрейшая была женщина. Екатерина Иосифовна вспоминает ее всегда добрым словом. Присматривала она за Ниночкой, и совершенно бесплатно.

Комментарий Татьяны Симоновой: «Я была поражена услышанным. Как можно было так кормить ребенка? И почему Екатерина Иосифовна не оставила на время малышку дома? Оказалось, что и в семье, и во всем селе считалось: если

женщина не будет кормить грудью ребенка до года, то он вырастет слабым, будет часто болеть. А если бы она оставила свою Ниночку хотя бы на недельку, то молоко бы у женщины пропало. Вот и пришлось ребенка везти с собой в Тамбов. Когда я поделилась своими мыслями со своей бабушкой Марией Тимофеевной Симоновой, то она ничуть не удивилась таким кормлением дочки и сказала, что у Екатерины Иосифовны были деньги, она и покупала ребенку печенье, а колхозники денег не получали и детей подкармливали хлебом, завернутым в тряпочку. Мне очень тяжело все это представить. И даже, честно говоря, я не могу понять: почему были такие ужасные условия жизни у людей? Ведь это было уже во второй половине XX века, а не в Средневековье же?»

Институт закончила наша собеседница в 1964 году. Она говорит, что диплом о высшем образовании был для нее большой гордостью. На протяжении многих лет ни у одной женщины в школе не было высшего образования, да и во всем селе так же. По праздникам Екатерина Иосифовна надевала свой парадный костюм, на котором был прикреплен значок, который выдавался вместе с дипломом. Он до сих пор хранится у старенькой учительницы. И как мы заметили, является предметом гордости для Екатерины Иосифовны.

Проведя несколько дней за беседой у Екатерины Иосифовны Рыжковой, мы пришли к выводу, что в советское время учитель постоянно находился под каким-то негласным контролем со стороны властей. Особенно учитель истории. Учителя должны были выполнять массу дополнительной общественной работы, проводить агитацию, убеждать людей в том, во что сами в большинстве своем не верили. Мы думаем, что в таких условиях очень трудно было жить и работать. Не было никакой свободы. Но наша собеседница в таких условиях проработала в нашей школе с 1951 по 1996 год. Только сейчас она стала открыто, не боясь, говорить о том, что ее волновало в ту пору.

Несмотря на унижения, которые перенесла Екатерина Иосифовна, она осталась верна своему предмету. Многие в нашем селе говорят: «Да Иосифовна помешана на своей истории». Мы поняли, почему у односельчан сложилось такое мнение. Каждая наша встреча заканчивалась то греко-персидскими войнами, то восстанием Степана Разина, то преобразованиями Петра Великого. Она и в своем восьмидесятипятiletнем возрасте несет просвещение в массы. И еще мы поняли, что старенькой учительнице очень хотелось рассказать нам о том, что накопилось у нее на душе и о чем она не могла сказать своим ученикам на уроках. Вот почему у нас получился такой рассказ о сельской учительнице.

Пожалели мы о том, что нам не пришлось изучать историю у Екатерины Иосифовны. наших родителей учила эта замечательная женщина, и у многих история была самым любимым предметом в школе.

Мы узнали от Екатерины Иосифовны, что самым главным событием в ее учительской жизни было открытие новой школы в селе. Многие годы занятия проводились в старой школе, которая была построена еще до Октябрьской революции, затем после Великой Отечественной войны отремонтирована и расширена

за счет пристройки. Дети учились в две смены. И только в 1972 году была построена новая школа. В школьном музее наш руководитель Мария Егоровна Асеева показала нам фотографии, где идет подготовка к строительству школы, и фотография, на которой мы увидели Екатерину Иосифовну. Она снята за трибуной. На фотографии стоит подпись: «Рыжкова Е.И. благодарит строителей, 1972 г.». Когда мы показали учительнице это фото, она сказала: «Вот здесь за трибуну впервые я стала с большим удовольствием и выступала от всей души. Это была огромная радость для всех нас — открытие новой школы».

Сегодня в школе многое изменилось. В классах обучается в среднем по пять-шесть детей. Теперь никто не называет Мастюгино «Маленьким Китаем», ученики не ждут субботней политинформации, все новости они, если хотят, увидят по телевизору, узнают из Интернета, прочитают в газете. А о том, как жили учителя и их воспитанники 50 и более лет назад, они могут узнать в школьном музее или из воспоминаний ветеранов. Важно сравнить условия обучения и проживания людей старшего поколения и наши, чтобы по-настоящему оценить время, в которое мы живем.

Засуха

Человек и власть в условиях природного бедствия

Юлия Шеянова

с. Ельники, Мордовия,

научный руководитель Е.В. Никишова

Лето 2010 года было чрезвычайно засушливым. Каждый житель нашего Ельниковского района ежедневно ощущал это: жаркое солнце сжигало посевы, а дым и смрад мешали дышать. К счастью, в нашем районе не было сильных пожаров, но горел заповедник имени Смидовича в соседнем Темниковском районе, и от туда дым ветром приносило к нам в село.

Так уж заведено, что каждый вечер старожилы Заречной улицы, на которой я живу, собираются по вечерам около домов на лавочках и обсуждают последние новости. Этим летом каждый раз они начинали одни и те же разговоры — о засухе. Многие вспоминали засушливый 1972-й год, а более пожилые — страшные послевоенные 1946-й и 1947-й. Я слушала эти воспоминания, и то, что рассказывали бабушки, приводило меня в ужас. Особенно рассказ о послевоенных годах.

Вспоминали бабушки то время со слезами на глазах и повторяли: «Не приведи Господь, чтобы это повторилось...» И никто из стариков, рассказывая о послевоенных годах, не произнес слов благодарности в адрес государства.

Как-то сама собой определилась тема моей работы: «Засуха. Человек и власть в условиях природного бедствия». Я решила написать о жизни односельчан во время трех засух — 1946, 1972 и 2010 годов.

Особенно тяжелыми были 1946–1947 годы. Мало того, что на дворе шел первый послевоенный год и люди еще не оправились после войны, так в дополнение к этому еще и природа сыграла с народом «злую шутку» — «объявила» засуху. Люди пухли от голода, увеличилась смертность, домашние животные от бескормицы не могли стоять на ногах.

Судя по рассказам старожил и моих родственников, ситуация была иной в засуху 1972 года, а засуху 2010-го я видела сама.

ЗАСУХА 1946 ГОДА

Свою работу я начала с записей воспоминаний старожил. Одно дело послушать рассказы бабушек на лавочке, а другое — записать их воспоминания. Это люди преклонного возраста, в основном с начальным образованием, а то и меньше, всего один класс начальной школы. Но я удивилась их природной мудрости, жизненному опыту и общительности.

Воспоминания Елизаветы Ивановны Хреновой (83 года): «1946 год выдался для нас тяжелым и засушливым. Тяжелым не только из-за того, что шел первый послевоенный год, а еще и из-за того, что урожая мы почти не собрали. В следующем году картошку даже сажали очистками. Урожая-то мы не собрали, а налоги все равно „вынь да положь“. Налоговые агенты приходили к домам, ругались. А что отдашь, если не уродилось? Самим хоть с голоду умирай, а государству отдай! У нас по сбору государственных поставок был Тявин Павел, человек черствый и придиричивый. А по сбору налогов была Зеленцова Евдокия, мы ее так и прозвали „железная женщина“, потому что сердце у нее было будто металлическое. Я помню, как ее матери нечем было платить налог, так вот, Евдокия даже теленка со двора хотела увести. В памяти до сих пор стоит плач ее матери: „Теленка забери, может, и корову забереешь, а семья голодать будет“. Но это были еще цветочки... Вот 1947 год действительно показал нам цену каждому листочку, растущему на поле... Потому что в этот год весной мы питались всем, что росло на поле, лугу, в лесу».

Воспоминания Тамары Васильевны Хреновой (72 года): «В 1946 году ни поесть, ни обувь, ни одеть нет, а тут и засуха, будто бы все к одному подошло... Ели мы, что лес да поле давали: коневник, лебеда, ореховы сережки, сорняки из ржи ходили собирать. Наберешь травы, посыплешь немножко мучичкой, да в печь. Вот по этому нехитрому рецепту все семьи хлеб и пекли. Раньше ведь, даже сорняки из хлебного поля запрещали собирать.

Я помню, как мы с братом да сосед наш пошли за сорняками, за лебедой, насобирали по узелочку да домой возвращаемся, а тут навстречу нам полевод местный, Скворцов, остановил и спрашивает: „Вы где траву рвали? Показывайте свои узелки!“ Растрепал наши вязаночки, да не нашел зерна, а вот у соседа в вязанке пять колосков было, так он этими колосками по лицу его, по лицу отхлыстал, да и судили потом соседа-то за пять колосков. Ой, как вспомню, аж слезы к глазам подходят. Вот уж казалось, война закончилась, людям жить да радоваться, ан нет...

За один трудодень давали по 200 граммов зернеца, а разве накормишь семью-то этими крошками? Вот матери пойдут в колхоз на работу, а как раз покос начинался, сядут отдохнуть и, пока отдыхают, немного колосков нашелушат, да по кармашкам напрячут или за пазуху насыплют. И вот с этими зернышками домой овражкима бегут, чтоб детей накормить. А если уж поймают кого, то строго судили за эти кармашки. А люди что, ведь помирать-то не хочется, их нужда заставляла воровать. Я помню, судили даже не только за воровство, но и за невыработку трудодней, полагалось вроде 240 отработать, а уж кто не отработывал, давали принудработы.

Ох, и зима 1946-го выдалась, бураны, метели страшные, а сугробы были в человеческий рост. У некоторых девок даже волосы к стенам примерзали ночью. А что делать, дров-то нет. Пиксайку тогда всю до кустика вырубил, а в Уркатский лес поедешь, наберешь немного хвороста, а Мордвин [лесник] встретит, да салазки-то и свалит. Вот ведь было время, не давали хлеба даже женщине, у которой муж на войне погиб и детки остались мал мала меньше. Да, тяжелый год был, а тут еще и государственные поставки надо платить. Сам ты можешь вообще и не есть, а государству отдай».

Воспоминания Веры Петровны Бороновой (71 год): «Хотя мне и было всего 8 лет, но тот год нельзя забыть. Голодно было всем, и взрослым, и детям, и скотине. Да... голод всех тогда поровнял. Не было такой семьи, где бы ни ели лебеды, березовой коры, бздики, коневника, хвоща. Вот сейчас про хвощ говорят, что он ядовитый, а мы его ели и привкус у него был такой сладковатый. Еще ели иву, когда на ней появлялись шишечки, бывало, идешь в школу, нарвешь такой букет и до школы ешь почки.

Ходили в лес за липовыми листьями, а там лесником был Семен Шубников, вот он за эти листья нас гонял. Много травы ели, потому что голод свое брал. Как только молодая крапива подойдет, мы ее срывали и несли домой. А там уж мама из нее щи сварит. Для нашей семьи облегчением было то, что у нас была коровка, все мы ели с молочком, конечно, о мясе тогда и речи никто не вел. Ранней весной ходили по полям, собирали мерзлую картошку, принесешь ее домой, она грязная, мягкая. Мама ее вымоет, потолчет в ступе, добавит туда немного лебеды и вот тесто для блинов и лепешек готово. Прошла эта голодная весна с горем пополам, дожили до нового урожая. Когда поспел новый урожай и убирали поля, мы вставали очень рано и ходили собирать колосья, но эти колосья свободно не давали собирать. Раньше ведь поля на лошадях объезжали объездчики, проверяли, не собирает ли кто колосья. Вот мы наберем немножко колосков, а тут объездчики. Эх, мы в лес убежим, спрячемся и сидим там дотемна, а потом оврагами-оврагами и домой. Вот так и жили...

Тогда ведь мало того, что самим есть нечего было, так еще и государству паек отдать надо. Народ ходил измученный голодом и изнеможенный налогами. Налоги, просто сказать, душили. Мама моя была швеей, и после войны к нам в дом многие приходили и просили перешивать шинели, так вот было у нас две машинки, одна обычная, а другая „Зингер“, мама тогда очень уж ее хвалила. Так вот, нам со швейных машинок тоже полагалось налог платить и маме пришлось продать ее любимый „Зингер“. Придет, бывало, Тявин за налогом, а чем платить, денег-то ведь нет, вот он то овцу со двора уведет, то телка, то картошку всю из погреба выгребет. На улице про него даже скороговорку сложили: „Где Тявин пройдет, там семь лет не растет“».

Из архивных документов за 1946–1948 годы я узнала, что несколько лучше жили учителя и врачи, а также рабочие промартели имени Тельмана. Они получали хлеб по карточкам, а учителя получали один килограмм сахара в квартал. Мне удалось найти в ЦГА РМ документ за август 1946 года, в котором говорится, что на нужды хлебопечения для обеспечения карточек на полугодие было выделено 252 центнера муки.

Это подтвердил старожил села Василий Васильевич Евсеев (72 года): «У населения в те времена практически не было продуктов питания. Хлеб тогда выдавали по карточкам в строго определенном размере. Но не всем, хлеб давали рабоче-служащему классу в расчете 400 граммов на человека. При продаже хлеба была высокая точность. Если в куске хлеба были лишние 20–30 граммов, продавец их отрезал. Мои родители работали в колхозе имени Кирова и за один отработанный трудовой день им давали по 200 граммов зерна. Помню, к Спасову дню у них было 400 трудодней на двоих. Им дали за их труд в течение полугода

80 килограммов зерна. Зерно нужно было размолоть на муку и растянуть до следующего получения, а когда оно будет, никто не знал, может через полгода, а может и больше».

Листая подшивки газет, я сделала для себя неожиданное открытие: в них не было ни слова о засухе. Ни слова не говорилось и о том, как тяжело живется людям. О чем же писали газеты? О юбилеях революционеров, писателей и руководителей ВКП(б), о подготовке к предстоящим первым послевоенным выборам в местные советы. Видимо, в условиях предвыборной компании было дано указание руководства страны писать в газетах лишь о хорошем.

Вот некоторые заголовки из газет той поры: «Наши первые кандидаты», «Отдадим свои голоса славным патриотам Родины — кандидатам Сталинского блока коммунистов и беспартийных», «Депутат — слуга народа», «Великий революционер и строитель Советского государства (М.И. Калинин)», «Под руководством Сталина, по Ленинскому пути (о работе агитаторов)», «Избиратель, проверил ли ты себя в списках?», «Выдвижение кандидатов в депутаты сельских советов».

Как говорят, отрицательный результат — тоже результат. По нужной мне теме я не нашла ничего, но сделала вывод, что народ тогда жил своей жизнью, а государство — своей.

После чтения газет я приступила к изучению протоколов заседаний Ельниковского райкома ВКП(б) и райисполкома. Здесь я нашла материалы, правда, лишь о засухе, а о положении людей — снова ничего.

28 августа 1946 года состоялся IX пленум Ельниковского РК ВКП(б). На Пленуме был рассмотрен вопрос о состоянии дел в сельском хозяйстве. В выступлениях секретаря райкома партии А.Н. Гульнина и исполняющего обязанности председателя райисполкома Панкратова отмечалось, что в колхозах очень низкая урожайность зерновых культур и сдача хлеба государству срывается. В постановлении Пленума было записано, что колхоз «Борьба» Ново-Никольского сельского совета выполнил план поставки зерна только на 7%, а колхоз имени 7-го съезда Советов этого же сельсовета — на 1%; колхоз имени Крупской Старо-Девиченского сельсовета — на 4%; колхоз Красная Варма Ветляйского сельсовета — на 2%. Район отстает в этом году не только по сдаче хлеба, но и по всем видам заготовок. Мясо заготовлено против прошлого года в два раза меньше, овощей — в три раза.

Причины невыполнения плана государству Панкратов видел в следующем: «Климатические условия нынешнего года, засуха, не дают нам права снижать план хлебопоставок. Государство нам оказывает помощь, весной мы получили большое количество ссуды, нам облегчили выполнение хлебопоставок тем, что открыли глубинные пункты в районе, беда вся в том, что секретари первичных парторганизаций ослабили эту работу. Старо-Девиченские колхозы имени Ильича и имени Крупской за последнюю пятидневку не сдали ни одного килограмма хлеба. В колхозах Софьинского сельского совета надо организовать проверку, почему

задерживается сдача хлеба. В Мордовских Полянках (секретарь парторганизации т. Богдашкин) много неубранного хлеба, секретари парторганизаций должны организовать работу так, чтобы в течение пяти суток убрать яровые культуры и не позднее 1 октября закончить рытье картофеля, саботажников в сдаче хлеба привлекать к ответственности».

Я не согласна с Панкратовым. Не саботажники срывали сдачу хлеба, просто сдавать было нечего, ведь жаркое солнце летом выжгло почти все посевы на колхозных полях.

В работе этого пленума принимал участие Н.Я. Тингаев, председатель Совета Министров Мордовской АССР. Его выступление составлено в духе того времени, по тем шаблонам, по которым строились тогда выступления руководителей разных уровней. Привожу цитату из его выступления:

Война расшатала хозяйство Советского Союза, кроме того, в 53 областях мы имеем засуху, это говорит о том, что вопрос о хлебе приобретает исключительное значение. На 15 августа по Мордовии план хлебопоставок выполнен на 24,4%. Ельниковский район имеет выполнение на 23%, т. е. ниже общереспубликанских. Бюро Мордовского ОК ВКП(б) поручило мне предьявить претензии к бюро, Пленуму РК ВКП(б), Исполкому Райсовета, которые не поняли важности вопроса о сдаче хлеба, не организовали большевистскую борьбу за хлеб.

Протоколы пленума интересны тем, что впервые в документах тех лет, а именно в конце августа 1946 года я, наконец, встретила слово «засуха». Я уже писала, что в районной газете в жаркие месяцы лета 1946 года о засухе даже не упоминалось. Кроме того из документов видно, что республиканский руководитель даже не пытается проанализировать причины несдачи хлеба государству. Он объясняет это тем, что «не организована большевистская борьба за хлеб».

Хотя власть умалчивала о тяжелых последствиях засухи, но документы о работе медицинских учреждений, которые хранятся в Ельниковском муниципальном архиве, не говорят, а просто кричат об этом.

Вот приказ № 31 от 3 июня 1947 года по Ельниковской больнице: «Ввиду большого наплыва в больницу дистрофиков, а коек для госпитализации не хватает, поэтому имеющиеся больничные койки на квартирах и общежитиях мед. работников, обязываю гл. врача Юдина возратить в больницу в 24-часовой срок. Зав. райздрава Кротова».

Надо сказать, что материальное состояние больницы было очень плохим. В августе 1946-го положение со здравоохранением было рассмотрено на заседании Ельниковского райисполкома. Председатель райисполкома отметил, что питание больных в Ельниковской больнице недостаточное и однообразное, были случаи перебоя с хлебом. Наряды на продукты питания отовариваются не полностью. Санитарное состояние больницы неудовлетворительное, так как здание требует неотложного ремонта (печи, остекление окон, ремонт полов, побелка помещений).

Оснащенность инвентарем недостаточна, одеяла, матрацы имеют изношенность на 70–80%. У некоторых больных отсутствуют пододеяльники, матрацы набиты сеном, соломой слабо. Имеется большой недостаток кухонной посуды.

Вряд ли перечисленные недостатки можно отнести к плохому исполнению медработниками своих обязанностей. Что касается инвентаря и посуды, в годы войны они в больницу не поступали, да и в первый послевоенный год оборудование шло главным образом в села и города, разрушенные войной. Вот в таких условиях медицинские работники работали в первые послевоенные годы.

Врач Ельниковской больницы тех лет В.С. Лубошников (88 лет) рассказала: «Хорошо помню зиму 1946/47 года. К нам начали поступать жители района с диагнозом „голодная дистрофия“. Больных было столько, что до отказа заполнили все помещения. Больных клали в амбулаторию, в кабинетах врачей и прямо на пол. Кроватей для всех не хватало. Набивали тюки соломой, клали их на пол, застилали простынями и на них укладывали больных. При дистрофии обострялись все хронические заболевания, основным лекарством для таких больных была еда. Больные опасались, что медицинские сестры разливают им не все, что сварено на кухне. Однажды, один больной подозвал меня к себе и сказал: „Делите обед сами, мы думаем, что сестры берут себе“. Возможно, этого и не было, но больные боялись, что им достанется меньше, а еда была самая простая: суп, каша, хлеб. Чтобы не расстраивать больных, я вынуждена была сама наливать им половником из больших кастрюль, которые носили медсестры».

Смертность в Ельниках была в тот момент очень высокой — люди были ослаблены голодом. Множество безвестных предков — наших дедов, прадедов и прапрадедов, а также женщин и детей ложилось в землю один за другим. Почему безвестных? Во многих семьях хоронили без получения свидетельства о смерти, особенно если старый человек умирал дома. Кресты на могилах не ставили, надписи не делали. Постепенно могильные холмики обсыпались и сравнивались с землей. Лежащие в безымянных могилах пережили коллективизацию и войну, но голод вынести не смогли.

Василий Васильевич Евсеев рассказал о том, как в 1947 году хоронили людей: «Я, как житель улицы Заречной, запомнил эти трагические годы, потому что дорога на кладбище шла по этой улице. Я жил почти рядом с кладбищем и мимо нашего дома иногда проносили по 4–5 гробов в день. Мы были школьниками и всегда сопровождали похоронные процессии. Машин тогда не было, лошади были крайне истощенными, гробы несли на холстах. Мы бежали вслед, потому что нам нравилось, как „служили“ монашки над умершими, печально и протяжно пели молитвы. В те годы даже хоронили без крестов, просто делали холмики и все. А крестов не ставили вот почему. В те года дров в достатке не было, в войну сожгли даже кресты, чтобы хоть немного согреться. Мы часто бывали на кладбище и всегда видели на могилах только бугорочки».

Где же было государство? Неужели руководители страны не знали об обстановке в районе, пораженных засухой? Я уверена, знали, но замалчивали. Почему же

государство не боролось за спасение людей? Ведь война унесла столько жизней (по мнению историков — до 30 миллионов). Казалось бы, теперь нужно бороться за жизнь каждого человека. Но руководство страны совершенно не помогало людям выбираться из бедственного положения.

Весенний сев 1947 года проходил очень тяжело. 22 мая 1947 года районная газета «Заря Коммуны» писала о работе колхоза имени Кирова: «Парторганизация колхоза имени „Кирова“ неудовлетворительно выполняет решения бюро РК ВКП(б) о мобилизации всех сил колхоза на успешное завершение весеннего сева, в результате чего колхоз посеял только 159,4 гектара и вспахал 175 гектаров из 446 га по плану».

Вследствие голодной зимовки скота весной 1947 года остался невыполненным план и по поставке молока. Районная газета 29 мая 1947 года писала: «Следует отметить, что выполнение государственного плана молокопоставок проходит в нашем районе совершенно неудовлетворительно и полугодовальный план выполнен всего лишь 30,5%. Причины срыва плана молокопоставок заключаются в том, что председатели сельских советов и колхозов района не руководят делом заготовок, не оценили государственной важности их и пустили на самотек. Больше того, эта недооценка заготовок животноводческой продукции в ряде сельских советов переросла в явную антигосударственную практику, выразившуюся в разбазаривании молока, в упорном нежелании выполнять государственные обязательства. Причем в числе должников — сами руководящие работники села, коммунисты и комсомольцы».

Я снова выделила несколько фраз — опять причины срыва плана сдачи молока не в том, что коровы еле-еле на ногах стоят, а в плохом руководстве.

Лето 1947 года было не легче. Тоже стояла жара. Урожайность, как и в прошлом году, была крайне низкой. Можно сделать вывод, что и в личных хозяйствах колхозников дело обстояло так же плохо: не уродилось просо, картошка, колхозники не заготовили в нужном объеме сено для овец и коров. Я задалась вопросом: при таком катастрофическом положении после засухи дало ли государство колхозникам послабление в сдаче налогов? На этот вопрос я могу уверенно ответить: НЕТ.

ГОСПОСТАВКИ С КОЛХОЗНОГО ДВОРА

В нашем семейном архиве хранится более сотни документов тех лет. Они долго пролежали в углу старой кирпичной кладовой в фанерном сундучке. Это целый архив, и принадлежал он моему прадеду Алексею Севастьяновичу Шеянову.

Когда я начала разбирать эту пачку, первый вопрос у меня возник такой: зачем прадед хранил все эти квитанции, собранные его женой Соломандой Андреевной, моей прабабушкой? Вникнув в их содержание, я поняла зачем. Каждый колхозный двор ежегодно получал обязательство на поставку сельскохозяйственных продуктов, где указывалось, нет ли задолженности за прошлые годы. Если

есть, ее необходимо ликвидировать в текущем году. Были случаи, когда человек сдавал продукты, а по ошибке ему писали задолженность. Вот тут-то он и предъявлял квитанцию об уплате.

Судя по документам Алексея Севастьяновича можно сказать, что в то время налогами облагалась вся скотина, которая была во дворе. Например, в 1946 году государственная поставка молока составляла 95 л, масла — 3,8 кг, кроме того, нужно было сдавать овечью шерсть и куриные яйца.

Следующий документ, оказавшийся в моих руках, — обязательство по поставке государству мяса и яиц за 1948 год, где было сказано, что мой прадед должен был сдать 40 кг мяса и 75 яиц. В этом документе имеется разделение по временным промежуткам, то есть какое количество мяса прадед должен был сдать в назначенный срок. Например, в 1948 году следовало сдать 40 кг мяса: 12 кг — с 1 января по 31 марта, 6 кг — с 1 апреля по 30 июня, 10 кг — с 1 июля по 30 сентября, 12 кг — с 1 октября по 31 декабря.

Это распределение кажется довольно странным. Ладно, яйца, которые не нужно было делить от общей массы, а набирать поштучно, но как можно разделить в строго определенной мере мясо? Телок-то в хозяйстве один! Нельзя же от живого телка отрубать по частям! Вот так задача!

В деревне скот принято резать поздней осенью, когда теленок «нагуляет вес» и когда начнутся морозы, ведь никаких холодильников не было. Поэтому многие договаривались с заготовителями, что они сдадут все 40 кг именно осенью. А некоторые вынуждены были покупать мясо на базаре, чтобы не было задолженности за летние месяцы. Но денег-то не было, поэтому многие ельниковцы занимались кулерогожным промыслом. Деньги, которые выручали от продажи кулей, шли на покупку мяса, а что останется — на уплату обучения детей в старших классах школы, на покупку мыла, соли, керосина.

А вот еще одно обязательство за 1948 год — на поставку государству молока, брынзы-сыра, шерсти и кожевенного сырья. Так вот, согласно этому документу, прадед должен был сдать 750 г брынзы-сыра, 750 г шерсти и 210 л молока, причем в строго определенном количестве по месяцам.

Так, в июне прадед должен был сдать государству 38 л молока, но как такое возможно? Ведь у прадеда было 7 членов семьи, да и денежные налоги платили от продажи молока на базаре. Молоко нужно и для изготовления сыра-брынзы. К тому же, надои молока были очень низкие. Никаких концентратов не было и в помине вплоть до середины 1950-х годов. В колхозе и в домашних хозяйствах рацион коров составляли в основном сено и солома. Осенью колхозники на соломенные крыши домов даже бросали картофельную ботву. От дождей она начинала гнить, потом замерзала, но во второй половине зимы коровы и ее жадно поедали.

Сравнивая обязательства на поставку государству молока и масла в 1939 (документы за этот год сохранились полностью) и в 1948 годах, я узнала, что разница

между ними составляет 95 л (в сторону увеличения). Эта разница приводит в замешательство: как же корова может настолько увеличить надой молока? При том что никаких породистых коров тогда не было, корма, как я уже писала, плохие. Вот и приходилось оставлять себе самую малость молока, в основном — детям, а остальное шло на «поставки». Интересно, что старые люди делают в этом слове ударение на первом слоге.

В наши дни никаких «поставок» нет. Я задалась вопросом: «Когда же они были отменены»? Ответ нашла в книге «Судьбы российского крестьянства» под редакцией Ю.Н. Афанасьева: «Крайне низкая оплата труда в колхозах вынуждала крестьянина развивать свое личное хозяйство, которое после войны и в 50-е годы являлось для него основным источником доходов. Значительная часть продукции личных хозяйств сдавалась государству в обязательном порядке по очень низким ценам. В 1946 году отменили военный налог, но оставался сельскохозяйственный налог, который в 1948 и 1951 гг. был значительно увеличен. В проекте докладной записки Наркомфина СССР Г. М. Маленкову (март 1953 г.) сообщалось, что размер сельхозналога от личного подсобного хозяйства увеличивался в 5 раз по сравнению с 1939 г., в 1952 г. — еще на 15,6%. В 1953 году ограничили, а затем с 1 января 1958 года полностью отменили обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов и уменьшили сельхозналог с приусадебного участка колхозников»¹.

Да, действительно, об этом мне рассказывали старожилы нашего села. И о том, как коровки и овечки помогали выжить, и о том, как тяжелы были сельскохозяйственные «поставки», которые, как выяснилось, существовали до 1958 года. Отмена этих поставок в засушливые годы спасла бы много жизней.

ЗАСУХА 1972 ГОДА

После засухи 1946 года прошло 26 лет, и природа снова послала людям испытание. Лето 1972 года выдалось жарким и засушливым. У меня сразу возникли вопросы. Были ли последствия этой засухи такими же губительными для людей, как засухи 1946 года? Какие меры предпринимались государством для обеспечения населения продовольствием, а также для устранения пожароопасных ситуаций?

Я начну эту главу также с воспоминаний старожиллов моего села. Вот что они рассказывают.

Елена Ивановна Семелева (76 лет): «Ох... Была в тот год страшная засуха. Картошки, свеколки мало уродилось. В том году как раз завезли вместе с картошкой жука колорадского. Я его впервые на соседском огороде увидела. Делали прополку и как раз тут соседка кричит: „Бабы, бабы, вот он окаянный“, мы все ринулись посмотреть, что за чудо-юдо, гляжу: маленький желтенький и усатый».

Елизавета Ивановна Хренова (83 года): «В 1972 году я работала на току. На пшеницу головня напала. Комбайнеры приедут, бывало, на ток, посмотришь на них,

ну как медведи, все в этой пшеничной пылице. А вот хотя лето и засушливое было, но пожаров в нашем районе не было, соседние леса горели, а нас Бог сберег».

Вера Петровна Боронова (71 год): «Ну, в 1972 году пожаров у нас не было, только воздух был тяжелый, дымный. Дыма было много. У нас тогда с противопожарной обстановкой строго было, у каждого дома по кадушке с водой и сторожовка каждую ночь ходила по улице. Урожая мы хоть и собрали маловато, но такой голдухи, как после засухи 1946 года, не было».

Тамара Васильевна Хренова (72 года): «В 1972 году большая засуха была. В тот год, вот как сегодня, даже на семена картошки не набрали. А как посадка подошла, некоторые и вовсе кожурками картофельными сажали. А уж осенью у всех удивление было, такой добрый урожай собрали, никогда такого не было. Бог, наверное, наградил нас за мученья. А если уж сравнивать 2010 год с 1972-м, то сегодняшний год намного суровее по жаре и скуперее по урожайности».

Елена Васильевна Никишова (60 лет): «В 1972 году я окончила Мордовский государственный университет по специальности история и получила направление в Ельниковскую среднюю школу. Поэтому лето 1972 года памятно вдвойне — подготовка к первому в жизни учебному году и засуха. Сильная жара стояла больше месяца, но людей мучила не столько жара, сколько сизая дымка, постоянно висевшая над селом. На южной окраине села расположены торфяные массивы, которые загорелись примерно в середине июля. Когда в сторону села дул ветер с юга, дым заволакивал улицы, проникал в щели, двери. Дышать было очень трудно. Что касается социальных последствий засухи конечно же это был не 1946 год. В магазинах был все тот же стандартный набор продуктов, что и раньше — макароны, килька в томатном соусе, хлеб, сахар, растительное масло. В селе был свой маслозавод, но масло полностью отправлялось в крупные города. Саранск, столица Мордовии, уже тогда был крупным промышленным центром, и мы с радостью ездили в командировки. Талоны на продукты в то время не вводили, и в магазинах Саранска можно было купить то, чего не было у нас, — масло, сыр и колбасу. Одним словом в питании особой разницы с предыдущими годами мы не видели».

А потом я встретилась с Зинаидой Дмитриевной Ветчинниковой, которая в 1972 году работала агрономом колхоза «Рассвет» в нашем селе. Зинаида Дмитриевна вела шнуровую книгу «История полей» и посоветовала мне сходить в СПК «Рассвет» (бывший колхоз) к агроному Николаю Никитичу Малоземову. Книга сохранилась, в ней я найду все нужные сведения.

Не теряя времени, я отправилась в правление колхоза. Николай Никитич охотно предоставил шнуровые книги, в которых я нашла то, что мне было нужно, — сведения за 1972 год. Открыв одну из них, на первой странице я увидела карту с какими-то не совсем понятными цифрами. И вновь пошла к Зинаиде Дмитриевне. Она разъяснила все, что меня интересовало.

Из графика урожайности, который велся с 1940 года, я убедилась, что действительно самая низкая урожайность в колхозе относилась к 1946 и 1972 годам.

В 1946 году урожайность в колхозе составляла от 1 до 2 центнеров с гектара. В 1972-м — 8–9 центнеров. К концу 1970-х урожайность уже составляла 22–23 центнера с гектара. Чем это объясняется? Улучшением агротехники: чередование полей, применение минеральных и органических удобрений, новая сельскохозяйственная техника.

В этой же шнуровой книге Зинаида Дмитриевна в 1972 году отмечала, что в летние месяцы температура воздуха доходила до 40–43 градусов. Она же писала, что урожай кормовой свеклы плохой из-за недостатка влаги. А в следующем году она записала, что на некоторых картофельных плантациях, засеянных привозным картофелем, обнаружен колорадский жук. На этих полях три раза провели ручной сбор личинок. Колорадский жук стал настоящим бедствием. В газете «Трибуна колхозника» от 2 июня 1973 года я нашла большую статью о колорадском жуке и мерах борьбы с ним. Агроном по защите растений Виктор Петрович Боженко подробно рассказывал об этом насекомом, писал о мерах борьбы с вредителем.

Я поговорила с Виктором Петровичем по телефону (ныне он на пенсии) и вот что он мне рассказал: «Вообще-то жук появился в Ельниках в 1971 году, но жаркий 1972-й просто способствовал его быстрому распространению. В 1970 году жук был обнаружен на территории Рязанской области, а скорость его продвижения — до 200 км в год. Когда жук появился у нас, мы были не готовы для борьбы с ним. Не было химикатов и специальных машин для их распыления. Действительно в первое время личинки жука собирали вручную, но это не было эффективно. Более 50% жука оставалось на растении».

Судя по графику урожайности в колхозе «Рассвет», можно сделать вывод, что последствия засухи 1972 года были быстро преодолены. Моя бабушка Надежда Ивановна, которая в те годы работала агрохимиком, рассказала, что тогда проводились эффективные агрохимические мероприятия в колхозах, которые поднимали урожайность почв. Об этом она тоже не раз писала в районной газете.

Общий вывод: засуха 1972 года не имела катастрофических последствий ни для людей, ни для природы.

ЗАСУХА 2010 ГОДА

Засуха 1972 года стала забываться. Может быть, о ней не вспомнили бы и совсем, если бы не лето 2010 года, когда над центральной частью нашей страны завис мощный антициклон и на протяжении двух с половиной месяцев были не раз побиты все рекорды плюсовой температуры.

Я каждый день смотрела на свой уличный термометр и мечтала только об одном: чтобы ртутный столбик остановился хотя бы на отметке 30 градусов. А он все поднимался и поднимался и останавливался лишь около 40. Уже в начале июля улицы выглядели как в конце августа: трава пожелтела, а деревья начали сбрасывать листья, как осенью.

Огороды представляли собой печальное зрелище. Огуречные листья быстро пожелтели и свернулись, морковка стояла вялая, еле-еле подавая признаки жизни. Тыква напоминала резиновый мячик — жесткая оболочка, недозревшие семечки, а внутри пустота, мякоти не было совсем. Картошка не уродилась. Яблони в садах рано стали сбрасывать яблоки, так как им не хватало влаги.

Хотя последствия засухи и были печальными, но на ассортименте продукции в магазинах это не отразилось. В магазинах все так же продавались крупы, макаронные изделия, мука, сахар, консервы, фрукты, молочные и мясные продукты. Правда, цены выросли.

Одним словом, запас продовольствия был. В условиях рыночной экономики частный бизнес быстро реагирует на спрос населения. Действительно, корнеплоды у нас не уродились, но в магазинах можно купить и капусту, и морковь, и картофель. Все это в былые годы каждая семья запасала на зиму со своих огородов. Другой вопрос, что платить за это пришлось больше, особенно за картошку — 20 рублей за килограмм, таких цен даже старожилы почтенного возраста не помнят. Однако бабушки говорили: «Какой голод! Покупай что хочешь, пенсии хватит!»

Последствия засухи 2010 года более пагубны для природы и сельскохозяйственных кооперативов. Об этом можно судить, если сравнивать урожайность СПК «Рассвет» в селе Ельники за 2009 и 2010 годы.

Урожайность в 2010 году была всего 5,5 центнера с гектара, а общая посевная площадь составляла 1330 га. На 891 гектаре (67% посевной площади) посевы погибли, то есть засохли от изнурительной жары и отсутствия осадков.

Более месяца над нашим селом висела дымовая завеса. Примерно в 40 км расположен заповедник имени Смидовича. На его обширной территории обитает огромное количество зверей, птиц, рыб, насекомых и растений. Во флоре заповедника свыше 1000 видов растений, причем большое количество редких видов, занесенных в «Красную книгу». В заповеднике живут белки, зубры, пятнистые олени, маралы, барсуки, волки, лисы, куницы, норки, зайцы беляки и даже медведи. В то лето им пришлось особенно тяжело, дым мешал вырваться из огненного леса, поэтому много редких животных погибло, а выжившие звери ушли за пределы заповедника.

Из-за аномальной засухи большие участки заповедного леса погибли от огня. Об этом писала газета «Аргументы и факты»: «В заповеднике огонь повредил около половины насаждений — 16 тысяч гектаров леса. Жившие в заповеднике звери, спасаясь от огня, покинули территорию заповедника и ушли в соседние Рязанскую и Нижегородскую области».

Пожары в заповеднике начались уже в июле. Техники для их тушения не хватало. В течение месяца можно было наблюдать такую картину: около здания нашей районной администрации ранним утром десятки мужчин садились в автобусы

и уезжали по направлению к заповеднику. Они ездили прорубать лесные просеки и засыпать землей огонь, если он перекидывался из горящего леса на лесозащитную полосу. Не раз они были свидетелями, как огонь с воем и огромной скоростью распространялся по верхушкам вековых елей.

Причиной катастрофического распространения пожара в Мордовском заповеднике имени Смидовича, угрожавшего даже федеральному ядерному центру в Сарове, стала халатность должностных лиц. Такой вывод был сделан по итогам доследственной проверки.

Нынешняя засуха стала настоящим природным бедствием: обмелели реки, выгорело много леса. В Мордовии сгорело 4000 гектаров леса (помимо заповедника имени Смидовича).

О причинах пожаров говорилось много. И как выяснилось, в условиях засухи большую роль играет человеческий фактор. В «Аргументах и фактах» З. Федякова, прокурор отдела по надзору за соблюдением федерального и регионального законодательства Республики Мордовия, пишет: «Проверки выявили 246 нарушений со стороны лесничеств, Минлесхоза РМ и арендаторов леса. Контролирующие органы проводили некачественные проверки лесопользователей и привлекали к административной ответственности незаконно и, выходит, совсем не тех. Не создавались минерализованные полосы, не очищались от старых деревьев просеки... У некоторых арендаторов не было даже спецтехники для пожаротушения! Нами привлечено к ответственности 75 должностных лиц».

Можно сказать, что львиная доля причин для столь больших пожаров кроется в бесхозяйственном и безалаберном отношении человека к природе. Часто возгорания в лесу происходят по вине человека — от костров туристов, от оставленных пластиковых бутылок, которые фокусируют солнечные лучи на сухую траву. Не во всех лесах производятся опаживания по краям леса.

Но в эту засуху страдала не только природа, но и люди. Многие, а особенно люди с сердечными заболеваниями и заболеваниями дыхательных путей, перенесли это лето тяжело. Ведь в воздухе висел дым и смрад, который мешал дышать. Мало того, что палящее солнце уничтожало жарой все, что посажено в огородах и садах, но также сжигало целые деревни и оставляло людей без крова.

Завершая свою работу, я еще раз убедилась, что в разные времена в условиях стихийных бедствий жизнь людей особенно сильно зависит от действия властей. В условиях тоталитарного режима, который установился в СССР в 1930-е годы и продолжал существовать в послевоенные годы, засуха 1946 года для народа оказалась особенно пагубной.

Вот что сообщает Википедия о засухе 1946 года: «Информация о событиях 1946–1947 гг. как о голоде была впервые опубликована в СССР в 1988 году в „Истории крестьянства“, тогда его причинами были названы только катастрофическая

засуха и последствия войны. В монографии В.Ф. Зимы приводятся доводы в пользу точки зрения, по которой одной из главных причин голода стала политика советских властей: „Голода 1946–1947 гг. в СССР могло не быть, поскольку государство располагало достаточными запасами зерна. Одна его часть, не самая крупная, экспортировалась. В течение 1946–1948 гг. экспорт составлял 5,7 млн тонн зерна, что на 2,1 млн тонн больше экспорта трех предвоенных лет. Другая, основная часть запасов никак не использовалась. На непригодных для хранения складах зерно портилось настолько, что не годилось к употреблению. По неполным подсчетам за 1946–1948 гг. в целом по СССР было начисто загублено около 1 млн тонн зерна, которого могло хватить многим голодающим. Запросы региональных властей о необходимости выдачи зерна из госрезерва либо оставались без внимания, либо удовлетворялись в объеме, в 2–3 раза меньшем необходимого и через несколько месяцев после запроса“».

В этой статье для меня почти все знакомо, об этом рассказывали старожилы села. Действительно, народ выживал сам в эту страшную засуху. Новым для меня стало то, что СССР вывозил зерно за границу и имел государственный резерв зерна!!! И большую часть этого резерва просто сгноили, вместо того чтобы спасти миллионы людей!!! Каким же словом можно назвать такое правительство?! Преступное, антинародное, жестокое?!

О засухе 1972 года Википедия говорит: «Уже в мае–июне 1972 года начала наблюдаться почвенная засуха. Из-за засухи погибла яровая пшеница, ячмень, овес. Озимые выстояли в отдельных местах, где был зимой достаточно большой снежный покров... Для Советского Союза засуха стала настоящим бедствием. Были начаты закупки зерна за границей, а в Баку впервые был открыт завод по производству кондиционеров. На закупку зерна были потрачены золотовалютные резервы — 486 тонн золота было продано за рубеж (около 22 млрд долларов по нынешней стоимости золота). Советская пресса уделяла относительно мало внимания событиям того времени. Фотографии редко публиковались в газетах, а на телевидении скупо освещали события, связанные с пожарами. Однако полностью замалчивать их было невозможно. Был организован сбор отрядов добровольцев для тушения пожаров. Врачи не вели особо масштабную пропаганду, но рекомендации были — не выходить без надобности на улицу, носить марлевую повязку и пить побольше жидкости».

Судя по этой статье, в стране произошли изменения. Засуха уже не замалчивается. Хотя пресса не так много пишет об этом природном бедствии, но все же пишет. Власть проявляет заботу о населении: это и рекомендации врачей, и закупки зерна, и создание специальных отрядов для тушения пожаров. В этот период наблюдается уже несколько иное отношение власти к людям. В те годы экономика была плановой и в соответствии с планами обеспечения населения продуктами питания магазины не были пустыми. Конечно, в сельской местности ассортимент продовольствия был очень бедным, но все-таки люди не голодали.

Вывод: засуха 1972 года была для населения СССР значительно легче предыдущей засухи.

Засуху 2010 года я видела сама. Видела, что происходило с природой. По телевизору каждый день показывали сгоревшие поселки и погорельцев, которые не могли выговорить и нескольких слов от горя. Я смотрела на экран и меня не покидала мысль: а что будет с людьми, где же теперь они будут жить? Ведь скоро зима, а от их домов остались только обгоревшие головешки... Трудно было представить и поверить, что скоро все получат новое жилье. В этом случае нужно отдать должное власти: дотла сгоревшие поселки отстроены. Из федерального бюджета России для оказания материальной помощи гражданам, лишившимся жилья в результате лесных пожаров, было выделено 5 млрд рублей.

Будут ли в будущем такие стихийные бедствия, как засуха? Видимо, будут. Вопрос в том, будем ли мы готовы к ним? Сможем ли свести к минимуму их последствия? Я думаю, не только руководство страны должно задуматься об этом, но и каждый из нас. Разве трудно понять и запомнить простые правила: не разжигай в лесу костры, не бросай окурки и пластиковые бутылки.

Если взяться всем миром, проблем станет меньше.

Примечания

¹ Судьбы российского крестьянства / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 418–419.

Куба — рядом! Участие моих земляков в советско-кубинских отношениях в 60-е годы XX века

Антонина Столбовская
пос. Матвеев Курган, Ростовская область,
научный руководитель О.И. Столбовская

Я давно хотела участвовать в конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век», но не могла найти тему, которая бы меня заинтересовала. Как-то в конце мая мы с бабушкой пошли на базар и встретили ее бывшего сослуживца. Меня не очень интересовал их разговор, я просто стояла рядом, но когда мы, наконец, пошли домой, бабушка рассказала мне, что это был Петр Тимофеевич Табалин, бывший водитель автобуса, а еще раньше — матрос, который побывал на Кубе в разгар Карибского кризиса. Пока мы шли домой, я размышляла над этой информацией и поняла — вот она, моя тема! Я хочу встретиться с этим человеком и узнать его историю. Позже Петр Тимофеевич рассказал мне, что были еще матвеево-курганцы, которые побывали на Кубе. Оказалось, на Острове свободы, как в СССР называли Кубу, были и специалисты, и туристы из нашего поселка. Они часто встречались, общались между собой. Получилось такое «кубинское братство».

Время, описанное моими очевидцами, — 60-е годы XX века. Мне было интересно, как советские люди попадали на Кубу, какие отношения были у них с простыми кубинцами, как выглядела Куба в то время, как сами свидетели описывали свое участие в этих событиях?

КАРИБСКИЙ КРИЗИС ПО ВОСПОМИНАНИЯМ МАТРОСА ПЕТРА ТИМОФЕЕВИЧА ТАБАЛИНА, А ТАКЖЕ РАДИСТА НИКОЛАЯ АФАНАСЬЕВИЧА ПЕРЕКОПСКОГО И ЛЕТЧИКА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ШИЩЕНКО

Петр Тимофеевич Табалин, 1940 года рождения, — бодрый человек, обладающий хорошим чувством юмора. Ему почти не нужны были мои вопросы — он и так любит поговорить о Кубе и о своей молодости.

Петр Тимофеевич вспоминал: «Мы Кубе много помогали после революции. Везли туда продукты, нефть, машины и оборудование всякое, а оттуда сахар-сырец. А началось все в январе 1959-го. Объявили, что Батиста — диктатор их, свергнут, что там произошла социалистическая революция. У нас такое воодушевление было. Мы тогда так воспитывались, верили, что во всем мире скоро революция будет, власть бедных везде, и всем в мире будет хорошо. Поднялся шум, мы туда военных стали направлять, а Америка объявила Кубе блокаду. Кругом стояли корабли НАТО, США никого не впускали и не выпускали — никакие суда. Но мы прорывались».

Тогдашняя вера Петра Тимофеевича во все хорошее, даже в то, что бедные, придя к власти, останутся бедными, кажется наивной, но я испытываю сложные чувства — даже немного завидую этому энтузиазму. Ведь люди у нас тогда не думали, что эта революция может обернуться мировой кровавой бойней.

Петр Тимофеевич рассказывал: «Я призывался в 1959 году... Служил в поселке Черноморск около Евпатории... Однажды вызвали меня и еще троих ребят в Особый отдел. Мы испугались — ничего никому вроде не говорили о службе, ничего не натворили. Нас заставили заполнять анкеты: где родился, учился, о родственниках. Если кто-то из родни пропал без вести, не брали. Мы не знали, зачем заполняли анкету, волновались, испортили несколько листов. Особист говорит: «Ладно, ребята. Завтра с утра начнем, на свежую голову».

Ясно, без органов не обошлось. Но в рассказе у Петра Тимофеевича особист выглядит симпатичным человеком, посочувствовавшим мучениям перепуганных ребят.

«Стало известно, что идем в заграничный поход на крейсере „Дивногорск“. Мы отправились в поход на День военно-морского флота — в последнее воскресенье июля 1963 года. Оказалось, что все матросы последнего года службы; мне, например, осенью был дембель. Только в Средиземном море нам сказали, что мы плывем на Кубу. Проплыли Средиземное море, вышли в Атлантический океан. Все люки задраили, выходили на палубу только ночью. Обедали в 12 часов ночи, ужинали в 6 утра. Сидели в темноте, лампочка под потолком, а жара под 50°C. Над нами летали самолеты НАТО, и все знали, что везем ядерное оружие. Мы были готовы ко всему. Поход длился 22 суток, хватило и еды, и воды. Ни в один порт не заходили. Перед самым концом выдали спасательные пояса, высота от борта крейсера до воды — от 17 до 20 м, инструктировали, что если придется прыгать — руки к себе прижимать, а то оторвет спасательным жилетом, и ногами вперед. Еще дали автоматы, но что они значат в тех условиях! Но все обошлось».

Мир тогда находился на грани ядерной катастрофы. А мои земляки плыли на корабле, в трюме которого находились ядерные ракеты. Я задумалась о том, сколько же наших войск было на Кубе. Информация об этом нашлась в Интернете. Там была создана сильная, хорошо вооруженная, боеспособная группа советских войск. В ее состав входили: дивизия ядерных ракет средней дальности стратегического назначения, две дивизии противовоздушной обороны, полк истребителей-перехватчиков МиГ-21, два полка фронтовых крылатых ракет, полк вертолетов, эскадрилья из шести самолетов-носителей атомных бомб, четыре усиленных мотострелковых полка, бригада ракетных катеров, полк береговой охраны с шестью пусковыми установками ракет, полк самолетов минно-торпедной авиации. 4 октября на остров доставили ядерные боеприпасы для стратегических ракет, а также ядерные боеголовки для тактических огневых средств.

Из воспоминаний Николая Афанасьевича Перекопского: «1 сентября 1962 года наша команда в 200 человек сошла на берег в порту Касильда. И вот теплоход отплывает, а мы остаемся на берегу. Он удаляется в море и подает сигналы:

ту-у, ту-у, ту-у, равномерно так, и все отходит, дальше и дальше, и тише, тише сигналы. А мы стоим на берегу, смотрим вслед, как будто кусочек Родины теряем, остаемся на берегу совсем одни, в чужих краях. Казалось, что 200 человек — небольшая горстка людей, что мы могли?! Слезы у многих были на глазах. Мы ведь думали, что ядерная война будет, мы погибнем здесь и никто не найдет могил».

Петр Тимофеевич Табалин продолжал свой рассказ: «Когда мы туда прибыли, то продукты ели только свои, и вода своя была. Кубинцев не объедали. Я впервые тогда тушенку попробовал. Ох, хорошая была! В магазинах у нас такой не продавали... Кормили, как на убой. Для того мы туда и были посланы — на убой. Некоторые матросы так и говорили: „Нас привезли на убой и поэтому так кормят“. Мы знали, что в любой момент может начаться война. Это давило, потому что в живых не надеялись остаться, знали уже о последствиях ядерного взрыва. Что той Кубы — 40 км в самом узком месте да островов куча! Домой не думали вернуться. Думали, вот-вот атомная война начнется. Так нас и настраивали — готовились умирать за Родину и революцию. Если бы мы применили тогда атомное оружие — пол-Америки бы не было. Одной подлодки хватило бы для этого дела. И у нас на кораблях все было».

Страшно подумать, что наше руководство так рисковало, а солдаты и офицеры осознавали, что они «посланы на убой». Так простые люди становятся жертвами мировой политики.

Где же служили мои земляки, чем занимались? Иван Васильевич Шищенко руководил работами по сооружению площадок для размещения ядерных ракет. Он пишет: *«Утром 1 октября колонна в полном составе прибыла на место дислокации в 5 км северо-восточнее города Калабасар-де-Сагуа провинции Лас-Вильяс. С 6 по 9 октября боевые расчеты провели проверку исправности боевых специальных машин, технологического оборудования и оснастки для подготовки спецбоезапаса к боевому применению»*. Я решила, что когда говорится «спецбоезапас», речь идет именно о ядерном оружии.

Николай Афанасьевич Перекопский рассказывает: «Служил в Съега-де-Авила в полку ПВО радистом. Сидим, на экранах карта — вот Майами, город Флорида, вот Куба и вот Гуантанамо, движется точка — передаем командиру: „Объект идет со скоростью... в квадрате... направление...“ Позже стал сержантом на базе в Бихукали, обучал состав кубинских вооруженных сил. К нам приходили люди подготовленные, со знанием русского языка. Лишние разговоры не поощрялись ни нашими службами секретными, ни кубинскими. Так что общение только по делу. Нас за пределы части не выпускали — секретные войска. Служил там до 22 июня 1964 года».

Петр Тимофеевич рассказывает: «Служили кубинцы с прохладцей. Стоят на посту, музыка играет, говорят: „Нас революция защищает!“ Местные радовались, что мы приехали. Говорили: „В меня выстрелят — убьют, а русского пуля не пробивает!“ Сам Фидель Кастро к нам приезжал, молодой, веселый, а сейчас жалко смотреть на него по телевизору! Что время делает! Фидель тоже выступил перед

нами, о революции говорил». Петр Тимофеевич находился под обаянием личности Фиделя Кастро. Он жалеет о том, что Кастро болен и так плохо выглядит, вспоминает его молодым, сильным, энергичным.

Петр Тимофеевич рассказывает: «У меня фотография есть гаванской улицы. Деревья подстрижены, улицы чистые, в магазинах все было. Сгущенка по 17 копеек на наши деньги. Машины кругом, из наших только „Волга“, а то все „форды“ и „мерседесы“. Мой друг из соседнего района сфотографировался на фоне такой, чтобы дома увидели экзотику. Сами кубинцы жили скромно. Чистенькие домики в городах, а в деревнях — настоящие шалаши из пальмовых листьев. Каждый лист по три метра. Климат позволял. Наша база находилась в порту Минос — от Гаваны километров 40–50. Но нас в Гавану отпускали, мы в увольнительные выпивали даже. Нам выдали гражданскую одежду — костюмов пару, обувь, несколько рубашек хэбэ клетчатых каждому. Как увидишь кого на улице в клетчатом, смело по-русски можно говорить — наш! Местные больше в однотонном ходили, а еще в нейлонах ярких, по такой-то жаре! По рубашкам нас и Микоян узнал, когда приезжал на Кубу на встречу с Фиделем Кастро, и нас увидел на заседании. Сказал: „Вижу, в клетчатых рубахах много людей“, типа, знаю, кто вы. Он говорил, что наше присутствие остановило войну, что, если бы не мы, Кубу бы американцы сравняли с океаном, как Хиросиму и Нагасаки».

Между тем напряженность обстановки на Кубе и вокруг нее накалялась. В 20-х числах октября зенитчики кубинской армии, прикрывавшие наши позиции, получили приказ открывать огонь по пролетающим самолетам. «Было беспокойно. Штатовские самолеты летали над нами как по расписанию — в 10 утра смотрим на часы, где же? А вот они, летят, не опоздали! А наши летали на МиГ-21, Микоян был там, министр обороны, так они просили его: „Пусть ваши летают, а не кубинцы, а то закричит такой: „Патрио метреос серемос!“ и начнет бросать бомбы, а что после будет, ему все равно. А ваши знают, что такое война. Пусть ваши летают“. Так и летали вокруг нас, мы их не трогаем, они нас, наблюдаем друг за другом. Три дня полетали, на четвертый день был приказ — мы этот самолет сбили. Летчик погиб, с него местные сапоги сняли. Но поступили благородно: положили в гроб, в самолет и с почетом домой отправили». Как похожи бедняки во всем мире! Дедушка рассказывал, что во время войны наши жители тоже разували мертвых, снимали сапоги.

Об этом событии также вспоминает генерал-майор Л. Гарбуз: «27 октября — день, когда советские зенитчики сбили разведывательный самолет ВВС США 11-2, американцы называли „черной субботой“. В тот день в 8 часов утра я прибыл на командный пункт группы войск. Здесь находился заместитель командующего по ПВО генерал С.Н. Гречко, который анализировал доклады о действиях разведывательной авиации США. При встрече он сказал мне: „Над нами более часа кружит „гость“. Считаю, что нужно давать команду сбить американский самолет, так как он может вскрыть на всю глубину наши позиции, и через несколько часов данные разведки будут известны Вашингтону“... Нам стало ясно, что разведчик уходит после выполнения боевого задания. Я высказал предположение, что все ракетные старты теперь „засвечены“ и нельзя допустить, чтобы секретная

Флотские друзья. Петр Табалин во втором ряду справа

Капитан-лейтенант Эдуард Волков (в центре) и Петр Табалин (стоит крайний справа). 1962

Капитан-лейтенант Эдуард Волков (на переднем плане). Перед отправкой домой у морского вокзала Гаваны

«Домой!» На борту теплохода «Адмирал Нахимов». Петр Табалин (2-й слева)

информация попала в Пентагон... Зенитчики незамедлительно выполнили приказ. Американский самолет, пилотируемый майором Андерсоном, был сбит ракетами класса „земля — воздух“. Первая ракета лишь повредила машину, летчик даже успел открыть „фонарь“, чтобы катапультироваться, но вторая ракета явилась роковой».

Петр Тимофеевич продолжает рассказ: «Нам платили немного — два песо их деньгами, а песо — 1 рубль 80 копеек на наши деньги. А когда на Кубу ехали, нас в теплоходе на палубу днем не выпускали, а в трюмах учили манерам, этикету, чтобы мы знали, как в ресторанах едят, приборов там много — в какой руке ложку держать, в какой вилку, нож, как омаров едят, и пальцы после них в чашке моют. Чтобы мы на Кубе не опозорились, когда в рестораны попадем. На 3 рубля 60 копеек в месяц много в ресторане наешься! В увольнении мы, когда мимо какого-нибудь заведения особо шикарного проходили, шутили: „Помнишь, как надо омаров есть?“ Так омаров и не попробовали».

Вот, наконец, и ответ на вопрос: чем же можно занять матросов в тесных темных трюмах во время долгого морского перехода? Изучать этикет и правила поведения за столом! Омаров Петр Тимофеевич не видел никогда, но как их есть — помнит до сих пор.

То, что у матросов не было денег — в общем-то, не новость. И понятны попытки их раздобыть, может быть, не всегда законные. Так было не только на Кубе. И видимо, эти попытки не все были неудачными, так как на ром в дешевом ресторанчике деньги у них нашлись: «Гавана — красивый город, гуляли мы кругом, но много ли пешком пройдешь... Нашли подешевле ресторанчик. Заказали выпивку на 14 песо — коктейли с ромом. Где-то деньги нашли, не помню уже, где. И наливаем по полному бокалу, а на закуску денег у нас нет. А официантка говорит, что так пить нельзя, умрем сразу. Какой там умрем! Выпили, рукавом утерлись. Крепко, конечно, но не крепче водки. И сладко, аж приторно. Тростником сахарным отдает. Этот ром из тростника гонят или настаивают как-то. Они на доньшко плеснут, целый вечер цедают и сигары курят. А Костя говорит: „Там еще есть? Давай еще!“ Они так на нас смотрели!»

Неожиданно им встретились и русские эмигранты: «Были и целые поселки местных бывших эмигрантов русских. Там есть села, где русские живут. Мы по берегу прогуляться вышли и набрали. Дедок старенький спросил по-русски: „Есть тут кто с Украины, с Херсона?“ Его родители маленьким сюда привезли, охота ему было на земляков посмотреть, какие они. Нашлись земляки. У нас служили со всего Союза, в том числе и с Херсона. А другой, наоборот, говорит: „И сюда шакалы добрались!“ А ребята говорят: „А давайте его в воду кинем!“ Командир спас, не разрешил».

Родина снилась по ночам, матросы скучали по дому, тем более что еще до похода считали месяцы до дембеля, но вот как обернулось все, и возвращение домой затягивалось. «Домой хотелось сильно. Когда недели две там побыли, начал тосковать. Жарко, чужое все кругом. Смотрю, самолет наш летит. Летали они

в Москву каждый день. Думаю, вот бы пробраться, хоть в туалете бы сидеть, а через 12 часов был бы дома. Считалось, что мы в Москве служим. Почтовый адрес был: город Москва, военная часть такая-то. Письма домой на третий-четвертый день доходили. Мать в недоумении была: ты же матрос, а в Москве какое море? И вот она стала грозиться, что придет ко мне в часть и все узнает. Я обычно письма короткие писал: жив, здоров, служу нормально. А тут написал большое письмо, чтоб не ехала — какая Москва, мы на Кубе! Это письмо дольше домой шло, около двух недель, но дошло, несмотря на секретность. Видно, испугались в Москве, что придет баба, шороху наведет, будет везде ходить по штабам, спрашивать». Так и раскрылась военная тайна. Но родители не очень много рассказывали о службе Петра Тимофеевича даже родственникам. Боялись повредить сыну.

Но не все матросы скучали по дому. Для одного из них близость к США оказалась более привлекательной. «Один из наших, кажется, из Чертковского района, однажды не пришел в положенное время. Его искали долго, мы в автобусе сидели, ждали, но нам не сообщили, нашли или нет. Ребята говорили между собой, что он, наверное, в Гуантанаму, американскую базу, к американцам удрал. Не знаю точно, больше мы его не видели».

Петр Тимофеевич рассказывает, что особого внимания со стороны КГБ не испытывал. «Я там и дневник вел, туда рисунки и фото заносил, красивый был альбом. Привез его со службы, жена читала. Никто не препятствовал нам фотографировать, дневники вести».

Пик Карибского кризиса пришелся на 27–28 октября 1963 года. Тогда мир висел на волоске, находился в нескольких часах от ядерного конфликта. Но здравый смысл победил, политики смогли договориться. «В первой пятидневке ноября нами был получен приказ о прекращении выполнения боевой задачи по обеспечению ракетных подразделений ядерными боеприпасами. В ночь с 4 на 5 ноября прибывший с грузом из СССР в порт Изабелла-де-Сагуа корабль „Александровск“ был загружен спецбоезапасом части, 5 ноября снялся с якоря и ушел в порт Мариель за боезапасом других частей», — говорит И.В. Шищенко.

Петр Тимофеевич продолжает: «Когда стало известно, что нас выводят, Фидель, говорят, обиделся: как сюда приезжать, спросились, а как выезжать — нет? Но Микоян напрямую с Кеннеди договаривался и с Хрущевым. Фидель был недоволен».

Я подумала, что было трудно вывезти так много людей с Кубы, и нашла в Интернете информацию о выводе войск: в перевозке войск, боевой техники и вооружения приняли участие 85 судов, которые совершили 183 рейса на Кубу и обратно. Всего туда было доставлено около 50 тысяч военнослужащих.

«Мы получили деньги, и стали собираться в дорогу. Меня капитан-лейтенант Эдуард Николаевич Волков с собой взял в Гавану — посмотреть, пришел ли теплоход, и за покупками. Командир мне купил коробочку гаванских сигар за 5 песо 25 сентаво. Красивая коробочка была. Сигары крепкие, с них дым глотать

нельзя. Я сам не курю, друзей угощал. Один, дома уже, как закурил, дыма глотнул, и в обморок упал. Такие крепкие. Вот и все, что я с Кубы привез. А командир передал своей жене подарок, ткань какую-то, я его ей в Севастополе отдал. Пока приехали, а она уже нас встречает. Письма тогда быстро доходили самолетом, за три дня. Офицеры побольше получали — и наше довольствие, и их содержание в песо, могли подарки покупать семьям».

И вот передо мной тусклые любительские фотографии, желтоватые, с подтеками, от которых веет какой-то странной экзотикой, так как на заднем плане видны пальмы. И хоть одеты эти люди в простые клетчатые хлопчатобумажные рубашки, в которых у нас одевались на работу, когда посмотришь более внимательно, становится понятно, что это люди военные. Особенно интересной кажется фотография у морского вокзала Гаваны. Люди в штатском строятся в повоенному четкие колонны, готовясь к посадке на теплоход.

«Вот мы погрузились на теплоход „Адмирал Нахимов“. Шикарные условия были: два бассейна, 4 ресторана, шезлонги на палубе — все для матросов! Плыли с комфортом, не скрывались, официанты нам подавали, стюарды убирали! Лежим на палубе в шезлонгах, подлетает вертолет американский, зависает над нами, лестница разворачивается и падает. Они приглашают из двери открытой, машут рукой — кто хочет родину покинуть, поднимайтесь, а мы им дули в небо суем, ребята некоторые кричат, выражаются нецензурно. Но какое-то приподнятое настроение было, весело, как после победы».

Среди снимков Петра Тимофеевича есть несколько очень колоритных кадров, особенно мне нравится этот — матросы на палубе теплохода. Шезлонги и бассейны на палубе, рестораны — почти круиз. И настроение веселое, полеты американцев — бесплатное развлечение. Думаю, это действительно была победа. Для матросов — в том, что они уцелели, что не произошло ничего страшного, что едут так шикарно, а не заперты в тесных темных трюмах. Государство пошло на то, чтобы 183 раза посылать теплоходы за войсками, в общем, не сэкономили, потому что для правительства нашей страны это тоже была победа. Цели были достигнуты, Соединенные Штаты согласились на демонтаж своих установок в Турции, а также отказались официально от каких-либо попыток сменить вооруженным путем режим Кастро. Поэтому и для Кубы это тоже была победа, хоть Фидель Кастро и обиделся тогда, что его отстранили от принятия решения. В США тоже вздохнули с облегчением — ядерные ракеты больше не нависали над их границами. И на фотографии — счастливые лица матросов. Домой!

«Приплыли в Севастополь — команда в 2500 человек, их же кормить-поить надо, поселить где-то. И сразу же нас начали домой демобилизовывать, особенно кому близко из Севастополя домой. Мы и так дольше служили, чем надо; я, например, 4 года 8 месяцев. Вроде как добровольцами поехали на Кубу, но кто нас спрашивал! Солдату сказали — надо, он и подчиняется».

В 1998 году группа ветеранов «кубинцев» создала Межрегиональную общественную организацию воинов-интернационалистов-«кубинцев» (МООВВИК),

которая добилась уравнивания ветеранов «кубинцев» в правах со всеми остальными воинами-интернационалистами. Но Петр Тимофеевич Табалин о ней ничего не слышал. И конечно, у него нет статуса воина-интернационалиста. Он как-то об этом не задумывается, вспоминая молодость и службу на флоте. Действительно, он является примером того, как в нашей стране формировались отряды добровольцев: «Солдату сказали — надо, он и подчиняется».

ТРУДОВЫЕ БУДНИ НА КУБЕ ТЕХНИКА-МЕХАНИКА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА УДОВЕНКО

В разговоре с Петром Тимофеевичем Табалиным я узнала, что помощь от СССР Кубе была очень большой и разносторонней. Он рассказывал, что наша страна посылала туда продовольствие, медикаменты, помогала техникой и оказывала другую помощь. Петр Тимофеевич рассказал также, что в нашем районе были специалисты, работавшие на Кубе, в частности он говорил о Василии Ивановиче Удовенко, живущем в селе Кульбаково. И вот в воскресный день мы с мамой отправились в Кульбаково.

Мы подошли к большому кирпичному дому в центре села, вошли и увидели большого полноватого человека, сидящего на стареньком диване. В комнате было полутемно, и мне показалось не тактичным фотографировать слепого человека. Но рассказ был очень интересным, хотя на некоторые вопросы Василий Иванович отвечал уклончиво.

Итак, Василий Иванович Удовенко, 1935 года рождения, вспоминает: «Я работал тогда главным инженером колхоза имени Калинина. Вызывает меня начальник сельхозуправления и спрашивает:

— На Кубу не поедешь? Для оказания технической помощи, по линии ЦК комсомола.

— Почему не поехать? Поеду.

— Ну, иди в райком комсомола. Там тебе все документы оформят, они все знают, что надо.

Они документы быстро оформили, я поехал в Ростов. От Ростовской области ехали всего три человека. Оформили там документы, и поехали мы в Подмоскowie, на Люберецкий завод имени Ухтомского. Нас возили на сборку комбайнов на завод».

Василий Иванович уже тогда был хорошим инженером, потому и выбрали его для оказания помощи Кубе среди десятков других специалистов района.

«Первый раз мы побывали на сборке на заводе около месяца, обучались, изучали машину. Потом поехали в Ленинград, в начале мая 1965 года отсюда на теплоходе шли на Кубу. Через 14 дней достигли берегов Кубы. Приплыли в порт Гаваны. Пришли автобусы, поместили в гостиницу „Националь“, хорошая гостиница, добротная, на берегу океана. Я по берегу погулял, ноги помочил. В океане не купался, акул боялся, они рассекали невдалеке от берега. С нами было 400 человек так называемых сельхозников, с удостоверением нашим, а на самом деле это военные были. На Кубе имелись базы военные, там смонтированные наши

ракеты оставались после Карибского кризиса. Баллистические ракеты к этому времени демонтировали по договоренности с американцами, а простые ракеты оставались. Мы, конечно, никакого отношения к этим военным не имели, но они были под нашим прикрытием».

Карибский кризис к маю 1965 года уже закончился, американцы прекрасно знали о наших военных базах на острове, однако было необходимо прикрытие, военные назывались «сельхозниками» с липовыми удостоверениями. У меня возник вопрос: для кого были удостоверения? Кто их проверял? Ведь не американцы же их проверяли? А если для кубинцев, то они разве не знали о присутствии советских войск на Кубе?

Василий Иванович рассказывает: «Первый раз, в 1965 году, мы жили в провинции Матансас, это в 100 км от Гаваны. Нас там было где-то 50 человек. Было 33 комбайна. На Кубе много было полей, непригодных для комбайна. Мы когда приехали в первый раз, определили, какие поля годятся под машинную уборку. Тростник надо раз в 4 года обновлять, а были поля, где он был старше, комбайн не брал. Там вручную убирали мачетеросы. Объехали, определили какие поля, сколько надо комбайнов, тележек. Техника была в основном наша, с Союза».

Василий Иванович очень долго и подробно рассказывал об особенностях работы комбайнов, говорил об их технических характеристиках, рассказал даже, чем отличался американский прообраз от люберецкого комбайна, на каком из них удобнее работать комбайнеру, говорил об организации труда механизаторов. Мне было ясно — Василий Иванович был не только хорошим специалистом, он был увлеченным человеком, и главная страсть его жизни — техника.

«Мы оказывали техническую помощь, то есть где какие неполадки, эксплуатация правильная и так далее. Работали в основном кубинцы, они у нас в Союзе в сельских профессиональных училищах учились, в СПТУ, сносно разговаривали по-русски, можно было понять. Да и мы понемногу освоили испанский язык. Запас слов нужен: хотя бы пару тысяч. Они нас понимали. Я тоже по-испански разговаривал немножко. С местными общались. Доброжелательный народ был». Василий Иванович произносит несколько фраз на испанском. Прошло уже 45 лет, а он помнит достаточно много слов.

О жизни на Кубе Василий Иванович рассказывает увлеченно: «Потом нас переселили на виллы бывших владельцев — американцы бросили, уехали. Хорошие помещения в Матансасе. Большие дома, во дворе бассейн, выложен голубой плиткой, вода пресная, голубая, дно видно. Вокруг дома сад, в нем пальмы, в том числе кокосовые. Всего поехало 250 человек. А в Матансасе нас было 50. Платили их песо, деньгами. Я машину взял, когда домой приехал, с этих песо».

Мое внимание привлекло упоминание о плате советским специалистам — в кубинских песо выходило, наверное, неплохо, раз техник, а не инженер, Удовенко смог купить машину после одного сезона уборки сахарного тростника.

Все встречи с кубинцами были связаны с работой. Но и они давали пищу для размышления. «Был случай, когда в провинции Матансас я объезжал поля вместе с Пабло де Крайне, ответственным за сахарный тростник от завода, тот вдруг спрашивает меня:

— Ты не боишься со мной ездить?

Он объяснил, что при Батисте на этом же посту работал, а Фидель предложил: кто не уезжает, остается работать, будет та же зарплата, но предупредил, что это временно, пока они не подготовят свои кадры.

Поехали в гости.

— Нет, давай сначала до меня съездим, а потом уже до тебя.

Приехали, Вернадский Володя был, с Волгограда, инженер, мы жили вдвоем, поставили бутылку водки, шоколадных конфет достали. Посидели, потом Пабло пошел. Мы предлагали, давай отвезем, а он сказал, что не хочет, чтоб его видели возле нашего жилья. Пошел пешком, хоть далеко было».

Интересно, что революционеры зачислили в «контрас» человека, который ничего против революции не делал, просто работал, но его положение специалиста, ответственного от завода за состояние сахарного тростника, делало его для сторонников Кастро подозрительным. В памяти возникли похожие примеры из советской истории. Интересно, что им сразу объявили, что они нужны временно, пока революционеры не подготовят свои кадры. Василий Иванович общался с Пабло, но в гости к нему не пошел. И Пабло не хотел, чтобы его видели у советских специалистов, хотя ничего плохого эти люди не делали.

Василий Иванович пережил войну в родном селе, где все было разрушено, он знал и холод, и голод. Но и его поразили условия, в которых на Кубе жили бедные люди. «У них беднота страшная. Детей в семьях по 8–10 человек, вот такие животы (показывает большой живот) от сахарного тростника. Детей в семьях много, кормятся тростником, очищают его и едят. Хлеба почти не видели в провинциях, все на подножном корму — тростник и травы всякие. Молоко только больным и маленьким. Но потом при Фиделе, при полевых станах стали готовить фасоль, рис, мясо, юкка (это картофельное дерево), стали детей туда водить, кормить».

Василий Иванович Удовенко рассказывает, как была организована работа специалистов на Кубе, о том, кто за ними наблюдал: «Вообще русских на Кубе много было. Однажды получилось так. Приезжает Николай Федорович Булавин, вызывает меня в номер. Говорит:

— Для всехя бухгалтер, для тебя офицер КГБ. Один из наших, по фамилии Месяц, не показал в декларации, что у него на Кубе дядька, родной брат отца есть. Вызывай его сюда, будем допрашивать, а ты будешь присутствовать.

Спрашивают его, почему не показал в декларации, что у него на Кубе родственники есть? А он отвечает:

— Я не знал.

— Ты знаешь о том, что если что-то не так в декларации написал, то в 24 часа полагается тебя выслать? Но мы не станем тебя высылать, но ты смотри, если что-то не так будет, одной высылкой не обойдешься.

Не стали его выселять. Тот дядька не на плохом счету был, в народной полиции служил на Кубе. Я думаю, что этот Месяц, конечно, знал, где его дядька. Дядька эмигрантом был, еще после Гражданской войны страну покинул. Но ничего, дядька этот на хорошем счету оказался, Месяцу этому повезло. Дядька этот приезжал вместе с семьей к нам, а когда мы уезжали, немного денег ему кубинских подарил».

Механику Месяцу, безусловно, повезло, его не выслали. Интересно, почему офицер КГБ Николай Федорович Булавин выбрал для присутствия на допросе Василия Ивановича? Думаю, из-за его надежной репутации и осторожности. Знали, что он не расскажет никому о том, что не полагалось разглашать.

И вот подошел к концу сезон уборки сахарного тростника. «Перед отъездом из Матансаса Фидель Кастро прием устроил. Особенно выдающимся нашим специалистам вручали мачете, на серп похож, только с ручкой пластмассовой, миллиметров 400, для рубки тростника, и звание присвоили — Мачетерос. Он мне руку жал». Мачете пришлось еще тогда оставить на Кубе, с ним на борт теплохода не допустили, несмотря на то, что это была награда, полученная из рук Фиделя.

Да, судьба заносила передовых механизаторов и туда — Советский Союз в геополитических интересах считал своим долгом помочь Фиделю Кастро строить социализм на Кубе.

«В Москве, когда вернулись с Кубы, на второй день пошли во Внешпосылторг, тогда фонды внешней торговли и внутренней торговли разными были, и товары разные, и цены. Нам пригнали 50 машин, выбирай любую... Давайте, оформляйте, — говорю. Но песо мне не хватало. Пришлось идти к заместителю Патоличева, просить, чтобы разрешили советскими деньгами доплатить. Можно было только 5% советскими, а не хватало больше, ну ладно, уговорил я его, наложил он резолюцию, я доплатил. Вернулся на машине домой».

На родине героев уборки ждали почести: прием в ЦК, выбор машин, санаторные путевки. Бабушка рассказала мне, что тогда так просто машины в магазине не продавались, что люди годами копили на машину деньги и годами же стояли за ней в очереди, а уж о том, чтобы выбирать, нечего было и мечтать. Мне это не совсем понятно, неужели так трудно было для всех машины сделать, кто их хотел и мог купить? И становится ясно, что поездка на Кубу была большой удачей для всех этих людей.

«Второй раз, когда вызвали, оказалось, что нас вместо 250 человек всего 50 поедет, не требовалось больше, кубинцы не заключили контракт, уже кубинцы были подготовлены в основном, сами работали. В 1966 году тоже в начале мая полетели».

Василий Иванович говорит, что ощутил, что со здоровьем у него начались проблемы, и то были первые звоночки, но тогда он не знал этого, а то, может быть,

и отказался бы от второй поездки. Василий Иванович рассказывал, что и его друзья многие тоже на здоровье стали жаловаться — все-таки климат на Кубе трудный — жаркий, особенно на юге. Василия Ивановича, у которого обнаружили проблемы со здоровьем, на этот раз отправили на север.

Опять было переодевание наших людей, но если солдат замаскировывали под гражданских рубашками в клетку, то специалистам выделяли хорошие хлопковые костюмы. «Нам выдали одежду кубинскую. Хлопковый костюм, накрахмаленный, приятный к телу, серо-бежевого цвета. Всем одинаковые костюмы выдали. Советские — как из инкубатора». Василию Ивановичу не слишком нравилось, что костюмы одинаковые.

Так как наших специалистов было только двое на весь район, то им было немного скучно без общения. Они познакомились с интересными людьми из местных, но общение было затруднено. Ограничивали общение в основном кубинские власти.

«Кормили нас хорошо. А кубинцам не разрешали ездить к нам, чтоб не объедали советских товарищей. В Пинар-дель-Рио, когда я с Тарканья Кайя ездил, пригласил его в гости:

— Поехали, в шахматы поиграем.

— Я бы с удовольствием поехал, но нам не разрешают, чтоб мы не объедали.

— Да пошли они вон, ложись сюда.

Положил его на заднее сиденье и поехали. Провез его к нам. Сели, хлеб вкусный, мясо, овощи, покушали, выпили по 100 граммов. Потом поиграли в шахматы три игры, он говорит:

— Ну, я пошел.

— Чего ты будешь идти, я подвезу.

— Не надо, чтоб разговоров лишних не было. Я лучше пешком пойду.

Народ вообще гостеприимный. Недели через три пригласил меня домой.

— Ну, что, Василий, особенно угостить нечем, вот водочка и лед, а еды нет. И деньги есть, а особенно ничего и не купишь.

Все было по карточкам, и одежда, и питание. Ну, и мы еще свои карточки не забыли. Понимали проблемы кубинцев».

Товары по карточкам в магазине, довольно бедная жизнь, с одной стороны, и накормленные дети, у которых наконец-то нормальные животы, школы и медицина для всех, с другой стороны, — получается противоречивая картина: «Впечатления от Кубы — бедная страна. А Гавана — роскошный город. Если бы меня провезли только по Гаване, то не знал бы, как бедно люди там живут».

Кубинская экономика во многом зависела от нашей страны, но и мы получали из Кубы в большом количестве сахар-сырец, так что даже пришлось строить на Кубани сахарные заводы. Экономисты и историки спорят о выгодах сотрудничества, о том, какая сторона их имела больше. Инженер Удовенко тоже воспользовался этим сотрудничеством с выгодой для себя — смог купить машину. Для него Куба — подарок судьбы и одно из лучших воспоминаний.

Николай Леонтьевич всю жизнь любил путешествовать. Он с гордостью говорит, что объездил все страны соцлагеря, был на многих курортах и туристических маршрутах СССР, ездил на уборку урожая в Казахстан и Монголию. Вот и до Кубы добрался. Потому и денег не скопил, и дом не построил. Так и прожили с семьей в тесной маленькой квартирке. Зато сколько воспоминаний!

«В начале 70-х годов я работал водителем автобуса. Был членом месткома, с председателем Павлом Николаевичем Житниковым корефанил (дружил). Однажды я пришел с линии, зашел к нему в кабинетик. А ему нездоровилось. Вот он и попросил меня помочь ему разобрать почту. Я читаю, говорю ему, откуда письмо, он командует — клади туда, а это сюда. Из обкома профсоюза пришел большой белый конверт. Открываю — а это перечень путевок, круизы всякие предлагают. Нам, рабочей шпане, бесплатно, а ИТР (инженерно-технические работники) должны платить. Я прочитал и говорю:

— Да, завидные путевочки, да кто нам их даст! Небось, все начальство разберет, простым людям не дадут.

Поговорили и забыли. Работаю себе дальше. Но вот подходит ко мне Житников и говорит:

— Поедешь на Кубу? Пиши заявление на путевку.

Я и написал, но все еще думал, то ли будет, то ли нет. Наш начальник Габеев Николай Михайлович заболел, а его заместитель главный инженер Семченко не подписывает мое заявление. Всего выделили на область, на все такие же АТП, две путевки. Семченко начал говорить:

— А чего тебя так тянет на Кубу? Что ты там забыл? — И не подписывает. И тут Габеев наведывается, узнать, как дела во время его болезни. Я как узнал, что он здесь, сразу пошел к нему. Захожу в кабинет, прошу его подписать мое заявление на путевку. А он тоже замаялся. А я говорю:

— Ну, как же, Николай Михайлович, я же уже все документы сдал, одних фотографий 16 штук, — заливаю.

Он ничего мне не ответил, но мое заявление у себя оставил. А потом уже Павел Васильевич через какое-то время сказал, что заявление Габеев подписал. Но тут пришла пора деньги за путевку перечислять в „Интурист“. И главный бухгалтер Василий Иванович Васильченко с Маней-кассишей поехали в банк, я их повез. Возвращаются, и Маня мне говорит, что на счетах хозяйства деньги есть, но на них бронь какая-то, банк не пересылает. А моя жена работала вместе с женой директора банка в больнице (они были медсестры), мы дружили семьями, вместе праздники отмечали компаниями. И вот я пошел к директору банка в кабинет, говорю ему по-дружески:

— Иван, как же быть? Ну, хочет Дунька в Европу, что ты будешь делать, как раньше говорили. Нужно же глянуть, что оно там есть. — И подаю ему бумаги.

Он вызывает к себе заместительницу, дал ей задание быстренько деньги переправить на счет „Интуриста“, в том числе те, которые мне на валюту местную поменяют. Мне там 1000 рублей меняли, так их тоже со счета хозяйства перевели».

Так Николаю Леонтьевичу пришлось проявить немалую смекалку для того, чтобы получить путевку на Кубу. Помогли ему также дружеские связи с влиятельными людьми поселка и хорошее отношение к нему руководителей предприятия. Так просто путевку было не достать, только благодаря настойчивости и изворотливости. Кроме того, Николай Леонтьевич часто перевыполнял план, был передовиком производства. Этакое неравенство наоборот — рабочие могли ехать бесплатно, а инженерно-технические работники должны платить.

Действительно, зарплата моей бабушки тогда была 70 рублей в месяц. Сумму в 1000 рублей люди собирали годами. Николаю Леонтьевичу повезло, что такие деньги он не платил из своего кармана. Его поездка не была широко известна работникам АТП. Моя бабушка тогда о ней ничего не знала, хоть и работала вместе с Николаем Леонтьевичем на одном предприятии.

Впереди была сложная процедура оформления документов. Об этом Николай Леонтьевич тоже вспоминает как о своей победе: «Надо было оформлять документы. Через какое-то время нас собрали в Ростове в „Интуристе“, провели с нами беседы. На одного человека три человека было из органов, опрашивали. А мне что, я от месткома ехал. Собеседование длилось часа три. Простых вообще мало было, больше начальники и их жены. Потом мы сели на поезд „Тихий Дон“, поехали в Москву. Там жили дня 4, нам меняли паспорта, а кому-то и деньги, а мне не надо было, уже все на месте поменяли. Там же сказали оставить все лишнее. Ехать надо было в одном костюме. У кого кольца золотые, серьги, цепочки всякие, даже обручальные кольца — все оставить, ничего лишнего, чтобы не выделяться. Значки понабирали на сувениры — сказали, тоже оставить».

Николай Леонтьевич рассказал: «У меня были золотые часы швейцарские, я на уборке в Монголии работал, там я их и купил. Хорошие часы, я не говорил никому, что золотые, и сам об этом забыл. А тут пришлось их в декларацию записать. Это специально, чтоб их там не продал, не заменил на простые какие-нибудь. А там, на Кубе, сосед по номеру, Мишка из Таганрога, их украл и продал. Ко мне подходят эти, которые за нами следили, спрашивают:

— Где твои часы?

— В тумбочке лежат, в номере.

— Пошли, показывай, где они.

Приходим, лезу в тумбочку — нет часов. А эти показывают:

— А это часы не твои?

— Мои.

Мне их и вернули. Мишке говорю:

— Ах ты, Мишка, сволочь какой, а еще земляк и шофер».

Когда я спросила, что с ним было дальше, Николай Леонтьевич сказал, что попросился в другую комнату, к Вите, а Мишка больше за границу не попал, это ему еще на Кубе пообещали.

И вот приключение началось: «Вылетели мы из Шереметьево на 8 марта 1968 года. Сидим в самолете, в карты играем, объявляют: „Польшу пролетаем,

Германию... «А нам что? В салоне и не заметно. Стюардессы напитки носят, пепси-колу в бутылочках. Наши стыдно вели себя, за эти бутылочки чуть не дрались бабы, тьфу!

Нас летело около 50 человек — наша группа 23 и ленинградцев 23 — напололам. Мы были одной группой, в ресторан вместе в один зал, на автобус на экскурсии и так далее».

Николай Леонтьевич старался вести себя так, чтобы не попасть в неловкое положение, и уж во всяком случае не стал спорить из-за бутылочки пепси-колы, которой ему как раз и не хватило в самолете.

«В Гаване еле сели с третьего раза. Дымка над океаном, видимость слабая. Тормоса как заюзили, страшное дело, я как человек технический понял, что не так дело идет. Чуть в вокзал не воткнулись. Но вот нас тягачами оттянули, подали трап, мы спустились, нас пересчитали, посадили в автобус... Поехали к гостинице за Гаваной. Там были раньше виллы богатых американцев, а теперь гостиницы стали для туристов. Гостиница на краю океана, песок белый, пальмы, благодать! Лифт чистый, с кондиционером, скоростной. Красота! Номера на двоих, балкон на океан выходит, в номере душ и туалет. Все так чисто, аккуратно. На восьмом этаже французы жили, еще немцы были и еще какие-то иностранцы. Почти все от профсоюзов люди. В номере телефон, внутри гостиницы можно звонить, холодильники ЗИЛ и телевизоры „Рубин“».

Туристы из СССР, не избалованные условиями в советских гостиницах, оказались в одном из бывших лучших отелей мира, но он уже оборудован холодильниками ЗИЛ и телевизорами «Рубин». Все же остались элементы лучшего сервиса — такси, газеты на разных языках в холле, шведский стол в ресторане.

«Какие там пляжи! Где я только не бывал, и по Союзу, и в Болгарии, а такого пляжа больше не видел! Трактор идет, песок шерудит — спичку не найдешь, такой чистый! Песок белый, мягкий, по колено проваливаешься. И океан огромный, вода прозрачная, копейку уронишь и видно до самого дна. А когда шторм был, шла волна, станешь на кромке воды и ждешь, пока она тебя в море уносит, и тут же разворачиваешься, и волна тебя на берег выносит, и убегаешь, чтоб опять в море не затащила, и тут не зевай. А то так и будет трепать».

Незабываемое впечатление оставили кубинские пляжи. О них Николай Леонтьевич говорит с особым вкусом, так, что кажется, будто находишься на чистом песчаном берегу теплого моря!

«После завтрака идем отдыхать. Кто хочет, идет во двор, там плавательный бассейн. Не надо на океан, ныряй, прыгай, плавай, пальмы кругом, что ты, красота какая! А можно пойти на пляж. Повалились так, потом садимся в автобус и поехали на экскурсию. Там не заболеешь, в гостинице не останешься. Если кто говорит, что заболел, немедленно врача вызывают. Так что поездка обязательная.

В автобусах кондиционеры, туалет, сзади бар с напитками. Прохладно, хорошо! Хочешь, соки разные, пей!»

Вот и я услышала о том, что показывают туристам, чем гордится Куба. Красивый остров, чудесные пляжи, горы, водопады, даже сталактитовые пещеры! Туристам предоставили очень хорошие автобусы, их Николай Леонтьевич оценил как специалист. Особенно его поразили бары в автобусе и туалеты, которыми можно пользоваться во время пути, а также кондиционеры. Всего этого, конечно, не было в загазованных тесных советских автобусах, которые он водил в Таганрог и Ростов из сел нашего района.

Для советских туристов экскурсии были обязательными. «По Гаване была экскурсия, но из автобуса почти не выходили. Туда-сюда покатали, посмотрите налево, посмотрите направо. Я тогда почти не запомнил ничего. Фотографировались на главной площади имени Хосе Марти. Там большая стела стоит, недалеко Дом правительства, как у нас Кремль. Ну, только кто нас туда пустит! Издали смотрели. Были в доме Батисты, там все, как при нем было, только золотого автомобиля нет. Были в доме писателя Хемингуэя, его очень на Кубе любят, а я попытался читать, мне показалось, что есть и интереснее книжки. Хотя сам человек был примечательный... Были в рыболовном колхозе, нам вручили удочки специальные, мы сами ловили ракушки. Я поймал три, две были съедобные. Им внутрь раковины что-то насыпают, и мясо легко вытряхивают. Его в этой ракушке почти килограмм. Очень вкусное. Нам их там же приготовили и мы ими пообедали. Ракушки отдали на память».

Николай Леонтьевич показывает эту ракушку — размером она около 20 см в диаметре, светло-розовая, с большими выступами по хребту. Он говорит, что у него таких сувениров было много, «полный чемодан», но вот раздарил все — из больших осталась только эта. Он явно дорожит ею. Мне он подарил две ракушки — маленькие, очень гладкие и блестящие. Одна из них размером с рублевую монету, а вторая чуть больше. Когда мы шли домой, то я сжимала их в кулаке в кармане куртки, и мне казалось, что они все еще теплые от жаркого солнца Кубы, а не от моей руки.

Советские туристы увидели и главное богатство Кубы — поля сахарного тростника и процесс его уборки: «Мы ездили смотреть, как собирают тростник. Ездили еще смотреть, чем дети занимаются, старшие классы учат младшие классы, учителей не хватает. Мы с Витьком сфотографировались с одной такой учительницей — сама в Гаване в 7-м классе учится, а летом неграмотных детей в провинции учит. Летом у них крыша тростником накрыта, и они сами себе еду готовят, и овощи выращивают. Смотрели, где они спят. Спят они на досках, а на них один матрас из камыша и простыня. Я говорю: „Детям же спать, почему так?“ А экскурсовод и говорит: „Чтобы такая толстая не была, видели, какие девочки у нас все стройненькие? Это потому, что на таких кроватях спят“».

На достаточно четкой любительской фотографии в центре стоит стройная девочка, может, моя ровесница, в форменной школьной одежде. Наверное, она

из интеллигентной семьи, раз учится в гимназии в Гаване. И вот она летом, на каникулах, вместо того чтобы отдыхать на пляже, едет из дома от мамы в деревню, живет в сарае с тростниковой крышей, спит на досках, на матрасе из камыша, готовит еду из выращенных здесь же овощей, еще и учит неграмотных деревенских детей. Николай Леонтьевич был поражен таким спартанским воспитанием детей на Кубе, захотел сфотографироваться с учительницей на память, чтобы показать фотографию сыну.

«В Риадеро мы были вольные, ходили, отдыхали, как хотели, по городу сами ходили. В магазинах нет ничего, много народу в этот город приезжает, товаров для туристов не хватает. Я там сыну штаны какие-то купил, себе две рубашки, отрез жене, и все. Мало товаров. А сами кубинцы очень бедные. У них все по карточкам. Там получил зарплату, а денег тебе не дали, а все в карточке записано, имя, фамилия, отчество, где, кем работаешь, число и месяц, и сколько зарплата у тебя. Идешь с карточкой в магазин, берешь что-то, и тебе туда записывают. Если деньги кончились, нигде ничего не дадут».

Все же Куба была тогда бедной страной, я считаю, что карточная система должна быть только в самых трудных для государства ситуациях. В учебнике истории я прочитала, что наша карточная система была отменена в 1947 году. Конечно, в СССР были трудности со снабжением граждан товарами, но никто из моих собеседников не сказал, что карточная система лучше. И вот на Кубе они встретили именно такую продажу товаров. У всех советских людей были деньги, хоть и немного, и по сравнению с кубинцами и Василий Иванович, и Николай Леонтьевич были богачами. Я не могу представить себе, что у нашей семьи вместо семейного кошелька лист с суммой маминой зарплаты.

«Вот так я побывал на Кубе», — Николай Леонтьевич вздыхает. Видно, как его взволновали воспоминания, как он рад поговорить о далеких счастливых днях того отпуска на Кубе.

Я думаю, жаль, что эта часть истории мало изучается в школьном курсе. Я понимаю, что школьная программа не может вместить всего многообразия исторических событий XX века, но для себя я сделала вывод, что многие люди, живущие рядом со мной, могут помочь сделать историю интересной и живой.

Когда-нибудь я обязательно побываю на этом замечательном острове и увижу все своими глазами.

Тень Чернобыля

Воспоминания матвеево-курганцев о Чернобыльской катастрофе

Дарья Главина, Сергей Юров

**с. Матвеев Курган, Ростовская область,
научный руководитель О.И. Столбовская**

Тема Чернобыля заинтересовала нас давно. К тому же оказалось, что в Матвеевом Кургане живут люди, судьбы которых буквально пронизаны чернобыльской бедой.

Мы узнали, что в нашем поселке живут люди, эвакуированные из Припяти. Нам захотелось с ними увидеться, и мы договорились о встрече. Так мы пришли в хороший ухоженный дом, где нас любезно встретили Владимир Александрович и Наталья Григорьевна Жегловы. Владимиру Александровичу еще бодр и крепок. На нем все хозяйство. А вот здоровье Натальи Григорьевны плохое — после перенесенного инсульта одна сторона тела парализована.

Владимир Александрович (1958 г.р.) рассказал о жизни в Припяти: «Средний возраст жителей был 26–28 лет, было очень много детей. Сюда съезжалась молодежь со всего Советского Союза. Наталью Григорьевну распределили в Припять после окончания института, по образованию она архитектор. А я приехал в Припять позже, из города Запорожье. Там я работал после окончания Таганрогского авиационного техникума. Зарплаты там были небольшие, и я стал водителем. Как-то привез в Припять грузы, мне понравился город и я постарался туда переселиться.

Местность была хорошая, лес, водоем. Промышленности было мало: атомная станция и радиозавод „Юпитер“, который выпускал магнитофоны и военное оборудование для связи и записи. Собирались строить на другой стороне реки Припять 5-й и 6-й энергоблоки, уже шла подготовка к работе, но авария все остановила.

Молодежный город жил весело. Устраивались городские праздники, было много концертов, знаменитости приезжали. На Новый год весь город собирался на площади возле городской елки. Люди ходили с подносами, на которых лежало угощение, знакомились друг с другом, встречали друзей. Так мы и познакомились. В городе много было детей, сады, школы, детские площадки, поликлиники с высококлассными врачами, никаких проблем. Идешь по улице днем — никого не видно, все на работе. И снабжение было отличное, товары в магазинах только импортные, очень качественные, город был закрытым».

Слушая рассказ Владимира Александровича, мы даже немного завидовали жителям Припяти. Не город, а сказка. Хотелось бы тоже пожить в таком месте. Мы понимаем, что это еще и воспоминания о своей молодости, о первой встрече,

свадьбе, маленьких детях. Наверное, были и проблемы. Но они померкли по сравнению со страшными воспоминаниями о Чернобыльской катастрофе.

Мы рассматриваем фотографию семьи Жегловых. В 1984 году у Владимира Александровича и Натальи Григорьевны родилась дочь Настя. Когда произошла авария на электростанции, девочке было два года. Мы видим счастливую семью в кругу друзей и представляем, как весело встретили тот Новый год Жегловы: веселые рассказы, шумное застолье, песни под гитару, танцы. Мы думаем, что этот Новый год запомнился им еще и потому, что это был последний новогодний праздник, проведенный так безмятежно в Припяти.

Владимир Александрович продолжает рассказ: «Жили мы в самом городе Припять. Дом наш находился в четырех километрах от станции. В день аварии Наталья Григорьевна была дома и занималась домашними делами, а я с другом был на ночной рыбалке, на местном водохранилище. Наловили мы уже много рыбы, вдруг раздался какой-то взрыв, похожий на молнию со стороны станции. Я еще на время посмотрел, было 1:40 ночи. Затем мы услышали звуки сигнализаций на станции и тогда сразу поняли, что что-то случилось, собрали удочки и на велосипедах поехали домой. По пути к дому мы слышали звуки сирен пожарных машин. Воздух тогда был полон озона, как после грозы. А когда уже были дома, услышали еще один взрыв, около 4 часов утра. Из окон нашей квартиры была хорошо видна станция. Мы с женой сразу к окну подошли и увидели реактор, который был открыт. До этого момента мы не придавали взрывам большого значения, потому что на станции частенько случались мелкие аварии и пожары. Так что паники никакой не было».

По всем данным, авария произошла в 1 час 23 минуты 03 секунды 26 апреля 1986 года. Получается, что Владимир Александрович одним из первых видел аварию на станции. Он не знал еще, что будет такая грандиозная катастрофа. Но об этом тогда вообще никто не знал.

«Первыми там оказались пожарные припятской части (в основном молодые ребята). Из-за срочности им не выдали специального комплекта одежды. Им предстояла самая сложная работа с реактором. Ребята быстро получали смертельную дозу рентген».

Какой подвиг совершили тогда пожарные! Но хочется спросить: как можно было допустить такое, как это стало возможным?

Что же произошло 26 апреля 1986 года? Четвертый блок должны были, как запланировано, после двух лет работы остановить для ремонта. Но перед его остановкой дирекция атомной станции наметила испытания одного из турбогенераторов. А качество программы оказалось низким, не были предусмотрены достаточные меры безопасности. Мирная жизнь припятчан окончилась 27 апреля вместе с объявлением об эвакуации, прозвучавшим гробовым голосом по радио: «Внимание! Внимание! Уважаемые товарищи! Городской совет народных депутатов сообщает, что в связи с аварией на Чернобыльской атомной электростанции в городе

Припяти складывается неблагоприятная радиационная обстановка. С целью обеспечения полной безопасности людей и в первую очередь детей, возникает необходимость провести временную эвакуацию жителей города в населенные пункты Киевской области. Для этого к каждому жилому дому сегодня, 27 апреля, начиная с 14 часов, будут поданы автобусы в сопровождении работников милиции и представителей горисполкома. Рекомендуется взять с собой документы, крайне необходимые вещи, а также, на первый случай, продукты питания. Просим соблюдать спокойствие, организованность и порядок при проведении временной эвакуации».

«27 апреля была объявлена временная эвакуация на три дня, — говорит Владимир Александрович. — С собой разрешалось брать только самые необходимые вещи и документы. Собрали 1200 киевских и 100 припятских автобусов, так как в Припяти проживало 40 тысяч человек. Город мы покинули одни из первых. Мы попали в поселок Зеленая Поляна, находившийся в 50 километрах от города. Нас привезли на площадь, где уже собрались все жители поселка, и начали распределять в жилые дома. Это было так:

— Кто возьмет семью из трех человек?

— Ко мне их давайте.

— Ну, все, баба Галя, забирай.

Первые несколько дней мы спокойно жили в этих домах, надеясь скоро вернуться в свои квартиры. Но разговора о возвращении не было. Люди начинали нервничать и переживать. Теперь всем становилось ясно, что авария была серьезная».

Средства информации молчали до 30 апреля. В основном припятчане питались только рассказами тех, кто по каким-то делам ездил в Припять или на станцию и видел все своими глазами.

«Мы получили распределение во Львов (там жили родители Натальи Григорьевны) и уже 19 мая были там. Уехали в числе самых первых. У меня была эвакуационная справка № 19, а у жены № 20, на основании которой я позже получил работу. Специалисты с завода „Юпитер“ получили направление на работу по месту рождения: ростовчан — на аналогичный завод в Ростове-на-Дону. Там осело пять человек, им дали квартиры. Подруга Натальи Светлана уехала во Владивосток на родину, на такой же завод».

Распались дружеские связи, начиналась другая жизнь на новом месте.

«По месту прибытия уже были организованы пункты санитарной обработки. Мыли нас специальным порошком. Даже после многократной проверки и обработки от радиации приборы все равно зашкаливали. Проверяли даже коляску тогда еще маленькой дочери. Излучение от нее было 1,5 рентгена. Нас сразу раздели. Вещи наши, коляску, одеялко, да и вообще все сложили в мешки и закопали. Домой идти нам было не в чем, поэтому дали медицинские халаты и повезли домой. После приезда из Припяти самочувствие было ужасным. Когда просыпались утром на работу, хотелось упасть и не вставать. Такие симптомы продолжались около трех лет. Во Львове мы прожили 22 года».

Люди оказались в бедственном положении, они покинули свои дома, бросили имущество, лишились работы. Здоровье их тоже пострадало. Что их ждало во Львове?

Рассказывает Наталья Григорьевна Жеглова: «Работы по специальности не было, и меня взяли в геологический институт геодезистом. Это была не моя специальность, поэтому мне не доверяли ответственных поручений. Но зарплата сохранялась чернобыльская, и я получала больше всех в отделе. За это меня ненавидели, строили всякие козни, поговорить на работе было не с кем. Промучилась я так восемь лет, но уйти было некуда».

Владимир Александрович Жеглов: «Позже здоровье Натальи Григорьевны начало ухудшаться, часто болела, лежала в больницах. Признали эту болезнь последствием Чернобыля. В 2003 году ей дали третью группу инвалидности, а в 2007-м, после перенесения трех инсультов, — первую группу. В Курган мы попали, когда стали пенсионерами».

Наталья Григорьевна до сих пор является гражданкой Украины. Оказалось, что стать российским гражданином очень хлопотно, а инвалиду с затруднением в передвижении — еще сложнее. Поэтому она не получает в России пенсию, льготных лекарств, даже прием у врача для нее платный.

ЭХО ЧЕРНОБЫЛЯ В МАТВЕЕВОМ КУРГАНЕ: ВЕСНА И ЛЕТО 1986 ГОДА

Далекий теперь уже апрель 1986 года был ничем не примечателен. Весна стояла теплая, цвели сады, все сажали огороды. Ничто не предвещало беды.

Что же сообщили газеты? Сначала была только скромная заметка в газете «Известия» от 30 апреля под заголовком «От Совета Министров СССР». В ней говорилось, что на Чернобыльской АЭС произошел пожар, последствия которого ликвидируются, и по данному факту создана правительственная комиссия. На нее люди внимания не обратили, хотя вообще об авариях и катастрофах газеты тогда писали не очень часто.

Мы проследили за тем, как менялся тон информационных сообщений и статей. Первые сообщения были скупыми. Масштаб катастрофы не раскрывался. Сообщение в газете «Правда» от 11 мая 1986 года было таким:

«От Совета Министров СССР. В течение 11 мая на Чернобыльской АЭС и близлежащей местности выполнялись работы по дезактивации территории, станционных объектов, транспортных коммуникаций. Ведется подготовка к дезактивации жилых домов. Осуществляется комплекс подготовительных мероприятий по бетонированию реакторного отделения четвертого энергоблока. Радиационная обстановка на западных границах СССР нормальная. На территории Украины и Белоруссии уровни радиации остаются прежними».

Мы видим, что власти очень осторожны с формулировками. Но молчать о масштабе такой катастрофы уже было нельзя. И вот 15 мая по центральному теле-

видению выступает глава государства Михаил Сергеевич Горбачев: «С полным основанием могу сказать — при всей тяжести случившегося ущерб оказался ограниченным в решающей мере благодаря мужеству и мастерству наших людей, их верности своему долгу, слаженности действий всех, кто принимает участие в ликвидации последствий аварии. Благодаря принятым эффективным мерам сегодня можно сказать — худшее позади. Наиболее серьезные последствия удалось предотвратить. Конечно, под случившимся рано подводить черту. Нелзя успокаиваться. Впереди еще большая, продолжительная работа. Уровень радиации в зоне станции и на непосредственно прилегающей к ней территории сейчас еще остается опасным для здоровья людей. Разработана и осуществляется широкая программа дезактивации территории электростанции и поселка, зданий и сооружений. Для этого сосредоточены необходимые людские и материально-технические ресурсы. В целях предотвращения радиационного загрязнения водного бассейна проводятся мероприятия как на самой станции, так и на прилегающей территории. Совершенно ясно: вся эта работа займет немало времени, потребует немалых сил. Она должна проводиться планомерно, тщательно и организовано. Надо привести эту землю в состояние, абсолютно безопасное для здоровья и нормальной жизни людей».

Еще совсем недавно, в брежневскую эпоху, аварии вообще замалчивались, теперь же генсек говорил с народом. Но люди подозревали, что сказано не все. Матвеево-курганцы, например, не считали, что опасность миновала и что худшее позади. Они хотели получить конкретную инструкцию: что делать, можно ли есть продукцию с местных полей и ферм, пить воду, купаться в реке? Ответов не дождались, хотя неоднократно задавали их местным властям: жители писали в газеты, пытались поднимать вопросы на собраниях. Ответ был один: где Чернобыль — и где мы? Ничего страшного. Однако многие страны находились еще дальше от Чернобыля, а там власти были более честными, людям сразу сообщили об опасности: по данным наблюдений, 29 апреля 1986 года высокий радиационный фон был зарегистрирован в Польше, Германии, Австрии, Румынии, 30 апреля — в Швейцарии и Северной Италии, 1–2 мая — во Франции, Бельгии, Нидерландах, Великобритании, Северной Греции, 3 мая — в Израиле, Кувейте, Турции...

Мы до сих пор не знаем настоящих размеров беды. Никто так и не сказал, что же было летом 1986 года с атмосферой над нашим поселком. И на наш взгляд, информация в каждом населенном пункте должна быть полной и достоверной, потому что это вопрос безопасности каждого человека, вопрос его здоровья. Поэтому отношения с властью, которая врет, изворачивается, скрывает правду, важную для каждого человека, не могут быть честными. Люди не верят власти, а власть не доверяет людям.

ЧЕРНАЯ БЫЛЬ

Чернобыль отозвался в судьбах наших земляков, иногда полностью изменив их жизнь. Дедушка Сережи Александр Иванович Гапоненко стал ликвидатором Чернобыльской аварии. В семье бережно хранятся его письма, фотографии. Он умер в январе 2004 года в возрасте 55 лет.

Вспоминает его жена Мария Васильевна Гапоненко: «Он ушел в январе 1987 года, а пришел в июне, через полгода. А ему было 39 лет. Это было в начале января. Ночью к нам пришли из военкомата. Просто пришли и забрали. А только на утро мне люди передали весточку от него, где было написано, что их везут в Чернобыль. Он узнал об этом на вокзале, смог выскочить из вагона и первому попавшемуся на перроне человеку передал эту записку. Сроки возвращения домой были неизвестны.

В первом письме он написал, что каждая группа будет работать три месяца. Сначала они охраняли дома от мародерства. Позже ходили в лес, занимались очисткой территории. В междугородных разговорах по телефону, довольно редких, рассказывал о жуткой обстановке. „Леса стоят рыжие, рыжие...“ Мы с девочками очень переживали. Еще они бетонировали саркофаг, что было очень опасно. Всего он совершил 30 выходов на станцию. Потом их сменили другие группы. А они занимались очисткой территории, чистили крыши от снега, чинили машины. Но не все группы находились так близко к реакторам. Вот они и живы до сих пор. А мне Саша рассказывал, как тяжело дышать было, да и делать приходилось все очень быстро, бегом. Сильно уставал, здоровье ухудшалось очень быстро. Уже через месяц начались первые ухудшения. По истечении трех месяцев Саша домой не вернулся. Уже ехали домой мартовские и апрельские группы. А их все не отпускали. И вернулся он только в июне 1987 года, уже с множеством болезней».

Александр Иванович был веселым человеком, хорошо играл на музыкальных инструментах, на гармонии, на баяне, на аккордеоне. Красиво пел, знал множество песен, часто выступал в ДК на праздничных концертах. Работал он шофером, каменщиком. Старался заработать своим дочкам на приданое, обеспечить семью. Его часто приглашали на свадьбы. У него было множество друзей.

Болел он долго, но не падал духом. В память о нем мы начали работать над этой темой. Мы считаем, что его письма, написанные из Чернобыля, являются ценным историческим источником.

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ГАПОНЕНКО ИЗ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ЗОНЫ

05.02.87. Здравствуйте, мои родные! Привет вам из Петковицны, это село, которое оставили люди. Они уехали, потому что оно заражено. Оно находится совсем близко от нашего полка. Сам я жив, а вот здоровье мое резко ухудшилось. Видно действует радиация. Кашель начался, давление. Ведь мы попали в самое пекло радиации. Машины, которые на станции стояли, сильно заражены, а мы их постоянно чиним, вот нам и достается радиации. До свидания, родные мои. Целую. Саша.

Страшно представить опустевшие, безлюдные села, голодных животных, пустующие магазины и дома. Александр Иванович оказался в самом горячем месте работ по ликвидации аварии. Людей оторвали от их семей, отправили на опасные работы, рискуя их здоровьем, а часто и жизнью.

На фотографиях мы видим временный лагерь ликвидаторов в эвакуированном селе Петковщина. На одной из них изображен Александр Иванович и его друг, на другой их пятеро. Солдаты одеты в форму — кирзовые сапоги, ватные штаны и телогрейку. На заднем плане, как мы думаем, столовая. Быт в таких условиях был тяжелым. Жить зимой в палатке продолжительное время было очень трудно.

07.02.87. Здравствуй, моя дорогая жена Машенька. Получил сегодня сразу два письма и даю ответ. Большое спасибо за внимание ко мне, вы у меня просто золото. Я жив, здоров, но голова болит, ноги, горло. Это все радиация. Чувствую я, вернемся мы калеками. Дорогая моя, очень скучаю, время в разлуке идет долго. Здесь с ума сойти можно. Работать тяжело. Ну а кому сейчас легко? Погода ужасная, холодно. Настроение подавленное. Домой хочется. Ты не волнуйся за меня, я вернусь, в любом случае. Передавай всем привет. Целую. Саша.

У Александра Ивановича начало ухудшаться здоровье. Мы не понимаем, почему нужно было призывать людей на пять месяцев? Может быть, более короткий срок пребывания продлил бы жизнь Сережиного дедушки? Здесь опять власти проявили равнодушие к людям, к их здоровью, прикрываясь громкими словами об их героическом подвиге.

08.02.87. Добрый день, мои родные. Спешу сообщить, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Сегодня воскресенье, до 5 часов я отдыхал, а сейчас нахожусь на дежурстве на посту ВАИ, сижусь один в будке на трассе за 2 км от части. Служба идет по-старому. Много ребят уже посадили в тюрьму за кражу, пьянство, за самовольные отлучки. Погода немножечко наладилась. Но у меня кашель большой, голова болит, от той гадости, что в кислороде, у нас в горле дерет, Даже тошнит, ноги болят сильно. Домой хочется. На этом все. Береги себя. До свидания, любимая. Поцелуй Наташу и Галю от меня. Ваш Саша.

Мы видим, что ликвидаторы были обыкновенными людьми, с их слабостями и недостатками. Некоторые не выдерживали искушения, и оступившихся даже сажали в тюрьму.

12.02.87. Здравствуйте, мои родные. Спешу сообщить, что я жив и здоров, и письма ваши получил. Служба идет нормально, а скучаю я очень сильно. Маша, я вам выслал посылочку: 16 банок молока сгущенного, одну пару перчаток. Здоровье мое плохое, горло побаливает, голос пропадает, дерет в горле страшно. Целый день тошнит. Теперь буду ждать твоего письма. Целую. Твой Саша.

Снабжение тогда было неважным. Сгущенное молоко невозможно было купить в магазине, его доставали по случаю. Шестнадцать банок были большим подарком. Александр Иванович рассказывал потом, что тоска по семье, по родному дому была очень сильной. Почта доходила не сразу. Оттуда письма шли быстро, за два-три дня, а вот письма из дому, бывало, доходили только через неделю, а то и больше.

Молодая семья Жегловых за праздничным столом. Новый 1986 год

Александр Гапоненко с другом. 6 февраля 1987 года

Александр Гапоненко, ликвидатор Чернобыльской аварии. 9 мая 1987 года

Александр Гапоненко стоит крайний слева.
с. Новошепелёвка, 9 мая 1987 года

12.03.87. *Здравствуйте, привет вам из Белоруссии! Вот сегодня решил еще написать вам письмо. Я жив, а здоровье мое не очень хорошее, нахожусь на больничном, надавали таблеток, сейчас лежу в постели. Голова болит очень, кашель большой, ноги крутит. Нам плакать хочется от такой судьбы, лучше б была война, чем этот Чернобыль, потому что не знаешь, что будет дальше. Все ребята, в том числе и я, болеют, настроение плохое, работа не идет. Я буду стараться вернуться домой, может калекой, но вернуться. На этом все. Пишите чаще, люблю вас, ваш Саша.*

Здесь Александр Иванович сравнивает Чернобыль с войной, потому что это была беда, от которой нельзя было сбежать. Он прекрасно это понимал. Здоровье стало совсем плохим, он попал на больничный, но домой его все же не отпустили.

22.03.87. *Добрый день, моя любимая жена Машенька и мои доченьки Наташа и Галя. Сегодня у меня радость: получил сразу два письма от вас. И сразу даю ответ. Новости у меня не очень хорошие. Сны мне снятся кошмарные, голова побаливает, горло лечу на трех аппаратах прогревания. Пью лекарство вместо водки и вина. Сейчас чистим снег, его тут много. У нас тут еще много работы. Нужно поселок строить, дамбу, рубить зараженный лес, чистить улицы, и на Чернобыль на крышу. Все это опасно. Там радиация большая. Вот сегодня все ребята задумались, куда судьба бросит. Я тоже очень переживаю, страшно за последствия. Ведь от заразы все может быть. Родная, ты пиши, не забывай меня. Машенька, прошу, не надо бояться, ты же у меня умница, должна все выдерживать. Люблю тебя очень. Крепко целую. Саша.*

В этом письме Александр Иванович описывает работы, которые они выполняли. Во время этой службы ему приходилось делать все: участвовать в строительстве дамбы, в строительстве поселка для проживания ликвидаторов, рубить зараженный лес, очищать улицы от снега. Но самое страшное — это крыша станции.

24.03.87, село Савичи. *Здравствуй, моя любимая жена! Сегодня у меня праздник — ровно 2 месяца как я служу. Я далеко, помочь ничем не могу, так что ругайте тех, кто строил эту АЭС проклятую. Сколько хороших ребят пропадает и сколько еще пропадет неизвестно. Вот сегодня мои машины еще привезли солдат в село Савичи, и я с ними ходил по селу — ни одной живой души. Снегу полно, работают трактора, и мы начали чистить дома и фермы.*

Еще одно пустое село — Савичи. Солдаты, которые чистят дома и фермы. В этом письме видно отношение к строителям АЭС. Люди ругают виновников аварии.

31.03.87, г. Брагин. *Здравствуй, моя любимая женочка Машенька и мои родные дочурки Наташа и Галочка! Супруга моя, я жив, здоров, служба идет по-старому. Машенька, здоровье мое не очень хорошее, головные боли не перестают, горло вроде наладится и опять болит. Сегодня очень тяжело было, а радиация поднялась большая, вывозили землю зараженную от палаток, а потом заливали раствором. Работали в респираторах, а так дышать нельзя.*

Даже там, где жили ликвидаторы, приходилось работать в респираторах. Не мудрено, что здоровье людей, живущих там в течение нескольких месяцев, сильно ухудшилось.

12.04.87, г. Брагин. Здравствуйте мои дорогие жена Машенька и дочка Галочка и Наташа. Сегодня воскресенье, у меня строевой смотр, все прошло хорошо, с военного округа был проверяющий генерал. Все подстрижены, поглажены, помытые, как в восемнадцать лет, не говоря, что всем под сорок и выше. Мучают нас, как хотят, на то она и служба. Здоровье пока хорошее, горло побаливает, кашель маленький, голова разом ничего, а другой раз сильно болит. Погода холодная, солнце светит, но не греет, ветер восточный, снега почти нет. Командир полка ездил на совещание в Чернобыль, говорит или весь полк, или по батальонам будут перебрасывать в город Припять — это рядом со станцией, там опасно, не хотелось бы туда ехать, уже здесь половину пробыл, еще б немножко и домой. Все ходят хмурые, на душе больно, как вспомню, что придется переносить страшную болезнь, и жить не хочется. На этом до свидания, очень скучаю, целую всех крепко.

Слухи о перебазировании части в город Припять пугают ликвидаторов. Это стало самым страшным местом после станции. Мы удивились, неужели ликвидаторы жили и там? Одно дело работать несколько часов и уезжать в безопасное место, другое — жить там постоянно.

По рассказам ликвидаторов, пыль была основной опасностью после аварии. Порывами ветра ее заносило на уже очищенные участки, и фон там снова поднимался: тогда работу приходилось повторять. Пыль поднималась из-под колес тысячи машин, шедших в Чернобыль и из Чернобыля. Дорожникам пришлось ликвидировать обочины на дорогах. Сначала их полили связывающим составом, везде расставили знаки, запрещающие съезжать с полотна, а потом асфальтом залили всю ширину насыпи до самой травы.

19.04.87. Солдатский привет. Сегодня воскресенье, Христос воскрес надо говорить, а мне здесь все равно какой бы праздник не был, радости мало. Дали отдохнуть, но строят через три часа на проверку, гоняют как скот, с палатки на площадь. Боятся начальство, чтобы никто не убежал в самоволку, на днях такие были. Трое ушли или, точнее, уехали в Брагин, и не было весь день и ночь. Сами вернулись, построил командир полка всех нас, дал им по семь суток гауптвахты, двоих разжаловал сержантов до рядовых.

Опасная служба продолжается. Александр Иванович помнит о Пасхе, но праздничного настроения нет ни у кого. Ликвидаторы представляют, что их ждет по окончании службы. Они понимают, что здоровье потеряно, а бывшие сослуживцы сообщают, что военкоматы внимания не обращают на их состояние и помощи никакой не оказывают. И опять строки о зараженном песке.

29.04.87. Киевская обл., Чернобыльский район, с. Новошепелевка. Здравствуй, моя любимая, милая жена Машенька. Спешу сообщить, что я уже на другом месте, нас все-таки увезли работать в Чернобыль на АЭС. Находимся в 7 км в селе. Ох,

как страшно здесь. Живем в школе-интернате, убрали себе место. Село большое, людей уже год как нет. Были около станции, проездом, стоит черная, свинцом обтянутая. 1 и 2-й реакторы работают, а два стоят. Как мне не хотелось ехать, но ничего не получилось, всех забрали. Радиация, повышенная на станции, и если по 8 часов работать, то можно сразу собираться домой. Но нам этого не сделать, по два или по часу будем работать, чтобы подольше продержат нас здесь.

В этом письме описаны впечатления от станции, которую Александр Иванович впервые увидел так близко: «черная, обтянутая свинцом». Два работающих реактора тоже поразили, видимо, там продолжали работать люди — в условиях, когда восемь часов приносили предельную дозу радиации. Какой же получается цена этого электричества, которое доставалось ценой здоровья и жизни людей?

Условия работы ликвидаторов были крайне тяжелыми. Мы на уроках ОБЖ учились надевать ОЗК. Находиться в нем тяжело, нечем дышать, жарко, очень хочется пить. А Александру Ивановичу и его сослуживцам приходилось еще и работать в этом костюме, да и возраст был солидный.

Мы нашли на карте в Чернобыльской зоне Новошепелевку. Видно, что практически это часть города Припять. В этом селе явно уровень радиации был очень высоким. На карте оно обозначено как нежилое, однако власти разместили здесь ликвидаторов. Непонятно, почему это было сделано? Ведь селить людей в опасной зоне означало подвергать их здоровье и жизнь опасности.

3.05.87, с. Новошепелевка УССР. Здравствуйтесь мои родные жена Машенька и дочка Наташа и Галочка! Спешу сообщить, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Галя, ты у меня умница, вот сегодня утром пришла машина с части нашей, и только мы сели в машины ехать на станции работать, а мне письмо принесли. Как я рад, доченька, большое спасибо, ты мне дух подняла перед выездом в опасную зону. Ничего не поделаешь, отобрали 100 человек и повезли, а остальные в наряде по кухне. Вот я сейчас расскажу, где я был. Проехали город Припять и прямо на станцию. Всех высадили, одели хим. защиту и повели через проходную. Сколько здесь людей работает, за день не пересчитаешь. Всем есть работа. Я попал с одним парнем носить газированную воду на 1, 2 и 3 энергоблок. Расстояние около 1 километра. Восемь ящиков отнес за три часа работы. Первый и второй энергоблок работают, а третий и четвертый стоят. Четвертый это тот, что взорвался. Вот теперь я сам увидел, что это такое, очень страшно. Не знаем, сколько мы радиации получили, но чувствую себя хорошо, все покажет позже. Вот приеду домой и расскажу все подробно, а сейчас нельзя много писать, а то письмо задержат и оно домой не дойдет.

Александр Иванович сильно устал от изнурительной работы. Да и здоровье его стало ухудшаться: болят ноги, и руки очень устают от постоянной тяжести. Мы считаем несправедливым, что людям не сообщают правду об их здоровье. Александр Иванович не знает, сколько «радииков» пишут в день и сколько на самом деле он получает.

Мы смотрим на фотографию, на ней изображен Александр Иванович, стоящий на фоне брошенных домов, людям там жить нельзя — радиация! Тогда почему Александр Иванович не одет в костюм химзащиты, разве на него радиация не действует? Возникают вопросы: кто допустил, чтобы солдаты жили на протяжении почти двух недель в зараженном селе? Неужели сэкономленный бензин дороже здоровья этих людей? Почему власти присвоили себе право распоряжаться их судьбами так бездумно и беспощадно?

20.05.87. Здравствуй, моя дорогая жена Машенька. Самочувствие мое среднее. Голова болит, ноги крутит. Суставы и спина тоже стали болеть, радиации уже много нахватался, а пишу, что мало. Вот уже 20 дней, как работаем на АЭС. Тяжело, супруга, воздух тяжелый, в противогазах придется работать. Мой вес уже спал на 6 кг, вот как получается: некоторые уезжают домой, хотя они и близко не видели АЭС, да еще и дома хвалиться будут, а мы тут с января сидим и на крышу ходим. Маша, я твои письма все берегу, складываю. Вот в чемодане лежат. Скупаю по тебе очень. Передавай всем привет. Целую всех, ваш Саша.

Мы понимаем, что Александру Ивановичу трудно видеть, как уезжают домой другие солдаты, некоторые даже на станции не были, а уезжают домой еще раньше, чем он. И действительно, почему так? Ведь это несправедливо!

23.05.87. Здравствуй, моя родная, любимая жена Машенька. Как приятно получить весточку из дому в чужом краю. Милая моя, спасибо, что находишь время писать. У меня все есть, и я ничего не требую, а особенно в такие тяжелые для меня дни. Надо за себя думать, как меньше заразиться этим атомом. Я живу и не знаю, что со мной будет в этом далеком краю. У нас уже кровь идет носом, давление большое, головные боли. Хоть бы побыстрей добить эту кару, за что судьба так наказала меня? Пишу, а слезы льются. Если бы вы увидели, что там твориться на крыше этой станции, железо и бетон стали как пух, деревья страшные, ели красные, один ужас. Машенька, дорогая, я стараюсь быть аккуратным, но от всего не уберешься, приеду домой, ты меня не узнаешь. На этом кончаю. Люблю, целую, твой Саша.

Для Александра Ивановича наступили тяжелые дни. Здоровье стало плохим, и он воспринимает свою работу как наказание, которое нужно поскорее отбыть.

Мария Васильевна рассказывает, что в отсутствие Александра Ивановича семье жилось нелегко. Мужские умелые руки были нужны в домашнем хозяйстве, Александр Иванович подрабатывал, играя на свадьбах на гармонии. Денег в семье стало меньше, а дочки росли, хотелось их одеть, чтобы были не хуже, чем другие. Это было время, когда продукты «доставали», снабжение было плохим. Об этих заботах Мария Васильевна писала мужу.

30.05.87. Добрый день или вечер, моя дорогая жена Машенька. Письма я получил и, чтобы не обижались, сразу пишу ответ. Настроение очень подавленное. Только что отправили декабрьских ребят домой, из моего отделения тоже двоих отправили. Теперь осталась наша очередь, а когда начнут отправлять пока

неизвестно. Но думаю, что в первую партию попаду. Медицинскую карточку уже заполнили и подали в штаб, будем ждать. Маша, денег еще не давали, осталось в кармане 3 копейки. На курево еще есть, до 5-го хватит. Получу и поеду в город Брагин, чтобы купить себе гражданскую одежду. Как же эта форма уже надоела, особенно сапоги. На этом я кончаю. Целую тебя крепко. Соскучился очень, но терпеть надо. Целую. Жди.

06.06.87. Здравствуй, моя милая, дорогая жена Машенька и мои доченьки, Наташа и Галочка. Вот выбрал время и решил дать ответ на твое письмо. Маша, написать письмо я не успел, думал, что и я поеду, но наш батальон оставили до 16. Дорогая, ты пишешь, что я сам рвуся на крышу. Это неправда, ведь я собой не команду. Что скажут ребята, если я буду хитрить? Здесь все одинаковы. Вот у меня 5 радиков, а домой сегодня уехали те, у кого 7 и выше. Это в первом батальоне, они больше на крыше находились. Так обидно, потому что апрельские, мартовские и даже майские уехали домой, а мы, январские, сидим. Ну, ничего, моя милая, осталось совсем не долго, береги себя, за меня сильно не волнуйся. Ты главное жди. Передавай привет всем родным, соседям. До свидания, моя любимая. Твой муж Саша.

И снова мы видим несправедливость, о которой с горечью и обидой говорит Александр Иванович. Даже по его словам мы видим, что он был очень ответственным человеком, не хитрил. Действительно ли Сережин дедушка получил именно пять «радиков»? Может, было и больше?

08.06.87. Здравствуй, моя любимая жена Машенька. Сегодня очень напряженный день: решается судьба или служить до конца или уехать раньше. Ходил к командиру батальона, а потом с ним в штаб, записали на 14 число, может, повезет, и я буду дома. Новостей особых нет. Да и какие они у солдата?! Приеду — все расскажу. Целую крепко. Очень соскучился.

Это было последнее письмо Александра Ивановича домой. Потом был сбор вещей, прощание с сослуживцами и долгожданный путь домой.

Мария Васильевна Гапоненко рассказала нам, что Александр Иванович, уже вернувшись домой, не забывал о своих сослуживцах. Он принимал активное участие в оказании помощи нуждающимся ликвидаторам, вступил в Союз «Чернобыль», в котором он и другие бывшие ликвидаторы помогали людям отстаивать свои права, оказывали поддержку пострадавшим от радиации. Он постоянно интересовался делами на станции, искал заметки в газетах и обсуждал их с друзьями.

Документы, хранящиеся дома, прямо свидетельствуют, что его болезни и смерть были прямым следствием участия в ликвидации аварии.

Александр Иванович Гапоненко умер 13 января 2004 года. Ему было всего 55 лет. Другие мужчины в этом возрасте полны сил и здоровья, они еще даже не пенсионеры. Изучая экспертное заключение о причинах его смерти, мы видим внушительный список его болезней, каждая из которых сама по себе опасна для

жизни. А здесь целый букет. Уже после смерти и похорон Александра Ивановича пришло известие о награждении его медалью «За спасение погибавших». Марии Васильевне сказали, что если бы он был жив, то его наградили бы орденом Мужества. Конечно, орден ценится выше медали, но мы думаем, что Александр Иванович был бы рад и ей, если бы дожил.

ВОСПОМИНАНИЯ ЛИКВИДАТОРОВ

Люди, потерявшие здоровье, часто помогали себе сами, любую льготу приходилось отвоевывать с боем у властей, тратя на это последнее здоровье. После смерти Александра Ивановича они продолжали общаться с Марией Васильевной и, когда мы собирали материал для этой работы, согласились поделиться с нами своими воспоминаниями. Всего в Чернобыле побывало около 600 тысяч человек и еще около миллиона выполняли работы в 30-километровой зоне. По данным Чернобыльского союза ликвидаторов, умерло от последствий радиации около 60 тысяч человек и не менее 160 тысяч получили разные степени инвалидности.

Рассказывает Александр Николаевич Вяткин: «Нахватался хорошо, было мне 36. Забрали 19 августа 1986. В тот день я работал на ферме монтажником. Приехали и забрали как собаку. Повезли, даже не сказали куда. Я только потом передал через людей жене. И повезли нас сначала в военкомат и сказали, что едем мы в Волгоград, а когда приехали туда, нас отправили на Чернобыль. Там я сопровождал вагоны со сгоревшей рудой, а обратно сопровождал со свежей. Пробыл я там всего 3 месяца, а те, кто приезжал позже, оставались дольше, так как радиации становилось меньше. Помню, как приехал туда, был в шоке: ели все рыжие стоят, обгоревшие. Идешь по улице: магазины запломбированные. Глянешь в окно, а там и водка стоит, и колбаса, а есть нельзя — радиация. Везде милиция ходит, охраняет. Утки живые ходят по поселку, собаки бегают голодные, все в радиации. Мы когда в части жили, к нам гуси и утки соседние приходили, им наши повара помой давали. На работе у нас так было: поработал 2 часа — сразу переодеться, радиация большая, вещи наши сразу сжигали.

Парализовало меня через 10 лет, и признали врачи, что это в связи с Чернобылем. Когда нас уже забирали домой, сказали, что 10 лет будешь жить, как будто нигде и не был, а потом начнется. И правда, началось. То печенка, то селезенка, то желудок, а потом и вообще парализовало, полностью левую сторону. От палки теперь ни на шаг».

Александр Николаевич человек немного резкий, прямой и немногословный. Подтверждение его словам об обстоятельствах призыва мы находим также в литературе: «Необходимость в постоянной смене ликвидаторов, быстро набирающих большие дозы облучения, вызывала острую нехватку человеческого ресурса. В Белоруссии и на Украине во всю мощь заработали военкоматы, призывая на кратковременные сборы офицеров запаса, их поднимали ночью, вытаскивали из своих квартир, ловили на работе, прямо на улицах, у друзей, женам практически насильно вручали повестки, пугали трибуналом за неявку на сборные пункты. Происходящее сильно напоминало военные пункты. Призванным даже не дава-

ли времени предупредить родственников. Вновь прибывших наспех одевали и бросали на реактор. Выданная спецодежда не могла защитить жизненно важные органы, и в ход пошли самодельные свинцовые трусы, рубашки, жилеты».

Рассказывает Валерий Михайлович Баранов: «Мне было 37 лет. Нас военкомат брал от 35 до 50 лет. Младше не брали. А когда попал в Прибалтийский округ, там не разбирались. Брали всех, с 25 и выше. Забрали меня в октябре. Я тогда пришел с работы в 8 часов, а дома меня уже ждали люди из военкомата с приказом явиться туда к 4 утра на переподготовку, с собой взять вещи первой необходимости, даже не сказали, куда мы едем. В Чернобыле все было оборудовано хорошо, палатки, телевиденье, новости даже смотрели. Нам там показывали реактор, но только с другой стороны, пытались сделать вид, что его не сильно разнесло. Говорили: „Это не для вас, а для остального населения, чтобы паники не было“. Порядок был, как в армии, питание отличное, тут и говорить нечего. А вообще первыми были срочники (срочная служба). Говорят, что этого не было, но они и заливали, и мыли, и охраняли — все они. Самая сложная и опасная работа была на крыше. Они должны были за минуту скинуть с крыши зараженный графит, кто сколько успеет, а внизу радиоуправляемые бульдозеры грузили в машины, а люди вывозили их. Весь город Припять выселили, никого там не было, а мы снимали грунт на полштыка, сначала мыли стены, чтоб смыть пыль. В землю она далеко не проходила, где-то сантиметров пять, а мы потом это соскребали лопатой, грузили в машины и вывозили на могильник, затем засыпали песком и заново стелили асфальт. На крыше я не был, только вокруг. Ну а пробыл я там 1 месяц и 20 дней. Вообще брали на полгода, но по военным меркам 25 рентген был максимум, но никто и никогда не писал ровно 25 рентген, писали 24,99, но только не 25, а иначе бы их наказали. Хоть ты набирал и больше, тебе писали меньше. Кто раньше набирал, тот и уезжал. А с марта 1987 года все уже были по полгода. Когда закончилась очистка, первый саркофаг уже построили. Но одного саркофага было мало, и уже начинали строить второй. Меня удивляло постоянно вот что: от станции, в 100 км стояли таблички с надписью: „Опасно. Радиация!“, а буквально в 500 м от этой таблички, зона считалась не зараженной, и люди жили обычной жизнью. Пришел домой в январе 1987 года».

Валерий Михайлович оказался свидетелем того, как фабриковались новости: съемка станции с выгодной стороны, больше всего журналисты и телевизионщики были озабочены проблемой сокрытия всей правды. Это касалось и вопросов безопасности жителей, имевших несчастье родиться и жить в зараженной зоне. Правду скрывали все чиновники, которые находились в зоне ликвидации аварии. Читая сегодня книги, изучая материалы Интернета и газетные статьи, мы натываемся на противоречивые сведения по многим вопросам. Мы думаем, что это следствие той лжи, которая покрывала Чернобыльскую зону не хуже радиоактивной пыли.

КАКОЙ ЦЕНОЙ?

Общаясь с очевидцами этой страшной катастрофы, мы узнавали все больше и больше о событиях, происходивших тогда. И с каждым днем убеждались, как

мало мы знаем об этой трагедии. Читая письма Александра Гапоненко и слушая рассказы, мы начинали понимать, что же скрывала власть.

Все чернобыльцы имеют льготы, но никакие деньги не вернут здоровье, а тем более жизнь безвременно умерших. В сельской местности чернобыльские выплаты являются действительно весомой суммой, но мы обнаружили, что обычные люди не высказывают никакой зависти и недовольства по отношению к бывшим ликвидаторам.

Бюрократические препоны, которые расставили чиновники перед ликвидаторами, их попытки уменьшить льготы, лишить каких-то законных выплат добавляют этим людям лишние страдания. Они вынуждены бороться за свои права, доказывать чиновникам свою причастность к избавлению нас всех от губельных последствий Чернобыля. Мы считаем, что подвиг ликвидаторов еще недостаточно оценен.

«Ах, эта свадьба, свадьба... пела и плясала!»

Ольга Доильницына

г. Няндомы, Архангельская область,
научный руководитель Г.Н. Сошнева

СВАДЬБЫ КОНЦА 50-Х — НАЧАЛА 60-Х И 80-Х ГОДОВ XX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

1960-е

Во времена моей бабушки решение о создании семьи не принимали скоропалительно, и у большинства молодых людей свадьбе предшествовали годы знакомства. Например, Доильницыны Галина Степановна с Борисом Григорьевичем были знакомы со школьных лет. Но влюбленность началась, когда Галине было 17, а Борису — 18. К тому времени он уже учился в железнодорожном училище. Произошло это на традиционном новогоднем бале-маскараде. Проходил он в городском клубе им. Кирова, где сейчас находится кинотеатр «Заря».

Это было настоящее событие! Каждый шил себе нарядный костюм, чаще всего из подручных материалов, некоторые просто надевали маску, вырезанную из картона и украшенную блестками, бусинками. Галина в девятом классе сделала костюм индианки. Просто взяла длинный кусок материи, укуталась и нарисовала точку на лбу. Получилось неплохо, и ей даже вручили приз — репродукцию какой-то известной картины. Борис Григорьевич, как он позже рассказывал, еще в пятом классе решил, что Галина станет его женой. Как-то раз он был дома у своего друга и из окна увидел Галину. И сказал: «Вот, смотрите, моя жена идет!» Но поскольку Галина была из семьи, которая считалась неплохо обеспеченной, да тем более с отцом, а Борис рос без отца, то мама друга сказала: «Тебе-то куда до нее!»

Ухаживания были довольно простыми, но долгими. Молодежи особенно негде было развлекаться. Местным центром культуры был клуб имени Кирова. На верхнем этаже устраивались танцы, а на нижнем находился кинотеатр. Там собиралась вся молодежь, а в дни выхода новых фильмов купить билет было просто невозможно. Вечерами ходили гулять по заснеженному колеям от саней, шли по разным колеям и держались за руки. Городской парк, или Парк железнодорожников, как раньше его называли, тоже был излюбленным местом для прогулок вдвоем. В будние дни вход туда был бесплатный, а в выходные и праздники платный — 50 копеек. Те, кто не хотел платить, просто перелезали через забор. Можно было кататься на каруселях, на качелях, там же находился и летний кинотеатр. Борис с Галиной часто катались вдвоем на велосипеде, Борис вез Галину на раме. По субботам на танцплощадке возле клуба играл духовой оркестр. В гости ходили редко. Вообще афишировать свои отношения считалось неприличным. Детей воспитывали строго, считали, что главное — учеба. Поэтому родители часто были недовольны, если их дети начинали с кем-то встречаться. И если парень еще мог ходить к девушке в гости, то девушкам ходить в дом к молодому человеку считалось позором.

После десятого класса Галина поехала в Одессу поступать в Политехнический институт. Ехала через Москву, где проходил Международный фестиваль молодежи и студентов. В столице она увидела множество людей разных национальностей. Сама Галина не хотела учиться в Одессе, потому что это было слишком далеко от Няндомы и от любимого человека. Этого хотели родители, ведь в те годы все стремились стать инженерами. Не поступила она из-за того, что сдала физику на тройку. В Няндоме никто не ждал, что Галина вернется так скоро, ведь она никому не звонила и не писала. Приехав обратно, Галина шла по площади им. Ленина, на которую выходили окна дома Бориса. Он стоял на балконе и не поверил своим глазам. Очнувшись, побежал к Гале, схватил ее на руки и кружил, кружил. Такое проявление чувств на людях считалось неприличным. Можно было только держаться за руки.

Не поступив в институт, Галя поехала работать учительницей немецкого языка и рисования в деревню Воезеро Няндомского района. А Борис учился в железнодорожном училище. Однажды, чтобы увидеться с ней, он по дороге остановил грузовую машину, так как другим способом нельзя было добраться до близлежащих деревень, остановился на первой развилке и дальше 15 километров шел пешком по ужасной грязи в полуботинках.

Подарки в те годы не делали, денег не было, а если делали, то редко, и старались, чтобы подарок был действительно хорошим. Галине Степановне особенно запомнились два подарка. Первый — большая кукла, а второй — игрушечный легковой автомобиль на радиоуправлении. Как сказала Галине ее тетя: «Подарок с прицелом на будущее». Галина Степановна говорит, что Борис тогда реализовал и ее, и свою мечту детства. Ведь у них таких игрушек в детстве не было.

Зоя Николаевна Таширева и Анатолий Иванович Романов познакомились на железной дороге. Зоя приехала в Няндому на заработки из деревни в Кировской области. Но была и другая причина. В своей деревне Зоя и ее подруга работали продавщицами в магазине. После ревизии была обнаружена недостача — потребовали по 120 рублей с каждой. Мама Зои продала теленка и на вырученные деньги выплатила недостачу. После этого-то случая Зоя и уехала в Няндому. А вскоре мама написала, что покупатель, купив полевую сумку в том магазине, обнаружил в ней деньги. Но к тому времени уже прошла денежная реформа 1961 года и деньги обесценились. Хозяин дома, у которого Зоя снимала комнату, устроил ее на станцию стрелочницей. И однажды ехал на паровозе молодой машинист Анатолий Романов. Зоя ключом открыла стрелку и подала сигнал следования. А Анатолий ответил: «Нет, не поеду». Зоя очень испугалась, что неправильно подала сигнал, за это строго наказывали. В слезах она побежала в будку. Следом с улыбкой зашел Анатолий. Как сейчас говорит Зоя Николаевна, это была любовь с первого взгляда. На свиданиях Анатолий часто дарил Зое конфеты. Причем не простые леденцы, а шоколадные. А бабушка всегда ей советовала: не ешь конфеты от парней, а то обманут и бросят. Поэтому Зоя, принимая подарки, складывала их в мешочек.

Свадьба Галины и Бориса Доильницыных

Свадебные традиции. 1950–1960-е

Свадьба в Петербурге. 1980-е

Свадебная фотография Галины Сошневой и Виктора Колобова. 1990

В отличие от 50-х годов, в 80-е общение стало более свободным. Например, Татьяна Александровна Попова познакомилась со своим будущим мужем, гуляя с подругами, когда ей было всего 15 лет. Она родилась в деревне Андреевской Няндомского района. Однажды она увидела, как приезжие мальчишки катаются на мотоциклах. Среди них был и будущий муж Татьяны, Андрей Родионов. Мотоциклы в то время были уже у многих молодых людей, в отличие от 50-х годов, когда вполне обходились велосипедом. Ребята подъехали, познакомились. Оказалось, что Андрей из Няндомы, и он на два года старше Татьяны. Завязалось знакомство, Андрей стал чаще приезжать. Они гуляли, катались вместе на мотоцикле. Но вскоре им пришлось расстаться на довольно длительное время — на три года. Андрея призвали в армию, а Татьяна закончила учебу и поступила в Архангельское педагогическое училище. Но, как рассказывала Татьяна Александровна, все это время она думала об Андрее, а он тоже спрашивал у друзей, как дела у Татьяны. Когда он вернулся, отношения возобновились. Бабушка Андрея жила в Архангельске, поэтому у него была возможность часто приезжать к Татьяне. Особенно ей запомнился случай, когда они купили большую рыбину трески, и она приготовила рыбный салат, которым просто сразила Андрея наповал. Это сейчас треской никого не удивишь, а в 80-х купить такую рыбу было настоящим счастьем.

Вот и Галина Николаевна Сошнева рассказывает, что со своим будущим мужем Виктором Колобовым познакомилась во время жуткого товарного дефицита и продуктов, и ширпотреб в 1989 году. К этому времени Галина уже работала в школе учителем. Виктор любил баловать ее разными вкусностями — хорошей рыбой, конфетами и индийским «чаем со слоном», польской косметикой. Он жил в военном городке Каргополь-2, а снабжение там было гораздо лучше даже в то время.

Как и прежде в 80-е, в Няндоме молодые люди гуляли по улицам города, ходили в кинотеатр «Заря». Он был построен в 80-х на месте сгоревшего клуба им. Кирова. Именно в нем проходили показы всех новых художественных фильмов. Кроме «Зари» было еще клуб железнодорожников им. Ленина и видеозал. Надо сказать, что в советские времена билеты в кино были недорогими, каждый мог себе позволить. Там в 1977 году познакомились Галина Ивановна Ризина и Александр Анатольевич Сопочкин. Они учились вместе в школе № 1 им. Пушкина, но так как Александр был на два года старше, они не были знакомы. На танцах он поразил ее своим внешним видом. Он следил за собой, был подтянутый, аккуратный, стройный. Они начали встречаться. Ухаживал он настойчиво, потому что был очень целеустремленным. Потом Галина уехала в Архангельск и поступила в педагогическое училище. Надолго остались в памяти посылки Александра с мясом. Когда в их семье резали скотину, он посылал такие посылки почтой. Александр знал, что у Галины трудная ситуация с деньгами и поддерживал ее таким образом. Зимой мясо хорошо переживало путешествия до Архангельска, а летом кусочки укутывали в крапиву и листы газет. Способ хранения, например, рыбы в крапиве хорошо известен рыбакам, его использовали

для пересылки свежего мяса, тем более почтой. А на один из праздников среди кусочков мяса она нашла флакон духов «Пируэт». Это были советские духи и стояли они не очень дорого.

В отличие от предыдущих пар Галина Геннадьевна Вангонен и Владимир Александрович Махов познакомились на стройке дома в Ленинграде. Ей было 20 лет, а ему 24. Галина — ленинградка, точнее, уроженка Ленинградской области, была в то время секретарем комсомольской организации. А Владимир был из Нядомского района и работал трубоукладчиком. Владимир сначала не понравился Галине. У него были длинные волосы до плеч и огромный крест с синим камнем. Похоже на атрибут такой современной субкультуры, как готы, но в то время такие молодежные движения еще не образовались. Это был просто способ выделиться из толпы. Именно по этой причине Галя не пошла на первое свидание. Но Владимир не успокоился и стал задаривать понравившуюся ему девушку шоколадками. И со временем ее сердце оттаяло. Вместе они гуляли по Ленинграду, катались на теплоходе, а потом решили уехать на родину Владимира, в село Шожма.

«ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО — НЕ ПРОСТОЕ УКРАШЕНЬЕ...»

1950–1960-е

Зарегистрировать брак в 50–60-е годы было нетрудно. Никаких очередей и сложностей не было, надо было лишь заплатить 1,5 рубля работнику ЗАГСа, и все. Поэтому через неделю после подачи заявления Галина и Борис поженились. Церемония проходила очень скромно. Комната ЗАГСа находилась на втором этаже какого-то старого дома и была очень маленькой. Посередине стоял стол и рядом сундук, видимо с документами. Не нужно было ни свидетелей, ни других условий. И после регистрации оба разошлись по домам: Галина к себе, а Борис к себе.

Как-то на очередной прогулке Зоя Таширева рассказала Толе Романову, что учится заочно в Вологодском техникуме и думает вернуться на родину. На следующий день он предложил ей подать заявление в ЗАГС. Видимо, он очень не хотел отпускать ее, тем более что там у нее был знакомый, который звал ее обратно в деревню. Анатолий заранее договорился, что как только они подадут заявления, их сразу распишут. Для Зои это стало сюрпризом. Соответственно и разрешения родителей они не спрашивали, а просто поставили их перед фактом.

Платья никто тогда не покупал, тем более свадебные. Шить одежду в Нядоме было некому. В нашем городе существовала только артель инвалидов. После войны многие искалеченные люди не могли найти себе применения и шли работать туда. Они шили одежду для ширпотреба, ремонтировали обувь, делали простые стрижки. Большинство людей шили одежду сами или имели знакомых портних. Отец Галины Степановны привез из Москвы отрез на платье и белые босоножки. Ткань эта была плотным шелком голубого цвета. Его отдали частной портнихе, и она в самые короткие сроки сшила красивое модное платье. Тогда был моден ворот «хомутиком» и юбка-шестиклинка. Все платья были отрезные

на талии, никто и не видал прямо сшитых платьев. Юбки были трех видов: шестиклинка, солнышко и «татьянка». Название «шестиклинка» говорит само за себя. Эта юбка шивалась из шести клиновидных кусков материи и получалась расширенной к низу. Юбку «солнышко» вырезали по кругу, и она была без швов. А «татьянка» — это юбка, присборенная на талии. Чтобы скрыть шов, носили пояс. Маленькие прямые платья, с узкой юбкой пришли в российскую моду только в середине 60-х годов. Такое платье было у Людмилы Александровны Колгановой. Его сшили на комбинате бытового обслуживания из белой полушерстяной ткани. Платье было очень простым, но элегантным и модным, а белые перчатки, которые Людмила взяла у учительницы, работавшей с ней в школе, поставили замечательный акцент в этом наряде. Валентина Николаевна, которая вышла замуж еще в 1959 году, шила платье сама, она ходила в кружок кройки и шитья. Платье было из шелкового поплина молочного цвета. Эту ткань купил ее брат, который учился в Горном институте. Он хотел сшить себе рабочую форму, но ткань оказалась для этого не совсем подходящей. Тогда мама купила ему другую, более плотную ткань, а поплин отдала Валентине. Платье получилось очень красивым: юбка-восьмиклинка и модный в то время рукав «кимоно».

О кольцах в те годы никто и не мечтал, у семей не было денег на такие дорогие покупки.

Мне на глаза попала фотография из семейного альбома. На ней тоже молодожены — друзья из Ленинграда. Если сравнить с фотографиями моих собеседниц, бросается в глаза разница в оформлении ЗАГС и нарядах. Красивые скульптуры, лепнина — совсем не то, что в провинциальных городках. На невесте модное по тем временам укороченное белое платье, чуть выше колена. Его украшают кружева и красивый вырез. В руках шикарный букет из гладиолусов. У нас же, в Няндоме, никто и не мечтал о таком. Среди фотографий свадебных пар мы нашли фотографию (1965) невесты, которая была запечатлена с искусственными цветами в вазе.

1980–1990-е

В 80-е годы молодежь стала более самостоятельной, решительной и свободной. Тем более что перестройка принесла с собой и вольнолюбивые европейские настроения. Молодые люди сами принимали важные решения в своей жизни, порой даже не уведомляя родителей. Например, о решении выйти замуж. Мои мама и папа объявили родителям о своем решении уже после того, как подали заявление в ЗАГС. Проблем с подачей заявления не возникло, тем более что они выбрали не самую подходящую дату для свадьбы — 13 августа, которое как раз выпало на пятницу. Но они не побоялись и были уверены, что у них все сложится хорошо. Так оно и вышло. Вот и Галина Николаевна с Виктором Юрьевичем сказали родителям о свадьбе, когда уже подали заявление в ЗАГС. Сообщение это прозвучало вечером в доме Галины, когда Виктор приехал в гости с огромным тортом, который пекли на заказ в кондитерской Каргополя-2. Тогда это был военный городок, и кремовый торт в то дефицитное время можно было купить только там.

После подачи документов в ЗАГС начиналась эпопея «добывания» абсолютно всего — продуктов, вина, костюма для жениха и платья для невесты. Галина Николаевна говорит, что даже в Каргополе-2 магазин был уже полупустой. В советское время свадебные салоны располагались только в крупных городах, а в Няндоме о нем даже не мечтали. Был только отдел в одном из магазинов. Там покупала платье Галина Николаевна. Имелось два платья на выбор. Взяли гипюровое, изготовленное еще в ГДР. А вот фату пришлось покупать в Архангельске. Ее выбрали на рынке, как и кружевные цветочки для украшения платья. Вероятно, они делались приезжими умельцами. Кооперативы в то время плодились как грибы.

Лариса Николаевна свадебное платье покупала у знакомой, а не в магазине. Это было белое длинное гипюровое платье с рукавом-фанариком и кружевным воротом стоечкой. К нему прилагалась еще и шляпка с фатой. Все вместе стоило около 80 рублей. Из головных уборов, помимо фаты, в моде были капюшон и веночек — такой выбрала себе Галина Геннадьевна Вангонен. В начале перестройки уже начали появляться украшения, которые вставляли в прически.

Вообще тогда даже обычную повседневную одежду купить было трудно, не то что свадебное платье. Галина Ивановна Ризина даже не поступила на первый курс института из-за того, что ей нечего было носить. Устроилась на работу и первый год зарабатывала на одежду, чтобы не чувствовать себя ущербной. А за сапоги нужно было всю зарплату отдать, они стоили около 80 рублей.

Поэтому свадебное платье шила учительница Галины по технологии. Она же могла выбрать красивую кружевную ткань. Платье было облегающим, до пят, рукав длинный, колоколом. Светлана за одеждой и продуктами ездила в Москву. Она с подружкой села на поезд в Архангельске, по пути к ним подсел и Олег. Чтобы купить свадебный наряд в салоне, нужно было получить приглашительный от ЗАГСа. Они были действительны в Архангельской области, а в Москве только в нескольких местах. Светлане купили немецкое белое гипюровое свадебное платье, длинное, с воротником-стоечкой.

В начале 90-х купить что-то к свадьбе в Няндоме было уже совершенно невозможно. После реформы 1991 года цены выросли в три раза. Татьяна Александровна взяла платье у подружки из Питера. Оно было из легкой ткани, с пышной юбкой в пол, украшенное розочками. Туфли поехали покупать в Архангельск. Татьяна Александровна вспоминает, что все кооперативы почему-то располагались в подвалах. Но найти ничего не удалось. Белые туфли были редкостью, а те, что были, оказывались не того размера. В босоножках, по приметам того времени, выходить замуж не разрешалось: раздетая будешь ходить всю жизнь. Отчаявшись, Татьяна попросила туфли у подружки, но у нее нога была на два размера меньше. Но перед самой свадьбой приехала двоюродная сестра с белыми французскими туфлями. И они оказались как раз по ноге! Татьяна Александровна до сих пор удивляется, где та смогла их достать. Эти туфли Татьяна выносила до дыр — так они ей нравились. Но проблемы с белыми туфлями были не только в начале 90-х. Светлане в середине 80-х не удалось купить их даже в Москве. Когда приехали в Няндому, на перроне их встретил брат жениха

с белыми босоножками, они оказались впору. Решили, что невеста будет в них. Но когда приехала ее тетя из Сухуми, она категорически заявила, что невеста не может выходить замуж в босоножках. Она пошла в Военторг и каким-то чудесным образом раздобыла туфли. Они были очень красивые: белые с золотой каймой, на невысоком каблуке, мягкие. И по размеру подошли. Поэтому на свадьбе невеста была в них.

Очереди за кольцами были просто сумасшедшими, ведь люди стремились вложить свои деньги во что-либо, пока они не обесценились. Татьяне удалось купить кольцо для мужа, а ей отдала кольцо свекровь. Галине Ивановне купили кольцо, а вот Сашиного размера не оказалось. Ему взяли у кого-то напрокат.

Над прическами особенно не думали, у большинства моих собеседниц были короткие волосы. Поэтому либо завивали волосы на бигуди, либо делали укладку. А Галина Николаевна из-за прически чуть не опоздала на регистрацию. Отправилась в парикмахерскую в 9 утра, а домой примчалась во втором часу, хотя регистрация была назначена на 14.00. Хотя была сделана предварительная запись на прическу, парикмахер решила, что Галина пришла делать химическую завивку, а «прически она не умеет». Сейчас такое и представить трудно! Пришлось мчаться на другой конец города, где сжалились над заплаканной и опаздывающей невестой и сделали ей прическу. С костюмами для жениха было проще. У кого-то уже был костюм, чаще покупали новый. На ногах обычные черные туфли. У Игоря Борисовича были туфли фабрики «Скороход», которая выпускала более-менее приличную обувь.

Цветочных магазинов в Няндоме тоже не было. Цветы добывали, как могли. Тем, кто выходил замуж летом, как моя мама, повезло. Она составила свой букет из гладиолусов, которые купила на рынке у приезжих торговцев. Галине Николаевне цветы привезли из архангельского цветочного питомника. Это были только что срезанные розы. Никто и не мечтал о свадебном букете, имеющем определенный дизайн. Такие видели только в зарубежных фильмах. Важно было вообще раздобыть приличные цветы. Галине Геннадьевне букет астр привезли из Ленинграда родственники.

Сама церемония бракосочетания разительно отличалась от той, что была в 50–60-х годах. Стали снова появляться такие старые традиции, как выкуп невесты, встреча хлебом с солью и другие.

Утром 13 августа к Ларисе приехали подруги по институту. Вместе с ними она отправилась украшать свадебные машины. Их было три: родительский «москвич», «Волга» и «жигули». Светлана и Олег брали машины «Волга» напрокат в такси. Украшали машины обычно капроновыми лентами, воздушными шарами и кольцами. Также популярным украшением была кукла, сидящая на капоте машины. Но Ларисе не нравилась эта идея. Перед самой свадьбой Лариса ездила в Болгарию и оттуда привезла идею украшения свадебной машины живыми цветами. На капоте веером были выложены красные гвоздики, прикрепленные пластырем.

Днем Игорь приехал со своим свидетелем, школьным другом Александром к дому Ларисы на выкуп невесты. Эта традиция существовала еще давным-давно, но в 20-х годах прошлого века государство ее запретило и даже ввело уголовное наказание. А в начале 70-х годов традиция выкупа невесты снова обрела популярность среди молодоженов. Путь им перегораживали соседи, которые тоже хотели получить свои подарки: вино и конфеты. На крыльце их уже ждали подружки невесты и свидетельница. Теперь Игорю предстояло выполнить несколько заданий. Например, на дороге были выложены следы. Ступая по ним, Игорь должен был с каждым шагом говорить комплемент своей невесте. Далее проверяли, какой выйдет из жениха хозяин. В небольшой пенек были заранее вбиты монетки, и Игорь должен был так расколоть его, чтобы все монетки оказались вынутыми. Ну и последним этапом было следующее задание: все подружки невесты и Лариса вставали в ряд, жениху завязывали глаза и он по рукам должен определить, кто же его будущая жена. После того как Игорь справился со всеми заданиями, молодые поехали в ЗАГС.

Здание ЗАГСа находилась на Советской площади в здании Горисполкома на втором этаже. Особым убранством комната не отличалась, невзрачные стены украшали лишь цветы и плакат. В общем, совсем не так, как сегодня. Гостей было много — человек 15. Все в комнату не вместились и некоторые ждали на улице. Церемонию фотографировал специальный фотограф от ЗАГСа. Под марш Мендельсона, который звучал с пластинки на проигрывателе (хотя уже давно появились магнитолы), молодожены подошли к столу, выслушали слова заведующей ЗАГСа, расписались, обменялись кольцами.

Галина Ивановна и Александр Анатольевич к свадьбе готовились серьезно и основательно. У родителей такого опыта не было, поэтому все хлопоты взяла на себя молодожены. Семья Галины была малообеспеченной, а семья Саши считалась зажиточной. Они дали тысячу рублей и брат Галины триста. Галина Ивановна запомнила эти суммы, потому что для нее тогда это были огромные деньги, которых она и в руках-то никогда не держала. Когда до регистрации оставался час, и Галина уже с прической в белом платье стояла перед зеркалом, выяснилось, что ребята из ансамбля отказываются играть на свадьбе. Пришлось быстро переодеться и бежать их уговаривать. Уладив все с музыкой, через полчаса она уже была дома. До приезда жениха оставалось 15 минут, а свидетельницы до сих пор не было. У невесты началась паника. Но, слава богу, свидетельница быстро прибежала. Второпях продолжили приготовления. Увидев своего будущего супруга, Галина ужаснулась: волосы у него были до плеч по тогдашней моде. Их срочно завили и начесали. До ЗАГСа ехали на «москвичах», их взял Александр у коллег по работе. Перед самым ЗАГСом Галину с Александром остановили бабушки-соседки, которые требовали выкуп.

Сама регистрация проходила в большом зале. Встречали молодых с хлебом и солью. В центре зала стоял длинный стол с шампанским, конфетами и фруктами. Тогда только начали вводить такие новшества и обряды. Сейчас речи, произносимые новобрачным, отличаются от тех, которые были в советское время. Хотя и сохранялись традиции объявлять мужем и женой, ставить подписи,

обмениваться кольцами, но раньше даже свадебная речь была политизирована. Приглашались даже депутаты, члены райсоветов, говорили в коммунистическом духе о роли молодой семьи в советском обществе.

После обмена кольцами, молодожены танцевали свадебный вальс. Затем все отправились в дом жениха. По дороге машины останавливали еще два раза: работники леспромхоза, где работал Александр, перекрыли дорогу большими яркими, цветастыми платками. Соседи выставили пустые столы, которые молодожены должны были накрыть прямо на улице. Как говорит Галина Ивановна, несмотря на 35-градусный мороз, им было жарко и весело.

А Галина Геннадьевна и Владимир Александрович регистрировались в сельском совете. Обстановка вполне соответствовала названию. На стенах висели старые стенды, громоздкие шкафы тоже не радовали глаз. Добирались туда на поезде, а потом пешком обратно через все сугробы.

Татьяна Александровна и Андрей Юрьевич свадьбу праздновали в Няндоме. 18 августа подали заявление в ЗАГС, оплатили пошлину через сбербанк, и через месяц 19 сентября 1992 года можно было играть свадьбу. Вообще, свадеб в 90-е годы было немного, но Татьяна Александровна говорит, что в день их свадьбы браки заключали еще четыре пары. Утром 19 сентября в деревню приехал Андрей с гостями и должен был выкупить невесту. Она рассказывает, что вся свадьба прошла для нее как в тумане, скорее всего, из-за волнения. Когда в комнату вошел Андрей, Татьяну поразил его внешний вид. Никогда она не видела его таким нарядным и красивым. После выкупа невесты все поехали в ЗАГС. По пути им перегородил путь местный пастух на лошади. Пришлось откупаться от него спиртным.

Фотографа на свадьбу заказывали в ателье, но его работа Татьяне и Андрею совершенно не понравилась. Во-первых, его услуги стоили очень дорого, а во-вторых, он сделал множество ненужных и некрасивых фотографий, которые потом пришлось выкинуть. Кто не мог себе позволить свадебного фотографа, звал знакомых, у которых были свои фотоаппараты. Но и в этом случае качество фотографий оставляло желать лучшего.

«ШИРОКОЙ ЭТОЙ СВАДЬБЕ БЫЛО МЕСТА МАЛО...»

1950–1960-е

В 1960-е годы, как и раньше, в таких маленьких городках, как Няндоме, свадьбы праздновались дома, чаще всего в доме жениха. Из-за трудной ситуации в стране, дефицита и нехватки денег у простых людей на стол подавали в основном продукты из своего хозяйства. Приходилось также ездить в крупные города: в Москву, Ленинград, Ярославль, которые традиционно лучше снабжались.

Галина и Борис застолье перенесли на четыре дня, так как они регистрировали брак во вторник, а во время рабочей недели праздновать было неудобно. Застолье организовывал отец Галины Степановны. За продуктами ему пришлось съездить в Москву.

Приглашали только близких родственников и соседей. Как говорит Галина Степановна, прожить в одиночку было невозможно, поэтому с соседями нужно было дружить. Соседи делились даже горячими углями из печки, как спичками. А во время огородных работ собирались несколькими домами и помогали друг другу. Поэтому часто соседи были ближе, чем родственники.

Праздновали в родном доме Галины. Столы были поставлены буквой «П», чтобы в середине было место для танцев. Галина Степановна не помнит, чтобы комнату как-то украшали, ведь главное украшение — еда — лежала на столе. Ида и Евгений тоже свадьбу праздновали дома, но у жениха. Дом был старый, комнаты тесные, даже после того как убрали все перегородки. Обстановка была бедная, даже шторы на окнах пришлось у кого-то позаимствовать на время. На все большие праздники готовили 3 обязательных блюда: холодец, большие, во всю тарелку, рыбники и жаркое из телятины.

Из напитков был ягодный морс, самодельное пиво, водка и вино, привезенное из Москвы. Самодельное пиво называли брагой. Женщины водку не пили, это считалось дурным тоном.

А родители Евгения за продуктами поехали в Ленинград к дальним родственникам. Там купили сахар (для приготовления пива), вареную колбасу, сладости. Самым главным блюдом на свадьбе был винегрет. Также готовили картошку с мясом, рыбники, пироги с различными начинками, были и соленые грибы, и селедка.

Из Москвы привезли конфеты «Красный мак», «Василек», «Ромашка», «Ласточка» и другие. Ни фотографа, ни тамады на застолье не было. Как говорит Галина Степановна, в компании все друг друга знали, потому что часто бывали вместе на праздниках, знали, кто что умеет. Например, тетя Матрена могла танцевать хоть всю ночь! Свой танец она показывала как спектакль. Подыгрывал Матрене гармонист дядя Петя. Мог сыграть все, что закажут. Вообще, основными развлечениями были застольные песни и танцы. Пели песни, которые и сейчас поют: «Рябина кудрявая», «Шумел камыш», «Каким ты был»... Танцевали русские народные танцы, гопак, вальс и даже танго. Застолье продолжалось всю ночь, а на утро гости разбрелись по домам.

У студентов Валентины и Рема свадьба была комсомольская. Смысл ее состоял в том, что студенты скидывались и сами организовывали застолье. Валентина Николаевна даже не знала точно, какую сумму собрали студенты, примерно 200 рублей. Проходила свадьба в красном уголке. Так называлась комната, где студенты собирались вместе, устраивали танцы. Особенных украшений не было, кроме как плакатов на свадебную тему. Гостей было много, в основном студенты-однокурсники со своими женами или мужьями, так как к пятому курсу многие уже переженались. Из родственников молодоженов практически никого не было. Гуляли и праздновали один день, потому что на следующий день нужно было снова идти на учебу. Пели песни под гитару, под баян,

крутили виниловые пластинки. Плясали «русского», цыганочку. Пили, но в меру. Пьяных не было. После застолья молодым выделили одноместную комнату в общежитии, куда они и отправились.

Но у многих молодых пар не было денег на свадебное застолье, и вставал вопрос жилья. Например, после регистрации Анатолий и Зоя пошли в дом сестры Анатолия на Красноармейской улице. А затем в квартиру, которую снимала Зоя. Они сообщили хозяйке о своей свадьбе и вместе пили чай с теми шоколадными конфетами, которые Зоя так бережно хранила. Постепенно готовились к свадьбе, но денег не было. Анатолий тем временем стремился закончить строительство собственного дома, а Зоя отправляла деньги матери, потому что жили они бедно. Свадьбу сыграли только через некоторое время. Приехала мама Зои и благословила их на долгую семейную жизнь. Застолье устроили у сестры Анатолия, на нее легли и все заботы о еде. Главными блюдами были котлеты с картошкой и салат оливье.

1980–1990-е

На рубеже 80–90-х годов хоть дефицит и оставался, все же находили, что подать к столу. Блюда были разнообразнее, чем в 50–60-е. Традиция играть свадьбу в доме жениха сохранялась, но уже начинали праздновать и в ресторанах, как, например, Галина Ивановна и Александр Анатольевич. В ресторане, в самом начале свадьбы, к Галине подошла директор и потребовала, чтобы они приобрели спиртное с печатями ресторана, хотя до этого им разрешили купить его в магазине. Пришлось потратить половину подаренных денег. Музыка была живая, играл вокально-инструментальный ансамбль, много пели и танцевали. Светлана и Олег тоже праздновали свадьбу в ресторане. Гостей было очень много: почти весь курс, на котором училась Светлана, друзья жениха, многочисленные родственники из Мурманска, Минска, Кубани, Сухуми. Размещались, где могли, а отец Светланы договорился с одной знакомой женщиной, которая согласилась принять у себя гостей на одну ночь.

Застолье было веселым, ведь большинство гостей было молодыми. Сценарием на свадьбах всегда занимались свидетели, придумывали шуточные конкурсы для новобрачных. Первое задание для невесты — поблагодарить Сашиных родителей, преподнести им подарки и попросить разрешения называть их папой и мамой. Потом Галина и Саша с закрытыми глазами распаковывали огромный шар из газет. А когда распечатали, оказалось, что там сушки. А свидетели приговаривали: «Грызите сушку, а не грызите друг дружку». Галине Николаевне и Виктору Юрьевичу тоже давали задания. Они должны были, держась за руки, свободными руками одеть пластмассового пупса.

В 12 часов ночи молодые почти падали от усталости, поэтому ушли со свадьбы первыми. Утром разбудили друзья. Шутили, били тарелки, бросали мелочь и зерно. Так они желали богатства. А Галина должна была все это убрать, демонстрируя свои хозяйские способности.

Мои родители свадьбу праздновали у папы дома. Из самой большой комнаты вынесли все, кроме шкафа, столы поставили буквой «П». Еду готовили родители, также некоторые блюда заказывали в ресторане. Например, рыбу, заливное, торт, котлеты. Спиртное тоже покупали родители.

Галина Степановна с Борисом Григорьевичем специально ездили в Вологду. В стране тогда был введен сухой закон и спиртные напитки выдавали по талонам. Но в Вологде архангельские талоны не действовали — это была другая область, поэтому Галина Степановна с Борисом Григорьевичем попеременно вставали в очередь и так несколько раз. Наконец, сжалившись над настойчивыми покупателями, им выдали столько, сколько нужно. Продуктов в магазинах тоже было мало, их надо было «достать». «Доставали» рыбу, сгущенку, тушенку, мясные полуфабрикаты.

Праздновали два дня. Конкурсы и развлечения придумывала свидетельница. Тамаду приглашать было не модно, почему-то это считалось типичным для юга России. Много танцевали, пели. У родителей был современный кассетный магнитофон «Романтик». Ночью гости разъехались. Как раз ко дню свадьбы для молодых отремонтировали комнату, которую они снимали. А утром гости пришли будить молодоженов и все опять поехали праздновать. На этот раз были только самые родные и близкие. На второй день свадьбы Лариса надела новое платье, которое купила в Севастополе. Светлане второй день понравился больше, потому что было спокойнее и радостнее. Она запомнила, что для гостей купили большую бочку пива в Каргополе. Тамошний пивоваренный завод производил живое пиво.

А Галина Николаевна и Виктор Юрьевич свадьбу решили устраивать в Каргополе-2 — военном городке, но там существовала пропускная система, пришлось готовить заявление на пропуск для всех гостей. Дефицит продуктов становился все более жутким, и в городке принимались решения по заявлению граждан о выделении дефицитных продуктов на свадьбу. Например, это была огромная коробка рижских шоколадных конфет, импортный сервелат. В райпо выписывали по справке из ЗАГСа определенное количество бутылок вина и водки, которые покупали в винно-водочном магазине. Праздновали в помещении кафе, где столы были поставлены буквой «П». Готовили родственники и работники кафе. Приезжих гостей пришлось устраивать на ночлег в выделенных военной частью пустых квартирах.

Галина Геннадьевна и Владимир Александрович тоже праздновали в квартире родителей жениха. Несмотря на тесноту, всем удалось разместиться. Большинство продуктов привезли из Ленинграда, колбасы, сыры и вафельный торт — по тем временам настоящее лакомство. В село машина с продуктами приезжала раз в месяц, но по случаю свадьбы молодым разрешили купить побольше. Основными блюдами были вареная картошка с сосисками, тушеная капуста с котлетами, гуляш. Из салатов — оливье и винегрет. Пока сухой закон не был введен, водку и вино покупали беспрепятственно. Готовили морс. Особенно над сценарием застолья не задумывались. Пели, танцевали, чествовали молодых.

Гуляли целых три дня. Подарки на свадьбу дарили практичные, чтобы в хозяйствегодились. Старались подарить то, что трудно было купить, например, набор столовых приборов, который до сих пор служит нашей семье. А трюмо с большим зеркалом Лариса Николаевна присмотрела сама и попросила подарить именно его.

Часто дарили деньги. Было принято, что с одного человека пять рублей, а с двух, соответственно, десять. На праздник родители помимо своих вложений занимали деньги, и в итоге все обошлось примерно в 1000 рублей — по тем временам сумасшедшие деньги. Поэтому из подаренных денег отдавали долги и начинали жизнь с чистого листа.

Я рассмотрела два разных периода жизни советских людей. В них оказалось довольно много схожих черт, хотя можно проследить и изменения.

В 1950–1960-х годах отношения молодых людей довольно строго регламентировались, пары были более скованы, в отличие от пар 1970–1980-х. Общество практически не признавало так называемых гражданских браков, распространенных в наше время. Зарплаты у большинства были небольшими, люди довольствовались малым. К 1970–1980-м годам материальное положение людей значительно улучшилось. Многие молодые люди могли позволить себе мотоциклы. Но еще не автомобили. А вот времяпрепровождение влюбленных практически не менялось. В 1980-е, как и в 1950-е, пары гуляли в парке и ходили в кино. И по затратам это было приемлемо для всех, ведь билеты в кино стоили копейки. Конечно, нужно учесть то, что мы описывали жизнь людей в Няндоме. В больших городах, особенно в состоятельных семьях, дело обстоит иначе. Там молодые люди могли ходить в театр, консерваторию или филармонию, даже студентам это было по карману.

Про церемонию бракосочетания можно сказать, что проблем с подачей заявления и в 1960-е, и в 1980-е годы не возникало. А вот сама церемония сильно отличалась. В 1960-е годы она была лишь формальностью, когда люди просто регистрировали брак и получали соответствующий документ. Мало кто мог позволить себе золотые кольца, да и не слишком задумывались над этим. Во многих семьях дети выросли без отцов, погибших на фронтах Отечественной войны или умерших позднее. А вот в к 1970–1980-м все изменилось. Появились и красивые свадебные платья, и золотые кольца. Возродились старые традиции: выкуп невесты, встреча молодоженов хлебом с солью. В общем, регистрации брака стала более красивой и торжественной.

Из-за плановой экономики в СССР остро стояла проблема дефицита товаров и в 60-х, и в 70-х, и в середине 80-х. Но в 60-е все в основном надеялись только на себя, на свое хозяйство; в более поздние годы можно было купить хотя бы самое необходимое, а остальное, имея деньги, достать по блату. Поэтому именно в 1970–1980-х, за дефицитными товарами ездили в крупные города, на «колбасных поездах», как тогда говорили. Поскольку мясные продукты со всей страны

съезжались в Москву, то и люди ехали в Москву за ними. Из-за этого и поезда называли колбасными. Про них даже загадка была: длинное, зеленое, ползет и пахнет колбасой. Спиртные напитки в 60-е годы продавались свободно, а в 80-е годы, после введения сухого закона, алкоголь стали продавать по талонам в строго определенном количестве. Характеризуют 60-е годы так называемые комсомольские свадьбы, когда студенты вместе организовывали застолье. Новшеством перестроечных лет стали безалкогольные свадьбы, но они как-то плохо приживались в нашей действительности. Сам же сценарий проведения застолья сильно изменился. В отличие от 60-х годов, когда конкретного сценария и не было, все проходило как народное гуляние, в 80-х развлекательную программу составляли свидетели жениха и невесты, придумывали разнообразные конкурсы, танцы, песни, рисовали плакаты. Второй день праздновали практически все пары, но приглашали только самых близких друзей и родственников. В 80-е уже было принято праздновать свадьбы в кафе, ресторанах, столовых, а на второй день, как и раньше, гуляли дома.

В конце своей работы могу сказать, что свадьбы всегда были и будут одним из самых светлых моментов в жизни людей. И никакие трудности, дефицит, дефолт, застой не смогут омрачить этого события. Хотя, естественно, не могут на это и не повлиять, поэтому празднование свадьбы — это отражение той эпохи, в которой жили люди.

из СССР ...в Россию

Когда мы были нищими миллионерами

Оксана Кондрашова

г. Углич, Ярославская область,

научный руководитель О.Г. Ефимова

Период конца 80–90-х годов XX века для большинства граждан нашей страны был крайне тяжелым. Но, к моему удивлению, многие из опрошенных мною людей затруднились что-либо о нем вспомнить. Сейчас очень мало публикаций на тему перестройки, а ведь это частичка нашей истории, в чем я и вижу актуальность выбранной мною темы.

Экономическая ситуация, сложившаяся к концу 1991 года, была катастрофической; спад производства, острейший дефицит товаров, отсутствие золотых и валютных резервов, разрыв традиционных хозяйственных связей, огромное количество не обеспеченных материальными ценностями денег на руках населения.

С 1 января 1991 года правительство, фактическим руководителем которого был Е.Т. Гайдар, приступило к осуществлению программы, названной «шоковой терапией». Были отпущены цены, решение о том, по какой цене продавать тот или иной товар, отныне устанавливали производитель и продавец. Началась ваучерная приватизация государственной собственности.

Первые итоги ваучеризации состояли в том, что удалось насытить рынок минимальным набором необходимых товаров, но при этом цены в середине года выросли в сотни раз, тогда как доходы населения — в 10–15 раз. Денежные накопления граждан фактически обесценились, спад промышленного производства остановлен не был. Вот тогда-то мы и стали «нищими миллионерами». Люди получали зарплату сотнями тысяч и даже миллионами, а купить на них ничего не могли.

В 1991–1992 годах легкий трикотажный спортивный костюм стоил 1600–1800 руб., а до перестройки он стоил 3 руб.

У Веры Николаевны Ефимовой был денежный вклад, на который в советское время она могла купить 10 комплектов постельного белья, а в 1991 году на эти деньги нельзя было купить даже буханку хлеба.

Во второй половине 1992 года под давлением парламентской оппозиции и директорского корпуса правительство увеличило денежные вливания в экономику, но это только подстегнуло инфляцию. В декабре 1992 года Верховный Совет добился отставки Е.Т. Гайдара, председателем правительства стал В.С. Черномырдин, с которым антиреформаторское большинство в парламенте связывало надежды на отказ от преобразований. Реформы действительно подверглись корректировке. Возросли финансовые вливания в убыточные предприятия, топливно-

энергитический комплекс, однако общий курс на создание основ рыночной экономики (приватизация, свободное ценообразование, свобода внешней торговли) остался прежним.

Социальная ситуация была сложной: инфляция оставалась крайне высокой, ускорилось имущественное расслоение, усилилась безработица.

Переход к рыночной экономике в России охватывает длительный период. В нем можно выделить несколько этапов.

На первом этапе, в 1991–1993 годах, происходила замена планово-административных методов регулирования доходов и заработной платы. Были сделаны первые шаги в определении оптимального соотношения государственного и рыночного регулирования доходов и заработной платы. Итоги этого этапа показали, что нельзя преувеличивать роль ни рыночного, ни государственного регулирования.

На этом этапе изменилась структура доходов. Появились новые виды доходов — от частной собственности (проценты, дивиденды и т. п.), предпринимательской деятельности (плата за предпринимательскую деятельность в виде части прибыли, процента, ренты). За 1990–1993 годы доля доходов от собственности в структуре денежных доходов населения повысилась с 2,5 до 3%, а доля доходов от предпринимательской деятельности — с 8,7 до 18,6%, в то время как доля заработной платы сократилась с 74,1 до 58%.

В советское время люди стремились получить благоустроенную квартиру от государства, так как частное жилье в основном было неблагоустроенным. Например, Алексей Аликович Блинцов (45 лет) рассказывал мне: «Если ты проработаешь на часовом заводе пять лет, то тогда тебе дадут квартиру. Как и положено, я трудился не покладая рук. И что в итоге? В стране разразился финансовый кризис. О квартире можно было уже забыть на ближайшие лет пять–десять».

В 1992 году Гознаком Российской Федерации на каждого гражданина, включая новорожденных, были выпущены государственные ценные бумаги — приватизационные чеки, каждый стоимостью в 10 тыс. рублей и действительный по 31 декабря 1993 года. На обратной стороне чека значилось:

«Настоящий приватизационный чек является государственной ценной бумагой на предъявителя. Он может быть использован в качестве средства платежа в процессе приватизации в соответствии с Государственной программой приватизации, а также законодательством Российской Федерации. Приватизационный чек может быть также обменен на акции инвестиционных фондов, уполномоченных на ведение операций с приватизационными чеками, либо продан другому физическому или юридическому лицу, подарен или передан по наследству. Приватизационный чек действителен на всей территории Российской Федерации независимо от места выдачи. Утерянные или испорченные приватизационные чеки не возобновляются. Без печати не действителен».

Чтобы получить такой чек, надо было заплатить 25 рублей. Появилось огромное количество всевозможных акционерных обществ, зазывающих к себе владельцев чеков.

Ольга Глебовна Ефимова (68 лет) вложила свой ваучер в АО «Ярнефтехимстрой» и получила 9 акций этого предприятия. В 1993 году она получила дивиденды в размере 6 тыс. руб. (по ценам того времени на эти деньги можно было купить лишь 1 кг вареной колбасы). В 1994 году ее дивиденды составили 15 840 руб. (смогла купить 1 кг уже полукопченой колбасы). В 1995 году дивиденды равнялись 31 500 руб. За 1996-й — 31 800 руб. (получены были в марте 1998 года). В 1997 году дивидендов не было совсем, а за 1998 год, когда произошла денежная реформа и рубль стал дороже в 1 тысячу раз, сумма дивидендов составила 79 руб. В 1999 году дивиденды равнялись 119 руб., а в 2000-м — 122 руб. Потом АО «Ярнефтехимстрой» обанкротилось и прекратило свое существование.

Василий Михайлович Наумов (90 лет), работник Углического ремонтно-механического завода, получив ваучер, мечтал его выгодно вложить. Его жена Ольга Васильевна (89 лет) продала свой ваучер на рынке (в то время по рынку ходили молодые люди с табличками на груди «Куплю ваучер») и купила мешок сахара (50 кг), сказав мужу «Я буду пить чай с сахарным песком, а ты пей со своим ваучером».

Кто-то успел на вырученные за продажу ваучеров деньги купить мебель, некоторые машину, другие еду, а некоторые их хранят до сих пор в качестве сувенира того времени.

Анна Александровна Скудаева (37 лет) вложила свой ваучер в ЗАО Торговый дом «Ярославглавснаб» и получила доход в сумме 192 руб., на которые в то время нельзя было купить и полбуханки хлеба.

А Надежда Александровна Гаврилова (35 лет), вложив свой ваучер в АООТПК «Токур-золото» и получив за него три акции (номинальная стоимость одной акции — 1 тыс. руб.), совсем не получила никаких дивидендов.

Лидия Павловна (59 лет) и Евгений Александрович (61 год) будучи работниками часового завода, получили пять ваучеров — два своих и три на детей. Лидия Павловна рассказывает: «Все их продали на рынке. Ваучеры выдавали на заводе по 25 рублей за штуку. На вырученные деньги купили одежду, ткань и прочую мелочь для детей. Один ваучер мы сберегли и хотели купить новую машину. Но когда рубль рухнул, все пропало. Смогли купить лишь кассетный магнитофон за 4 тысячи. Постепенно все заводчане тоже продали свои ваучеры. Компенсация со сберкнижки составляла: первый раз 7 тысяч рублей, второй — 11 тысяч рублей. Трудности начались, когда обанкротился сам завод. Работников разогнали, потом снова набрали. Так продолжалось три года. В 2006 году большинство работников уволили. Сейчас есть завод «Звезда» (не на территории бывшего завода). Раньше я всегда старую одежду перешивала детям на новую, но одно время даже перешить было нечего. Раньше можно было за 100 рублей

съездить в Москву за продуктами. На бартер в Углич привозили одежду. На заводе мой муж Женя получил женские сапожки. Как многодетной семье нам дали книжку, по которой я могла купить для детей колготки, ситец и другие товары. Каждый месяц семье давали в магазине по 4 килограмма мяса. На заводе по талонам в столовой давали сливочное масло, мясо, фарш. Сначала деньги в семье были, а купить на них было нечего, так как товары исчезли. Муж получал 400 рублей в месяц. А я, работая в ателье, имела зарплату 70–90 рублей (в зависимости от заказов), а на часовой завод работать пришла в 1982 году, зарплата была выше, чем в ателье 140–200 рублей. Зарплату стали задерживать в 1997 году на четыре-пять месяцев. Одно лето завод не работал. На площади два раза проходили демонстрации. Я в них тоже участвовала. Моя свекровь болела. Таблетки продавали дорого, а денег их купить уже не было. Мои знакомые по работе вложили все свои сбережения в ПФК „Кондор“, хотели купить трехкомнатную квартиру, но все пошло прахом».

Из бесед с папой, Андреем Анатольевичем Кондрашовым (45 лет), я узнала, что многих работников с предприятий начали сокращать, людям было некуда деваться, они не могли найти свое место в жизни. Он говорил, что люди не думали о том, что будет впереди. «Все жили, как корабль в море, куда течение несет; куда прибьет, туда прибьет, но я не хотел так жить, поэтому стал думать, чем заняться. Я понял, что нужно быть активным и проявлять инициативу, работать чуть больше других, думать, рисковать, пытаться придумать что-то свое, быть неординарным. Поэтому решил, что буду предпринимателем. Начал с пошива брюк, шил все сам, бабушка продавала на рынке. Продлилось это не так уж и долго, 7–9 месяцев, потому что начали открываться кооперативы, шить брюки стало невыгодно. Однажды я шел по берегу реки Волги и увидел много туристов и людей, которые продавали им сувенирные открытки и книги. Было это в начале 90-х. Мне тоже захотелось. Так и начал торговлю „на тропе“. В самом начале народу было немного, примерно 10 человек, но с каждым годом „тропа“ разрасталась, словно грибница в лесу. Через несколько лет там были собраны все ремесленники нашего города. Торговали не только книгами и открытками, а теперь уже и матрешками, деревянными солдатиками и многим другим. Сейчас это самая богатая ярмарка на Волге. В 1997 году мы с моей сестрой Натальей Борисовной Богучарской купили бывшее здание Угличского торга на улице Ленина, д. 9, отремонтировали его и заняли под магазин. Продавали все: от швейных иглодок до елок. Потом купили еще одно маленькое здание. Начали торговлю. Впоследствии, к двухтысячным годам, в магазинах было много разного товара от А до Я».

На втором этапе, в 1994–1998 годах, во взаимодействии государственного и рыночного регулирования доходов и заработной платы произошли большие изменения. Были приняты Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, новая редакция Закона «О занятости населения в Российской Федерации», законы «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», «О некоммерческих организациях», постановление Правительства РФ «О мерах по реализации концепции реформы системы пенсионного обеспечения в Российской Федерации», Налоговый кодекс РФ (часть I), введена единая тарифная сетка оплаты труда

работников бюджетной сферы; складывался механизм межбюджетных отношений и перераспределения трансфертов.

Но вот несколько примеров из жизни угличан. Молодая учительница Юрьевской школы Угличского района Лариса Николаевна Веденеева (42 года) после декретного отпуска вышла на работу в 1996 году. Проработала она 4 месяца, но зарплату задержали и выдали только в декабре. Полученные деньги ей тут же пришлось раздать на долги. Еще в октябре месяце бухгалтер детского сада, куда ходили ее дети, заявила, что за нею числится долг в сумме 150 рублей (к этому времени оплату за детские сады значительно повысили) и что раз она не может его оплатить, то и не вправе водить детей в детский сад. Но даже занять эту сумму было не у кого. Все бюджетники тогда находились в бедственном положении. По стране, в том числе и в Угличе, волной прошли митинги протеста. Организации стали обращаться в суды. Но и это не помогало. Чтобы не дать людям умереть с голоду и выплатить им хотя бы часть задерживаемой зарплаты, администрации бюджетных организаций стали брать у государства ссуды.

Бывшая работница сборочного цеха Угличского часового завода Вера Болеславовна Гашина (68 лет) со слезами на глазах рассказывала, как ее недавно женившийся сын ждал мать у проходной завода и просил дать ему хотя бы 10 рублей, так как ему не на что купить даже хлеба. Да и ее подруги, работавшие рядом, не могли не думать о том, чем дома накормить детей.

Любовь Глебовна Ефимова (58 лет) рассказывает: «Зарплату людям часто выдавали не деньгами, а той продукцией, которую выпускало предприятие, где они работали. Вдоль автомобильных трасс можно было увидеть выставленные для продажи или обмена горы туалетной бумаги (выданной вместо зарплаты), сапоги, комплекты постельного белья, посуду и множество разных вещей. Товарно-денежные отношения были заменены бартером, как в Средние века».

Людмила Васильевна Вахромеева (57 лет) вспоминала, что водка стала своеобразной жидкой валютой, так же как и сигареты. Поскольку большинство людей, чтобы прокормить семью, обзавелись участками в общественных садах, расположенных вокруг города, вынуждены были для удобрения почвы покупать навоз. Но так как денег не было, расплачивались водкой. Самосвал навоза стоил 5 пол-литровых бутылок водки. За мелкие услуги люди расплачивались пачками сигарет, выкупленными на талоны. Ну, например, если вам нужно было починить электрику, а денег нет, то можно расплатиться сигаретами, и это была совсем не дикость, как может показаться нам сейчас.

По сравнению с советским периодом перестройка ухудшила жизнь и положение многих людей. Вспоминает Юлия Львовна Блинцова (42 года), которая в 90-х годах работала в детском садике: «Льгота — это место для твоего ребенка в садике, так как детский садик относился к часовому заводу „Чайка“. А после перестройки этот огромный часовой завод начал разваливаться. Раньше были квартальные и годовые премии, возможность отдохнуть в санатории, поездки по всему Советскому Союзу. Конечно, быт был непростой, большого

выбора продуктов в магазинах не было и питались тем, что выросло у себя на своем земельном участке. Вещи передавались по наследству, за новыми приличными вещами ездили в Москву, как и за продуктами — мясом, маслом, сыром, колбасой. Чаще всего носили вещи фирм „Большевичка“ и „Салют“. Много было неблагоустроенного жилья и коммунальных квартир. Много семей жило в общежитиях по месту работы. Жилье давали по очереди, но если оно требовалось быстрее, то кому-то из членов семьи нужно было пять лет отработать на стройке. Еще быстрее можно было купить кооперативную квартиру. В газетах писали про достижения советских тружеников, спортсменов, про поездки нашего правительства в разные страны, переговоры. В нашем городе было только две телевизионные программы. Показывали много научно-популярных программ. Раз в неделю показывали спектакли, каждый день шли советские фильмы, а в выходные для детей „В гостях у сказки“, развлекательные передачи — КВН, „А ну-ка, девушки“, „А ну-ка, парни“. Каждый день в 21.00 начиналась программа „Время“, смотрели всей семьей, узнавали новости политики, спорта, культуры и прогноз погоды на следующий день. В малых городах перестройка прошла не так заметно, как в других. Но для меня спокойней жилось в советское время. Наша советская система здравоохранения и образования была самой лучшей. К нам ехали лечиться и учиться из разных стран. Была возможность делать накопления, так как зарплата была стабильная, но главное — цены везде одинаковые и не повышались».

Расспросить о перестройке мне удалось одного человека, который никогда не был, а тем более не жил в Угличе. Было очень интересно узнать мнение человека, как воспринимал это время человек, живший совсем в другом городе. Борис Арсеньевич Рогинский родился в Санкт-Петербурге и преподает в Санкт-Петербургской классической гимназии № 610. Вот что он вспоминает о том времени: «Я был слишком возвышен мыслями, чтобы думать о быте. Но сейчас думаю: так же, как и сейчас, входя в квартиру, меняли уличную обувь на тапочки, так же на праздники во многих семьях готовили ненавистный мне салат оливье (знаю одну семью, в которой его делали ведрами), обувь я покупал себе в комиссионном магазине, а какую-то доставала моя тетьа и потом я бесконечно ее ремонтировал. Вообще ремонт имел огромное значение: сколько раз я приходил в единственную в городе мастерскую по электробритвам! Там же (хоть это и немного позже) на экране одного телевизора в ремонте наблюдал выстрелы танков по Белому дому (1993). Примерно в 1991-м появилось множество секонд-хендов. Всю одежду почти покупал там. По крайней мере вельветовые и бархатные пиджаки, которые очень любил тогда носить. Гопники действительно, как поется в песне „Зоопарк“, носили красные носки. Я мечтал о вельветовых джинсах, которые бы не сужались к низу. Но именно таких нигде нельзя было купить. Самое интересное — это то, что печатали в толстых журналах то, что не печатали раньше. Мы все, мои друзья и я, были помешаны на антиутопиях — только что напечатанных романах Замятина и Хаксли и лишь отчасти Оруэлла. Все читали Андрея Платонова. Это, пожалуй, самое большое впечатление из публикаций. Кто-то читал Набокова, но я его не любил. Вообще очень много было стихов: новые публикации Ахматовой, Цветаевой, Пастернака, Мандельштама. Но из них мне был интересен только

Михаил Кузмин и Хармс. Журнал „Огонек“ за „героическую“ первую публикацию Гумилева назвали „Гумилек“. Но кое-что выходило и новое: например, „Белые одежды“ Дудинцева, я и сейчас считаю, что это — отличный роман. Печатали много публицистики, но я из нее помню только „Две дороги к одному обрыву“ одиозного сейчас И. Шафаревича, а мне эта статья была очень близка. По радио были замечательные детские передачи, именно не в советское время, а в перестройку и в 90-е. Я слушал их в упоении вместе с моей сестрой. Была прекрасная радиопередача-реклама „Трое в лодке“. Очень остроумно! И совершенно не пошло. Хотя и болтовни патетической было немало и на радио, и на ТВ. Но ТВ вообще-то смотреть было интересно. Весьма сильный, не то, что сейчас, был Клуб знатоков; был такой „Музыкальный ринг“, куда вытаскивались разные современные группы; были разные телемосты (типа Познер — Донахью), и это мне казалось интересным при всем моем снобизме. Были ток-шоу первые, с большой аудиторией на экране, они обсуждали важные для меня тогда вещи, например „Систему“ (так называли неформалов, главным образом хипстеров). И, наконец, была потрясающая передача вроде „Спокойной ночи, малыши“ (или вместо нее), там героем был Хоха — ботинок, говорящий человеческим языком; это было потрясно, мы всегда с сестрой смотрели. А много было и пошловатого, хотя и любопытного и не отталкивающего: „Телекурьер“ (это была ленинградская телепрограмма, интересная и незлая, про свежие культурные и не только новости). Был знаменитый „Взгляд“ — и правда, не скучная и не пошлая политическая передача; были даже „600 секунд“ с Невзоровым, который тогда еще скрывал свою гадскую сущность. Вообще, было что посмотреть, в отличие и от предыдущего советского, и от последующего периодов. Говоря об очереди, я лично стоял в одной действительно большой очереди — за хлебом по талончикам. Зимой. Но я был в компании друзей, и мне это запомнилось как веселуха. Вообще, как видно из всего сказанного, я люблю это время. И это закономерно, потому что я тогда был очень молод и полон сил».

В 80-е годы XX века визитной карточкой и гордостью Углича был часовой завод «Чайка». Образованный в 1940 году завод сначала занимался производством точных технических камней, а спустя десятилетие был пущен первый конвейер для сборки женских наручных часов «Звезда». Еще через шесть лет конструкторы разработали механизм для самых миниатюрных в то время часов «Волга», имевших калибр 16 мм. С тех пор выпущены миллионы «единиц продукции», по которым сверяют время женщины в России и за рубежом: среди давних и постоянных клиентов завода — фирмы из США, Франции, Англии, Канады, Японии, стран Латинской Америки. Часовой завод поставлял свою продукцию в 52 страны мира. На заводе работали 9000 человек — почти половина города. В 90-е завод медленно, но верно, начал разваливаться.

Наши семьи тоже связаны с часовым заводом. Мои мама, папа, все родственники и большинство знакомых работали на «Чайке». Моя тетя, Ольга Федоровна Чепыгова (62 года), проработала там 18 лет, с 1989 по 2007 год. Она рассказывает, каким отлаженным было производство, какой был порядок, очень жалеет, что завод закрылся.

БЮДЖЕТ СЕМЬИ РАБОЧЕГО

КАК ОН ИЗМЕНИЛСЯ С НАЧАЛА ВЕКА

Нищета, голод, болезни, плохие жилищные условия были постоянными спутниками подавляющего большинства рабочих семей. И. М. Шапошников, много лет работавший врачом на Глуховской мануфактуре, в 1909 г. обследовал бюджеты 241 семьи рабочих этой ткацкой фабрики.

Результаты своих исследований он опубликовал в книге «Бюджет рабочих одной из фабрик Богородского уезда в связи с питанием и заболеваемостью», которая была издана в Москве в 1910 году.

Как писал И. М. Шапошников, преобладающую долю своих доходов (98 процентов) рабочие вынуждены были тратить «на поддержание физического существования». Месячная заработная плата составляла в среднем у мужчин — 18,7 руб., у женщин — 12,1 руб., среднегодовой доход на одного члена семьи был равен 90 руб., или 25 коп. в день. И без того нищенский заработок существенно уменьшался за счет многочисленных налогов, штрафов и взысканий. Большинство семей годами не могло избавиться от долгов.

Основные расходы в бюджете семьи составляли затраты на питание — 57 процентов, на оплату жилища, отопления и освещения — 15 проц; на покупку одежды, белья, обуви оставалось менее 10 проц; прочие расходы — 18 процентов.

На одного члена семьи в 1909 г. потреблялось (в кг за год): мяса и мясopодуков — 12,7, молока и молочных продуктов (в пересчете на молоко) — 53, рыбы — 2, сахара — 4,2, масла растительного — 10, картофеля — 86, овощей — 28, хлебных продуктов, муки, крупы — 136 кг, лиц — 8 штук. В обследуемых семьях практически не потреблялись

калорийности питание было явно недостаточным для нормального существования.

Крайне скудное питание рабочих семей постоянно ухудшалось вследствие роста дороговизны продовольствия, повышения платы за жилье. И. М. Шапошников писал: «...мы найдем немало семей, где мясо не покупается или покупается лишь на пасху, несмотря на это, год кончился долгом в давку». Питание рабочих состояло преимущественно из продуктов растительного происхождения.

Верхняя одежда рабочими приобреталась очень редко и с большой осмотрительностью. Мебель и предметы домашнего обихода покупались также очень редко.

Указанные расходы были необходимы для поддержания физического существования, они поглощали почти весь бюджет рабочего, оставляя крайне небольшую сумму для удовлетворения других нужд.

Например, на покупку книг, журналов, газет приходилась 41 коп. на человека в год, или 0,5 проц. бюджета рабочего, во многих семьях эти расходы вообще отсутствовали. Выписка и покупка газет крайне редко встречалась в семьях рабочих, иногда газеты покупались вскладчину. Только 3 семьи из обследованных выписывали по одной газете, и одна семья — журнал «Нива».

Большинство семей рабочих годами не могло избавиться от долгов. Расходы многих семей, особенно многодетных, превышали их доходы. И. М. Шапошников в связи с этим писал: «Условия жизни таковы, что рабочая семья должна или не иметь детей, или иметь не более одного ребенка: с дальнейшим увеличением семьи наступает ухудшение жизненных условий».

бумажный комбинат в городе Ногинске, расположенный в бывшем Богородском уезде, — одно из крупнейших в мире предприятий такого типа. Как и прежде, здесь ведутся обследования семейных бюджетов. О том, как вырос уровень жизни этого предприятия, свидетельствуют цифры. Совокупный доход семьи в 1982 году составил 4300 руб., на душу — 1600 рублей. С учетом стоимости образования, медицинского обслуживания и дотаций на содержание жилого фонда совокупный доход составлял более 5 тыс. рублей.

Калорийность потребленных продуктов питания животного происхождения за эти годы возросла более чем в 7 раз.

Благодаря большому строительству улучшаются жилищные условия рабочих комбината. Сейчас почти в каждой семье рабочего есть телевизор и радиоприемник. 80—90 процентов семей имеют холодильники, стиральные и швейные машины. Расходы на оплату жилища и коммунальных услуг остаются неизменными с 1928 года и составляют 3 проц. доходов семьи, покрывая лишь треть часть расходов государства на содержание жилья.

Большинство семей выписывает по несколько газет и журналов, имеет свои личные библиотеки. Если до революции большинство семей жило в долгу, то в 1982 году приrost вкладов в сберегательных кассах в среднем на семью рабочего Глуховского комбината составил 190 рублей.

Таким образом, приведенные сопоставительные данные еще раз подтверждают, как преобразилась наша страна за короткий в общем-то исторический период.

Д. ДУМНОВ.

Статья в газете «Звезда» от 26 апреля 1984 года

Талоны на продукты питания

Приватизационный чек

Средняя школа № 5 ТАЛОН НА ПИТАНИЕ	Средняя школа № 5 ТАЛОН НА ПИТАНИЕ
Средняя школа № 5 ТАЛОН НА ПИТАНИЕ	Средняя школа № 5 ТАЛОН НА ПИТАНИЕ
Средняя школа № 5 ТАЛОН НА ПИТАНИЕ	Средняя школа № 5 ТАЛОН НА ПИТАНИЕ
Средняя школа № 5 ТАЛОН НА ПИТАНИЕ	Средняя школа № 5 ТАЛОН НА ПИТАНИЕ
Средняя школа № 5 ТАЛОН НА ПИТАНИЕ	Средняя школа № 5 ТАЛОН НА ПИТАНИЕ

Талоны на питание школьников

Бабушка моей подруги Даши Блинцовой, Галина Тимофеевна Семенова (70 лет), уроженка Углича, говорит: «Наш родной часовой завод умирал прямо на глазах. Я работала на заводе бухгалтером. Сил работать на своем старом месте уже не было, зарплату постоянно задерживали месяцами, иногда даже выдавали тем, что было на заводе, хватало, можно сказать, только на хлеб и соль, благо вода бесплатная, все остальное выдавали строго по талонам в ограниченном порядке. Должности сокращали, людей, проработавших на заводе больше пятидесяти лет, просто выкидывали в никуда и ни с чем...»

Дашин папа, Алексей Аликович Блинцов, уроженец города Ржева, рассказывал мне, что наш завод славился по всему Советскому Союзу. Он, находясь в 350 км от Углича, поехал можно сказать в незнакомый город, чтобы работать в таком престижном месте. Вскоре он устроился на часовой завод, стал получать 300 рублей в месяц, немалые по тем временам деньги. Состоял в Угличском АО «Чайка». Но когда произошел дефолт, все его мечты разрушились. Сертификат на общую сумму три тысячи рублей был обнулен.

С 2008 года завода как такового уже нет, производственные мощности безвозвратно утеряны, технический архив уничтожен как макулатура, специалисты разъехались или вышли на пенсию. Есть территория-промплощадка «Чайка», где расположены мелкие фирмы и предприятия, занимающиеся металлообработкой, сборкой антенн, мебелью, свечным производством, строительным бизнесом.

Часами занимается ювелирный завод «Чайка», производящий золотые и серебряные часы категории масс-маркет, и небольшое ателье по изготовлению циферблатов, стрелок и часовой фурнитуры по индивидуальным и мелкосерийным заказам.

Попробую подвести итоги.

Минусы перестройки и экономических реформ для нашего города:

- в 25 раз уменьшилось число работающих на часовом заводе «Чайка»;
- прекратила свое существование организация «Соль база»;
- в леспромхозе вместо 600 работников осталось 6, а на ремонтно-механическом заводе вместо 2000 работает около 200 человек;
- мясокombинат полностью прекратил свое существование, так же как и Центральные ремонтно-механические мастерские Гидропроекта и т.д.;
- единственный в стране Институт маслodelия и сыроделия, который разрабатывал продукцию для космонавтов, сократил число работников в три раза;
- на смену предприятиям, не портившим экологию, пришли предприятия, губящие экологию Углича, такие как «Nexans» и «Техносила», рядом с которыми расположен большой спальный район Цветочный, жители которого постоянно жалуются на токсичные выбросы, что сразу понизило цены на жилье в этом районе;
- молодежи стало очень трудно устроиться на работу;
- закрылось много детских садов, помещения которых заняли плодящиеся с огромной скоростью чиновники;

- закрылись два ПТУ, поэтому значительной части молодых угличан негде было получить профессиональное образование;
- появились бомжи, поэтому во всех многоквартирных домах жителям пришлось поставить домофоны и железные двери.

Плюсы перестройки и реформ для нашего города:

- люди стали пробовать свои возможности в создании собственных предприятий: изготовление мусорных пакетов, частные парикмахерские, частные магазины, гостиницы («Москва», «Успенская», «Волжская Ривьера», мини-отель «Флер» и др.);
- появилось много частных музеев, например «Музей кукол», «Музей-библиотека русской водки», «Музей тюремного искусства», «Музей колокольных звонов», «Музей мифов и суеверий русского народа» и множество других;
- в связи с тем, что в Угличе стал широко развиваться туризм, были благоустроены центр города и набережная Волги;
- был открыт молодежный центр «Солнечный».

Изучив данную тему, я пришла к выводу, что самая правдивая история — это та история, которая происходит с отдельным человеком или семьей. Эти примеры дают нам большее знание и более яркое представление о событиях того времени, нежели то, что написано в учебниках. Люди — это история. Это был очень трудный период в жизни моих сограждан, моих земляков. Но когда я обращалась к людям с просьбой рассказать о нем, с удивлением увидела, что многие из них почти ничего не смогли вспомнить. Как быстро люди забывают историю! А ведь это чревато тем, что она может повториться. Давайте же будем помнить нашу историю и постараемся избежать ошибок наших предков.

В Малиновке жизнь была, конечно, не малина...

Даниил Мочалов
пос. Вишневка, Воронежская область,
научный руководитель А.Н. Мочалова

Я учусь в Спасской средней школе. Из школьных предметов очень люблю историю, увлекаюсь археологией, ежегодно участвую в районной и областной экспедиции «Возвращение к истокам».

История мне нравится не случайно. Моя мама, Алла Николаевна Мочалова, — учитель истории в нашей школе и руководитель школьного краеведческого и археологического кружка. Когда исследовательской работой занимались ее ученики, я всегда был рядом, ведь мама всегда меня брала с собой. Я слушал воспоминания старожилов, участвовал в походах, ездил на велосипеде вместе со всеми детьми в соседние села. А на археологических раскопках я с трех лет. В прошлом году даже на краеведческой конференции «Древности родного края» участвовал с докладом.

Сейчас мне уже 14 лет, получил паспорт, первый и самый главный документ гражданина РФ. Чувствую себя взрослым, и поэтому решил участвовать в конкурсе для старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век». Скажу честно, в этой работе мне помогла моя мама, а также папа и бабушка.

Я собрал воспоминания членов моей семьи об их жизни в 90-е годы XX века в селе Малиновка Верхнехавского района Воронежской области. Ездил в Малиновку, встречался с моими бывшими соседями, записывал их воспоминания. А еще я использовал материалы из архива нашего школьного музея «Потомкам о предках» об истории села Малиновка.

Сейчас я живу в селе Вишневка Верхнехавского района Воронежской области, но всего несколько лет назад мы с мамой, папой, братом, бабушкой и дедушкой проживали в соседнем селе Малиновка. Выбрал эту тему не только потому, что я там родился и у меня там осталось много друзей. Мне захотелось рассказать о жизни людей российской глубинки и о жизни моей семьи в этой деревне. Описываю именно этот период, 90-е годы XX века, потому что именно тогда моя семья переселилась в эту деревню из Узбекистана.

МАЛИНОВКА

В начале коротко расскажу про село. Малиновка находится в 60 километрах от Воронежа, на северо-востоке области и в 7 километрах от районного центра села Верхняя Хава.

По данным школьного архива, село не старое, оно возникло в 20-х годах XX века. Когда-то эти плодородные земли принадлежали местным помещикам

Крашенинниковым. Их усадьба находилась в соседнем селе Грушино. После революции 1917 года все земли были у помещиков экспроприированы. Их стали занимать крестьяне, основывая новые села.

Вот что вспоминает наша бывшая соседка баба Матрена (Матрена Ивановна Долгих): «Мои родители переселились из села Большая Приваловка в 1928 году. Крестьяне Большой Приваловки получили огромные земли почти до Верхней Хавы. Обрабатывать все эти земли было тяжело, потому что они были далеко от деревни, часто брали с собой маленьких детей в поле, ездили на волах и лошадах. Это было очень неудобно, поэтому решили переселиться ближе к своей земле».

А другая соседка, бабушка Маня (Мария Тихоновна Юрканова), вспомнила теперешних жителей, предки которых переселились из Большой Приваловки. Поначалу жили в землянках, а потом построили срубленные избы. Рядом с домом развели сад и большой огород. Я выяснил, что село Большая Приваловка находится в 10 километрах от села Малиновка. Трудно, конечно, представить, как люди ездили на волах.

Точно так появились и соседние села: Вишневка, Виноградовка, Рябиновка. Вот такие красивые названия получили новые деревни. Почему, неизвестно. Я думал, что такие названия села получили потому, что в Вишневке много вишни, в Малиновке много малины, в Рябиновке было много рябины, в Виноградовке много винограда, а в Грушино много груш. Ничего подобного — в каждом селе было одинаково много всех этих ягод и фруктов. Мама долго занималась этим вопросом и рассказала мне, что Грушино было известно еще в XVIII веке (это имя помещицы), а вот всем остальным, возникшим в 20-х годах XX века, просто дали красивые названия.

Вот в такую деревню с красивым названием Малиновка попала моя семья. Но бабушка говорит, что жизнь там была совсем не «малина».

Наш дом — № 12 по улице Алексеева. Все мои родственники приехали сюда из Узбекистана в 1992 году, а я родился здесь в 1997-м.

Всего в Малиновке три улицы. На улице им. Алексеева 32 дома, есть старые дома, построенные в 30-х годах, а есть и новые, построенные не так давно. Протяженность улицы — примерно один километр. Название такое улица получила в 70-х годах XX века. А до этого в селе других названий улиц не было вообще. В основном тут проживают люди преклонного возраста, которые всю жизнь проработали на спецхозе (свиноводческом хозяйстве), за свой тяжелый труд ничего не нажили, жили очень скромно в простых саманных домах. Некоторые дома были уже заброшены и постепенно превращались в руины. Жили также и молодые семьи в хороших домах, но их было мало.

Бабушка Нюра (Анна Николаевна Золоторева) говорит, что в 1930 году в Малиновке был основан колхоз «Красный партизан». Люди вступили, объединили

свои земли, всех лошадей. Другой скот не объединяли, потому что не было помещения, чтобы его содержать. На нашей улице находились правление колхоза, начальная школа и клуб. В школе учились 4 класса, а потом ходили в Байгору в 7-летнюю школу. А также я узнал про семью Пешковых, они живут в начале улицы.

Все знают, что Пелагея Яковлевна Пешкова и ее дочь Лидия Петровна пережили спецпоселение. Мне было непонятно, что это такое, и мама рассказала. Оказывается, еще до войны тех, кто не хотел вступать в колхоз, раскулачивали, то есть все отбирали (дом, лошадей и прочее). Так раскулачили и отправили в Свердловскую область в спецпоселение всю семью Пешковых. Там умерли мать и отец, остался один сын Петр Иванович, он женился на Пелагее Яковлевне, и у них родилось там четверо детей. Назад они вернулись только после войны, в 1947 году. Пока их не было, в их доме было правление колхоза, а потом школа.

Про войну помнят все, кто жил в это время в нашей Малиновке. Все одинаково говорят о том, как тяжело жилось. Все мужчины ушли на фронт, работали в колхозе одни женщины. Жизнь настала мрачная. Как мне рассказывали старушки, с утра до позднего вечера работали в колхозе. Все делали вручную: вязали снопы, убирали, молотили. Также выращивали сахарную свеклу и сдавали на свеклопункт. При такой тяжелой работе зарплаты не платили, работали за «палочки» — трудодни. Главное было заплатить налог, который был огромен: 300 л молока, 40 кг мяса, яйца, масло, шерсть. Налог был за каждое плодовое дерево. Даже овец доили и молоко сдавали на брынзу.

В 1951 году был большой праздник по случаю объединения колхозов «Красный партизан», «22 января» и «Сила» в один колхоз «Андреев». А в 1961 году был основан колхоз «Путь к коммунизму».

В 1973 году был создан спецхоз «Вишневский». Многие жители нашей улицы и сейчас работают там. В течение 20 лет на спецхозе работает мой папа, выращивает сахарную свеклу, он тоже передовик производства. У нас много газет с его фотографиями.

Вот в такую деревню попала моя семья в 90-е годы. Таких деревень много в России, почему именно сюда? Папа говорит, не потому что деревня понравилась, а другого выхода не было. Приехали сюда, потому что рядом жили родственники, наверное, надеялись на их поддержку.

ЖИЗНЬ В УЗБЕКИСТАНЕ

Бабушка, мама и папа часто вспоминают про жизнь в Узбекистане. 90-е годы XX века. Маме с папой по 22 года, брату Артему — год. Бабушке — 43 года, дедушке — 46 лет, маминому брату дяде Вове — 20. Все они живут в Узбекской ССР, в городе Гулистане Сырдарьинской области, по улице Правобережная, д. 2, кв. 1. Дедушка был инвалидом и уже не работал, бабушка — учительница химии в средней школе № 6, папа — дальноточник, он работал на супермазе и заочно учился в техникуме, мама заканчивала педагогический институт.

В городе проживают в основном жители славянских национальностей, а также немцы, корейцы, татары, турки-месхетинцы. С узбеками все они жили дружно.

Вот такой случай мне рассказал папа: «Однажды, еще когда мама училась в институте на первом курсе, всех студентов вывезли собирать хлопок в Мехнотабатский район, это примерно 40 километров от Гулистана. Они жили в школе одного кишлака. Я решил туда съездить на мотоцикле, проведать. Когда почти доехал, было уже темно, я не заметил яму среди дороги и на полной скорости в нее влетел. Мотоцикл мой весь побитый угодил в яму, а я отлетел на несколько метров. Ушиб сильно ногу. Был в полном отчаянии. Незнакомая местность, чужие люди, не знающие русского языка. Неожиданно ко мне подошел один узбек, потом второй. Помогли мне достать мотоцикл из ямы, потом пригласили к себе домой. Я был весь в грязи, мне ничего не оставалось делать, и я согласился. В их доме встретили меня хорошо. Накормили, дали умыться, помогли сделать мотоцикл. Утром я от них уехал».

Папа много подобных случаев рассказал об узбеках. Даже сейчас, когда мы едем в Хаву на рынок и там встречаются продавцы из Узбекистана, папа разговаривает с ними на узбекском языке.

Когда Узбекистан стал независимой республикой, там был введен государственный язык — узбекский. Везде стали требовать, чтобы люди разговаривали по-узбекски. Я думаю, можно было хорошо выучить язык, но оскорбления пережить нельзя.

Как говорит моя мама, узбеки — очень дружелюбный народ. Но почему-то вдруг все они стали злыми. Например, когда мама стояла в очереди за молоком, узбеки пытались купить без очереди, создавая толпу возле прилавка. На вежливую просьбу встать в очередь они отвечали: «Езжай свая Россия, там командуй!» Особенно тяжело такого типа разговоры было слушать бабушке. Она приходила домой и плача говорила: «Я столько узбеков выучила за свои 25 лет работы в школе, и вот „заслужила“ такие оскорбительные слова». Продавцы-узбеки в магазине, зная всех своих покупателей, вдруг стали делать вид, что не понимают по-русски. Вечерами на улицу никто не выходил, были слухи об убийствах. Когда в окно кто-то, проезжая на грузовой машине, бросил булыжник и разбил стекло, сомнений не было. Дедушка сказал: «Здесь нет будущего для русских, у нас маленький ребенок. Нужно ехать. Куда? В Воронеж. Там живут два бабушкиных брата, они помогут». Мама сдала последние госэкзамены. Продали коттедж и некоторые вещи, необходимое погрузили в контейнер и отправились в дорогу. Нисколько не сомневались в своей решимости жить на новом месте, готовы были жить даже в сельской местности. Ведь где же найти денег на городское жилье?

Бабушка вспоминает: «Первыми отправились к себе в Крым на родину люди татарской национальности. Они были очень хозяйственные, у них были большие и добротные дома. Постепенно эти дома стали заселять узбеки из соседних кишлаков. Затем отправились турки-месхетинцы, их отъезд сопровождался драками

и погромами. Потом засобирались русские. В городе только и были разговоры о том, куда ехать. Обсуждали тех, кто уже уехал в Россию и устроился там. Все русские люди знали, что они русские, и поэтому считали, что в свою родную страну переедут без проблем».

Чего бояться ехать в Россию, ведь мы же едем к своим, русским? Зачем нам нужно жить в Узбекистане, после распада СССР, ведь мы русские? Так думали все, кто решил отправиться в Россию, так думали и мои родители.

Дедушке с бабушкой жалко было продавать коттедж, в котором они прожили только пять лет. Они помнили, как стояли 15 лет в очереди на хорошую квартиру. Помнили, как радовались, когда получили новое благоустроенное жилье. На обустройство не пожалели денег, купили новую мебель, возле дома посадили деревья и виноградник. Конечно, жалко было это бросать. Были и друзья-узбеки, которые уговаривали не уезжать, например, одноклассники папы и мамы (папа и мама учились в одном классе). Они говорили: «Как мы будем жить без вас?» Но все же русские постепенно уезжали, так уехала и моя семья.

ПРИЕЗД В РОССИЮ

Июль 1992 года. Мои папа, мама, бабушка, дедушка, дядя Вова и брат Артем приехали в Россию.

«Ох и жизнь нам задалась, не приведи Господи», — вспоминает бабушка. Первое время жили у ее брата. Подходящих домов для жилья не было. Деньги обесценивались. Пришлось в Малиновке заселиться в заброшенный дом. Там не было крыши, окон, дверей, полов. Вокруг росла амброзия высотой с человеческий рост, весь сад и огород заросли этой травой. Все лето строили, очищали от зарослей двор, работали все вместе.

Стройматериалами помог спецхоз, потому что папа и бабушка тут же пошли туда работать, папа механизатором, а бабушка свинаркой. За лето сделали крышу, поставили окна, двери, настелили пол, сложили печь. Первую зиму жили вместе в одной квартире. Водопровода не было, колодца тоже, за водой ходили через дорогу, к соседям. Впервые научились топить печь, носить из сарая уголь. Так же впервые научились доить корову. У нас была замечательная корова, ее звали Смуглянка, у нее все время рождались по два теленка, она давала вкусное молоко. Один теленок доставался бабушке с дедушкой, а другой — нашей семье.

Бабушка говорит: «Пришлось начинать все с нуля. Корова нам помогла, мы выжили благодаря ей, из молока делали масло, творог, сыр и даже возили продавали на железнодорожную станцию Графская. А еще держали свиней, мясо тоже продавали. Хотя мы все и работали, зарплату не платили по полгода».

Трудно было привыкнуть к суровой и длинной зиме. Но самым жестоким было не привыкание к новому месту, а то, чего мои родные никак не ожидали, —

их начали называть беженцами. Дедушка говорил: «Какие мы беженцы? У нас не было войны, мы просто вынужденные переселенцы». Мама говорит: «Мне казалось, что все думают, что мы какие-то бродяги безродные». Это очень сильно давило на психику, дедушка очень переживал, потом тяжело заболел и умер. Бабушка говорит, он так и не пожил здесь в хорошей, благоустроенной квартире.

Свой «новый» дом стремились благоустроить, в первое лето не успели вырыть колодец, но зато на следующее были уже с водой, папа с дядей Вовой копали его вручную, потом вставили в него бетонные кольца, для этого кран вызывали. Потом ухитрились сделать водопровод в доме, такое «инженерное сооружение» даже я помню. Для этого установили на чердаке большую бочку. Воду насосом закачивали наверх, а потом она шла по трубе на кухню и ванную комнату. Воду грели с помощью дровяного титана. Но если вдруг кто-то забудет выключить вовремя насос, вода могла перелиться через край бочки. Тогда — катастрофа, вода будет литься с потолка. Такое было несколько раз. Поэтому за насосом строго следили. Но зато в доме была вода и горячая, и холодная.

«ДОРОГА ЖИЗНИ»

Это не шутка какая-то, действительно тропинку, которая вела от спецхоза до деревни, через поле, люди называли «Дорогой жизни».

В 90-е годы свиноводческое хозяйство спецхоз «Вишневоградский» оказалось в очень серьезном кризисе. Других предприятий, где могли бы работать местные жители, не было. Как раз в ту пору свиноводкой работала моя бабушка. Она рассказывала, какой это тяжелый труд. Она работала там, где выращивали молодняк. Нужно было убрать навоз за поросятами вручную, затем накормить. Корм носили ведрами. Затем каждому поросенку сделать прививку, чтобы не болели. Но из-за постоянных эпидемий поголовье уменьшалось. Зарплата поэтому была маленькой, и ту выдавали с большой задержкой. Как же люди жили в таких условиях?

Мы в 6-м классе по истории Средних веков изучали натуральное хозяйство. Вот примерно такое было в нашей Малиновке. У нас было 20 свиней, корова, два телка, большое количество кур, гусей. Так было в каждом дворе. У некоторых были еще овцы, козы, а также разводили пчел.

Но почему же все-таки ту тропинку называли «дорогой жизни»? И вот что мне рассказала бабушка: «Чтобы прокормить столько скотины, нужен был корм. Его просто-напросто воровали на спецхозе и носили по узкой тропинке. Все рабочие возвращались домой не через главный вход, а через дырку в заборе. Каждый уходил с сумкой, в которую умещалось по полмешка корма. Были случаи, когда на этой тропинке дежурила милиция, некоторых штрафовали. Но люди все равно воровали, и никому даже за это не было стыдно».

Так корм носили домой и мои бабушка и папа. У бабушки до сих пор руки болят.

ОСНОВНОЕ ЗАНЯТИЕ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Летом все работают на огороде. У нас хороший чернозем, картошка урождается отменная. Раньше мы по два огорода засаживали картошкой. Сажали под лошадь, то есть лошадь, запряженная плугом, делала борозду. Помню, как мы с ведрами в руках ходим вдоль борозды и кидаем картошку на определенном расстоянии. Пропальваем тяпками вручную два раза, потом окучиваем лошадю, а в сентябре собираем урожай. Надо сказать, что, когда сажаем или копаем картошку, всегда на подмогу приходят соседи. И мы тоже ходим помогать им, когда нужно. Картошку осенью у нас скупают перекупщики, или мы меняем ее на арбузы, также возим сами на станцию Графская продавать.

В 90-х годах огородов было несколько: один возле дома, где-то 30 соток, и другой — 1 гектар в поле, а у некоторых в поле был и третий. Кроме картошки, лука и других овощей, сеяли ячмень под сено. Летом сено косили комбайном, а некоторые вручную косой. Затем нужно было сено высушить. Для этого необходимо было его переворачивать вилами и беречь от дождя. Мой брат тоже родителям помогал сено заготавливать. Только это занятие совсем ему не нравилось, потому что все тело потом горит и чешется.

ЧТО БОЛЬШЕ ВСЕГО ПОРАЗИЛО МОИХ РОДИТЕЛЕЙ

В России не как в Узбекистане. Зима длинная, а лето короткое. Трудно было сразу привыкнуть моим родным к таким резким климатическим переменам. В Малиновке был один сельмаг, туда привозили продукты, но очень мало. Такие продукты, как сахар, подсолнечное масло, гречку, пшено, давали только своим рабочим на спецхозе в конце года, когда собирали урожай. И поэтому в магазине эти продукты не продавали. А мыло и стиральный порошок продавали только по талоном. Картошка и другие овощи у каждого селянина были свои. Где взять эти необходимые для жизни продукты людям, которые только что приехали? Только если купить у местных жителей. А на руках маленький ребенок, ему нужно было кашу варить с молоком и добавлять сахар.

В Малиновке такие добрые люди были. Например, соседка наша, бабушка моего одноклассника Стаса Котова — бабушка Нина (Нина Васильевна Котова), однажды принесла несколько килограммов сахара моей семье. Моя бабушка до сих пор ее добрым словом вспоминает. Соседка, которая жила через дорогу, тетя Тамара Акиншина, стала продавать молоко, пока мои родные свою корову не завели. А старенькая бабушка Нюра, которая жила в самом начале нашей улицы, принесла курицу.

Сразу стало понятно, что к зиме нужно готовиться заранее. Летом начинали заготавливать уголь, дрова; набивали погреб картошкой, морковью; солили огурцы, помидоры; варили варенье; собирали яблоки в саду. Такой заготовки в Узбекистане не было. Там все продукты покупали на рынке или в магазине.

«Нас многое удивило, — говорит мама, вспоминая о своих первых впечатлениях. — Очень понравилась природа, пруды, лес, чернозем. Не нужно было ежедневно поливать и удобрять, земля плодородная. Что ни посеешь, все растет».

Но вся прелесть была только летом, а когда началась осень, задул холодный ветер и уже в октябре полетели «белые мухи», весь восторг от прекрасной природы явно поубавился.

В нашей деревне в 90-х годах XX века не было газа, не было водопровода, туалет на улице, перед домам огромная лужа и непролазная грязь. Мама возмущалась: живем в центре Европы, в 60 километрах от областного центра, а самых элементарных удобств нет. Сравнивала с Узбекистаном, который Россия вывела из отсталости. Там уже в 70-х годах каждый кишлак был с водой, газом и хорошими дорогами. Всей семье впервые в жизни пришлось купить резиновые сапоги.

Здесь мама узнала много новых слов, например, «магарыч», «запой». Бабушка вспомнила случай, когда нашу соседку, хозяйственную, серьезную, трудолюбивую женщину тетю Тамару, везла на тачке ее дочь. Тетя Тамара была так пьяна, что не могла сама идти домой. Поразил не только сам этот факт, но и то, что это не считалось в деревне чем-то странным, это было в порядке вещей. Пили и мужчины, и женщины, спивались старики.

Почему-то возле домов не было цветов. Никто не разводил цветников. Во время церковных праздников работать нельзя. Попробуй выйти на огород в такой день. Обязательно какая-нибудь тетя прибежит и будет ругаться: «Из-за вас потом засуха будет!» Нужно было соблюдать все правила деревни. Если праздник, то не работать по меньшей мере три дня. При этом, когда наступала Пасха, все куличи покупали, никто не мог печь дома, в церковь ходили только единицы, некоторые ездили в Толшевский монастырь, который находится в Заповеднике.

Деревенские парни редко брали себе в жены девушку из другого села, в основном находили из местных. Редко кто заканчивал 11 классов, многие после девятилетки шли работать на спецхоз.

В 90-х годах появились первые фермеры. Разрешено было забрать свою землю из спецхоза (у каждого взрослого человека было по 3,5 га земли) и самостоятельно обрабатывать. Так появились фермеры Востриковы, они выращивали сахарную свеклу и зерно. Многие селяне ходили полоть к ним сахарную свеклу. За прополку по договору платили сахаром, как договоришься; кто по два мешка получал за 1 гектар свеклы, кто по три. Все зависело от сорности свеклы. Папа всегда удивлялся умелости людей быстро и ловко полоть. Люди выходили семьями и за два-три дня пропалывали целые гектары.

С первых дней знакомства с жителями Малиновки мои родители отметили красивый местный говор. По мягкому выговору безошибочно можно узнать моих земляков. Они не скажут: «куда», «упасть», «кричать», «пропасть», «смеяться», «царапаться», «барахтаться», «бодаться», а скажут «куды», «упануть», «гаять»,

«пропануть», «грохотать», «карябаться», «лагастаться», «брухаться». Чем плохо? Точно и образно!

Я тоже использую эти слова, когда разговариваю с деревенскими ребятами, а в школе и дома стараюсь говорить правильно. Когда такого типа слова я говорю дома, родители улыбаются.

Когда у нас появилась корова Смуглянка, родители пасли целое стадо. Все, у кого были коровы, пасли их по очереди. В стаде насчитывалось около 40 коров. Значит, через каждые 40 дней наступал черед их пасти. Пастуха в деревне не было. Бабушка помнит, что среди местных было выражение — «стеречь коров».

Когда наступает черед стеречь коров — это событие для семьи очень ответственное. Помогать приезжали даже родственники из города, в этот день родители не ходили даже на работу, а дети на учебу. Каждая корова знала дорогу к своему дому. В конце дня, возвращая коров домой, слышны были приветливые слова односельчан: «Ну что, отмучились?»

Сейчас, в наше время, столько коров в деревне не найдешь. Осталось одна или две коровы на все село. Папа говорит, раньше держали, потому что вынуждены были, а сейчас жить стали лучше и молоко проще в магазине купить, чем ухаживать за домашними животными, убирать, доить, сено заготавливать.

В Малиновке по имени-отчеству зовут редко, и то только учителей. В основном обращаются по имени в уменьшительно-ласкательной форме. Например, к мужчинам: Борисок, Игорек, Витек, Сашок; к женщинам: Ниночка, Верочка, Валюшка, Манюшка. У многих есть прозвище, вернее, прозвище приставляется к имени. Например, Коля — Чулюкан, Сережа — Колбасник, Нина — Угловая. Иногда прозвища передаются детям по наследству, как фамилии. Например, одну девочку называли Оля Змеева, можно подумать это фамилия такая; оказалась, она Оля Телегина, а «змей» — это прозвище ее отца.

«А вообще-то у нас очень дружная улица была в Малиновке», — вспоминает бабушка. Иногда праздники отмечали прямо на улице. Летние обязательно с застольем, песнями и танцами. Только пели и танцевали одни женщины, мужчины пили много, им было не до танцев и песен. Местные женщины знали много песен и хорошо их пели. Зимой собирались в карты играть или гадать. Бабушка соседей научила готовить плов по-узбекски.

Мама с улыбкой вспомнила Славика (это сын тети Тамары). Когда весной «начинался огород», он выставлял в окно колонки от магнитофона и включал музыку, вся улица слушала его любимую песню «Розовые розы... Светке Соколовой...» А тетя Тамара ходила «руки в боки» и наблюдала за всеми соседями, кто чем занимается.

А по вечерам вся молодежь собиралась на «пяточке». На мотоциклах и велосипедах на нашу улицу приезжали даже из Вишневки, и даже из Хавы.

Разные в Малиновке люди проживают, но в основном они всегда были добрыми и простыми. У Артемки друг есть из Малиновки — это Алешка Золоторев. Когда мы уехали в Вишневку, Алешка к Артемке ездил на велике и в снег, и в грязь. Это 7 километров. Да и Артем к нему тоже.

АВТОБУС

Село Малиновка входит в состав Спасского сельского поселения. До ближайшего села Вишневки — 7 километров. Когда-то в Малиновке была начальная школа, но ее закрыли еще в 70-х годах, и поэтому все дети из Малиновки стали ездить в школу в Вишневку на автобусе. В каждом классе было по два-три школьника из Малиновки. Это сейчас их возят на хорошем автобусе, который выдали по губернаторской программе «Школьный автобус». А в 90-х годах ребята ездили на стареньком и маленьком.

Он возил и рабочих на работу на спецхоз, и детей в школу. В любую погоду люди стояли на дороге и ждали автобус в назначенное время. В автобусе узнавали все новости. Но если вдруг автобус ломался или, еще хуже, дорога была занесена снегом после метели (а то и другое случалось часто), то люди на работу ходили пешком. А для детей наступал настоящий праздник, ведь автобус не мог довести их до школы и появлялась причина не учиться. Школьники в такие дни не учились вообще и очень этому радовались. В это время очень тяжело приходилось маме — ей нужно было ходить на работу в Вишневку пешком (в школу она устроилась сразу после приезда), а потом возвращаться обратно домой. Но мама вспоминает то время и говорит: «Зато у меня сердце не болело, потому что много ходила пешком, ведь это полезно для здоровья».

А бабушка вспомнила, как она удивлялась местным порядкам в автобусе: «Первых в автобус пропускают детей, взрослые и даже старики потом заходят. Дети занимают места и едут сидя, а взрослые стоят. А еще такой порядок есть, если человек голосует не на остановке, водитель не останавливается, чтобы посадить в автобус. Однажды две бабушки шли пешком, водитель не остановился, говорит: не положено, опаздываю, я только детей и рабочих спецхоза должен возить. И не взял. В Узбекистане другие порядки, старикам там место уступают. Дети никогда не сидят в автобусе, если рядом стоит взрослый человек. Малыши сидят у взрослых на коленях. А шофер никогда бы не проехал мимо стариков, не задумываясь, взял бы этих двоих, пристроил куда-нибудь, другие бы потеснились».

ПЕРЕЕЗД В ВИШНЕВКУ

Я уже писал, что мой папа сразу после приезда в Россию стал работать механизатором, он и сейчас им работает. Конечно, когда он учился в школе, то никогда не думал, что будет сельским жителем и будет работать на тракторе. Когда приехали в Малиновку, то здесь другой работы не нашлось, а сейчас уже он стал хорошим специалистом по выращиванию сахарной свеклы. Его урожай ежегодно самый лучший в районе. Два года назад ему телевизор подарили на День

сельского хозяйства. У него много грамот и дипломов. О нем часто пишут в местной газете «Верхнехавские рубежи». Но самое главное — это его заработок. Он в течение года зарплату не получал, а в конце года получал около 100 мешков сахара. Для сахара была отведена одна из комнат в квартире. Сахар в течение года папа продавал мешками. Поэтому появилась возможность строить дом.

Строительство затеяли в 1996 году. Пусть медленно, но все же своими руками дом был достроен в 2004-м. В 2007 году провели долгожданный газ. В доме у нас есть водопровод, санузел и второй этаж, где находится моя комната. Сейчас условия в нашем доме ничем не хуже городских. Столько скота, как раньше, мы уже не держим, у нас есть только куры и один поросенок. Мама говорит, мясо дешевое на рынке, а корм дорогой, невыгодно стало заниматься сельским хозяйством. Огороды тоже все забросили. Остался только один возле дома. Картошку сажаем только для себя.

Спецхоз «Вишневатский» сейчас преуспевающее хозяйство. Превратился в огромный агрохолдинг. Свиноводы, которые сейчас там работают, получают достойную зарплату. Им запрещено дома держать свиней; когда они приходят на работу, моются в душе, потом заходят к поросятам. В корпусах все чисто, все сделано по немецкой технологии. Ручного труда нет. Поросята на спецхозе вырастают за 7–8 месяцев. А в домашних условиях поросенок растет не меньше года. Но мы мясо из спецхоза не покупаем, оно невкусное.

Мама и бабушка работают в школе, мама — учителем истории, а бабушка — учителем химии. Дядя Вова женился и живет в Верхней Хаве, у него маленький сыночек Антошка. Артем уже студент 3-го курса педагогического университета. Жизнь, можно сказать, наладилась. Мама говорит: «Сейчас все мы себя чувствуем полноправными гражданами России».

Хочу заметить, что кроме нашей семьи здесь проживают другие переселенцы из различных республик бывшего Советского Союза. Все живут сейчас хорошо. Родители по Интернету в социальных сетях нашли многих своих друзей, одноклассников, бывших соседей, общаются с ними (недавно я их научил общаться и по скайпу). Добрым словом вспоминают, как хорошо раньше все вместе жили в Узбекистане. Папа говорит: «Очень хочется встретиться, съездить, немного погостить, поесть узбекских лепешек и вернуться обратно в Россию. Здесь теперь наш дом».

У каждой семьи, конечно, своя история, своя трагедия. Были такие, которые не выдерживали и возвращались обратно. У многих сохранились и сейчас проблемы, связанные с получением гражданства и жилья.

Родители часто вспоминают Малиновку, первые годы жизни в России. Помнят, как их встретили местные жители. Конечно, здесь было совсем не так, как они привыкли в Узбекистане. В Малиновке жизнь была, конечно, не малина... Но все же всех своих соседей мама, папа и бабушка вспоминают добрым словом.

Проблемы межнациональных отношений на постсоветском пространстве, или «Почему мы друг друга не любим?»

Мargarита Барыкина, Сергей Симаков
с. Плесс, Пензенская область,
научный руководитель Т.В. Меркушина

Мы учимся в 9-м классе школы имени Н.М. Новикова села Плесс Мокшанского района Пензенской области. В 2011 году в нашей школе обучаются всего 76 человек; в классе, где учимся мы, — 9 человек. Одна треть нашего класса и одна шестая учеников всей школы — дети переселенцев. Их родители приехали на постоянное место жительства в наш район в начале 1990-х и в начале 2000-х годов.

Казалось бы, прошло достаточно времени, чтобы местные жители и приезжие научились уважать интересы друг друга. Но по результатам нашего социологического опроса, некоторые местные жители до сих пор негативно относятся к приезжим, агрессивно настроены, считают ненужным их проживание на нашей территории. А многие переселенцы, переезжая, надеялись, что их встретят гостеприимно. Второй год в школе учатся дети (в 6-м и в нашем классе) из Узбекистана, которые вообще плохо знают русский язык и которым трудно общаться со сверстниками и преподавателями. А с прошлого года, по инициативе губернатора нашей области, реализуется проект по приглашению на постоянное жительство в область семей из теперь независимых Киргизии и Узбекистана. Значит нужно ожидать нового потока приезжих из бывших республик СССР и других регионов России.

Нам показалось интересным разобраться в причинах «нелюбви» местных жителей к приезжим.

ГДЕ РОДИЛИСЬ, ТАМ НЕ ПРИГОДИЛИСЬ **«БРАТСТВО И ДРУЖБА НАРОДОВ» ОКАЗАЛИСЬ МИФАМИ?**

В декабре 2010 — январе 2011 года областное Министерство образования и науки обязало провести во всех школах района уроки и классные часы, посвященные распаду СССР в 1991 году и образованию СНГ. Причем необходимо было рассказывать о примерах межнациональной дружбы и сотрудничества народов бывших советских республик.

На территории Плесской сельской администрации, где находится наша школа, проживают переселенцы из бывших советских республик СССР. Они переехали в Пензенскую область на постоянное место жительства в 1991–1992 годах. Нам стало интересно, а почему же им пришлось уезжать с насиженных мест, если там к ним относились хорошо? Или содружества народов в бывших

республиках СССР не существовало на 100%? И пословица «Где родились, там и пригодились» действовала не для всех?

Мы обратились в сельскую администрацию, чтобы выяснить, сколько семей переселилось на постоянное место жительства из бывших республик СССР на территорию наших окрестных сел в начале 1990-х и 2000-х годов и получили ли они российское гражданство? Ответ нас удивил. Нам отказали, сказав, что эта информация не подлежит разглашению, потому что защищает права вынужденных переселенцев. Но тут же сообщили, что на территории нашей администрации таких нет, потому что официально статус вынужденных переселенцев никто не получал.

Наша учительница истории руководит школьной общественной приемной. Мы спросили у нее, как же получить нужные нам сведения? Она помогла нам составить обращение на имя главы Плесской сельской администрации с просьбой предоставить нам информацию, необходимую для работы, а если это невозможно — написать нам отказ в письменной форме. Совместные переговоры нашего руководителя, авторов работ и сотрудников местной администрации разрешили ситуацию в нашу пользу.

Таким образом, нам удалось составить сводную таблицу, где мы указали семьи, место их проживания на данный момент, место, откуда они были вынуждены выехать после 1991–1992 годов и время получения ими российского гражданства. Нам удалось найти сведения о 30 семьях.

Официальные данные нам предоставили только о четырех семьях, объяснив, что остальные не имеют даже временной прописки и о них нет достоверных сведений, хотя они проживают на территории этого сельского совета не месяц, а год-два и больше.

Мы решили провести опрос-анкету с теми переселенцами, которые согласились отвечать на наши вопросы. Нам хотелось выяснить, почему они решили выехать с прежнего места жительства, если в СМИ до сих пор говорится о «дружбе и братстве советских народов»?

Оказалось, что из 30 семей, вошедших в нашу сводную таблицу:

— Только у 10 взрослых не было высшего образования. Постоянной работы и достойного жилья до 1991 года не было у представителей пяти семей. Значит, можно сделать вывод, что они были квалифицированными работниками и ими должны были дорожить.

— 14 семей составляли оба русских супруга; в семи семьях оба супруга были нерусскими и принадлежали к одной национальности; остальные представляли собой смешанные пары представителей разных национальностей, включая русских. Значит, они не первый год жили в многонациональном окружении.

— Только две семьи переехали без детей; в остальных кроме малолетних детей были еще бабушки и дедушки, то есть увозили с собой даже семейные «корни», а значит, не рассчитывали возвращаться.

— Большая часть семей переехала из бывших советских республик в начале 1990-х годов — именно в тот период стал разваливаться миф о «межнациональной дружбе в СССР», а людям стало опасно находиться на территории этих республик, если они принадлежали к другой национальности.

— 20 семей назвали причиной своего переезда невозможность дальнейшего проживания из-за постоянных угроз их жизни и здоровью, нарушения гражданских прав и свобод не только со стороны местных жителей, но и со стороны местной власти.

— Из оставшихся 10 семей только три семьи вернулись в Россию на родину своих предков. Остальные семь приехали по приглашению на работу от родственников или знакомых.

Из рассказа Валентины Николаевны Олейник, приехавшей с семьей из Казахстана, мы узнали, что положение русских и смешанных семей в Казахстане резко ухудшилось после 1991 года. Валентина Николаевна родилась в Казахстане в семье сосланных туда кулаков (отец — русский, мама — украинка). Получила там образование, работала учительницей начальных классов, жила в благоустроенной трехкомнатной квартире с мужем и двумя сыновьями. Муж имел среднее специальное образование, работал шофером. Семья имела неплохой достаток. В необходимых вещах не нуждались, имели возможность один раз в год выезжать на отдых к Черному морю. Но в школах стали повсеместно увольнять без всяких веских причин учителей не казахов по национальности. Валентине Николаевне предложили искать другую работу в середине учебного года. Ее младший сын учился в то время в 7-м классе. Уроки русского языка и литературы заменили в школе на часы казахского языка и литературы, всех учителей обязали вести уроки на казахском языке, даже тех, кто его не знал. За уроки на русском языке стали штрафовать. Мнения родителей учеников и самих учеников никто не спрашивал.

Руководство школы рекомендовало не выдавать ученикам книги русских классиков и даже сказки, а вместо запрошенных книг предлагать произведения казахских писателей. Муж Валентины Николаевны работал в госучреждении на КамАЗе. Машину у него отобрали, перевели его в грузчики на более низкую зарплату. Старший сын Валентины Николаевны вернулся из армии и не смог устроиться на работу — его не брали, когда слышали украинскую фамилию.

На базаре ей отказывались продавать продукты, если она говорила с продавцами по-русски. Грубо говорили, что «могла бы за столько лет казахский язык выучить». Однажды на родительском собрании отец ее ученика прямо спросил: «Когда вы, русские, уедете к себе?» На ее уточнение, что она украинка, а родилась в Казахстане, он грубо ответил, что для него «кто не казахи, все русские и должны убираться домой». Трудно поверить, что этот человек долгие годы был представителем «содружества народов СССР» и вдруг резко изменил свои взгляды.

Ермаков Петр Викторович жил и большую часть своей жизни проработал в Ташкенте учителем в школе, вузе, областном Министерстве образования. Он

преподавал русский язык и литературу. «Моральные репрессии», по его словам, начались в 1991 году. Резко сократили часы преподавания его предметов без особых причин и объяснений, а его перевели на менее оплачиваемую ставку. Когда он пытался выяснить, по какому праву это было сделано, ему сказали, что «теперь у него вообще прав нет и не будет». Он вспоминает, что в большом городе Ташкенте «стало тесно всем, кто не был узбеком», хотя больше половины его жителей были не узбекской национальности. Он жил в многоэтажном доме. Его соседями были люди разных национальностей. Вдруг они перестали друг с другом здороваться, отводили взгляды. А в 1992 году были случаи, когда в квартиру звонили незнакомые люди, проходили в квартиру и начинали по-хозяйски ее осматривать. На возмущение хозяев квартиры отвечали грубо и говорили, что скоро хозяевам придется «выметаться, а квартира уже не понадобится». Причем приходили люди, которые учились в школах, где им рассказывали о межнациональном братстве, а их родители несколько десятков лет жили в СССР. На дверях подъездов стали появляться самодельные листовки с обидными словами в адрес жильцов не казахов, причем с перечислением фамилий и квартир. В соседнем с Ермаковым доме был настоящий погром в нескольких квартирах с русскими семьями, а милиция по вызову ехать отказалась.

Наталья Голубева жила и работала в городе Баку. Одна, без мужа, она воспитывала двух детей. Работала секретарем директора на большом заводе. Привыкла получать хорошую зарплату; и начальство, и соседи в доме относились к ней с уважением. Начальник сообщил ей об увольнении неожиданно, женщина растерялась. Но верила, что трудовое законодательство на ее стороне, и она уволена не будет. В отделе кадров ей сообщили «по секрету», что «началась настоящая чистка по национальной принадлежности». На более высокие должности стали назначать азербайджанцев. Некоторые из них не имели нужного опыта работы и образования. Голубевой «припомнили» мужа-армянина (в то время он уже не жил с семьей) и настоятельно советовали «уезжать к себе в Россию». Она вспоминает свою истерику от бессилия. Родители-пенсионеры ничем ей помочь не могли.

Карина и Валерий Багировы до 1991 года тоже проживали в Баку. Они работали в большой типографии, имели высшее образование, двоих детей, пожилых родителей. Их брак полностью соответствовал советской идеологии о создании общности «советский народ»: муж армянин, жена наполовину русская (по матери), наполовину азербайджанка.

Однажды Валерия, когда он возвращался с работы вечером, избили и ограбили. Когда били, называли «выродком». В драке участвовал его сосед по подъезду. Когда Валерий обратился в милицию, «стражи порядка» сказали, что свидетелей они не найдут и дело открывать вообще не будут. Валерий сообщил, что узнал одного из нападавших. Тогда ему посочувствовали и посоветовали вообще не говорить, что он был в милиции, «чтобы не убили совсем и его, и его семью». Знакомые советовали уезжать, но он привык считать Баку родиной, а себя законным, а главное нужным родине гражданином.

Семья Савиных, в которой было пять детей (из них четыре несовершеннолетних), до 1991 года жила в Узбекистане. Мать работала в больнице детским врачом, отец на стройке прорабом. Их родители приехали в Узбекистан во время Великой Отечественной войны, спасаясь от немецкой оккупации и голода. За несколько лет Узбекистан стали считать второй родиной. После 1991 года Зинаиду Савину с должности врача перевели в санитарки при областной больнице, а прораб Савин превратился в разнорабочего.

Когда мы опрашивали переселенцев из разных республик бывшего СССР, подобных воспоминаний о нарушении их гражданских прав по национальному признаку слышали немало. Вывод напрашивался сам собой: значит, настоящая интернациональная дружба и братство народов в СССР были не такими уж крепкими и не везде действовали после распада СССР. Ведь не могли же отношения взаимопонимания и уважения к представителям других национальностей так сразу разрушиться. Обычные, не связанные с политикой люди стали вести себя агрессивно по отношению к представителям другой национальности. Ну не верится нам, что десятилетиями воспитанная дружба могла так скоро развалиться! А может, и не была крепкой или вообще ее не было?

«МЫ НЕ ПЕРЕЕЗЖАЛИ, МЫ СПАСАЛИ СЕБЯ И ДЕТЕЙ»

У всех, кого смогли опросить, мы интересовались причинами их переезда в наши края. Только представители трех семей вернулись на родину. Чуть больше — по приглашению друзей или родственников выбрали для жительства Пензенскую область. Самая большая часть опрошенных нами переселенцев «бежали, спасая себя и своих детей». Многие семьи считали, что приезжают в Пензенскую область на время. Они искренне верили, что в республиках бывшего СССР все успокоится и можно будет вернуться в родные места. У некоторых там оставались родственники или хорошие знакомые. Но временное жилье превратилось в постоянное.

Нам рассказывали страшные подробности вынужденных переездов. Петр Викторович Ермаков вспоминал, что его сосед, русский по национальности, похоронил жену и остался с четырьмя малолетними детьми на руках. Он устраивался разнорабочим, не мог прокормить семью. Однажды на всю зарплату он купил продукты. Дети съели их за один вечер и стали снова просить есть. Несчастный отец решил повеситься, но его спасли соседи. А без хорошей работы он оказался после увольнения «по национальному признаку». Самого Петра Викторовича днем остановили молодые люди, отобрали у него сумку с продуктами, избили и пригрозили, что, если он пойдет в милицию, подожгут квартиру, потому что знают, где он живет.

Сагибат Гасановна Шахабутинова, проживавшая в начале 1990-х годов в Туркмении на Всесоюзной стройке в г. Шатлык, рассказывала, что даже мужчины (у нее тогда были взрослые сыновья) вечером боялись ходить по улицам. Они легко могли стать жертвами агрессивных банд националистов, которые избивали «не туркменов» ни за что.

Семья Савиных осталась без квартиры, потому что ее подожгли среди ночи.

Морозиковы и Абашкины, жившие в 1990-х в Узбекистане, у которых было по двое-трое малолетних детей, боялись за их жизни, из-за того что в школе и на улице к детям подходили и просили передать родителям, чтобы те «уезжали к себе домой, пока целы».

У Есаяна Мнацакана, жителя Баку, была русская жена. Его сосед однажды вечером сказал Мнацакану, что от «такой жены» пора избавляться, а его дети — выродки, раз их отец «смешал кровь», и их тоже не жалко.

Почти все опрошенные рассказывали, что свои благоустроенные квартиры им пришлось продать за очень маленькие суммы. Причин было несколько, мы выделили четыре, которые наиболее часто встречались в опросах и интервью: 1) покупатели шантажировали хозяев тем, что все равно получат их квартиры, когда жизнь хозяев станет невыносимой; 2) часть вырученных денег пришлось тратить на «подкуп» покупателей, чтобы те не выдворяли бывших хозяев из квартир сразу после сделки; 3) покупатели назначали откровенно заниженные цены, пользуясь бессилием хозяев, которые не имели возможности отстоять свои права; 4) милиция не реагировала на жалобы тех, чьи квартиры и дома пытались отобрать насильно, поэтому большинство граждан старалось продать свое жилье даже за небольшие деньги.

Почти все опрошенные нами переселенцы вспоминают о погромах и избиениях на улицах по национальному признаку, в которых пострадали они сами или их родственники и знакомые. По этой причине они искали новое место жительства. Причем времени и возможностей долго и тщательно его выбирать у большинства не было. Во многих семьях мужчины просто ездили по российским областям в поисках работы с предоставлением жилья и останавливались там, где им обещали и то, и другое. А местные власти пользовались таким положением и давали обещания, не собираясь их выполнять, — они просто хотели получить новых работников.

«КАЖДЫЙ ВЫЖИВАЛ, КАК МОГ»

ОДНИ ПРИЖИЛИСЬ, ДРУГИЕ ДО СИХ ПОР ВЫЖИВАЮТ

Переезд на новое место жительства многие семьи перенесли очень тяжело. Сразу возникло много проблем. Вот те, которые испытало большинство нами опрошенных:

— Оказалось почти невозможным вывезти имущество — нанять контейнер и оплатить его доставку было «не по карману», а официальные структуры не соглашались помогать без оплаты. Что могли, вывозили на нанятом транспорте, в поездах давали взятки проводникам, чтобы те брали в вагон «лишний груз», передавали через знакомых и родственников. Много имущества во время перевозки потеряли.

— Когда местное окружение узнавало, что семья собирается уезжать, начинались откровенные, бесцеремонные кражи вещей.

— На новом месте переселенцам не предоставляли бесплатного жилья, которое обещали, или предоставляли более ветхое, чем обещали во время переговоров. Местное руководство пользовалось тем, что переехавшие не имели возможности сразу «развернуться и уехать», так как потратили основную часть денег на сам переезд. Купить жилье на территории РФ им было не по средствам. Они намного дешевле продали свое. Вырученных денег хватало только на жилье в сельской местности, да и то не комфортное.

— Почти никто из переселенцев не смог устроиться на работу по специальности, так как многие переселились в сельскую местность, а там не только не было вакансий, но даже таких специальностей не требовалось. Людям с высшим образованием и опытом жизни в городе пришлось работать скотниками и доярками в плохо оборудованных фермах за маленькие зарплаты. В конце 1990-х и вовсе зарплат не платили или выдавали мясом и молоком.

— Все семьи снизили свой имущественный достаток и долгое время должны были «выживать» на новом месте, так как у них на иждивении были дети и пожилые родители.

— Многие не могли сразу оформить гражданство и прописку, пенсию и государственные пособия на новом месте, у них требовали взятки или их «кормили обещаниями», просили «подождать какое-то время». Некоторые умерли, так и не дождавшись пенсий. В некоторых семьях были дети-инвалиды, на которых тоже долгое время не удавалось оформить официальное пособие.

Среди опрошенных нами переселенцев были семьи, довольные своим новым местом жительства. Они смогли быстро освоиться и живут в достатке. Например, семья Оганесян, проживающая в селе Михайловка, приехала на новое место жительства весной 1992 года по приглашению своего родственника. Тот помог с жильем и работой. Уже в Михайловке у них родилось трое детей, сейчас ждут рождения четвертого. Хотя сначала они не рассчитывали уезжать из Армении надолго, думали переждать какое-то время и вернуться.

Семьи Морозиковых и Абашкиных, проживающие в селе Марфино, были знакомы до переезда, вместе работали. Они перевезли с собой на новое место жительства и своих родителей. Им было легче обустроиваться на новом месте благодаря своему кругу общения и возможности друг другу помогать. Некоторое время они довольно успешно занимались частной торговлей. А Савины удачно породнились с местными жителями, выдав замуж и женив своих детей, что обеспечило им поддержку новых родственников.

Семья Аджиевых, выходцы из Дагестана, районного центра Бабаюрт, приехала в село Подгорное по приглашению своих родственников, которые там работали, в 2004 году. Глава семьи получил приглашение работать по специальности и на сегодняшний день является достаточно преуспевающим предпринимателем у себя в селе. У него трое детей, младший родился уже в Подгорном, дочь учится в нашей школе.

Валентина Олейник и Петр Ермаков работали по специальности учителями. Ермаков купил в селе Скачки дом, который сначала снимал у хозяина. Олейник

живет в селе Михайловка в квартире, которая расположена в здании бывшей школы. Она до сих пор не может оформить квартиру в собственность. Оказалось, что здания нет на балансе ни в одной организации, и ей уже четыре года не оформляют документы на собственное жилье. Валентина Николаевна говорит, что на доме лежит проклятье. (В наших прежних исследованиях по истории села мы выяснили, что Михайловская школа строилась на месте бывшего сельского кладбища, а во время войны, в 1942–1945 годах, там располагалась комендатура ИТЛ.)

В семьях, переехавших на постоянное место жительства в Пензенскую область в 1990-е, выросли дети, получившие образование и создавшие собственные семьи. В нашей школе уже учатся дети этих детей. Некоторые уехали в крупные города на заработки, но свою прописку в нашей области не поменяли до сих пор. Многие похоронили своих родителей и старших родственников на Пензенской земле и теперь не хотят оставлять без присмотра их могилы. И все равно многие из приезжих до сих пор не считают себя «своими». Они ощущают негативное отношение к себе со стороны коренных жителей по разным причинам.

Семья Кудрата и Ружужан Ибрагимовых появилась в нашей школе в прошлом учебном году. Они родом из города Ургенча Хорезмской области Узбекистана. Приехали в село Подгорное на работу по приглашению местных властей. Отца Кудрата и Ружужан пригласили восстанавливать сельскую церковь пять лет назад. Предоставили съемное жилье. Сначала платили хорошо и вовремя, потом перестали платить оговоренную сумму, поскольку из-за нехватки денег работы по восстановлению церкви приостановили на неопределенное время. Сам Кудрат, его сестра и мать по-русски говорят плохо, это мешает Кудрату и его сестре учиться, ведь наши учителя узбекского языка не знают и не имеют опыта работы с «учениками-иностранцами». Отец, которому не платят обещанную зарплату, и сам Кудрат теперь часто работают по найму в селе. Но возвращаться на родину их семья не торопится. Кудрат говорит нам, что их мама на прежнем месте жительства часто болела, а в новом климате ей лучше.

Десять семей в селе Плесс получили под жилье здание бывшего совхозного общежития. В нем не было ни канализации, ни водопровода, ни отопления. Переселенцы все делали сами за свои деньги. В начале 2000-х совхоз «Плесский» развалился, его имущество раскупили разные собственники и несколько раз уже перепродали. Теперь жители бывшего совхозного общежития не могут получить свои квартиры в собственность и рискуют их потерять, если у них «объявится» новый хозяин. Сельская администрация не сообщает, кто им является, квартиросъемщики могут остаться вообще без жилья, да и затраты на ремонт и благоустройство аварийного здания им уже никто не вернет. Похожая ситуация во всех окрестных селах, так как ни одного действующего совхоза не осталось, а кому теперь принадлежит их имущество, обыкновенным жителям не известно.

«ПОЧЕМУ МЫ ДРУГ ДРУГА НЕ ЛЮБИМ?»

Самым трудным был вопрос: «Почему мы друг друга не любим?»

Он возник, когда мы стали собирать мнения окрестных жителей и своих родственников о причинах конфликтов приезжих с местным населением. На территории наших сел не было массовых драк на национальной почве. Но мы с удивлением обнаружили, что переезд на постоянное жительство в наши села людей из других регионов и стран одобряют меньше половины опрошенных жителей. Значит, можно допустить, что такие конфликты могут возникнуть у нас в близком будущем.

Вот какие причины недовольства друг другом нам высказывали:

— Переселенцы утверждают, что им просто завидуют, что они смогли за короткий срок устроиться на новом месте. Особенно раздражали те, кто в 1990-е годы стал заниматься бизнесом. Местные жители упрекали их в том, что нельзя было разбогатеть честным трудом. А новые бизнесмены доказывали, что они были вынуждены выживать и работать больше, а получилось, как в поговорке: «сытый голодного не разумеет».

— Переселенцев удивляло, что местное население пьет без меры, работать не особенно желает (особенно во времена совхозов) и довольствуется маленькой зарплатой. Когда они пытались устроиться на несколько работ (им нужны были деньги на обустройство на новом месте), они оказывались «белыми воронами», а те, кто работал больше других, вызывал злость у нежелающих работать.

— Местные власти неуважительно относились к переселенцам, шантажируя их тем, что им «некуда теперь деваться, придется жить по установленным правилам» (сами эти «правила» часто нарушали их гражданские права).

— Местные жители, наслушавшись и посмотревшись СМИ, считают приезжих потенциальными террористами и распространителями наркотиков (на вопрос, с чего они это взяли, мы вразумительных ответов не получали).

— Самый распространенный ответ местных жителей: «Пусть едут, откуда приехали, нечего им тут делать, эта земля наша». Мы напоминали, что им под жилье отдавали ветхий жилой фонд, никому до них не нужный, и работу они ни у кого не отбирали, но нас уверяли, что в силу возраста, мы «ничего в жизни не понимаем».

— У нас сложилось такое впечатление, что местные жители считают всех приезжих людьми «низшего сорта», просто потому что они другой национальности. Хотя должно-то быть по-другому в многонациональном государстве.

— Среди наших родственников и знакомых есть много людей, которые считают, что раз в бывших республиках СССР плохо относились к русским после 1991 года, то и мы должны к приезжим плохо относиться. Хотя мы объясняли, что приезжие — русскоговорящие семьи смешанных национальностей и сами уехали, потому что пострадали от национальной розни, наши опрашиваемые оставались при своем мнении.

Мы спрашивали, что удивило, что было неприятно приезжим на новом месте жительства? Получили интересные ответы, которые можно объединить в следующие группы: 1) многие отмечали массовое пьянство (особенно удивлял женский алкоголизм) в селах и массовое нежелание работать, даже при наличии свободных мест; 2) многие переехали из благоустроенных городских квартир, сельский быт показался им и убогим и неприятно тяжелым, они считали, что жизнь в селе в конце XX века должна быть более благоустроенной; 3) до сих пор местные жители приезжих называют обидным словом «чурки», хотя среди них есть русские, украинцы, белорусы. Даже среди наших учеников есть те, кто предпочитает не дружить с детьми из семей переселенцев. Мы уверены, что это — следствие семейного воспитания; 4) приезжим пришлось переходить на новый рацион питания: меньше овощей и фруктов, другое мясо, другие виды блюд, отсутствие разнообразия специй в магазинах; 5) многие приехали из областей с теплым климатом. У нас учились дети, которые первый раз видели снег и лыжи. Дети и взрослые часто болели от непривычного им климата; 6) многие приезжие отмечали, что местные жители сами не стремились рассказывать о своих обычаях и традициях и чужими не интересовались, то есть возникло своеобразное отторжение, которое воспринималось морально тяжело.

На интернет-портале государственных и муниципальных услуг Пензенской области мы нашли следующее определение: «Вынужденный переселенец — гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования...» Среди переселенцев, нами опрошенных, под это определение подходили многие, но в 1990-е и последующие годы никто из них соответствующего статуса так и не получил и положенной помощи от государства тоже. По нашему мнению, это во многом связано с тем, что у них нет доверия к государственным и негосударственным организациям, они не привыкли получать помощь в защите своих прав, привыкли самостоятельно «учиться жить в новых условиях».

Познакомившись с судьбами семей, вынужденных уехать из бывших республик СССР в 1990-е годы, мы сделали выводы:

- 1) государственные службы на местах их нового жительства не оказали им необходимой помощи в полной мере;
- 2) государственные служащие пользовались стесненным положением переезжавших и прямо нарушали их права, вымогая взятки, предоставляя под жилье ветхие здания или здания без нормальных условий для проживания;
- 3) многие переселенцы потеряли высокооплачиваемую работу и были вынуждены работать не по специальности и жить на меньший доход, уровень их жизни резко снизился, а государственные структуры многим в помощи отказали (долго оформляли пособия и пенсии, затягивали выплаты без объяснимых законных причин);
- 4) у многих были проблемы с получением гражданства (у них требовали незаконно установленные суммы денег за оформление документов);

5) часть местного населения негативно воспринимает переселенцев, что может стать причиной массовых конфликтов на национальной почве на нашей территории;

6) местные СМИ молчат о проблемах переселившихся на нашу территорию жителей бывших советских республик, ставших сегодня независимыми государствами, поэтому переселенцы не чувствуют внимания к своим проблемам со стороны общества.

Мы решили, что до сих пор народы, живущие на территории нашего района, мало что знают о традициях и укладе жизни своих соседей, а главное — не хотят знать. Может быть, отсюда и происходит неуважение друг к другу, нежелание понимать чужие взгляды.

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» проводится Международным обществом «Мемориал» при поддержке Союза краеведов России, Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева и Кафедры региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета с 1999 года.

В жюри конкурса входят известные российские ученые, писатели, общественные деятели. Все эти годы, с момента основания конкурса, бессменным председателем жюри был выдающийся историк, краевед, действительный член Российской академии образования Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013).

С сентября 2013 года председателем жюри конкурса является писательница Людмила Улицкая.

Цель конкурса — способствовать сохранению исторической памяти и сближению поколений. Его задача — привлечь школьников к изучению российской повседневности, региональной и семейной истории.

Молодые люди находят темы и материалы для своих работ, записывая рассказы о прошлом, работая в региональных архивах и школьных музеях, изучая семейные фотографии и документы.

Работу школьников направляют педагоги — учителя школ, руководители краеведческих и исторических кружков.

За четырнадцать лет существования конкурса в архиве Международного «Мемориала» собрано более 33 тысяч исторических работ. Около трети из них пришло из региональных центров. Остальные — из малых городов и деревень.

Лучшие работы прошедших исторических конкурсов опубликованы в тринадцати сборниках на русском языке. Это «Человек в истории. Россия — XX век» (2000, 2001, 2002, 2003), «Быть чеченцем: Мир и война глазами школьников» (2004), «Цена победы: Российские школьники о войне» (2005), «Время местное, прошедшее» (2006), «Мы все с одной деревни: Школьники села Новый Курлак Воронежской области о судьбах своих земляков» (2006), «Полустертые следы: Российские школьники о еврейских судьбах» (2006), «Как наших дедов забирали: Российские школьники о терроре 30-х годов» (2007), «Круг семьи и колесо истории: Российские школьники о судьбах своих семей» (2008), «Пути

следования: Российские школьники о миграциях, эвакуациях и депортациях XX века» (2011), «Вверх по реке времени: Российские школьники об истории XX века» (2012).

На немецком языке был издан сборник лучших работ нашего конкурса «Russlands Gedächtnis. Jugendliche entdecken vergessene Lebensgeschichten» («Память России. Молодые открывают забытые страницы биографий», издательство Edition-Koerber-Stiftung, 2004). В том же издательстве в 2006 году вышел сборник «Unruhige Zeiten» («Смутные времена»), включающий работы российских и немецких школьников, победителей конкурсов «Человек в истории. Россия — XX век» и аналогичного немецкого конкурса. Сборник «Быть чеченцем» переведен на немецкий («Zu wissen, dass du noch lebst», издательство «Aufbau», 2007), норвежский («Åvære tsjetsjener Vitnesbyrd fra krigens barn», издательство «Humanist forlag», 2006) и итальянский («La Cecenia dei bambini. I giovani raccontano la tragedia del Caucaso», издательство «Einaudi», 2007) языки.

Конкурс проводится при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонда Фридриха Науманна за свободу» (Германия) в Российской Федерации, Фонда Кёрбера (ФРГ)

С 2001 года конкурс входит в сеть европейских исторических конкурсов Eustory.

САЙТ «УРОКИ ИСТОРИИ»

В мае 2009 года был открыт сайт «Уроки истории» (www.urokiistorii.ru). Это консультационный и методический портал для подготовки исторических исследований, дискуссионная площадка для обсуждения проблем отечественной истории. Сайт освещает актуальные события, касающиеся современного состояния культуры памяти и исторической политики, развития исследований истории XX века.

На сайте размещены сборники работ участников конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», информация о российских и международных конкурсах, выставках, аннотации учебников, книг и научных статей, рецензии на фильмы, теле- и радиопередачи, затрагивающие историческую тематику.

Жюри конкурса «Человек в истории. Россия — XX век»

Сигурд Оттович Шмидт

председатель жюри, академик Российской академии образования, почетный председатель Союза краеведов России, Москва

Даниил Александрович Гранин

писатель, Санкт-Петербург

Александр Юльевич Даниэль

директор программы «История инакомыслия в СССР» Международного «Мемориала», Москва

Сергей Аркадьевич Иванов

доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ, Москва

Ирина Владимировна Карацуба

историк, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

Александр Валерьевич Кобак

исполнительный директор Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачева, Санкт-Петербург

Владимир Фотиевич Козлов

заведующий кафедрой региональной истории и краеведения РГГУ, председатель Союза краеведов России, Москва

Ксения Андреевна Ларина

журналист, обозреватель радиостанции «Эхо Москвы», Москва

Мария Александровна Липман

главный редактор журнала Pro et Contra, Московский центр Карнеги, Москва

Александр Давидович Марголис

генеральный директор Международного благотворительного фонда спасения Петербурга–Ленинграда, Санкт-Петербург

Арсений Борисович Рогинский

председатель правления Международного «Мемориала», Москва

Никита Павлович Соколов

шеф-редактор журнала «Отечественные записки», Москва

Ирина Лазаревна Щербакова

председатель Оргкомитета конкурса, Москва

Ирина Евгеньевна Ясина

вице-президент Фонда «Либеральная миссия», Москва

по крупицам
российские школьники об истории XX века

Редактор Ирина Щербакова
Корректор Елена Елочкина
Верстка Тамара Донскова
Производство Семен Дымант

Международное общество «Мемориал»
127051, Москва
Малый Каретный переулок, 12
Телефон (495) 650 7883
e-mail konkurs@memo.ru
www.konkurs.memo.ru

Новое издательство
119017, Москва
Пятницкая улица, 41
Телефон (495) 951 6050
e-mail info@novizdat.ru

Подписано в печать 19 ноября 2013 года
Формат 60×90 1/16
Гарнитуры Charter, FranklinGothicBook
Объем 21,75 условных печатных листов
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 1000 экземпляров
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография Момент»
141406, Московская область
Химки, Библиотечная улица, дом 11